

801-14
283

ВОСПОМИНАНІЕ

О ПОЪЗДКЪ

въ Константинополь, Каиръ и Іерусалимъ

въ 1887 году

А. КОПТЕВА.

Издано въ пользу Православнаго Палестинскаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.
1888.

ВОСПОМИНАНІЕ

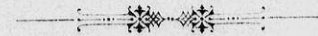
О ПОѢЗДѢ

въ Константинополь, Каиръ и Іерусалимъ

въ 1887 году

А. КОПТЕВА.

Издано въ пользу Православнаго Палестинскаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1888.

Въ мартъ прошлаго 1887 г., отправляясь изъ Одессы черезъ Константинополь, Александрію и Каиръ въ Яффу и Іерусалимъ, чтобы поклониться Св. Гробу Господню и Гробу Богоматери и посѣтить ближайшія мѣста къ Святому Граду, ознаменованныя жизнью Спасителя, я не имѣлъ въ виду въ послѣдствіи напечатать воспомина- нія объ этомъ путешествіи. Но, ведя во время путеше- ствія дневникъ, я все-таки рѣшился, по возвраще- ніи моемъ изъ странствованія, приступить къ изданію моихъ воспоминаній объ этомъ интересномъ путешествіи. Я—не писатель, и прошу у читающей публики снисхожде- нія къ моему, можетъ быть, не всегда литературно- изложенному описанію.

Если кому-нибудь, предпринимающему путешествіе въ Іерусалимъ, мое описаніе послужитъ нѣкотораго рода путеводителемъ, то я буду очень счастливъ, что трудъ мой не пропалъ даромъ.

Въ заключеніе прошу читающую публику вѣрить, что все изложенное въ моихъ воспоминаніяхъ—хотя, мо- жетъ быть, изложено и неинтересно, но зато вѣрно, справедливо и безпристрастно.

26407-0

2011138531

ГЛАВА I.

Отъездъ изъ Одессы. — Прибытіе въ Константинополь. — Историческій очеркъ Константинополя и осмотръ нѣкоторыхъ его достопримѣчательностей.

1887 года марта 28 дня, въ вербную субботу, пароходъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли «Корниловъ», въ 4 часа послѣ полудня снялся съ якоря, держа путь на Константинополь. Пассажировъ во всѣхъ классахъ было очень мало; въ 1 классѣ всего 5 человекъ: я, мой дорогой спутникъ до самаго Іерусалима — Ф. Е. Б...въ, чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Д. К. С.....скій, еще двое мужчинъ и одна интересная англичанка. Такъ какъ пассажировъ было въ мужскомъ отдѣленіи всего пять человекъ, то мы весьма удобно размѣстились на пароходѣ, имѣя каждый для себя отдѣльную каюту. Необходимо замѣтить, что пароходъ «Корниловъ» — хотя пароходъ старый, но содержится отлично, имѣя высокую общую залу и спальныя каюты помѣстительныя, весьма высокія и содержащія много воздуха, что для продолжительнаго плаванія существенно важно.

Переходъ отъ Одессы до Константинополя сдѣлали благополучно. Погода все время стояла довольно свѣжая, при сѣверо-восточномъ рѣзкомъ вѣтрѣ, и скорѣе

напоминала октябрь, нежели конецъ марта. Даже неизбежные спутники всякаго парохода—дельфины, и тѣ не показывались изъ воды, лишая насъ удовольствія любоваться ихъ изворотливостью и перекидываніемъ съ волны на волну.

29 марта, въ 5 часовъ утра, мы входили въ Босфоръ между выстроенными на скалахъ маяками, называемыми на мѣстномъ языкѣ фаналами, которые расположены одинъ на азиатскомъ берегу, а другой—на европейскомъ. Чтобы вполне любоваться прелестными картинами Босфора, всѣ пассажиры вышли на палубу и начали передавать другъ другу свои впечатлѣнія относительно красоты этой мѣстности. Холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, пасмурное небо съ небольшимъ по временамъ дождемъ и еще довольно голыя, нераспустившіяся деревья, — все это, вмѣстѣ взятое, значительно ослабило то впечатлѣніе, которое, какъ мы ожидали, произведутъ на насъ воспѣтыя многими прелесть и очарованіе Босфора. Одна изъ лучшихъ мѣстностей на Босфорѣ, это та часть, гдѣ расположены виллы посольствъ: русскаго, англійскаго и итальянскаго. Въ особенности мѣстность, гдѣ стоитъ домъ русскаго посольства, называемая Буюкъ-дере, значительно отличается отъ другихъ своимъ роскошнымъ и обширнымъ садомъ съ вѣковыми платанами, кипарисами и фиговыми деревьями, расположенными по скату горы крутыми террасами. Всѣ постройки, какъ посольскихъ дворцовъ, такъ и частныхъ домовъ, большею частью деревянныя, незатѣйливой архитектуры. Частныя постройки содержатся довольно грязно, хотя въ общемъ издали представляютъ довольно живописную картину.

Императорскіе дворцы на Босфорѣ расположены уже при самомъ входѣ въ столицу калифовъ, а именно:

на правой, европейской сторонѣ—Тегеранъ и Дольма-Багче и на лѣвой, азиатской сторонѣ, въ Скутари—дворецъ Белербей. На среднемъ пути Босфора, на азиатской сторонѣ, возвышается небольшой кіоскъ «на Сладкихъ водахъ». Кіоскъ этотъ весьма изящный по своимъ архитектурнымъ украшеніямъ, но въ запущеніи и содержится неопрятно.

Идя по Босфору и приближаясь къ самому Константинополю, масса куполовъ съ минаретами и цѣлый лѣсъ мачтъ на рейдѣ стоящихъ судовъ показывали уже близость центральнаго положенія города, а галатская старинная башня, бывшая зрительницею въ разное время кровавыхъ приключеній и судебъ этого всесвѣтнаго города, какъ бы служила маякомъ для нашего пути. Наконецъ въ 6½ ч. утра мы бросили якорь противъ Топханіе, имѣя передъ глазами чудную картину: Босфоръ съ Золотымъ Рогомъ, вдали Мраморное море съ Принцевыми островами; на азиатскомъ берегу—Скутари, съ постройками, расположенными амфитеатромъ, и прямо передъ глазами—Стамбульскій мысъ съ султанскимъ стариннымъ дворцомъ, окруженнымъ кипарисами, и съ грудю нагроможденныхъ строеній. Величественная св. Софія какъ бы господствуетъ надъ всѣми этими строеніями и построенные по угламъ этого чуднаго, величественнаго храма минареты служатъ какъ бы въ укоръ православнымъ христіанамъ, что они до сихъ поръ еще не удостоились возносить свои молитвы въ этомъ древнемъ священномъ храмѣ.

Длина Босфора до 23½ вер., а ширина—отъ 360 до 600 футь (858 саж.).

Приведя свой туалетъ въ порядокъ и напившись кофе, я, съ однимъ изъ нашихъ пассажировъ, отправился на берегъ, въ домъ русскаго посольства, къ хорошему нашему знакомому, секретарю посольства

А. А. С.....ву, чтобы заручиться его добрыми совѣтами для осмотра достопримѣчательностей Константинополя. Какъ водится, у русскаго человѣка встрѣтили самый радушный пріемъ, и за стаканомъ чая началась бесѣда прежде всего о нашемъ дорогомъ отечествѣ, а потомъ уже о достопримѣчательностяхъ Цареграда. Г. С....въ указалъ намъ на одного русскаго, проживающаго въ Константинополѣ, знающаго языки турецкій и греческій, хорошо знакомаго съ топографіей и мѣстными обычаями мусульманъ.

Но прежде нежели приступить къ осмотру достопримѣчательностей Константинополя, бросимъ бѣглый взглядъ на его прошлое, заимствованное мною изъ сочиненія архимандрита Антонія: «Путеводитель по Константинополю».

За нѣсколько столѣтій до Рождества Христова, гдѣ теперь стоитъ Константинополь, возникла греческая колонія «Византія». Основателемъ ея былъ нѣкто Византъ. Колонія эта, благодаря своему выгодному положенію, шла быстрыми шагами по пути процвѣтанія. Въ періодъ отъ основанія колоніи «Византія» до IV вѣка по Р. Х., колонія эта испытывала много превратностей, и только со вступленіемъ на престолъ Константина Великаго она сдѣлалась центромъ просвѣщенія и славы подъ покровительствомъ св. Креста.

Въ 315 году по Р. Х. единоподержавный владыка Римской Имперіи, Константинъ Великій, перенесъ свою столицу изъ Рима въ Византію, такъ какъ Римъ постоянными междоусобицами и страшно-кровавыми сценами въ циркахъ, растерзывая христіанъ для потѣхи и забавы языческихъ римлянъ, приводилъ въ ужасъ и негодованіе благочестивую душу Великаго Константина. Извѣстное въ исторіи знаменательное

видѣніе Константиномъ Великимъ знаменія св. Креста на небѣ и съ надписью: «*симъ побѣдшиа*», имѣло громадное вліяніе не только на римскую исторію, но, можно сказать, и на исторію всего міра. Тогда Константинъ, будучи еще языческимъ первосвященникомъ, принялъ крестъ на своемъ знамени. Вначалѣ Константинъ, былъ далекъ отъ христіанства, держался язычества и былъ даже верховнымъ языческимъ жрецомъ. Имѣя въ виду свои мірскіе планы, Константинъ оказывалъ терпимость и даже благосклонность къ новой вѣрѣ, тѣмъ болѣе, что сама мать императора Елена и многія придворныя женщины были воодушевлены и расположены къ христіанству. Христіанскіе духовные умѣли посредствомъ женщинъ вліять и на мужчинъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что перенесеніемъ своей столицы изъ Рима въ Константинополь (Византію) Константинъ установилъ христіанство господствующею религіею. По другимъ же сказаніямъ, Константинъ не возводилъ христіанства въ господствующую религію, какъ несправедливо думаютъ, но покровительствовалъ христіанамъ и ихъ религіи, не оскорбляя язычества. Съ мастерскимъ искусствомъ сѣумѣлъ онъ привлечь къ себѣ послѣдователей новой вѣры и удерживать ихъ подъ своею властію. Догматическіе споры, которые возникали между христіанами тотчасъ по прекращеніи гоненій на христіанство, не мало способствовали успѣхамъ цѣлей императора. Діаконы и пресвитеры, а болѣе всего епископы спорили между собою и преслѣдовали другъ друга съ особенною злобою и ожесточеніемъ. Желая установить спокойствіе въ государствѣ, Константинъ собралъ первый вселенскій соборъ въ Никее (325 г.) и руководилъ имъ, какъ отъ Бога внѣ церкви поставленный верхов-

ный епископъ. Никто изъ вѣрующихъ не дерзалъ противиться его волѣ.

По историческимъ источникамъ 330-й годъ по Р. Х. считается годомъ основанія Константинополя. Въ этомъ году 11 мая послѣдовало освященіе города, и въ этотъ именно день Византія получила названіе: «Константинополь». Во все свое царствованіе, Константинъ Великій производилъ колоссальныя постройки, украшая новый городъ всевозможными средствами. Константинъ Великій давалъ всѣ льготы тѣмъ дѣятелямъ, которые содѣйствовали украшенію и процвѣтанію новой столицы. Такъ, былъ изданъ законъ, которымъ освобождались отъ всякихъ государственныхъ повинностей: архитекторы, живописцы, ваятели, каменщики, плотники и вообще всѣ мастера и ремесленники.

Для увеличенія народонаселенія новой столицы, какъ Константинъ Великій, такъ и ближайшіе его преемники давали разныя льготы и привилегіи новымъ поселенцамъ, чтобы жители переселялись не только изъ ближайшихъ мѣстностей, но даже и изъ древняго Рима.

Константинъ Великій употреблялъ все стараніе, чтобы вновь-созданная имъ столица — *новый Римъ*, какъ онъ называлъ ее — ни въ чемъ не уступала *старому Риму*. Для украшенія и внѣшняго благолѣпія новой столицы, а равно для украшенія и благолѣпія вновь создаваемыхъ храмовъ Божіихъ, Константинъ Великій перевозилъ изъ разныхъ городовъ своей имперіи достопримѣчательности, которыми были украшены храмы. Такъ, Аѣины, Коринѣ, Ефесъ и другіе города доставляли свои богатства въ новую столицу. Не только предметы внѣшняго украшенія, но даже предметы священные, какъ-то: мощи и святыя иконы, перевозились въ новый Римъ. Къ сожалѣнію, Константинъ

мало находилъ для себя отрады въ томъ самодержавіи, которое давалъ чувствовать своимъ подданнымъ, часто съ признаками деспотизма. Семейная жизнь въ его собственномъ домѣ была въ разстройствѣ. Но Константинъ все откладывалъ крещеніе до той минуты, когда уже приближалась къ нему смерть (337 г.). За великія услуги христіанству Константина нарекли Великимъ и Равноапостольнымъ.

Послѣ Константина еще въ теченіе болѣе 50 лѣтъ продолжалось это перенесеніе драгоценныхъ предметовъ по части искусствъ, археологіи и даже религіи изъ древнихъ эллинскихъ городовъ въ Константинополь, пока, наконецъ, императоръ Юліанъ, прозванный христіанами *Apostata*, т.-е. «отступникъ», не издалъ законъ, которымъ строго воспрещалось вывозить предметы искусствъ изъ одной провинціи въ другую. Но этотъ законъ существовалъ недолго, и послѣдующіе императоры, Юстиніанъ и въ особенности Константинъ III, перевозили изъ древняго Рима въ новый множество статуй мраморныхъ и мѣдныхъ, которыми были украшены храмы и площади.

Устроенная Константиномъ Великимъ Византійская имперія процвѣтала въ теченіе восьми столѣтій и съ начала XII столѣтія начала клониться къ упадку и разоренію. Со смертію Мануила Комнена, начались смуты и раздоры между его наслѣдниками. Раздоры эти продолжались до начала XIII столѣтія и кончились тѣмъ, что крестоносцы, собравшіеся въ Венеціи для четвертаго крестоваго похода, вмѣсто того, чтобы идти въ Палестину для освобожденія св. гроба Господня, завладѣли Византійскою имперіею, съ цѣлью возвести на престолъ царевича Алексѣя, изъ дома *Ангеловъ*; династія эта водворилась послѣ династіи Комненовъ.

Царевичъ Алексѣй, для того, чтобы укрѣпиться на византійскомъ престолѣ, заключилъ самыя постыдныя условія съ крестоносцами — «подчинить всю *Романію* Риму» въ церковномъ отношеніи и, кромѣ того, обѣщалъ крестоносцамъ большое денежное вознагражденіе.

Крестоносцы раздѣлили Византійскую имперію между собою на феодальныя владѣнія, и императоромъ былъ провозглашенъ Балдуинъ.

Но не вся Византійская имперія была въ рукахъ новыхъ пришельцевъ; въ рукахъ греческихъ владѣтелей остались еще нѣкоторыя провинціи, изъ которыхъ образовались государства: Трапезундъ, Эпиръ и Никея. Михаилъ Палеологъ владѣлецъ Никеи, сдѣлавшись родоначальникомъ новой и послѣдней византійской династіи, съ помощью генуэзцевъ, изгналъ изъ Константинополя пришельцевъ и восстановилъ опять Византійскую имперію, которая при его преемникахъ опять начала постепенно клониться къ упадку и въ началѣ XIV столѣтія была уже вассальнымъ государствомъ османскихъ, или оттоманскихъ, турокъ, султанамъ которыхъ византійскіе императоры стали платить ежегодную дань. Магометъ II рѣшилъ овладѣть Константинополемъ и окончательно уничтожить эту имперію. Въ это время въ Византіи царствовалъ Константинъ XI Палеологъ, который обращался за помощью къ западнымъ государямъ и къ могущественному въ то время въ Римѣ папѣ Николаю V, но вездѣ получалъ отказъ. Недолго столица Византійской имперіи могла выдержать осаду противъ нашествія оттоманскихъ многочисленныхъ полчищъ, такъ какъ все населеніе столицы составляло до 500.000 душъ, а собственно войска было не болѣе десяти тысячъ человѣкъ. Въ 1453 году, въ апрѣлѣ,

Магометъ началъ правильную осаду Константинополя одновременно съ суши и съ моря. Но такъ какъ входъ въ гавань Золотого Рога былъ загроможденъ, то Магометъ велѣлъ перетаскать суда въ гавань сухимъ путемъ по доскамъ, смазаннымъ саломъ. Императоръ Константинъ XI показывалъ примѣръ храбрости и бился въ передовыхъ рядахъ. 28 мая Константинъ пріобщился св. таинъ, предвидя отчаянный натискъ турецкихъ полчищъ, и дѣйствительно 29 мая произошли страшныя сцены кровопролитія: турки ворвались въ городъ, и Константинъ палъ въ отчаянной битвѣ, а съ нимъ рушилась и славная Византійская имперія. По приказанію Магомета II, тѣло Константина было отыскано подъ грудой павшихъ воиновъ и узнано по богатымъ, вышитымъ золотомъ, съ черными орлами, башмакамъ. Ему отрубили голову и сначала выставили ее на показъ народу, какъ трофей, на одной изъ колоннъ на многолюдной площади. Преданіе, впрочемъ, говоритъ, что потомъ Магометъ отдалъ голову Константина патриарху и приказалъ похоронить ее съ честью по обряду православной церкви, и что патриархъ, вложивъ ее въ серебряный ковчегъ, похоронилъ въ храмѣ св. Софіи подъ престоломъ¹⁾.

¹⁾ Это преданіе не можетъ быть справедливымъ потому, что болѣе вѣрные источники сообщаютъ слѣдующее объ обращеніи храма св. Софіи въ мечеть. По взятіи Константинополя, побѣдоносный завоеватель его Магометъ II направился прежде всего въ храмъ св. Софіи, куда въѣхалъ на лошади по трупамъ спасавшихся въ этомъ храмѣ христіанъ. Пораженный великолѣпіемъ храма, онъ тутъ же приказалъ мullahъ провозгласить поклоненіе исламу: это была первая мусульманская молитва въ знаменитомъ христіанскомъ храмѣ и была совершена въ алтарѣ на св. трапезѣ (престолѣ), куда вошелъ и самъ Магометъ. Затѣмъ, 1 июня 1453 г., въ пятницу, въ храмѣ св. Софіи совершено было первое религиозное служеніе по магометанскому обряду. Изъ этого обстоятельства слѣдуетъ заключить, что голова императора Константина никакъ не могла быть похоронена подъ престоломъ въ храмѣ св. Софіи.

По преданію, тѣло императора Константина XI похоронено было въ храмѣ св. Θεодосіи, что нынѣ мечеть «Гюль-джаміи», т.-е. Храмъ Розъ. Въ этой мечети, по особому фирману султана, допускаемому для осмотра турецкихъ мечетей указываютъ на гробницу послѣдняго византійскаго императора Константина XI. Въ 1832 г., послѣ перестройки храма, особымъ фирманомъ султана Махмуда II, который зналъ, чей это саркофагъ, гробъ этотъ удостоенъ высшаго почитанія: неугасаемой лампы. Арабская надпись на этой гробницѣ тоже указываетъ, что гробница принадлежитъ императору Константину XI.

Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ 1887 г. 29 мая исполнилось 434 года со дня паденія Византійской имперіи и взятія Константинополя турками.

Осмотръ достопримѣчательностей Константинополя мы начали съ храма св. Софіи.

Св. Софія стоитъ въ древнемъ «Стамбулѣ», на небольшой, довольно опрятной площади «Августеона», въ виду воротъ сераля «Бабъ-и-Хамаюнъ», которыя дали всей турецкой имперіи названіе «Высокой Порты». На этой же площади стоятъ: покрытый іероглифами древній египетскій обелискъ временъ Константина Великаго, сооруженный изъ цѣльнаго еивскаго гранита, вышиною до 60 футъ, и мѣдная колонна изъ трехъ исполинскихъ, перевитыхъ между собою, змѣй съ отрубленными головами. По преданію, головы этихъ змѣй отрублены самимъ Магометомъ II, немедленно по занятіи имъ Константинополя. Эта змѣиная колонна считается древнѣйшимъ въ мірѣ бронзовымъ памятникомъ.

Съ перваго взгляда, величественный храмъ св.

Софіи представляетъ громаду пристроенныхъ въ разное время зданій, какъ еще греческими императорами, такъ и султанами, для преобразования этого величественнаго храма въ мечеть. Только южная сторона его не застроена, и съ этой стороны видна вся грандіозность храма. Размѣръ этого храма до 50 саж. длины, 40 саж. ширины и слишкомъ 50 саж. высоты.

Постройка храма начата въ царствованіе императора Юстиніана, въ 532 году. По однимъ свѣдѣніямъ, постройка храма длилась въ продолженіе 16, а по другимъ—5 лѣтъ. Юстиніанъ не жалѣлъ средствъ на построеніе этого храма, которымъ хотѣлъ затмить славу храма Соломонова. Геніальная смѣлость постройки, пропорція всѣхъ частей, необыкновенная роскошь внутренняго убранства и легкость обширнаго купола (до 15 саж. въ поперечникѣ) сдѣлали это монументальное зданіе чудомъ техническаго искусства и религіозной мысли. Первоначальный куполь обрушился еще при Юстиніанѣ отъ землетрясенія, въ 559 г., и замѣненъ настоящимъ, который по своей легкости, плоскости и размѣру едва ли не превосходитъ всѣ куполы замѣчательнѣйшихъ храмовъ.

Входъ въ паперть или преддверіе храма—черезъ литыя мѣдныя двери. Это преддверіе храма было мѣстомъ кающихся и оглашенныхъ. Въ настоящее время въ этой части сохранились на потолкѣ кресты изъ мозаики, хотя и замазанные известкой, но настолько слабо, что просвѣчиваютъ черезъ эту известку. Въ прежнія времена здѣсь мозаика изображала императора Юстиніана, повергающагося передъ трономъ Спасителя, но въ настоящее время мозаика эта не существуетъ.

Изъ паперти, или преддверія храма, въ самый храмъ ведутъ трое мѣдныхъ дверей большихъ размѣ-

ровъ, съ явственно отлитыми изображеніями крестовъ и надписями: I. N. B. I. Наверху главныхъ входныхъ дверей—огромной величины мѣдный, золоченый карнизъ. Преданіе говоритъ, что въ этомъ карнизѣ погребена дочь императора Юстиніана. Подъ этимъ большимъ карнизомъ, надъ самыми дверьми, въ видѣ книги, мѣдная вызолоченная небольшая доска, на которой начертаны тексты изъ священнаго писанія и наверху изображенъ Духъ Святой въ видѣ голубя. Кромѣ того, на одной изъ боковыхъ выходныхъ мѣдныхъ дверей, кромѣ явственнаго изображенія крестовъ, остались отлитыя слова: «Архангелъ Михаилъ».

При входѣ въ самый храмъ—нынѣ, къ сожалѣнію, мечеть—турецкіе стражники прежде всего требуютъ плату и запрашиваютъ по 3 и по 4 франка съ человека, но, поторговавшись съ ними, дѣлается уступка, и обыкновенно платятъ по 2½ фр. съ особы. Кромѣ платы, требуется снятіе обуви, или надѣваніе особенныхъ башмаковъ, за которые надобно платить еще бакшишъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякій православный христіанинъ входитъ въ этотъ святой храмъ съ особеннымъ чувствомъ благоговѣнія и, войдя въ него, невольно сотворитъ крестное знаменіе.

Всякаго входящаго въ храмъ св. Софіи онъ поражаетъ и въ настоящее время своею грандіозностію, величіемъ и богатствомъ; это—идеаль художественной красоты и чудо архитектурнаго искусства. Дивный куполь этого храма, освѣщенный 32 окнами въ самомъ куполѣ, какъ бы виситъ въ пространствѣ и видѣнъ изъ самага отдаленнаго угла храма. Сто колоннъ храма (40 въ нижнемъ храмѣ и 60 на хорахъ), изъ драгоценныхъ породъ различныхъ цвѣтныхъ мраморовъ, составляютъ одно изъ главныхъ украшеній храма. На

плафонѣ и въ различныхъ мѣстахъ потолка, во множествѣ проглядываютъ изъ-подъ извести мозаическіе золотые кресты. При входѣ въ храмъ, прямо въ аркѣ, которая господствовала надъ алтаремъ, и теперь виденъ ликъ Спасителя, благословляющаго народъ.

Въ настоящее время храмъ содержится въ большой чистотѣ и опрятности. Весь полъ устланъ цыновками, а въ торжественные дни устилается богатыми коврами. Въ углубленіи бывшаго алтаря стоитъ каедрa съ Алькораномъ. На мѣстѣ бывшаго патриаршаго трона въ настоящее время устроено на возвышеніи мѣсто для калифа. Мѣсто это, или тронъ, имѣетъ форму восьмиугольника византійскаго стиля, закрытаго кругомъ вызолоченною рѣшеткою, поддерживаемою 8-ю колоннами изъ темнозеленаго мрамора и на куполѣ утверждено лучезарное золотое солнце. Къ задней сторонѣ этого трона примыкаетъ роскошный залъ для отдохновенія султана. Съ противоположной стороны отъ вышеописаннаго трона стоитъ мраморная каедрa, украшенная арабесками, на значительномъ возвышеніи, съ узкою лѣстницею. Съ этой каедрy, по вторникамъ и пятницамъ, раздаются поученія проповѣдниковъ.

Подъ куполомъ, на мѣстахъ, гдѣ, вѣроятно, были изображенія евангелистовъ, въ настоящее время изображены какіе-то безобразные драконы, а по столбамъ, на которыхъ утверждены арки, развѣшаны круглые щиты съ золотыми шифрами по зеленому полю, съ именами царствующихъ султановъ. По срединѣ мечети стоятъ два большіе подсвѣчника; до 120 великолѣпныхъ паникадилъ и нѣсколько тысячъ лампадъ (около 6000), съ привѣшанными къ нимъ сверху разноцвѣтными страусовыми яйцами, служатъ для освѣщенія мечети во время общественной молитвы. Въ праздни-

ные дни число свѣтильниковъ еще увеличивается. Кромѣ вышеупомянутыхъ украшеній, по стѣнамъ храма развѣшено еще много разныхъ щитовъ съ аллегорическими знаками и съ изреченіями изъ корана.

При Софійской мечети содержатся богоугодныя заведенія: госпиталь, школа и пріютъ. все на счетъ доходовъ съ мечети.

Очень жаль, что мнѣ не удалось быть на хорахъ этого величественнаго храма, такъ какъ шла ремонтровка его. На хорахъ, говорятъ, очень хорошо сохранилось мозаическое изображеніе Вознесенія и Сосшествія Св. Духа, а также можно разсмотрѣть надъ горнимъ мѣстомъ ликъ Богоматери, которая сидитъ на пурпурномъ тронѣ съ подлѣ-стоящимъ Спасителемъ.

Въ 1849 году. въ царствованіе султана Абдуль-Меджида, во время капитальной ремонтровки храма, по приказанію султана, были открыты четыре колоссальные шестикрылатые херувима и рядъ фигуръ пророковъ и апостоловъ. Абдуль-Меджидъ осматривалъ эти работы и сдѣлалъ замѣчательное распоряженіе: приказалъ закрасить мозаики какъ можно легче, чтобы всегда можно было стереть краску: «Кто знаетъ,— можетъ быть, преемникъ мой захочетъ совершенно ихъ открыть».

Полъ и стѣны храма сохранились въ первобытномъ видѣ: стѣны покрыты разноцвѣтными мраморами, яшмою и мозаиками, а полъ изъ цвѣтныхъ мраморовъ. Хоры въ куполѣ украшены перилами съ изображеніемъ орловъ и цвѣтовъ. Размѣры самаго храма, необыкновенная легкость купола, какъ бы висящаго на воздухѣ, вся геніальная смѣлость постройки, съ необыкновенною роскошью внутренняго убранства, сдѣлали это зданіе чудомъ техническаго искусства, на удивленіе грядущимъ поколѣніямъ до настоящаго времени.

Выходя изъ этого дивнаго святаго храма, каждый истинно-православный христіанинъ съ сокрушеннымъ сердцемъ оставляетъ это святое мѣсто, сожалѣя, что до настоящаго времени не раздается въ этомъ храмѣ хвалебная пѣснь истинному Богу, не приносится въ немъ безкровная жертва и не сіяетъ до сихъ поръ св. Крестъ вмѣсто луны.

По преданію, кромѣ величественной постройки со всѣми рѣдкими архитектурными украшениями, сохранившимися и до настоящаго времени, и внутреннее богатство его вполне соответствовало внѣшнему величію. Алтарь отдѣлялся невысокимъ иконостасомъ изъ чистаго серебра съ позолотою, укрѣпленнымъ въ 12-ти столбахъ тоже изъ чистаго серебра съ позолотою, гдѣ были иконы: Спасителя, Богородицы и апостоловъ. Св. престолъ, какъ прежде называлось—«трапеза», былъ сдѣланъ изъ золота, серебра, драгоценныхъ камней и покрытъ эмалью. Престолъ былъ окруженъ 4-мя серебряными вызолоченными колоннами съ превосходною чеканною работою и эмалью, на которыхъ былъ устроенъ пирамидальный покровъ (кувуклія) надъ престоломъ. Съ четырехъ сторонъ этой kuvuklii спускались четыре завѣсы, которыя отдерживались во время богослуженія. Завѣсы эти были изъ золотой парчи, по которой были вытканы св. иконы. Кувуклія эта, или покровъ надъ престоломъ, оканчивалась сверху золотымъ крестомъ изъ чистаго золота. Соответственно богатству св. престола или трапезы, вся утварь храма, всѣ облаченія и принадлежности при богослуженіи отличались необыкновенною роскошью и богатствомъ ¹⁾.

¹⁾ Эти свѣдѣнія заимствованы мною изъ сочиненія архимандрита Антонія: «Путеводитель по Константинополю».

Постройка храма св. Софіи составляла гордость императора Юстиниана, и послѣ освященія этого храма Юстинианъ съ гордостью сказалъ: «Я превзошелъ тебя, Соломонъ».

Для насъ, русскихъ, храмъ св. Софіи имѣетъ еще и то важное значеніе, что изъ этого св. храма возсіялъ первый спасительный лучъ христіанства на наше отечество, такъ какъ въ этомъ св. храмѣ послы Владимира Святого, пораженные величіемъ и торжественностью служенія, внимая божественной литургіи, были проникнуты до глубины души святостью и величіемъ этого служенія.

Необходимо еще замѣтить, что на мѣстѣ, гдѣ величественно возвышается въ настоящее время храмъ св. Софіи, въ царствованіе императора Константина Великаго, около 325 года, была построена церковь съ деревянною крышею, тоже во имя премудрости Божіей св. Софіи. Церковь эта сгорѣла во время возстанія, бывшаго по поводу изгнанія св. Іоанна Златоустаго, но не вся: алтарь остался невредимъ, причемъ было спасено и святительское кресло Златоуста, находящееся въ настоящее время въ патриаршей церкви въ Константинополь. При императорѣ Феодосіѣ церковь эта была возобновлена, но опять сгорѣла, и потомъ уже построенъ настоящій храмъ при Юстинианѣ.

Оставляя этотъ величественный храмъ, я на память купилъ нѣсколько камешковъ отъ осыпавшихся мозаикъ, которыя тутъ же, при выходѣ изъ храма, продаются сторожами мечети.

На берегу залива Золотой Рогъ, въ христіанскомъ участкѣ Стамбула, называемомъ «Фанаръ», находится довольно жалкое зданіе, называемое *Патріархія, или Великая Церковь*. Съ другой стороны, зда-

нія эти выходятъ въ узкую, грязную улицу, какъ большая часть улицъ въ Константинополь, со множествомъ разныхъ пристроекъ и надстроекъ.

Послѣ взятія Константинополя турками, патриархи были постепенно изгоняемы изъ великолѣпныхъ храмовъ, куда они переносили послѣ св. Софіи свой престолъ. Всѣ зданія Патриархіи довольно безобразны, исключая дома, въ которомъ живетъ патриархъ. Домъ этотъ деревянный, двухъ-этажный, съ небольшими цвѣтниками передъ домомъ.

Патриаршая церковь во имя св. Георгія скорѣе домовая, не очень большая, со стариннымъ иконостасомъ изъ чернаго дерева съ инкрустаціею и старинными образами греческаго писанія. Церковь украшена хорошими лампадами и паникадилами. Особенныя достопримѣчательности этого храма: образъ Богоматери, писанный евангелистомъ Лукою; часть столба, къ которому былъ привязанъ Спаситель въ темницѣ, и каеэдра св. Іоанна Златоустаго, вся изъ чернаго дерева съ рѣзьбою изъ слоновой кости; эта каеэдра и до настоящаго времени служитъ *Престоломъ Вселенскимъ*, какъ единственный залогъ славы древней царградской церкви. Эти святыни уцѣлѣли изъ бывшаго христіанскаго храма св. Софіи.

Осмотрѣвъ храмъ Патриархіи, мы пожелали представиться константинопольскому патриарху, который именуется патриархомъ вселенскимъ. Желаніе наше было исполнено: насъ ввели первоначально въ приемную залу, наполненную нѣсколькими духовными лицами и убранныю въ европейскомъ вкусѣ мягкими диванами и креслами, а на стѣнахъ развѣшаны портреты бывшихъ патриарховъ. Минутъ черезъ пять, насъ пригласили во второй этажъ, гдѣ мы были введены въ кабинетъ патриарха, убранный тоже мягкими

бархатными диванами и креслами. По срединѣ кабинета стоялъ мягкій круглый тамбуръ-диванъ, въ углу у окна — письменный столъ. Личность патриарха Діонисія несимпатична: средняго роста, съ грубыми чертами лица, типа турецко-арабскаго; лицо безъ особеннаго выраженія, скорѣе туповатое и потому нерасполагающее. Принявъ отъ него благословеніе, мы по приглашенію сѣли. Патриархъ говоритъ только по-гречески, а потому разговоръ начался на французскомъ языкѣ черезъ переводчика. Съ обычныхъ привѣтственныхъ фразъ разговоръ коснулся болгарскаго вопроса, и патриарху было передано желаніе всѣхъ русскихъ, чтобы обострившійся болгарскій вопросъ скорѣе окончился благополучно для пользы злосчастнаго болгарскаго народа, что вѣроятно и онъ, какъ глава восточной греческой церкви, въ своихъ молитвахъ будетъ просить милости Божіей о прекращеніи распри и объединеніи восточно-христіанскихъ народностей. Патриархъ отвѣчалъ, «что онъ всегда молится объ единеніи и счастіи всѣхъ православныхъ христіанъ». Признаться, этимъ послѣднимъ фразамъ мы не совсемъ довѣряли, такъ какъ патриархъ «Діонисій» скорѣе руссофобъ и болгарофобъ, нежели другъ всѣхъ славянъ.

Во время разговора подавали, по восточному обычаю, угощеніе: варенье съ водой, папиросы и восточный кофе.

Принявъ прощальное благословеніе патриарха, мы отправились далѣе, для осмотра достопримѣчательностей Константинополя.

Проѣзжая довольно узкими и грязными улицами по направленію константинопольской древней стѣны, мы приходили въ ужасъ отъ грязи и нечистоты, которую встрѣчали на улицахъ. Самыя улицы и пе-

реулки были до того узки, что два экипажа съ трудомъ могли разѣхаться, и притомъ съ такими выбоинами въ мостовой, что приходилось ѣхать шагомъ. Дома въ буквальномъ смыслѣ слова лѣпились одинъ къ другому, построенные изъ досокъ, съ однообразными во всѣхъ домахъ выступами, и окна на женской половинѣ покрыты мелкими изъ дранокъ рѣшетками и завѣшены занавѣсами. Стаи собакъ располагались на всѣхъ улицахъ какъ полные хозяева; иногда экипажъ долженъ былъ сворачивать, чтобы не раздавить это животное, которое не хотѣло покидать свое ложе на какой-нибудь кучѣ изъ отбросковъ зелени и разной дряни. Наконецъ мы выѣхали въ болѣе открытое мѣсто, и вдали на холмѣ, въ прекрасной рошѣ, показался небольшой храмъ — *Животнаго Источника Балуклы*. Преданіе объ этомъ источникѣ слѣдующее. — Императоръ Левъ Великій въ V вѣкѣ по Р. Х., еще будучи простымъ воиномъ, встрѣтилъ слѣпца, просившаго дать ему напитокъ воды. Левъ началъ искать воды, но напрасно, и, утомленный отъ поисковъ, возвращался уже къ слѣпцу, когда услышалъ голосъ изъ лѣсу: «Царь Левъ, войди въ лѣсъ и найдешь тамъ воду, которою исцѣлишь слѣпца и утолишь свою жажду. Кто Я, здѣсь живущая, ты скоро узнаешь; Я помогу тебѣ соорудить здѣсь храмъ во имя Мое, въ которомъ всѣ благочестивые, съ вѣрою ко мнѣ притекающіе, получаютъ исполненіе благихъ своихъ желаній и исцѣленіе отъ недуговъ». Царь Левъ исполнилъ все такъ, какъ ему было приказано, и, сдѣлавшись императоромъ, выстроилъ надъ источникомъ церковь въ честь Богоматери. Молва о чудесахъ этого источника быстро распространилась въ народѣ, и толпы народа стекались сюда для полученія исцѣленія.

Впослѣдствіи императоръ Юстиніанъ исцѣлился отъ тяжкой каменной болѣзни водою живоноснаго источника, и въ благодарность за это исцѣленіе построилъ на мѣстѣ прежняго новый великолѣпный храмъ, который черезъ два столѣтія былъ разрушенъ землетрясеніемъ.

Возстановленный послѣдующими императорами, храмъ былъ окончательно разрушенъ турками, при взятіи Константинополя и самый живоносный источникъ заваленъ грудой камней.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ паденія Константинополя, дозволено было турками построить надъ источникомъ небольшую часовню, въ которую спускались по ступенямъ. Часовня эта была разрушена янычарами во время греческаго возстанія въ 1826 году, и источникъ почти уже заглохъ; но продолжавшіяся исцѣленія отъ этого источника возобновили его прежнюю славу. Въ 1830 году константинопольскій патриархъ выхлопоталъ у султана позволеніе возстановить изъ развалинъ древнюю церковь, и въ настоящее время вмѣсто прежней большой построена небольшая церковь, на приношенія русскихъ и грековъ. Графиня Орлова-Чесменская пожертвовала на это 50.000 піастровъ.

Въ настоящее время храмъ Живоноснаго Источника въ два этажа: верхній соборный и нижній—надъ самымъ источникомъ—весьма небольшой.

Благодатная, цѣлебная сила источника признается не только христіанами, но и турками; послѣдніе массами притекають къ источнику съ особеннымъ благоговѣніемъ, для полученія исцѣленія.

Замѣчательно, что за этимъ источникомъ съ давнихъ временъ, какъ у христіанъ, грековъ, такъ и у турокъ сохранилось турецкое названіе «Балуклы»,

т.-е.: источникъ рыбъ. Вѣроятно названіе «Балуклы» сохранилось въ народѣ отъ слѣдующаго легендарнаго преданія. Когда, послѣ долговременной осады, Константинополь былъ взятъ турками, дано было о томъ знать благочестивому старцу, жившему при живоносномъ источникѣ. «Тогда повѣрю этому, сказалъ старецъ, когда эти поджаренныя уже на сковородѣ рыбки оживутъ и очутятся въ живоносномъ источникѣ». И дѣйствительно рыбки ожили и унеслись въ живоносный источникъ, въ которомъ будто бы гуляютъ и до настоящаго времени не выростая.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ храма Живоносный Источникъ находится и *Влахернская часовня*, лѣтъ 15 тому назадъ построенная на мѣстѣ бывшаго древняго храма во имя Пресвятыя Богородицы Влахернскія. Часовня эта построена христіанскимъ обществомъ скорняковъ, которые собирають въ настоящее время капиталъ, чтобы на этомъ мѣстѣ воздвигнуть храмъ во имя Пресвятой Богородицы.

Происхожденіе слова «*Влахерна*» объясняютъ различно: одни говорятъ, что мѣстность эта, гдѣ стоялъ древній христіанскій храмъ, получила названіе отъ одного скиѳа *Влахерна*, убитаго на этомъ мѣстѣ; другіе—отъ извѣстнаго рода морской рыбы «*Лакерда*», во множествѣ ловащейся и по настоящее время въ Золотомъ Рогѣ, около этого мѣста.

Въ этой мѣстности во времена Византійской имперіи существовала знаменитая церковь во имя Пресвятой Богородицы Влахернской, съ цѣлебнымъ источникомъ. Крестоносцы, овладѣвъ Константинополемъ въ 1204 г., обратили эту церковь въ латинскую, которая сгорѣла за 20 лѣтъ до паденія Константинополя и болѣе уже не возобновлялась.

Церковь Влахернская для православныхъ христіанъ навсегда останется замѣчательною по слѣдующимъ событіямъ: 1) Здѣсь хранился «головной покровъ», родовуали Пресвятой Богородицы; еврейское названіе его — «мафора». Головной покровъ этотъ закрывалъ не только голову, но спускался и на плечи, почему и сохранилъ названіе «омофоръ». Этотъ священный омофоръ византійскіе императоры носили съ собою въ походахъ, въ видѣ знамени. Историческія сказанія такъ повѣствуютъ о головномъ покровѣ Богородицы: «На третій день послѣ погребенія Пресвятой Дѣвы, апостолы, по окончаніи трапезы, свыше услышали Ея голосъ: «Радуйтесь, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка». Это было увѣреніемъ для нихъ и всей Церкви, что Матерь Божія, подобно Сыну, въ третій день была воскрешена и взята тѣломъ на небо. Императрица греческая Пульхерія, не вѣрившая въ это воскрешеніе, писала Ювеналію, патриарху іерусалимскому, о томъ, чтобы вскрыть мѣсто погребенія и прислать къ ней мощи Богородицы. Ювеналій нашелъ въ гробницѣ только Ея облаченія, часть которыхъ и препроводилъ при посланіи, въ которомъ горько упрекалъ ее въ невѣріи. Императрица немедленно воздвигла храмъ во Влахернѣ, близъ Константинополя, гдѣ съ великимъ церемоніаломъ сложила присланную патриархомъ одежду для вѣчнаго поклоненія». 2) Во время осады Константинополя кievскими князьями: Аскольдомъ и Диромъ, въ 911 году, въ царствованіе Льва Мудраго, св. Андрей Христа ради юродивый, съ ученикомъ своимъ Епифаніемъ, находясь въ воскресный день во влахернскомъ храмѣ на всенощной службѣ, сподобились видѣть Божию Матерь, стоящую на воздухѣ, со множествомъ ангеловъ, пророковъ и апостоловъ и осѣняющую христіанъ честнымъ своимъ «омофоромъ».

3) Еще явленіе Пресвятой Богородицы во влахернской церкви въ образѣ царицы знаменовало построение главной великой церкви въ св. Кіевской-Печерской лаврѣ. Объ этомъ событіи въ «Житіи преподобнаго *Θеодосія*», игумена печерскаго, сообщено слѣдующее:

«Давно когда-то, въ царствѣ Греческомъ, въ самомъ Цареградѣ, во времена Антонія и *Θеодосія* печерскихъ, жили четыре мастера каменщика, которые исключительно занимались постройкою церковей. Разъ, въ одно раннее утро, когда они еще спали въ своихъ домахъ, въ одно и то же время пришли какіе-то благообразные юноши и сказали: «Васъ зоветъ Царица во Влахерну». Пришли они въ церковь, и дѣйствительно нашли тутъ Царицу, окруженную воинствомъ. Мастера благоговѣнно поклонились Ей, и Она имъ сказала: «Вотъ Я хочу построить церковь на Руси въ Кіевѣ; возьмите себѣ золота на три года и идите туда». «Къ кому же Ты, Госпоже Царица, насъ посылаешь?—вопросили мастера:—та сторона намъ совершенно неизвѣстна». «Я пошлю предъ вами предстоящихъ тутъ Антонія и *Θеодосія*», сказала Царица; «Антоній только благословитъ васъ на работу и самъ отойдетъ въ вѣчность, а *Θеодосій* скончается на другой годъ послѣ него. Ступайте же туда, Я вознагражу васъ такъ, какъ вы и вообразить не можете. Я сама приду въ эту церковь и буду жить въ ней». При этомъ Она дала мощи нѣкоторыхъ святыхъ мучениковъ, сказавши: «это положите въ основаніе церкви». «Какого же вида должна быть эта церковь и какой величины?» спросили мастера. Царица сказала: «для мѣрки я послала поясъ Сына Моего, по Его повелѣнію; теперь выйдите отсюда и посмотрите величество церкви». Взглянули они вверхъ, и дѣйствительно увидѣли въ воздухѣ величественную церковь. «Госпоже! въ чье

же имя будетъ эта церковь?» спросили опять рабочіе, обратившись къ Царицѣ. «Во имя мое: Богородицына будетъ эта церковь. Вотъ вамъ и икона, пусть будетъ она мѣстною». При этихъ словахъ, Царица подала мастерамъ небольшую икону Успенія Божіей Матери, ту самую, которая и теперь виситъ надъ царскими вратами въ великой церкви Кіево-Печерской лавры».

Кромѣ священнаго «омофора» Пресвятой Богородицы, во Влахернскомъ храмѣ былъ еще святой поясъ Богоматери, часть котораго въ настоящее время находится на Аѳонѣ, въ обители Ватопедской ¹⁾.

Изъ Влахернской часовни, вдоль Константинопольской стѣны мы проѣхали къ Адрианопольскимъ воротамъ, чтобы осмотрѣть мечеть Кахріе-джами, или обитель Хоры. Во времена византійцевъ, это была христианская обитель, во имя Христа Спасителя Жизнедавца. Название Хора мечеть получила, вѣроятно, потому, что находилась внѣ города—городскихъ стѣнъ. Хора въ переводѣ означаетъ: подгородная или загородная обитель. Обитель эта была однимъ изъ древнѣйшихъ храмовъ византійскихъ, которую украсилъ въ особенности императоръ Юстиніанъ.

Въ настоящее время этотъ храмъ замѣчательнѣе тѣмъ, что, несмотря на то, что обращенъ въ мечеть, въ немъ отлично сохранились нѣкоторыя мозаическія иконы. Такъ, при входѣ въ мечеть мозаическія иконы св. апостоловъ Петра и Павла открыты въ 1876 году, во время починки храма. Замѣчательно, что иконы эти не замазаны вновь известью, а къ нимъ придѣланъ родъ ставень, которыми они запираются во время магометанскаго богослуженія, чтобы не сму-

¹⁾ Всѣ подобныя свѣдѣнія заимствованы мною изъ сочиненія архимандрита Антонія: «Путеводитель по Константинополю».

щать благоговѣйнаго чувства магометанъ. Кромѣ того, въ одной части потолка отлично сохранилось изображеніе Успенія Божіей Матери, не закрытое известью.

Преданіе говоритъ, что изъ этого храма проведенъ подземный ходъ въ св. Софію, теперь закрытый.

Осматривая храмъ Живоноснаго Источника, Влахернскую часовню и мечеть Кахріе-джами, приходилось проѣзжать большое пространство по протяженію древней Константинопольской стѣны, а потому и позволяю себѣ сказать о ней нѣсколько словъ. Константинопольская древняя стѣна сохранилась въ настоящее время еще на большомъ протяженіи. Начинаясь въ Стамбулѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ стараго Галатскаго моста, она тянется на большое пространство, параллельно и во многихъ мѣстахъ въ виду Золотого Рога. Около стѣны, во многихъ мѣстахъ къ ней пристроились частныя ничтожныя дома, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ часть стѣны полуразрушена. Сохранилось нѣсколько воротъ и надъ одними даже сохранился щитъ Византійской имперіи. Въ одномъ мѣстѣ часть стѣны разобрана, и на это мѣсто указываютъ, что здѣсь будто-бы турки ворвались въ Константинополь.

Оканчивая объѣздъ Стамбула по протяженію Константинопольской стѣны, мы подѣхали къ знаменитому Семибашенному замку.

Замокъ этотъ — древнѣйшая крѣпость временъ процвѣтанія Византіи. Крѣпость небольшая и имѣла только 5 башенъ. Магометъ II, по взятіи Константинополя, обратилъ вниманіе на этотъ укрѣпленный пунктъ и пристроилъ еще двѣ башни. По взятіи Константинополя, Семибашенный замокъ служилъ

исключительно тюрьмою для болѣе знатныхъ преступниковъ, и въ него также заключались посланники иностранныхъ державъ, лишь только была объявлена война державами. Турціи или Турціей державамъ. Здѣсь были заключены и два нашихъ посла: Обрѣзовъ и Булгаковъ. Здѣсь же былъ задушенъ, послѣ кратковременнаго царствованія, 18-ти-лѣтній султанъ Османъ II.

Въ настоящее время Семибашенный замокъ въ полномъ пренебреженіи: башни и стѣны не ремонтируются; лѣстницы для входа на верхъ башенъ въ полномъ разрушеніи, и весьма трудно всходить по нимъ, чтобы любоваться видомъ на Константинополь. Прежде существовали въ Семибашенномъ замкѣ «Золотыя ворота», слѣды которыхъ еще и теперь существуютъ: два столба съ остаткомъ позолоты поддерживаютъ сводъ, подъ которымъ существовала латинская надпись, свидѣтельствующая о побѣдахъ Θεодосія Великаго. Этими воротами знаменитый Велизарій ввозилъ побѣдоносные трофеи и этими же воротами въѣхалъ Михаилъ Палеологъ, изгнавшій латинянь и утвердившій снова тронъ Константиновъ въ Цареградѣ. На этихъ же воротахъ Олегъ привозилъ щитъ новгородскій.

Изъ мечетей нами были осмотрѣны три:

- 1) Лазуревая мечеть, выложенная вся внутри изразцами прекраснаго лазуреваго цвѣта, съ особенною комнатою для отдохновенія султана послѣ молитвы.
- 2) Небольшая мечеть — усыпальница Махмеда II и всего его семейства. Эта послѣдняя мечеть небольшая, устлана коврами, съ золоченымъ потолкомъ, со множествомъ лампадъ и съ великолѣпными, по бархату вышитыми золотомъ, покрывами на гробницахъ. Кромѣ того, въ головахъ гробницъ поставлены фрески, которыя

носили султаны, съ аграфами, перьями и драгоценными камнями. Причину такого уединеннаго мѣстоупокоенія знаменитаго реформатора Турціи, какъ рассказываютъ, послужило слѣдующее обстоятельство: однажды Махмудъ II проѣзжалъ верхомъ черезъ это довольно пустынное мѣсто послѣ пожара, и у него вѣтромъ сорвало чалму. Махмудъ задумался и сказалъ: «видно мнѣ быть здѣсь погребеннымъ». Сынъ его Абдулъ-Меджидъ, услыхавъ о такомъ печальномъ словѣ своего отца, исполнилъ его волю и соорудилъ здѣсь для него великолѣпный «тюрбэ». Гробъ Махмуда II стоитъ по срединѣ, окруженный меньшими памятниками его близкихъ.

3) Мечеть Сулейманія, одна изъ красивѣйшихъ мечетей, представляетъ копию св. Софіи, но далеко уступаетъ ей по своему величію, роскоши и граціозности. Снаружи эта мечеть очень изящна, съ 6-ю окружающими ее минаретами и великолѣпными платанами и кипарисами.

Большая часть мечетей обложены внутри разными мраморами, устланы въ обыкновенное время циновками, а въ праздничные дни коврами, со множествомъ развѣшанныхъ лампадъ, страусовыхъ яицъ и перьевъ.

До взятія турками Константинополя, насчитывалось въ немъ христіанскихъ храмовъ, монастырей и молитвенныхъ домовъ болѣе 400. Многіе изъ этихъ храмовъ были разрушены при взятіи турками Константинополя; самые же лучшіе обращены въ мечети. Въ настоящее время въ Константинополѣ насчитывается до 350 мечетей.

Такъ какъ архитектура храма св. Софіи служила образцомъ для построенія и другихъ христіанскихъ храмовъ во времена Византійской имперіи, а по взятіи турками Константинополя постройка новыхъ ме-

четей производилась тоже по образцу прежнихъ христіанскихъ храмовъ, поэтому въ настоящее время всѣ мечети и кажутся построенными по образцу храма св. Софіи — съ легкимъ, плоскимъ куполомъ

Осмотрѣвъ мечети, мы остановились у невзрачнаго зданія *Музея Янычаръ*, который въ сущности не заслуживаетъ никакого вниманія. Въ грязномъ низенькомъ зданіи поставлены манекены, изображающіе янычаръ, въ различныхъ костюмахъ, соотвѣтствующихъ извѣстной эпохѣ. Всѣ фигуры сдѣланы отвратительно и одѣты въ грязные костюмы.

Быть въ Константинополѣ и не видѣть базары, — это непростительно, потому что эти базары составляютъ особенность, которая характеризуетъ все населеніе. Главные базары расположены въ Стамбулѣ. Это громадная площадь на нѣсколько верстъ, застроенная незатѣйливыми, маленькими, большею частію деревянными лавками, напоминающими во многомъ бывшій московскій Гостиный Дворъ. Этотъ лабиринтъ тысячи лавокъ сосредоточиваетъ въ себѣ торговлю Востока. Произведенія: Дамаска, Алеппо и Смирны, съ присовокупленіемъ произведеній Константинополя и острововъ, придаютъ здѣсь особую характерность этимъ базарамъ. Кромѣ купли и продажи, на базарахъ сообщаются всѣ новости, какъ мѣстные, такъ и политическія; неизмѣнныя кальяны и маленькая чашка чернаго кофе составляютъ особенную черту здѣшнихъ базаровъ. Проходы между лавками весьма узки, и при постоянномъ громадномъ стеченіи народа всевозможныхъ восточныхъ національностей, при безчисленномъ множествѣ снующихъ подъ ногами собакъ, при ужасно спертомъ и вонючемъ воздухѣ пребываніе на этихъ базарахъ продолжительное время невозможно. Притомъ, пріѣзжему безъ проводника по этимъ

базарамъ ходить не слѣдуетъ: масса разныхъ переходовъ, закоулковъ, выходовъ и мѣстнаго жителя сбиваютъ съ толку, пріѣзжій же непременно заблудится и очутится въ пренепріятномъ положеніи, не зная турецкаго или греческаго языковъ.

Относительно покупки на этихъ базарахъ, надобно замѣтить, что здѣсь, какъ и въ просвѣщенныхъ странахъ, купцы запрашиваютъ на 30 и 50% болѣе дѣйствительной продажной цѣны.

Осматривая базары, мы порядочно проголодались и рѣшили зайти завтракать въ національный восточный ресторанъ. Нашъ проводникъ, послѣ безчисленнаго множества различныхъ переходовъ, привелъ насъ въ центръ базара, въ небольшой ресторанъ, содержимый весьма опрятно армяниномъ. Здѣсь мы застали довольно много типическихъ представителей Востока, какъ въ разнообразныхъ національныхъ, такъ и въ европейскихъ костюмахъ, въ фескахъ на головахъ. Содержатель ресторана, армянинъ, немного говорилъ по-французски, что значительно облегчало исполненіе нашихъ желаній. Намъ подали: шашлыкъ (баряни кусочки, жареные на вертелѣ), пиллафъ, жаренаго барашка и компотъ; вино было подано мѣстное, весьма порядочное. Сервировка и столовое бѣлье весьма чистыя и цѣны умѣренныя.

Греческій музей — небольшое зданіе, наполненное греческими и египетскими древностями. Для археолога музей этотъ представляетъ несомнѣнный интересъ, но для насъ, не посвященныхъ въ таинства археологій, музей этотъ не представлялъ большого научнаго интереса и тѣмъ болѣе, что онъ содержится въ большемъ безпорядкѣ, а потому, осмотрѣвъ поверхностно разныя статуи, оружія, гробницы, въ одной изъ которыхъ лежитъ неинтересный скелетъ дочери фараона,

мы поторопились обратно на пароходъ, такъ какъ день склонялся уже къ вечеру.

На другой день пароходъ нашъ долженъ былъ отправляться въ дальнѣйшій путь къ Александри, а потому осмотръ остальныхъ достопримѣчательностей Константинополя, какъ-то: Принцевыхъ острововъ, императорскихъ дворцовъ и Золотого Рога, оставленъ мною до обратнаго возвращенія. Притомъ, погода со дня выхода изъ Одессы стояла бурная, съ холоднымъ вѣтромъ и небо было покрыто свинцовыми облаками.

Весна въ 1887-мъ году была необыкновенно поздняя, и до сихъ поръ даже здѣсь деревья еще не пускались, несмотря, что было уже 30 марта ст. ст.

Погода была до того холодная, что въ Константинополѣ ходили въ теплыхъ пальто и даже шубкахъ, а у насъ на пароходѣ въ каютъ-компаніи ежедневно топилась желѣзная печь. При такой погодѣ, съ отсутствіемъ зелени, и самый Константинополь не представлялся намъ въ той прелести, какъ это слѣдовало ожидать.

Во вторникъ 31 марта, утромъ, мы еще разъ отправились въ храмъ св. Софіи, чтобы всмотрѣться во всѣ красоты этого храма и подѣ впечатлѣніемъ дивнаго созданія рукъ человѣческихъ отправиться въ дальнѣйшій путь.

ГЛАВА II.

Отъ Константинополя черезъ островъ Сира до Александри.

Въ 5 часовъ пополудни 31-го марта, пароходъ былъ уже готовъ къ отходу; начали поднимать якорь, раздали свистки, винтъ зашумѣлъ, и мы тронулись въ дальнѣйшій, незнакомый для насъ путь. Прошли Золотой Рогъ, Серальскій мысъ; начала скрываться отъ нашихъ глазъ св. Софія; вдаль рисовался Семибашенный замокъ, а съ лѣвой стороны виднѣлись Принцевы острова. Вся эта картина была не особенно эффектна, такъ какъ небо было пасмурно, зелень на деревьяхъ едва показывалась и море было хотя небурное, но и не совсѣмъ спокойное. Черезъ часъ времени, вдаль прошли Санъ-Стефано, извѣстное всѣмъ намъ, русскимъ, съ 1878 года. Наконецъ всѣ городскія строенія начали сливаться въ туманныя очертанія; выдѣлялись еще нѣсколько рѣзче шпили минаретовъ и куполы мечетей, но мало-по-малу и эти предметы начали исчезать изъ глазъ и на горизонтѣ оставалась только синеватая полоса.

Пассажировъ на пароходѣ во всѣхъ классахъ было очень мало: причина тому та, что была Страст-

ная недѣля и никто изъ христіанъ не пускался въ путешествіе. Въ 1-мъ классѣ пассажировъ было: трое русскихъ и 1 англичанинъ; во 2-мъ классѣ не болѣе 3 пассажировъ и палубныхъ не болѣе 10 человѣкъ; слѣдовательно пароходная семья была небольшая.

Не успѣли войти въ Мраморное море, какъ знакомый уже намъ колокольчикъ приглашалъ насъ къ обѣду, и мы впятеромъ вмѣстѣ съ капитаномъ усѣлись за огромнымъ общимъ столомъ.

Пасмурное небо, моросившій дождикъ и небольшая зыбь пугали насъ, неопытныхъ мореходовъ, тѣмъ, что волненіе можетъ усилиться, но капитанъ положительно, заявивъ, что, по состоянію барометра, бури ожидать нельзя. Пробесѣдовавъ за обѣденнымъ столомъ до 8 часовъ, мы вышли всѣ на палубу, и, признаюсь, море показалось всѣмъ намъ далеко не привлекательнымъ: кругомъ темнота, небо покрыто тучами и не видно ни одной звѣздочки; волненіе хотя и не сильно, но пароходъ сильно покачивало съ одной стороны на другую, такъ что трудно было ходить по палубѣ; сѣверо-восточный неугомонный вѣтеръ пронизывалъ насъ сквозь, несмотря на ватное пальто. Одинъ изъ нашихъ пассажировъ имѣлъ на себѣ небольшую шубку, и, признаться, мы всѣ ему завидовали.

Въ день отъѣзда изъ Одессы погода стояла тоже пасмурная, съ сѣверовосточнымъ рѣзкимъ вѣтромъ и дождемъ. Провожавшіе насъ добрые знакомые завидовали нашему путешествію и увѣряли насъ, что на другой же день мы будемъ въ другой полосѣ, гдѣ, вѣроятно, погода не только весенняя, но даже лѣтняя. Въ дѣйствительности оказалось далеко не то: не только на другой день, а и на четвертый день, какъ мы въ морѣ, погода не только не измѣнялась къ лучшему, а по временамъ становилась хуже. Въ этомъ

случаѣ вполне примѣнима русская пословица: «славны бубны за горами».

Промерзнувъ порядкомъ на пронзительномъ вѣтру, мы спустились въ каютъ-компанію, гдѣ каминъ топился въ теченіе цѣлаго дня, не прерывая, отъ самой Одессы. Напившись чаю, мы разошлись по своимъ каютамъ въ надеждѣ, что завтра, вступая въ Архипелагъ, мы, можетъ быть, встрѣтимъ болѣе благопріятное теченіе и, наконецъ, войдемъ въ теплую полосу.

1-го апрѣля на разсвѣтѣ прошли *Галитолы*, не оставиваясь, и часовъ въ 6 утра бросили якорь въ Дарданеллахъ. Выйдя на палубу, мы, къ удовольствію нашему, увидѣли небо не столь пасмурное, какъ накануне, но пронзительный сѣверо-восточный вѣтеръ не уменьшался.

Дарданеллы—небольшое мѣстечко съ довольно красивыми каменными постройками. Здѣсь мѣстопробываніе консуловъ и мѣстной военной власти. Въ самомъ городѣ выдѣлываютъ: глиняныя вазы, кувшины, тарелки и разныя мелкія вещи съ позолотой, правда, не изящной формы и грубоватой работы. Не успѣлъ пароходъ остановиться, какъ нѣсколько лодокъ, наполненныхъ этими издѣліями, окружили пароходъ, предлагая ихъ по цѣнамъ довольно высокимъ. Такъ за пару небольшихъ глиняныхъ вазъ аляповатой работы—5 и 6 рублей. Кромѣ лодокъ съ издѣліями, являлись и продавцы съ разными припасами и замѣчательными устрицами.

Пароходъ простоялъ здѣсь не болѣе 2-хъ часовъ, и мы, поднявши якорь, пустились въ Дарданельскій проливъ. Здѣсь сильное теченіе, и при малѣйшемъ вѣтрѣ производится довольно большое волненіе. Такъ и въ настоящее время пароходъ побрасывало изъ стороны въ сторону, и трудно было держаться на но-

гахъ. Берега пролива довольно живописны: хотя и нѣтъ большихъ горъ, но всѣ отлогости покрыты прекрасною зеленью, много виноградниковъ, и жители живутъ отдѣльными хуторками, или дачами.

Въ концѣ пролива, начали показываться съ обѣихъ сторонъ довольно внушительныя земляныя укрѣпленія, вооруженныя большими круповскими орудіями; ходъ проливомъ не болѣе 4¹/₂ часовъ времени, ширина пролива не особенно значительная: опредѣляя глазомѣромъ—отъ 1¹/₂ до 3¹/₂ верстъ, при длинѣ въ 60 верстъ.

По выходѣ изъ Дарданельскаго пролива, мы держали путь на о-въ Сиру.

Вступая въ Архипелагъ, мы могли любоваться уже болѣе живописными картинами: по обѣимъ сторонамъ нашего пути высились острова съ разнообразными вершинами своихъ горъ; нѣкоторыя изъ нихъ были покрыты еще снѣгомъ; далеко на горизонтѣ виднѣлись еще горы азіатскаго берега съ снѣжными вершинами. На азіатскомъ берегу видны были скалы древней Трои. Съ лѣвой стороны нашего пути мы прошли небольшой островъ Тенедось, съ вызвышающею горою Идою, съ которой Парисъ похитилъ Елену и откуда Менелай бѣжалъ на о-въ Критъ. За Тенедосомъ съ правой стороны парохода прошли о-въ Лемность, съ возвышающимися горами, покрытыми снѣгомъ, и приближались къ весьма большому о-ву Мителино. Море было необыкновенно пріятнаго лазуреваго цвѣта, но волненіе было довольно порядочное, и болѣе всего намъ надоѣдалъ пронзительный сѣверо-восточный вѣтеръ, который часто заставлялъ насъ спускаться въ каюту, гдѣ, не переставая, топился каминъ. Такъ къ вечеру прошли мы въ виду острова Хиоса и небольшого о-ва Псарія.

День склонялся къ вечеру, наступили сумерки, и на небосклонѣ, въ первый разъ въ наше путешествіе, заблестали мириады звѣздъ. При видѣ этихъ небесныхъ свѣтилъ и на душѣ сдѣлалось отраднѣе: нѣтъ той окружающей васъ со всѣхъ сторонъ темноты, которая во время плаванія наводитъ особенную тоску на путешественника. Бесѣды на палубѣ сдѣлались оживленнѣе, пронзительный вѣтеръ началъ стихать, и мы въ первый разъ могли просидѣть на палубѣ до 11 часовъ ночи. На слѣдующій день рано, утромъ, выйдя на палубу, я былъ восхищенъ дивною картиною. Мы подходили между островами къ острову Сира. Тишина въ воздухѣ, яркое южное солнце, эффектно освѣщавшее горы на окрестъ-лежащихъ островахъ, чистый яркій цвѣтъ темнолазуревой воды, зелень деревьевъ по скатамъ горъ въ полномъ расцвѣтѣ красоты и теплая, благоухающая, слегка влажная атмосфера придавали особенную прелесть всей окружающей мѣстности. День предвѣщалъ быть жаркимъ, и вотъ съ самаго выхода изъ Одессы только на 5-й день вступили мы въ полосу тепла, въ надеждѣ, что продолжительный сѣверо-восточный вѣтеръ не будетъ насъ болѣе преслѣдовать и мы, наконецъ, перестанемъ топить каминъ въ нашей каютѣ-компаніи.

Сирская гавань, окруженная со всѣхъ сторонъ островами, представляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ гаваней, гдѣ ни при какомъ вѣтрѣ опасности судамъ быть не можетъ.

Городъ Сира, расположенный амфитеатромъ на трехъ отдѣльныхъ возвышенностяхъ, спускающихся къ самому морю, представляетъ необыкновенно эффектную картину.

Пароходъ нашъ бросилъ якорь недалеко отъ берега, и мы были окружены массою лодокъ, предла-

гающихъ свои услуги для съѣзда на берегъ. Въ городъ раздавался церковный благовѣстъ, такъ какъ это былъ Великій четвергъ, и мы поспѣшили на берегъ, чтобы зайти въ греческій храмъ и принести благодареніе Богу за благополучное путешествіе.

Въ городъ было большое движеніе; массы народа спѣшили по церквамъ; магазины открывались; въ порту шла дѣятельность по нагрузкѣ и выгрузкѣ судовъ, которыхъ на рейдѣ стояло очень много. Мы зашли въ первый храмъ, довольно обширный, снаружи обложенный бѣлымъ мраморомъ и внутри богатый отдѣлкою иконостаса. Служеніе было соборное, при многочисленномъ стеченіи народа. Греческое пѣніе поразило насъ своею дисгармоніею, отчаяннымъ крикливымъ и гнусливымъ напѣвомъ. Хоръ состоитъ изъ четырехъ, много изъ пяти человѣкъ, изъ которыхъ двое или трое тянутъ пронзительнымъ голосомъ одну ноту, а другіе два выводятъ горловыя рулады, не заботясь о произношеніи словъ, а только вибрируя пронзительными голосами. Для непривычнаго уха такое пѣніе слушать невозможно, или, лучше сказать, такое пѣніе можетъ слушать только тотъ, у кого совсѣмъ неразвито ухо, или кто совсѣмъ ничего не слышитъ.

При всемъ нашемъ желаніи отстоять всю литургію, греческое пѣніе положительно выгнало насъ изъ церкви, и мы отправились осматривать городъ. Улицы неширокія, отлично вымощены широкими плитами; дома хотя и небольшіе, но выстроены тщательно, весьма изящной архитектуры; многіе дома даже обложены мраморомъ. На городской площади очень большія изящныя постройки и вся площадь обсажена финиковыми пальмами. Экипажей совсѣмъ не встрѣчали — вѣроятно ихъ очень мало, такъ какъ улицы узки,

мѣстность гористая и ѣзда въ экипажахъ не представляетъ удобствъ.

Островъ принадлежитъ грекамъ и населеніе все греческое; другихъ народностей мы не встрѣчали.

Торговля города—оливковое масло и виноградная вина. Проходя по набережной, видѣли въ продажѣ огромное количество разной зелени, морской рыбы, устрицъ и лимоновъ. Благоустройство города и отличныя постройки доказываютъ, что торговля въ городъ процвѣтаетъ, и бѣдняки не встрѣчаются на каждомъ шагу, какъ въ другихъ городахъ Востока.

Намъ показалось одно странно, что въ такомъ благоустроенномъ городкѣ нѣтъ ни одной хотя немного сносной фотографіи. Мы заходили въ указанная намъ двѣ фотографіи, чтобы купить виды города Сиры, и намъ показали такую дрянъ, что мы не рѣшились приобрѣсти ни одного экземпляра.

Въ полдень мы снялись съ якоря, чтобы плыть безъ остановки вплоть до Александріи, куда должны были прибыть ровно черезъ двое сутокъ, т.-е. въ Страстную субботу въ 12 часовъ дня.

Пассажировъ и грузовъ вовсе не прибавилось, и мы опять въ числѣ 4-хъ человѣкъ пассажировъ 1-го класса составляли попрежнему все наше общество. Если изъ насъ четверыхъ исключить англичанина, который говорилъ только по-англійски и, слѣдовательно, не могъ быть намъ приятнымъ собесѣдникомъ, то въ сущности насъ, пассажировъ, было только трое. Хотя англичанинъ и не былъ нашимъ собесѣдникомъ, но, несмотря на свои почтенные уже годы (около 65 лѣтъ), забавлялъ насъ на палубѣ постоянною вознею съ собакою капитана, отличнымъ сетеромъ «Гайдамакъ» и сыномъ ресторатора, мальчикомъ лѣтъ 13-ти; бѣготня по палубѣ, вскакиваніе на столы и

скамейки, связываніе веревкою мальчугана — все это показывало необыкновенную ловкость въ англичанинѣ; я убѣжденъ, что англичанинъ выдѣлывалъ всѣ эти штуки ради гимнастическаго упражненія, и надобно полагать, что въ молодости онъ былъ отличнымъ гимнастомъ.

Оставивъ островъ Сиру, мы черезъ $\frac{3}{4}$ часа проходили то мѣсто, гдѣ одинъ изъ лучшихъ пароходовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, а именно «Царица», погибъ въ прошломъ году отъ невниманія и полнѣйшей небрежности пароходныхъ властей. Пароходъ «Царица» вышелъ изъ Сиры, также какъ и нашъ пароходъ, въ 3 часа пополудни, погода была дивная: солнечный ясный день, море какъ зеркало и на пути находился злосчастный небольшой каменистый островокъ La Nata, ясно выдѣлявшійся изъ воды. Нужно нарочно держать пароходъ на этотъ островокъ, чтобы разбиться, потому что, взявши десять, двадцать саж. въ правую сторону отъ острова—глубина уже большая и проходъ безопасенъ. Подобныя несчастія могутъ быть допускаемы въ шхерахъ, при туманной погодѣ; но посреди яснаго, тихаго дня подобная небрежность не должна быть оставляема безъ строгаго взысканія. Проходя мимо несчастнаго потонувшаго парохода, мы видѣли только верхушки мачты — весь пароходъ, со всѣмъ имуществомъ бѣдныхъ пассажировъ, уже былъ навсегда погруженъ въ морѣ.

Въ описываемый день погода намъ вполне благоприятствовала. Прелестный ясный, тихій солнечный день; темно-лазурныя воды моря представляютъ необозримую гладь, по которой нашъ пароходъ скользитъ безъ малѣйшей качки и сотрясенія. Мы проходимъ массу острововъ, и къ сожалѣнію на пароходѣ не было ни одного пассажира изъ мѣстныхъ жителей, отъ ко-

горога можно бы было приобрести свѣдѣнія объ этнографіи и культурѣ этихъ острововъ. Съ правой стороны почти всѣ видимые острова принадлежали грекамъ, а съ лѣвой—туркамъ. Въ 5 часовъ прошли въ довольно близкомъ разстояніи греческій островъ Санторинъ. За этимъ островомъ группы острововъ начали рѣдѣть, и мы были уже близко къ выходу въ Средиземное море.

Послѣ обѣда мы долго бесѣдовали на палубѣ, гдѣ намъ подали вечерній чай и мы наблюдали закатъ солнца на морѣ. Послѣ выхода нашего изъ Одессы, это былъ, можно сказать, первый безоблачный день, въ который намъ удалось видѣть въ полномъ блескѣ закатъ солнца. Необыкновенно эффектная минута, когда солнце при закатѣ своемъ, приближаясь къ краю горизонта, моментально опускается въ воду ¹⁾, оставляя послѣ себя багрянаго цвѣта отблескъ на небосклонѣ, который быстро начинаетъ потухать, и вскорѣ затѣмъ наступаетъ темнота. Небосклонъ начинаетъ тогда освѣщаться мириадами блестящихъ звѣздъ, и часа два спустя Венера и Юпитеръ усиливаютъ свой свѣтъ до того, что свѣтовое отраженіе отъ нихъ въ морѣ уподобляется лунному отраженію. Южная ночь была по истинѣ восхитительная, и мы долго не могли разстаться съ палубой. Общее желаніе было, чтобы намъ благополучно переплыть Средиземное море, на которомъ и при небольшомъ вѣтрѣ происходитъ сильное волненіе, въ особенности если вѣтеръ дуетъ по длинѣ моря, т.-е. отъ востока на западъ, или наоборотъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, пройдя послѣдніе острова Архипелага—Кандію и Скорпансо, мы

¹⁾ Мѣткое выраженіе матросовъ: «солнце юркнуло въ воду».

вступили въ открытое Средиземное море. Выйдя въ 6 часовъ утра на палубу, на горизонтѣ позади насъ едва было видимо очертаніе пройденныхъ нами послѣднихъ острововъ и вокругъ была безконечная морская даль. Солнце на небосклонѣ сіяло въ полномъ своемъ величїи, отражая лучи свои въ темно-лазуревой ряби переливами разнообразныхъ цвѣтовъ. Былъ натянутъ тентъ, и мы могли весь день проводить на палубѣ, вдыхая въ себя чудный, живительный морской воздухъ. Пароходъ нашъ дѣйствительно скользилъ по лазурнымъ морскимъ волнамъ. Завтракали, обѣдали и пили чай на палубѣ. Англичанинъ частовременно упражнялся въ эквилибристическихъ движенїяхъ съ сыномъ ресторатора и рѣзвой и игривой собакой капитана, которая, надобно прибавить, была и общимъ другомъ всѣхъ пассажировъ. Время проводили въ чтенїи и бесѣдахъ, въ ожиданїи слѣдующаго дня, когда мы вступимъ на землю фараоновъ. Всѣ мы ѣхали въ Египетъ въ первый разъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали конца нашего плаванїя и новыхъ для насъ впечатлѣній отъ неизвѣстной намъ страны.

Съ полудня началъ усиливаться противный вѣтеръ, и капитанъ боялся, что если вѣтеръ этотъ усилится или не переменится, то мы можемъ значительно опоздать прибытіемъ въ Александрію.

До самаго вечера трудно было оторваться отъ дивной картины южнаго моря, и мы опять восхищались закатомъ раскаленнаго солнца и тѣмъ моментомъ, когда, по выраженїю моряковъ, оно «юркнуло» въ море. Окружныя ближайшія облака были нѣкоторое время освѣщены разнообразными красками, которыя, блѣднѣя мало-по-малу, скрывались въ наступающей темнотѣ. Опять заблестали звѣзды; свѣтъ отъ Венеры

и Юпитера по вчерашнему отражался въ волнахъ моря различными переливами; теплота въ воздухѣ была необыкновенная, такъ какъ сахарскїй хамсинъ стремился намъ на встрѣчу. Между тѣмъ волненїе усиливалось, и пароходъ нашъ покачивался до того, что нельзя было ходить по палубѣ. Въ ожиданїи слѣдующаго дня, мы ранѣе обыкновеннаго разбредлись по каютамъ, чтобы скорѣе заснуть и не ощущать сильной качки, если она усилится.

Утро слѣдующаго, послѣдняго дня нашего плаванїя было для насъ болѣе благопрїятно, нежели вечеръ; хотя вѣтеръ и былъ противный, но значительно слабѣе вчерашняго; солнце сильно уже согрѣвало воздухъ, и мы вооружились биноклями чтобы увидѣть отрадную для насъ полосу земли и Александрійскїй маякъ.

Чѣмъ короче становится путь, тѣмъ человекъ дѣлается нетерпѣливѣе и время тянется необыкновенно медленно. Такъ случилось и съ нами; всѣ мы были въ великомъ нетерпѣнїи скорѣе увидѣть интересующую насъ землю, и бинокли безпрестанно были въ движенїи. Въ 11 часовъ подали завтракъ, во время котораго дали знать, что на горизонтѣ показался Александрійскїй маякъ. Послѣ завтрака всѣ опять вооружились биноклями и стали разглядывать показавшуюся на горизонтѣ точку маяка. — Постепенно начали выясняться предметы: послѣ линїи маяка показалось очертанїе пологого берега; на встрѣчу намъ вылетѣло нѣсколько птицъ; вдали показались паруса двигающихся судовъ, предметы начали становиться яснѣе и яснѣе; наконецъ обозначились очертанїя зданїй и стоящихъ на рейдѣ судовъ; влѣво показалось большое зданїе, имѣющее казарменный видъ — это лѣтняя резиденція хедива; вдали показалось шедшее намъ

на встрѣчу лоцманское судно, и черезъ небольшой промежутокъ времени ловкій лоцманъ арабскаго происхожденія, въ своемъ національномъ костюмѣ, вводилъ насъ въ Александрійскій портъ, гдѣ мы противъ таможеннаго невзрачнаго зданія и бросили якорь.

Не успѣлъ пароходъ нашъ остановиться, какъ десятки разнообразныхъ лодокъ съ черномазыми гребцами, въ фантастическихъ костюмахъ, съ вышитыми на груди надписями разныхъ отелей, окружили нашъ пароходъ и подняли страшный крикъ на языкахъ: англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ, греческомъ и арабскомъ, предлагая свои отели и свои услуги доставить насъ на берегъ. Все это было крайне пестро, оглушительно и своеобразно.

Александрія съ моря не представляетъ ничего интереснаго: плоскій песчаный берегъ; постройки, за исключеніемъ дворца хедива, весьма однообразны и просты,—большею частію разные пакгаузы и оффиціальныя помѣщенія; зелени никакой; вода отъ впаденія Нила грязно-бураго цвѣта; коммерческихъ судовъ довольно много, и между ними нашъ военный корветъ «Джигитъ», только утромъ пришедшій на Александрійскій рейдъ.

Выбравъ для помѣщенія Hôtel Rablé, я съ спутникомъ моимъ, почтеннѣйшимъ Ф. Е. Б...мъ, дали знать лодкѣ изъ этого отеля, чтобы явились забрать нашъ багажъ.

Простившись съ многоуважаемымъ капитаномъ парохода, Ѳедоромъ Дмитріевичемъ Герасимовымъ, и поблагодаривъ его и всѣхъ его помощниковъ за любезность, вниманіе и вполнѣ комфортабельное наше путешествіе, мы сошли въ лодку и направились къ таможенному зданію, гдѣ, послѣ небольшихъ фор-

мальностей, мы сѣли въ прелестный европейскій экипажъ и поѣхали въ Hôtel Rablé.

Было 5 часовъ пополудни, когда мы прибыли въ отель и предполагали на другой же день отправиться съ отходящимъ поѣздомъ въ Каиръ. Между прочимъ, я долженъ былъ еще исполнить порученіе въ Александріи: доставить письмо и посылку Н. Н. А...зѣ, который живетъ за городомъ, въ мѣстности, называемой Rablé, куда каждый часъ отходятъ поѣзда желѣзной дороги.

Приведя свой туалетъ въ порядокъ, я немедленно же отправился на вокзалъ и черезъ какія-нибудь 20 минутъ сидѣлъ уже въ вагонѣ и летѣлъ по направленію къ Rablé.

Rablé—загородная часть Александріи—расположена большею частію по берегу моря, состоитъ изъ отдѣльныхъ виллъ, окруженныхъ садами, и напоминаетъ Каннъ или другіе небольшіе города южной Франціи или Италіи. Черезъ $\frac{3}{4}$ часа поѣздъ остановился, и съ помощію арабченка мнѣ не трудно было отыскать домъ, въ которомъ живетъ Н. Н. А...за, такъ какъ онъ давній житель Александріи и по положенію своему лицо весьма извѣстное.

Въ семействѣ Н. Н. я встрѣтилъ самый радушный пріемъ и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время и нужно было спѣшить къ послѣднему поѣзду въ Александрію, отходившему въ 9 $\frac{1}{2}$ часовъ. Подъѣзжая къ Александріи, не смотря на позднее время, я услышалъ усиленную стрѣльбу, и сначала не могъ понять, что это значить? Потомъ уже догадался, что сегодня у православныхъ Страстная суббота и наступаетъ великій праздникъ Воскресенія Спасителя, который греки встрѣчаютъ всегда усиленной стрѣльбой. Съ 9 часовъ вечера началась по всему городу и въ

особенности около греческихъ церквей усиленная стрѣльба изъ ружей, пистолетовъ, пусканіе ракетъ, бураковъ, шутихъ и т. п. Въ 11 часовъ ночи я съ моимъ спутникомъ Ф. Е. рѣшили идти въ греческую церковь, чтобы встрѣтить христіанскимъ образомъ великій праздникъ въ православномъ храмѣ. Греческая церковь св. Екатерины оказалась недалеко отъ нашего отеля, и мы пошли нѣсколько ранѣе начала службы, чтобы занять удобное мѣсто. Къ удивленію нашему, мы встрѣтили въ оградѣ храма уже обширную толпу народа, бросающую подъ ноги бураки, шутихи и т. п., такъ что мы съ трудомъ могли пробраться въ храмъ, въ которомъ оказалась тоже масса народа. Воскресная служба еще не начиналась, но происходило уже пѣніе псалмовъ полунощницы. Пѣніе и здѣсь ужасное: это не пѣніе въ св. храмѣ, а какое-то противное завываніе, которое потрясаетъ всю нервную систему. Простоявъ недолгое время, мы рѣшились ѣхать въ другой храмъ, и именно въ монастырь, гдѣ, какъ намъ сказали, долженъ служить патріархъ, и мы предположили, что услышимъ болѣе торжественное пѣніе и увидимъ болѣе благочинія въ храмѣ.—Но ожиданія наши далеко не исполнились, и мы увидѣли еще болѣе безобразія и неуваженія къ святынямъ.

Церковь въ монастырѣ небольшая, небогатая, но содержится опрятно. Патріархъ—старикъ и по болѣзни не служилъ, а служеніе совершалось тремя священниками съ діакономъ; народу въ церкви мы нашли весьма немного; служеніе началось ровно въ часъ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Пока все было чинно, благопристойно; духовенство вошло во внутренній дворъ, окруженный колоннадой съ хорами, гдѣ была масса народа. Едва духовенство запѣло священныя,

дорогія каждому христіанину слова: «Христось воскресе», какъ раздался колокольный звонъ, полетѣли вверхъ ракеты, затрещали бураки, шутихи и хлопучки, народъ поднялъ крикъ... Все это вмѣстѣ взятое представляло какую-то дикую, не-христіанскую толпу. Священники должны были приостанавливаться во время своего служенія и буквально подпрыгивать на мѣстѣ, потому что подъ ногами у нихъ разрывались бураки и шутихи, изъ-за треска которыхъ не было слышно духовнаго пѣнія, не смотря на то, что греки немилосердно орали. Безобразіе доходило до того, что одна шутиха ворвалась въ церковь и разорвалась въ самомъ храмѣ. Несчастный дьяконъ до того подпрыгивалъ на мѣстѣ, что долженъ былъ уйти въ церковь, показывая жестама, что невозможно стоять на мѣстѣ отъ подобнаго безобразія. По возвращеніи духовенства въ церковь для продолженія служенія, масса народа разошлась, такъ что церковь казалась почти пустою. Со стороны самого духовенства служба производится безъ всякаго должнаго благоговѣнія: изъ трехъ священниковъ, начавшихъ службу, двое разоблачились и ушли, а служеніе продолжалъ одинъ священникъ съ діакономъ, который во все время служенія стоялъ въ царскихъ вратахъ спиною къ престолу, прислонившись къ царскимъ вратамъ, и разсматривалъ публику; пѣвчіе же, состоявшіе изъ четырехъ человекъ, гнусливо орали божественныя псалмы. Мнѣ въ жизни приходилось встрѣчать этотъ великій праздникъ въ храмахъ отдаленной Сибири и въ бѣдныхъ сельскихъ церквахъ юга Европейской Россіи, и вездѣ русскій народъ, къ чести его надобно сказать, встрѣчаетъ этотъ великій день въ храмахъ съ должнымъ благоговѣніемъ и уваженіемъ къ святынямъ.

Простоявъ до половины службы, мы рѣшились уйти изъ церкви, положительно не въ силахъ будучи выносить это ужасное пѣніе. Не преувеличивая, скажу, что пѣніе нашихъ сельскихъ безголовыхъ псаломщиковъ и такъ-называемой сборной братіи во сто разъ гармоничнѣе и благоговѣйнѣе греческаго пѣнія.

Всю эту ночь народъ въ городѣ былъ на ногахъ: рестораны и лавки съ съѣстными припасами открыты, публика гуляла массаи, стрѣльба изъ ружей и пусканіе ракетъ продолжалось во всю ночь, такъ что не было никакой возможности заснуть.

Съ ранняго утра мы осматривали Александрію и ближайшія окрестности; — это вполне благоустроенный, роскошный европейскій городъ. Послѣ послѣдняго бомбардированія она особенно роскошно обстраивается. Центръ города—Place des Consules—громадная площадь съ двумя прелестными фонтанами, обстроенная роскошными домами и пальмовымъ бульваромъ. Всѣ улицы великолѣпно вымощены широкими плитами съ тротуарами; европейскіе магазины; великолѣпное газовое освѣщеніе и отличные извозчики; только черное туземное населеніе напоминало намъ, что мы находимся въ Египтѣ.

Чтобы ознакомиться съ ближайшими окрестностями, мы проѣхались по каналу Махмудію, соединенному съ Ниломъ; любовались дачами богатыхъ сановниковъ и негоціантовъ, съ садами тропическихъ растений. Болѣе подробно осматривали садъ одного изъ главныхъ богачей Александріи, грека Антоніади, въ саду котораго встрѣтили въ видѣ громаднхъ деревьевъ: *Araucaria excelsa*, *Ficus elastica*, разныхъ родовъ пальмы, бананы и прелестное вьющееся растеніе *Bougavilla* съ пунцовыми цвѣтами. Изъ сада по дорогѣ взглянули на иглу Клеопатры и возвратились въ отель, такъ

какъ съ 2-хъ-часовымъ поѣздомъ должны были отправиться въ Каиръ.

Съ самаго вступленія на египетскую почву видишь здѣсь присутствіе англичанъ, войска которыхъ съ особенною надменностью расхаживаютъ въ своихъ красныхъ мундирахъ, бѣлыхъ головныхъ уборахъ на подобіе прусскихъ военныхъ касокъ и обязательно съ тонкою тростью въ рукахъ—точно это принадлежность военнаго атрибута.

Про Константинополь и Александрію можно сказать слѣдующее: первымъ городомъ нужно любоваться съ парохода и не сходить на берегъ; относительно второго—напротивъ, надобно скорѣе распротиться съ пароходомъ и любоваться имъ внутри города, такъ какъ съ моря Александрія имѣетъ весьма печальный видъ.

ГЛАВА III.

Отъ Александріи до Каира.—Осмотръ каирскихъ достопримѣчательностей.

Ровно въ 3 часа поѣздъ тронулся, и мы понеслись по желѣзной дорогѣ въ Каиръ. Вагоны дороги неопрятны и неудобны: первый классъ хуже нашего второго; пыль изъ-подъ колесъ ужасная: черезъ какихъ-нибудь четверть часа мы были уже всѣ въ пыли, и не смотря на страшную духоту невозможно было открыть окна. Вскорѣ переѣхали Даміятскій рукавъ Нила, съ грязною, бураго цвѣта водою, и неслись по плодородной Нильской долинѣ, перерѣзанной каналами и канавками. Остановки на станціяхъ весьма небольшія. Мимо насъ мелькали небольшіе города и арабскія деревушки; всообще же путь очень однообразенъ; хлѣба уже созрѣли и начиналась ихъ уборка, такъ что мѣстность была нѣсколько оживлена. Для утоленія жажды мы истребляли значительное количество апельсиновъ; съ наступленіемъ сумерекъ начали дремать и въ 9 часовъ пріѣхали въ Каиръ.

Не успѣли мы выйти изъ вагоновъ, какъ насъ обступила толпа черномазыхъ, различныхъ возрастовъ, вы-

рывающая изъ рукъ наши вещи и крича на всевозможныхъ языкахъ, предлагая разные отели, экипажи и переноску вещей. Дежурные полисмены пускали въ ходъ свои бамбуковыя палки, но и это помогало очень мало; назойливость черномазыхъ выводила изъ терпѣнія въ особенности моего спутника. Наконецъ кое-какъ все уладилось, и мы въ прекрасномъ европейскомъ экипажѣ поѣхали въ Hôtel Royal, гдѣ и помѣстились на полномъ пансіонѣ за 12½ фр. въ сутки. Измученные и утомленные больше всего духотою и пылью, мы напились чаю и легли спать, чтобы завтра съ утра начать осмотръ достопримѣчательностей этого чуднаго города.

Отель, въ которомъ мы остановились, въ лучшей части города—на Бешкилзіэ, принадлежитъ къ разряду первоклассныхъ отелей; помѣщеніе весьма хорошее, всюду и во всемъ чистота, столъ хорошій. Содержатель отеля—французъ M-r Roman, женатый на русской изъ Одессы. M-me Roman, несмотря на то, что выѣхала изъ Россіи болѣе 30 лѣтъ,—оказываетъ ко всѣмъ русскимъ особенное вниманіе и сама выражается: «встрѣчаю русскихъ какъ родныхъ»; языкъ русскій еще не совсѣмъ забыла и при встрѣчѣ съ русскими старается непремѣнно говорить на родномъ нашемъ языкѣ. M-me Roman зовутъ Марья Петровна, и она любитъ, когда ее называютъ этимъ именемъ.

Кромѣ меня и моего спутника, въ этомъ отелѣ остановились еще три русскихъ морскихъ офицера съ пришедшаго въ Александрію корвета «Джигитъ». 6-го (18) апрѣля у насъ православныхъ былъ второй день Пасхи, и это совпало съ восточнымъ праздникомъ Chenamsi, т.-е. праздникъ весны. Въ этотъ день жители Каира разѣзжаются по окрестностямъ, чтобы день этотъ проводить по возможности въ полѣ.

М-г Roman и супруга его Марья Петровна пригласили всѣхъ насъ русскихъ ѣхать вмѣстѣ съ ними за городъ, къ ихъ пріятелямъ М. L'Evesque, у котораго устроено большое заведеніе для искусственного разведенія страусовъ. Мы всѣ, разумѣется, воспользовались этимъ любезнымъ приглашеніемъ, тѣмъ болѣе для насъ интереснымъ, что мы могли осмотрѣть такое рѣдкое заведеніе.

День съ утра былъ жаркій и удушливый: дулъ сахарскій хамсинъ, приносящій страшную жару, а когда вѣтеръ этотъ усиливается, то приноситъ въ Каиръ изъ Сахары такую тучу песчаной пыли, что невозможно выходить на улицу. Капитанъ нашего парохода передавалъ намъ, что при сильномъ хамсинскомъ вѣтрѣ песчаная пыль несется въ море, и иногда за 12 час. до прихода въ Александрію пыль эта уже доносится до парохода. На наше счастье сегодня хотя и дулъ хамсинъ, но безъ сильнаго вѣтра, а потому и не поднималъ тучи песчаной пыли.

Въ 10 часовъ утра мы выѣхали и направились въ восточную часть города, проѣзжая обсаженными деревьями и хорошо шоссированными улицами, съ домами довольно изящной архитектуры, большею частію съ небольшими палисадниками и съ открытыми балконами, убранными цвѣтами. На многихъ постахъ стояла городская стража, наблюдающая за порядкомъ на улицахъ, которыя обильно поливаются. Часа черезъ два мы выѣхали за городъ и минутъ черезъ пятнадцать подѣхали къ одноэтажному дому, стоящему по срединѣ сада и окруженному невысокою каменною стѣною съ воротами. Черномазый стражъ отворилъ ворота, и мы подѣхали къ дому владѣльца. Марья Петровна представила всѣхъ насъ хозяевамъ дома и бывшимъ уже тутъ гостямъ, какъ своихъ друзей рус-

скихъ путешественниковъ, и мы были приняты радушнымъ образомъ. Такъ какъ жара усиливалась, то мы были приглашены въ комнаты, гдѣ всѣ окна были заперты и закрыты зелеными жалюзи; температура въ комнатѣ показалась намъ весьма пріятною послѣ удушливаго зноя на открытомъ воздухѣ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда начали накрывать столъ для завтрака, и намъ заранѣе было объявлено, что въ этотъ день весенняго праздника жарится молодой барашекъ и подается съ особенною торжественностью, весь разукрашенный цвѣтами и лентами. Вскорѣ усѣлись за столъ и начали по нашему обычаю подавать сначала холодныя закуски; потомъ явилась зелень и былъ промежутокъ—ожиданія знаменитаго барашка. Въ антрактахъ предлагалось разное вино въ изобиліи, и черезъ нѣсколько минутъ появились черномазые лакеи, неся на блюдѣ торжественнаго барашка, убраннаго лентами и цвѣтами, причемъ раздались аплодисменты и крики: « bravo ». Торжественное блюдо было поставлено передъ хозяиномъ дома, который разрѣзалъ барашка на куски, и каждому предлагалось пробовать это торжественное блюдо. Немедленно за появленіемъ на сцену разукрашеннаго барашка появилось шампанское и начались тосты, но безъ особенныхъ словопреній. Между прочимъ М-me Roman провозгласила тостъ за здоровье русскихъ и прибавила: «Христось воскресе».

Завтракъ прошелъ оживленно, а послѣ него на сцену явился кофе и разные ликеры. Пробовали выходить въ садъ, но не было никакой возможности: едва раскрывались двери, какъ моментально обдавало раскаленнымъ воздухомъ и термометръ въ 5 часовъ показывалъ въ тѣни 32° по Реомюру. Въ продолженіе всего обѣда арабъ небольшимъ опахаломъ обма-

хиваль сидящихъ за столомъ, чтобы производить хотя малѣйшее движеніе воздуха.

Въ 6 часовъ, наконецъ, рѣшились идти осматривать самое заведеніе, на устройство котораго затрачено уже до милліона франковъ. Все пространство, гдѣ содержатся страусы, разбито на отдѣльные небольшие дворики, съ невысокими стѣнками, отъ 2 до 3 аршинъ, и въ каждое такое отдѣленіе ведетъ особая дверь. Такъ какъ кромѣ искусственнаго вывода страусовъ происходитъ размноженіе и естественнымъ путемъ, то въ самыхъ малыхъ отдѣленіяхъ помѣщаются отдѣльно самецъ и самка, и они по очереди сидятъ на яйцахъ. Самцы имѣютъ черныя перья, а самки—сѣрыя и бѣлыя. Въ большихъ отдѣленіяхъ помѣщается отъ 10 до 20 штукъ самцовъ и самокъ вмѣстѣ, но всегда уже одного возраста.

Для искусственнаго вывода страусовъ въ обширной комнатѣ на столахъ разставлены рядами отдѣльные деревянные ящики около 1 аршина въ вышину и отъ 1 до 2 арш. длины и ширины; по бокамъ ящиковъ вставлены стекла съ термометрами и внутри ихъ проведены паровыя трубки для поддерживанія въ ящикахъ извѣстной температуры (около 60°/о Реом.). Посредствомъ термометровъ строго наблюдается, чтобы температура въ ящикахъ поддерживалась равномерная. На 39-й или 40-й день, изъ яицъ показывается живое существо, которое относится въ извѣстное отдѣленіе, содержится тамъ до 3 и 4 дней и причаается къ постепенному пониженію температуры, затѣмъ уже впускается въ общее отдѣленіе малолѣтнихъ. Намъ удалось видѣть страусовъ отъ 10 дней до 5-ти-лѣтняго возраста. Каждая самка ежегодно даетъ до 40 яицъ.

Выдергиваніе перьевъ начинается съ третьяго года,

и новыя перья нарастаютъ въ періодъ отъ 8 до 9 мѣсяцевъ. Отъ cadaго страуса получается перьевъ на сумму отъ 200 до 500 франковъ.

Выдергиваніе перьевъ производится съ большими затрудненіями, такъ какъ страусъ очень силенъ: необходимо 5—6 сильныхъ человѣкъ, чтобы держать страуса, когда изъ него выдергиваютъ перья.

Страусъ походкою своею напоминаетъ верблюда: длинныя ноги съ раздвоенными копытами, вытянутая длинная шея съ маленькой головой, при ходьбѣ тѣло переваливается, и въ особенности когда перья у него выдернуты, то эта вся голая фигура издали очень похожа на верблюда.

Извѣстно, страусъ очень силенъ и клювомъ своимъ можетъ нанести опасный ударъ. Въ пищу онъ неприхотливъ: небольшое количество маису, зелени и мельчайшихъ камешковъ—вотъ вся его пища.

Арабы, которые приставлены смотрѣть за страусами, должно быть, обходятся съ ними довольно сурово: малѣйшее возвышеніе голоса или жестъ рукою наводятъ на страуса страхъ.

Осмотрѣвъ это интересное заведеніе, я съ моимъ спутникомъ Б., утомленные сильною жарою рѣшились ѣхать обратно, и, не смотря на любезное приглашеніе хозяевъ остаться и провести съ ними вечеръ, мы поблагодарили за доставленное намъ удовольствіе и радушный пріемъ и отправились домой.

Наступила совершенная темнота; звѣзды блестя блещутъ необыкновенно ярко; легкой теплой вѣтеръ производилъ нѣкоторую прохладу, и мы возвращались домой по прелестной шоссированной дорогѣ. Не успѣли въѣхать въ городскую черту, какъ черномазый полицменъ остановилъ нашъ экипажъ и потребовалъ, чтобы кучеръ немедленно зажегъ фонари у нашего фіакра.

Возвращеніе наше домой было несравненной прогулкой: покойный, прелестный экипажъ, прекрасное шоссе, обильно политое водою, что приятно увлажняло воздухъ; ярко освѣщенныя улицы, полныя народомъ по случаю весенняго праздника; освѣщенныя открытыя окна домовъ, блистающія среди зелени садиковъ; масса публики на балконахъ; множество блистательно освѣщенныхъ кофеенъ, наполненныхъ разноплеменнымъ народомъ; движущіяся толпы народа въ разнообразныхъ восточныхъ костюмахъ, съ бронзовыми и черными лицами; говоръ, шумъ, пѣніе,—все это на прїѣзжающаго европейца производило своеобразное впечатлѣніе.

Прїѣхавъ домой, значительно утомленные, мы разошлись по своимъ комнатамъ, такъ какъ на другой день мы рѣшились, съ нашими новыми знакомыми, милыми юными моряками, отправиться вмѣстѣ для осмотра пирамидъ, и должны были выѣхать въ 5 часовъ утра, чтобы къ полудню, когда наступитъ самый сильный жаръ, возвратиться уже домой.

На другой день, 7 апрѣля, рано утромъ, часамъ къ 5, вся наша компанія собралась въ столовую, гдѣ, по распоряженію любезныхъ хозяевъ отеля, былъ для насъ сервированъ кофе, а у подъѣзда стояли два экипажа. Мы облеклись въ самыя легкія одежды, испытывавъ уже вчерашнюю жару, и поспѣшили отправиться въ путь, чтобы видѣть чудо изъ чудесъ: египетскія пирамиды.

Утро было ясное, довольно тихое и предвѣщало опять тропическую жару. Въ городѣ началось уже обычное движеніе: усиленная поливка улицъ и садовъ; торговцы съѣстными припасами и овощами тянулись по направленію къ рынкамъ; вся эта провизія перевозится на ослахъ, которые навьючиваются до такой

степени, что все животное исчезаетъ,—видна только двигающаяся масса, внизу которой мелькаютъ четыре тонкія ножки. Не менѣе осликовъ навьючиваются и женщины; онѣ носятъ на головѣ громадныя тяжести: масса зелени, огромные кувшины съ водою; если къ этому прибавить, что одежда ихъ состоитъ изъ грубой темно-синей, почти черной матеріи, съ длиннымъ покрываломъ, спускающимся съ головы вдоль всей спины,—лица у всѣхъ женщинъ покрыты чернымъ покрываломъ и у многихъ на спинѣ еще висятъ маленькія дѣти,—то положительно надобно удивляться выносливости восточныхъ женщинъ.

Путь нашъ лежалъ по главнымъ улицамъ Каира къ Нилу, на берегу котораго у самаго моста громаднѣйшее 4-хъ-этажное зданіе казармъ, гдѣ помѣщаются въ настоящее время англійскія войска. Черезъ Ниль мы переѣхали по прекрасному мосту и выѣхали на небольшую площадку, гдѣ расположенъ рынокъ. Масса сельскаго сословія привозитъ свои произведенія на продажу, и здѣсь встрѣчались всевозможныя племена изъ окрестностей Каира. Кромѣ жизненныхъ продуктовъ, цѣлыя воза стоятъ съ сахарнымъ тростникомъ и почти у каждаго человѣка въ рукахъ пучокъ этого тростника, который они постоянно сосутъ.

Съ рыночной площади мы выѣхали на прекрасное, обсаженное бѣлыми акаціями, шоссе, которое ведетъ прямо къ подножію Ливійскихъ горъ, гдѣ расположены пирамиды, которыя уже издали показались намъ въ полномъ своемъ величїи.

При выѣздѣ нашемъ въ болѣе открытое мѣсто, рѣзкій вѣтеръ началъ сильно усиливаться, и, несмотря на жгучее солнце, рѣзкость вѣтра заставила насъ надѣть пальто, а наши спутники, моряки, ѣхавшіе въ другомъ экипажѣ, не взявъ съ собою пальто, при-

нуждены было поднять верхъ у экипажа, чтобы защитить себя отъ холоднаго вѣтра.

По всей дорогѣ мы встрѣчали массу разноплеменнаго народа, съ своими сельскими произведеніями, и огромные запряженные верблюдами возы съ сахарнымъ тростникомъ и сѣномъ; все спѣшило на рынокъ. Между тѣмъ, по мѣрѣ приближенія нашего къ пирамидамъ, онѣ становились явственнѣе и величественнѣе, и не только тѣ пирамиды, къ которымъ мы подъѣзжали, но и отдаленныя пирамиды, съ лѣвой стороны отъ насъ, были явственно видимы.

У подножія Ливійскихъ горъ, съ лѣвой стороны, расположено небольшое арабское селеніе *Гизехъ*, жители котораго занимаются тѣмъ, что служатъ проводниками при осмотрѣ пирамидъ.

Экипажи наши остановились у подножія горы, гдѣ въ настоящее время устроенъ небольшой ресторанъ и гдѣ можно получить хорошій кофе и незагѣливыя закуски.

Оставивъ экипажи, мы пѣшкомъ пошли къ пирамидамъ, и едва поднялись по полукруглой, хорошо устроенной дорогѣ на гребень кряжа, какъ насъ обступила толпа арабовъ, предлагая свои услуги въ провозатые для восхожденія на пирамиды и для спуска во внутрь ихъ.

Замѣчательно, что почти всѣ жители этого селенія *Гизехъ* говорятъ по-англійски, по-французски и по-итальянски; лучше всего знаютъ англійскій языкъ. Я ихъ спрашивалъ: гдѣ они учатся иностраннымъ языкамъ? Они отвѣчали, что изучаютъ языки одинъ у другого, но школъ для изученія европейскихъ языковъ не имѣютъ. По-русски знаютъ только слова: «московъ карошъ». Слова «русскій» они не знаютъ. Вообще надобно замѣтить, что у всѣхъ восточныхъ наро-

довъ, слово «русскій» не существуетъ, а есть только «московъ».

Я и спутникъ мой Б. отказались подниматься на пирамиду. Хотя арабы и уговаривали, что опасности никакой не предстоить, такъ какъ за каждымъ путникомъ слѣдуютъ отъ 3 до 5 арабовъ, помогая взлѣзать по высокимъ уступамъ выдающихся камней; но, несмотря на ихъ убѣжденія, я не рѣшился на это путешествіе, такъ какъ подверженъ головокруженіямъ. Наши спутники, молодые моряки, привыкшіе лазать по мачтамъ, съ быстротою начали подниматься кверху, такъ что арабы едва успѣвали за ними слѣдовать.

Только стоя около подошвы пирамидъ—постигаешь ихъ грандіозность и колоссальность. Невольно приходишь въ изумленіе отъ этихъ страшныхъ размѣровъ, этого непостижимаго чуда человѣческихъ рукъ. Сколько—не сотенъ тысячъ, а миллионовъ человѣческихъ жертвъ—пало при созиданіи этихъ несокрушимыхъ пирамидъ?! Только за три, за четыре тысячи лѣтъ тому назадъ можно было творить такія чудовищныя созданія, на удивленіе грядущимъ поколѣніямъ, когда человѣкъ не считался высшимъ созданіемъ Божиимъ, а приравнивался къ скотамъ, и погубить сотни тысячъ людей для прихоти одного человѣка считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Въ отношеніи пирамидъ кто-то справедливо сказалъ: «все боится времени, но время боится пирамидъ».

Кряжъ, на которомъ стоятъ главныя пирамиды: Хеопса и Хефрена, или, какъ иные произносятъ: Сефрема, имѣетъ высоты около 145 футъ. Высота пирамиды Хеопса—до 514 футъ; длина каждой стороны—до 102 саж.; отдѣльные камни вышиною отъ 2 до 4 футъ, мѣстами уже вывѣтривались и обломались, такъ

что можно свободно ставить ногу. Высота пирамиды Сефрема нѣсколько ниже, до 450 футъ.—Первоначально обѣ эти пирамиды были облицованы гранитомъ, но эта облицовка нѣсколько сохранилась только на пирамидѣ Сефрема; съ пирамиды же Хеопса снята и употреблена на облицовку одной изъ мечетей Каира. Камни для постройки пирамидъ брались изъ Макатамскихъ горъ южнѣе Каира и сплавлялись по Нилу до Мемфиса, нѣкогда громаднаго торговаго города, отъ котораго въ настоящее время ничего не осталось, кромѣ кучъ мусора. Отъ Мемфиса камни къ пирамидамъ перевозились по особо устроенному полотну, слѣды котораго, говорятъ, и до сихъ поръ существуютъ, но мнѣ не удалось быть въ той мѣстности. Мемфисъ сталъ приходить въ упадокъ со времени заложенія Александромъ Великимъ Александріи; а когда арабы покорили египтянъ и заложили Каиръ, тогда Мемфисъ подвергся уже совершенному раззоренію.

Осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ эти двѣ пирамиды, мы направились для осмотра лежащаго въ полуверстѣ отъ пирамидъ сфинкса, который высѣченъ изъ каменной скалы и былъ засыпанъ пескомъ, но въ настоящее время постепенно отрывается по распоряженію египетскаго правительства. Сфинксъ этотъ, говорятъ, былъ отрывается въ нынѣшнемъ столѣтіи нѣсколько разъ; высота его отъ основанія до верхней части головы 75 футъ; голова его неимоверно велика, даже до безобразія, и размѣръ этой головы въ окружности до 80 футъ; голова въ настоящее время еще болѣе обезображена: отбитъ носъ, одна щека и часть лѣваго глаза.

Нѣтъ сомнѣнія, что сфинксъ этотъ изображалъ собою божество; фигура его человѣческая, голова съ

корпусомъ (торсомъ) льва, изображаетъ собою Горуса—бога солнца, т. е. побѣды свѣта надъ тьмою. Не по этой ли причинѣ и голова сфинкса обращена прямо на востокъ—къ восходу солнца?—Дальнѣйшія раскопки вполне подтвердили это предположеніе, потому что, кромѣ этого сфинкса, открытъ цѣлый дворъ съ разными галереями и отдѣльными сводчатыми пещерами; все это высѣчено въ одной и той же скалѣ, что и сфинксъ.—Мы имѣли возможность пройти по этимъ галереямъ, гдѣ арабы предложили намъ кофе. Въ этихъ пещерахъ, по дознаннымъ источникамъ, жили жрецы и аскеты, отрѣшавшіеся отъ міра. Между лапами этого сфинкса сохранилась полированная гранитная плита съ іероглифскою надписью, которая, вѣроятно, и служила жертвенникомъ. Надпись эта слѣлана при Тутмесѣ IV и показываетъ, что еще въ 1552 г. до Рождества Христова сфинксъ этотъ со всѣми отрываемыми нынѣ постройками, былъ уже занесенъ пескомъ и тогда же при Тутмесѣ IV, приступлено было къ открытію его. Считаютъ, что сфинксъ этотъ сооруженъ за три тысячи лѣтъ до Рожд. Христова, начатъ при Хеопсѣ и оконченъ при Сефремѣ.

Осмотрѣвъ эту интересную мѣстность, я съ моимъ спутникомъ Б. отправился обратно тою же дорогою въ Каиръ. Было около полудня; солнце припекало насъ изрядно; вѣтеръ уменьшился, и тропическая жара опять вступила въ свои права, но все-таки не въ такой степени, какъ наканунѣ.—Разстояніе отъ Каира до пирамидъ не болѣе 15 верстъ, и этотъ путь проѣзжаешь незамѣтно по отлично политому шоссе и въ покойномъ экипажѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги поля засѣяны хлѣбомъ, который уже убирали, и вся мѣстность перерѣзана каналами съ

пропускомъ воды для орошенія. Изъ главныхъ каналовъ вода на поля поднимается посредствомъ тимпанныхъ колесъ съ черпаками, по мѣстному выраженію: *sakieh*. Колеса этого *sakieh* приводятся въ движеніе парю буйволовъ или воловъ. Арабы, поливающие шоссе къ пирамидамъ, набираютъ изъ этихъ же каналовъ воду въ бурдюки и на плечахъ выносятъ на шоссе для поливки; работа трудная, въ особенности при страшно палящемъ солнцѣ.

Возвратившись съ пирамидъ, мы отправились осматривать музей древностей, подъ названіемъ *Булакского музея*. Музей находится въ центрѣ города, въ одноэтажномъ зданіи, окруженномъ небольшимъ садомъ. Несмѣтная археологическія богатства сохраняются въ этомъ музеѣ, и египетское правительство строго слѣдитъ, чтобы всѣ древности, вывозимыя изъ Египта, необходимо проходили черезъ цензуру музея, и дозволяется вывозить только дубликаты предметовъ, находящихся въ музеѣ.

При осмотрѣ музея особенное вниманіе обращаютъ на себя человѣческія фигуры, лежащія въ гробахъ подъ стеклянными футлярами. Тѣла египетскихъ царей, несмотря на тысячелѣтія протекшаго времени, необыкновенно хорошо сохранились: у нѣкоторыхъ не только видна кожа на лицѣ и на рукахъ, но даже черты лица явственно сохранились. Такъ у Рамзеса II кожа на лицѣ и на сложенныхъ на груди рукахъ желто-пергаментнаго цвѣта; ногти на пальцахъ рукъ, очертанія носа, подбородка, волосы на головѣ и матерія, которой покрыто тѣло, все сохранилось замѣчательно хорошо. Тѣла эти лежатъ въ тѣхъ самыхъ гробахъ, въ которыхъ взяты изъ мѣстъ своего погребенія. Гробы деревянные, въ вершокъ толщиною и имѣютъ форму, похожую на нынѣшніе гробы,—они

кругомъ обмазывались веществомъ въ родѣ цемента и сверху разрисовывались человѣческими изображеніями. Эти первые гробы вставлялись въ другіе, деревянные, нѣсколько толще первыхъ, кругомъ тоже обмазывались и разрисовались, какъ и первые, и потомъ уже вставлялись въ каменные саркофаги.

Въ отдѣльныхъ шкафахъ помѣщено множество различныхъ предметовъ, сохранившихся въ пирамидахъ и саркофагахъ, какъ-то: кольца, женскія ожерелья, серьги, разныя шкатулки (ларцы) изящной работы; горохъ, крупы, куски холста, даже стулья; эти послѣдніе напоминаютъ наши крестьянскіе стулья: спинка изъ трехъ точеныхъ палочекъ и сидѣнье у нѣкоторыхъ плетеное.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя человѣческая фигура съ палкою въ рукахъ, изображающая собою управителя. Фигура эта, до аршина съ четвертью вышиною, вырѣзанная изъ дерева, такой тонкой, изящной работы, что и современные рѣзчики могутъ позавидовать этой художественной работѣ. Кромѣ того, много древнихъ статуй человѣческихъ и животныхъ, масса каменныхъ плитъ съ іероглифическими надписями,—все это для истиннаго археолога представляетъ нескончаемый интересъ. Обозрѣвая этотъ музей, невольно переносишься въ отдаленную эпоху древняго міра и видишь силу и могущество древняго Египта. Музей содержитъ въ необыкновенномъ порядкѣ и чистотѣ.

Изъ Булакского музея мы проѣхали взглянуть на знаменитую «Аллею Шубра», мѣсто прогулокъ каирской аристократіи. Славная, густая алея изъ платановъ и акацій въ настоящее время потеряла уже свое первенствующее значеніе, и прогулки аристократіи происходятъ по аллеямъ Дезирэ на другой сторонѣ Нила.

Эти аллеи изъ бѣлыхъ акацій расположены въ менѣе населенной части Каира и не представляютъ той прелесть, какъ аллея Шубра.

Около аллеи Джезирэ расположенъ одинъ изъ дворцовъ хедива, называемый *Джезиръ*. Въ настоящее время въ этомъ дворцѣ живетъ одинъ изъ братьевъ хедива. Дворецъ обширный, расположенъ посрединѣ громаднаго сада, но все въ страшномъ запустѣннѣи. Мы имѣли возможность пройти и осмотрѣть какъ часть сада, такъ и одинъ изъ его кіосковъ. Построено нѣсколько оранжерей и отдѣлена часть сада, гдѣ содержались прежде различныя животныя. Все теперь пусто и уныло: цвѣтники безъ цвѣтовъ; кромѣ жалкихъ пеларгоній, почти ничего нѣтъ; садъ въ безпорядкѣ; оранжереи пусты, въ зоологическомъ отдѣлѣ звѣрей нѣтъ и въ осмотрѣнномъ нами кіоскѣ мебель и вся обстановка въ жалкомъ видѣ. Видно роскошное царство египетскихъ калифовъ кончилось.

7-го апрѣля, въ среду, рано утромъ, я поѣхалъ въ отдаленную часть Каира, въ Коптскій кварталъ, разыскивать коптскую церковь, которая, по преданію, построена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жило Святое Семейство во время бѣгства своего въ Египетъ. Проѣхавъ почти весь городъ, я очутился въ чисто восточномъ, старинномъ городѣ: улицы очень узки, грязны, постройки бѣдны; масса разныхъ переулковъ, которые сдѣлались до того узки, что невозможно было ѣхать въ экипажѣ и пришлось идти пѣшкомъ. Наконецъ, у одного изъ невзрачныхъ домиковъ отворили калитку и ввели меня черезъ дворъ по небольшой ветхой лѣстницѣ не въ комнату, а скорѣе въ сарай, именуемый церковью. По срединѣ этого храма стоятъ въ три ряда скамейки, какъ въ католическихъ церквяхъ; потолка нѣтъ, а прямо видны стропила и ды-

рявая крыша, такъ что во время дождя крыша значительно протекаетъ. Православный иконостасъ рѣзной изъ дерева, должно быть очень древней работы; царскія врата тоже рѣзныя и въ иконостасѣ вставлены иконы—небольшія, разной величины; на правой сторонѣ обратили мое вниманіе на икону Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, будто бы писанную евангелистомъ Лукою; завѣса надъ царскими вратами изъ какой-то крашеной парусины, и подобное же покрывало на престолѣ; въ алтарѣ лежало священническое облаченіе изъ матеріи въ родѣ каленкора или ситца; бѣдность во всемъ такая, какую трудно себѣ представить. По каменной лѣстницѣ я спустился въ сводчатую пещеру съ источникомъ воды, гдѣ собственно и жило Святое Семейство. Пещера эта невелика—по размѣрамъ шаговъ она имѣетъ около 11 аршинъ длины и ширины и аршинъ 5 вышины; въ восточной сторонѣ полукруглая ниша съ каменнымъ ложемъ, гдѣ и жила Пресвятая Дѣва съ Младенцемъ Иисусомъ, а въ южной сторонѣ—подобная же ниша, гдѣ жилъ Иосифъ; около восточной ниши, въ углубленіи, стоитъ каменная купель, въ которой копты крестятъ въ настоящее время младенцевъ.

Когда я возвратился обратно въ церковь, ко мнѣ подошла женщина съ тарелкой, прося что-нибудь пожертвовать на бѣдность священнику. Проводникъ, кое-какъ говорившій по русски, объяснилъ мнѣ, что копты, населяющіе эту мѣстность, такъ бѣдны, что при всемъ желаніи не могутъ поддерживать эту святыню въ сколько-нибудь пристойномъ видѣ.

Если дѣйствительно это мѣсто освящено такимъ важнымъ событіемъ, какъ пребываніе здѣсь Святого Семейства въ изгнаніи, и православною церковію этотъ фактъ событія подтверждается, то неужели въ періодъ

двухъ тысячъ лѣтъ нельзя было это мѣсто привести въ видъ благолѣпія, подобающаго Дому Господню? Неужели александрійскіе патріархи въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ не могли озаботиться средствами, для поддержанія на этомъ святомъ мѣстѣ Дома Божія? Наконецъ наше православное русское братство по первому призыву вѣроятно откликнулось бы своими щедротами и принесло бы свою небольшую лепту для приведенія этого святого мѣста въ болѣе приличный видъ; въ особенности это важно въ странѣ магометанъ, объ обращеніи въ православіе которыхъ мы заботимся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выказываемъ полнѣйшее пренебреженіе къ мѣстамъ, освященнымъ подобными событіями.

Хотя между православными и коптами существуетъ религіозная рознь въ догматическихъ началахъ религіи, но, мнѣ кажется, это не можетъ служить причиною, чтобы не оказывать посильной помощи этимъ бѣднякамъ, для приведенія въ приличный видъ мѣста, освященнаго пребываніемъ въ немъ Святого Семейства. Въ подобныхъ случаяхъ религіозная вражда существовать не должна, ибо всѣ вѣрующіе во Христа должны жить какъ братья.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ вышелъ я изъ этого святого убѣжища и отправился въ противоположную сторону города, хотя и по отличной, но довольно пыльной дорогѣ въ *Матаріэ*: — это небольшая мыза, принадлежащая мусульманину. Здѣсь сохраняется дерево сикоморъ, подъ которымъ Святое Семейство отдыхало во время своего бѣгства въ Египетъ. Дерево сикоморъ, по моему, неправильно называютъ фиговымъ деревомъ, потому что листья у сикомора, подъ которымъ отдыхало Св. Семейство закругленно-сердцеобразные, зубчатые и бороздчатые, а фиговые де-

ревья имѣютъ листья гладкіе, большіе и съ большими внутренними выемками.

Несмотря на то, что дерево находится во владѣніи мусульманина, оно огорожено желѣзною рѣшеткою и содержится въ порядкѣ. Дерево это, не особенно высокое, раскинулось на множество вѣтвей и имѣетъ стволъ въ окружности отъ земли въ половину человѣческаго роста—болѣе 2-хъ сажень. Стволъ его представляется какъ будто бы составленнымъ изъ многихъ сросшихся стволовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что настоящее дерево есть потомокъ того, который былъ свидѣтелемъ священнаго историческаго событія. Сторожъ, охраняющій это дерево, дозволилъ мнѣ сорвать на память отъ него вѣтку съ листьями.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого дерева находится источникъ чистой воды, близъ котораго построена небольшая прекрасная часовня съ престоломъ, принадлежащая коптамъ—католикамъ, и вблизи этой часовни—небольшой прекрасный домикъ, въ которомъ живутъ три католическихъ коптскихъ священника.

Невольно задаешь себѣ вопросъ: почему же католики, завладѣвъ какимъ-либо святымъ мѣстомъ, умѣютъ устроить и обставить его заботливо, а православные греки относятся ко всему апатично и неумѣло? Не мудрено поэтому, что католическая пропаганда идетъ быстрыми шагами впередъ, а православная если и двигается, то весьма медленно.

О самомъ бѣгствѣ и его продолжительности св. писаніе не даетъ никакихъ подробностей, сообщая только, что Св. Семейство бѣжало изъ Виллема ночью и возвратилось уже тогда, когда Іосифъ получилъ во снѣ отъ ангела увѣреніе, что Младенца можно было безопасно возвратитъ въ землю Его рожденія.

Фарраръ, въ своемъ сочиненіи: «Жизнь Иисуса Христа», добавляетъ о бѣгствѣ въ Египетъ слѣдующее: «Апокрифическія сказанія, которыя обезсмертилъ гений итальянскаго искусства, представляютъ множество подробностей о томъ, какъ во время пути драконы приходили и кланялись Младенцу, львы и леопарды боготворили Его; гдѣ только ступала Его нога—расцвѣтали розы іерихонскія; пальмы по Его мановенію склонялись для доставленія своихъ финиковъ; разбойники были устрашены Его величіемъ и самое путешествіе чудесно сократилось. Они рассказываютъ также, какъ при вступленіи въ Египетъ всѣ идолы страны мгновенно пали съ своихъ пьедесталовъ и разбитые лежали ницъ. Все это богатство и разнообразіе ненужныхъ и безцѣльныхъ чудесъ, возникшее частью изъ простаго пристрастія къ сверхъестественному, а частью изъ произвольнаго толкованія ветхозавѣтныхъ пророчествъ, стоитъ въ рѣзкой противоположности съ правдивою простотою евангельскаго повѣствованія. Кромѣ этихъ легендарныхъ сказаній, въ то время было много писано легендъ объ этомъ событіи и на арабскомъ языкѣ. Разумѣется, еврейскіе раввины воспользовались этимъ посѣщеніемъ Христа Египта для того, чтобы обвинять Христа въ знаніи магіи».

Всѣ нелѣпости опровергаются сами собою. Если предположить, что Св. Семейство жило въ Египтѣ два года, то неужели двухъ-лѣтній младенецъ могъ въ этомъ возрастѣ научиться магіи?

Св. Семейство бѣжало въ Египетъ, а не въ другую страну потому, что страна эта, во-первыхъ, ближайшая къ Виѳлеему, а во-вторыхъ Египетъ издавна былъ естественнымъ мѣстомъ убѣжища для всѣхъ гонимыхъ изъ Палестины: бѣдствіями ли, пре-

слѣдованіями, или недовольствомъ. Потокъ, отдѣляющій Палестину отъ Сирійской пустыни, въ которой Св. Семейство было уже въ безопасности, могъ быть достигнутъ въ 3 или въ 4 дня. Но какъ долго Св. Семейство прожило въ изгнаніи, св. евангелистъ Матеей, писавшій болѣе подробно о событіи рожденія Спасителя, не сообщаетъ ничего; но древнія сказанія говорятъ, что оно находилось внѣ Палестины въ теченіе двухъ лѣтъ.

Въ этотъ же день вечеромъ, когда жара уже спала, я отправился осмотрѣть городской садъ на Бешкидзіэ. — Садъ не великъ, но содержится въ необыкновенномъ порядкѣ. Богатство тропической растительности поражаетъ пріѣзжаго сѣверянина; величественныя пальмы, разные виды араукарій, фикусы, мимозы и т. п.—составляютъ прелесть этого сада, и роскошныя кіоски, живописныя гроты, прекрасное газовое освѣщеніе и оркестръ музыки дополняли очаровательную картину этого прелестнаго уголка. Садовъ въ Каирѣ очень много, но цвѣтоводство не процвѣтаетъ: кромѣ пеларгоній, гераней и петуній, я не видѣлъ никакихъ цвѣтовъ.

На другой день, 8 апрѣля, я и спутникъ мой Б. предположили выѣхать изъ Каира по желѣзной дорогѣ на Измаилію, чтобы взглянуть на Суэцкій каналъ и черезъ Портъ-Саидъ отправиться въ Яффу. Но прежде чѣмъ выѣхать изъ Каира, необходимо было осмотрѣть цитадель, откуда открывается великолѣпный видъ на весь Каиръ; а потому рано утромъ 8 апрѣля мы въ экипажѣ и отправились для осмотра этой мѣстности. На пути въ цитадель мы по дорогѣ желали еще осмотрѣть одну изъ замѣчательнѣйшихъ мечетей—это мечеть калифа Хассана; но къ сожалѣнію мечеть была заперта. Мечеть Хассана—одна изъ

старѣйшихъ мечетей въ Каирѣ. Мечеть эта построена изъ гранитной облицовки Хеопсовой пирамиды и отличается своею легкостью, граціозностью въ постройкѣ и замѣчательнымъ по красотѣ своей куполомъ.

Отъ мечети Хассана мы поѣхали къ цитадели, построенной на одномъ изъ макатамскихъ уступовъ этого горнаго кряжа. Цитадель вся обнесена высокой толстой стѣной и гарнизонъ въ ней занимаютъ англійскія войска. Кромѣ этой цитадели, вдали по уступамъ этого хребта видны еще отдѣльные форты. Въ срединѣ цитадели помѣщаются обширныя строения, которыя заняты: военнымъ министерствомъ, арсеналомъ, монетнымъ дворомъ и мечетью Али-паши съ его гробницею.

Мечеть Али-паши отдѣлана желтымъ алебастромъ, почему и называется тоже Алебастровою мечетью. Мечеть эта поражаетъ своею роскошною и изящною отдѣлкою. Гробница Али-паши стоитъ подъ отдѣльнымъ богато-убраннымъ шатромъ и покрыта покрываломъ изъ голубаго бархата, расшитымъ золотыми узорами.

Надобно вообще замѣтить, что какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Каирѣ, мечети всѣ содержатся необыкновенно чисто, опрятно; видно, что мусульмане относятся къ своимъ религіознымъ предметамъ и преданіямъ съ особеннымъ почитаніемъ и уваженіемъ. — Дворъ цитадели выложенъ плитами и окруженъ постройками, и только сторона, обращенная къ Каиру, представляетъ глубочайшую отвѣсную скалу и не застроена.

Площадь этой цитадели въ 1811 г. служила кровавымъ мѣстомъ для избіенія мамелюковъ. Наемное это войско производило страшныя безчинія и не признавало надъ собою никакихъ властей. Мехметъ-Али-

паша рѣшился истребить ихъ, загнавъ на эту площадь какъ въ ловушку. Въ извѣстный день, и именно 1 марта 1811 года, Мехметъ-Али-паша собралъ всѣхъ беевъ (старшинъ) на пиръ, въ количествѣ около 500 человекъ, и когда всѣ собрались, ворота цитадели были заперты и ихъ всѣхъ перестрѣляли наемники, которые были спрятаны подъ защитою. Сопротивленіе было невозможно, и всѣ пали, исключая одного, который, въ минуту отчаянія, вмѣстѣ съ лошадью бросился съ этой ужасной отвѣсной скалы и спасся въ ближайшей мечети.

Изъ цитадели открывается дивный видъ на Каиръ: вдали на горизонтѣ виднѣются пирамиды не только ближайшія — Хеопса и Сефрема, но и отдаленныя, расположенныя въ Сахарской степи; а на переднемъ планѣ — весь Каиръ, со своими садами, четырьмя стами мечетей, съ безчисленнымъ множествомъ минаретовъ, и Нилъ съ своими зелеными полями. Мы долго любовались на эту очаровательную картину и жаль было съ нею разстаться.

Изъ цитадели мы поѣхали еще на базары, которые во всемъ похожи на константинопольскіе.

Каиръ производитъ на путешественника самое пріятное впечатлѣніе; это — смѣсъ Запада съ настоящимъ Востокомъ. Вице-король Измаилъ-паша можно сказать, создалъ Каиръ въ томъ прелестномъ видѣ, въ какомъ въ настоящее время находить его путешественникъ. Перестроенная на европейскій манеръ значительная часть города представляетъ всѣ удобства для путешественника. Паша не жалѣлъ денежныхъ средствъ на перестройку города и изыскивалъ всевозможные способы, чтобы всѣ эти перестройки произвести безъ особеннаго стѣсненія и раззоренія мѣстныхъ обывателей. Значительная часть города разбита

на правильныя широкія улицы, хорошо шоссированныя и обильно, нѣсколько разъ въ день, поливаемые водою; всѣ улицы обсажены деревьями; архитектура домовъ изящная и разнообразная; многіе дома стоятъ внутри садовъ; прелестные отели, роскошные европейскіе магазины и прекрасные европейскіе экипажи; кучера—арабы или бедуины, въ своихъ національныхъ костюмахъ, придаютъ особенную оригинальность. Въ Каирѣ мѣсто одиночныхъ экипажей замѣняютъ ослы и мулы, которые стоятъ въ разныхъ мѣстахъ по улицамъ съ своими проводниками, и вы видите въ разныхъ направленіяхъ скачущихъ на нихъ амазонокъ, большею частію закутанныхъ въ чадры, и мужчинъ въ цилиндрахъ, а сзади бѣгущаго проводника-хозяина ослика. Часовъ около пяти мнѣ случилось встрѣчать во множествѣ мужчинъ на осликахъ, за которыми хозяева осликовъ бѣжали позади съ портфелями и бумагами въ рукахъ,—все это вѣроятно былъ людъ, возвращающійся отъ своихъ служебныхъ занятій.

Въ Каирѣ есть еще одна особенность—это *саисы*, или *бъиуны*. Это необходимый декорумъ всякаго параднаго выѣзда, какъ хедива, такъ и любого паши, богатаго человѣка и даже щегольскихъ извозчиковъ. Обыкновенно впереди экипажа бѣгутъ два саиса съ тоненькими тросточками въ рукахъ, разгоняя на дорогѣ верблюдовъ, ословъ, возы съ тяжестями и т. п. Саисы одѣты въ богатые костюмы: короткія шаровары, преимущественно цвѣтныя, бѣлыя рубашки и вышитыя золотомъ или серебромъ бархатныя или шелковыя безрукавки, цвѣтныя широкіе кушаки и на головѣ—легкія, вышитыя золотомъ, шапочки. Надобно удивляться легкости и выносливости, съ которою саисы бѣгутъ впереди экипажа, несмотря иногда на полную рысь лошади.

Хотя въ мусульманской части города улицы узки и дома не особенно изящны, но всюду соблюдается чистота, и сравнивать магометанскія улицы Каира съ константинопольскими невозможно: въ послѣднихъ грязь и смрадъ отвратительные.

На всѣхъ улицахъ—масса кофеенъ, какъ европейскихъ, такъ въ особенности арабскихъ, въ которыхъ цѣлыми днями народъ просиживаетъ за чашкой кофе, и съ кальяномъ въ рукахъ, разсуждая о своихъ дѣлахъ. Тутъ же встрѣтите группы слушателей вокругъ какого-нибудь сказочника и бандуриста. Чаше всего эти бандуристы—слѣпцы, и вообще надобно замѣтить, что въ Каирѣ очень много слѣпыхъ и больныхъ глазами: вѣроятно яркость солнечныхъ лучей и постоянная пыль тому причиной.

Движеніе въ Каирѣ вообще громадное, и особенный характеръ придаетъ этому движенію разнообразность племенъ, его населяющихъ: кромѣ европейцевъ, вы встрѣчаете здѣсь арабовъ бронзовыхъ и черныхъ, бедуиновъ, нубійцевъ, тунисцевъ и т. п.—все это придаетъ особенную оригинальность городу своими разнообразными костюмами. Жаль, что восточныя женщины слишкомъ уродуютъ себя: чтобы плотнѣе закрыть лицо, онѣ берутъ два черные треугольника изъ легкой матеріи и, закрывая ими лицо сверху и снизу, соединяютъ ихъ на лбу какими-то тремя точеными изъ дерева брусками, соединенными между собою проволокою, что придаетъ имъ отвратительный видъ.

Вліяніе англійскаго владычества надъ Египтомъ въ настоящее время весьма замѣтно: повсюду снующія англійскія войска въ своихъ красныхъ кафтанахъ, съ бѣлыми шишаками на головахъ и съ хлыстиками въ рукахъ, какъ у саисовъ, съ гордостью и наглостью

расхаживающія по городу и хлыстами прокладывающія себѣ дорогу въ толпѣ между черными племенами. Послѣ мѣстнаго арабскаго языка англійскій языкъ является господствующимъ, и значительная часть чернаго племени говоритъ на этомъ языкѣ; важные стратегическіе пункты, какъ-то: цитатель, господствующая надъ городомъ, и большія казармы въ центрѣ города на берегу Нила заняты ихъ войсками. Всего англійскихъ войскъ насчитываютъ въ Египтѣ до 6.000 человекъ. Мнѣ приходилось слышать отъ арабовъ весьма нелицеприятные отзывы объ англичанахъ.

Очень сожалѣю, что не удалось прокатиться по Нилу, осмотрѣть баражи—шлюзы, которыми регулируется нильская вода, и проѣхать на *дахавье* (лодка) вверхъ по рѣкѣ до водопадовъ.

Время приближалось отправляться на желѣзную дорогу въ дальнѣйшій путь, и я съ моимъ спутникомъ Б. отправились къ хозяйкѣ отеля, Марьѣ Петровнѣ, поблагодарить ее за особенное вниманіе къ намъ, тѣмъ болѣе, что при ея содѣйствіи и указаніи мы могли кое-что приобрести еще себѣ на память о Каирѣ. Марья Петровна на прощанье угостила насъ отличнымъ кофе и ликеромъ, съ пожеланіемъ намъ всевозможныхъ благъ въ дальнѣйшемъ пути.

Ровно въ 12 часовъ мы отправились на станцію желѣзной дороги, проѣзжая въ послѣдній разъ по этимъ разнообразно-причудливымъ улицамъ, которыя навсегда, конечно, останутся въ нашемъ воспоминаніи.

ГЛАВА IV.

Отъ Каира черезъ Измаилію и Портъ-Саидъ до Яффы.

Въ 12 часовъ и 40 минутъ раздался послѣдній свистокъ, и поѣздъ понесъ насъ на всѣхъ парахъ по направленію къ Измаиліи. Вагоны египетской желѣзной дороги 1 класса на этотъ разъ были далеко не комфортабельны: каждое отдѣльное помѣщеніе назначено на 8 особъ; вагоны обиты клеенкой, довольно грязной и изорванной; окна плотно не закрываются, а потому минутъ черезъ двадцать мы всѣ уже были покрыты страшною пылью въ видѣ мелкаго песка, который поднимался изъ-подъ колесъ.

Между тѣмъ поѣздъ продолжалъ мчаться. День былъ необыкновенно жаркій, духота въ вагонахъ страшная и нельзя было открыть окна, такъ какъ тучи пыли стояли кругомъ вагона. Сначала мы ѣхали дельтой, на роскошныхъ поляхъ которой производилась уже уборка хлѣба; арабскія селенія довольно рѣдки и бѣдны; дельта и здѣсь прорѣзана каналами, что даетъ возможность орошать поля. Плодородность долины Нила зависитъ отъ ея затопленія могучею рѣ-

кою Нила. Отъ разлива его зависитъ все благосостояніе страны, а потому приближенія этого времени всѣ жители ожидаютъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, какъ благодать, ниспосылаемую небомъ. Прибыль воды начинается въ Верхнемъ Египтѣ въ концѣ мая, а въ нильской долинѣ—около половины іюня. Затопленіе долины Нила продолжается около 3-хъ мѣсяцевъ; съ конца сентября воды Нила идутъ на убыль и къ ноябрю рѣка входитъ уже въ свои берега. На половинѣ дороги между Каиромъ и Измаиліею проѣхали небольшой городокъ, за которымъ путь идетъ уже песчаною мѣстностью. Вблизи городка, на самой дорогѣ устроено англійское кладбище, на которомъ похоронены англичане, убитые въ послѣднюю египетскую кампанію. Кладбище небольшое, огороженное желѣзною рѣшеткою, и содержится въ полной исправности. За кладбищемъ черезъ солидный желѣзный мостъ переѣхали каналъ прѣсной воды, который проведенъ отъ Нила по направленію къ Измаилии, гдѣ онъ раздѣляется на двѣ части: правая идетъ по направленію къ Суэцу, а въ лѣвую прѣсная вода изъ канала къ Портъ-Саиду проведена чугунными трубами.—Въ 6 часовъ свистокъ возвѣстилъ приближеніе къ Измаилии, чему мы сильно обрадовались, чтобы скорѣе избавиться отъ ужасной, удушливой атмосферы въ закупоренныхъ пыльных вагонахъ; да и нетерпѣніе брало скорѣе увидѣть Суэцкій каналъ,—это гениальное созданіе рукъ человѣческихъ, гдѣ наука, знаніе, необыкновенная сила воли одного человѣка смогли осуществить это грандіозное предпріятіе XIX вѣка. Имя Лесепса тѣсно связано съ Суэцкимъ каналомъ и на многія столѣтія сохранится въ памяти народностей.

Суэцкій каналъ имѣетъ протяженіе между двумя

морями—Средиземнымъ и Краснымъ—до 150 верстъ (162 километра); наибольшая глубина канала 26 футъ, но это по самой срединѣ дна; ширина канала для прохода судовъ 103 фута; затѣмъ въ каждую сторону идутъ еще большіе откосы до 156 футъ. Грунтъ земли, по которому проложенъ Суэцкій каналъ, состоитъ изъ песку, а потому и при большихъ даже береговыхъ откосахъ берега его размываются и требуютъ частовременныхъ работъ для очистки и углубленія канала. Для предохраненія канала отъ поврежденія строго соблюдается, чтобы пароходы не ходили болѣе 10 километровъ въ часъ и чтобы не было колесныхъ пароходовъ. Стоимость канала опредѣляется около 450 милліоновъ франковъ. Въ апрѣлѣ 1859 года начались работы на каналѣ, а 5-го ноября 1869 года происходило уже открытіе Суэцкаго канала, при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи французской императрицы Евгеніи, государственныхъ людей, ученыхъ и представителей торговаго сословія почти всего міра.

Съ вокзала желѣзной дороги мы отправились прямо къ пристани, чтобы съ отходящимъ вечернимъ почтовымъ пароходомъ отправиться въ Портъ-Саидъ. Такъ какъ пароходъ въ Портъ-Саидъ отходилъ еще часа черезъ полтора, то мы пошли осмотрѣть вновь созданный городъ.

Измаилия—небольшой городокъ, расположенный въ центрѣ канала на берегу озера *Тимса*, имѣющаго площадь около 30 десятинъ; черезъ озеро это проходитъ каналъ; здѣсь устроенъ внутренній портъ и въ этомъ портѣ идущія по каналу суда могутъ свободно расходиться. Городъ названъ въ честь вице-короля Измаила-паши, расположенъ правильно, съ прямыми улицами, хорошо обстроенными домами, которые окру-

жены садиками съ чугунными рѣшетками; въ срединѣ города небольшой, но изящный паркъ, съ тропической растительностью: латаніи, широколиственные величественные бананы, платаны, лимонныя и апельсинныя деревья, величественныя пальмы и чудные тополи—все это растетъ на чисто-песчаной почвѣ, но сильно орошаемое питательною прѣсною нильскою водою и при жаркомъ климатѣ даетъ удивительно-роскошный ростъ. Небольшая площадь, ведущая по дорогѣ къ пристани, обсажена деревьями и обставлена древними статуями.

Населеніе Измаиліи растетъ необыкновенно быстро и въ настоящее время, говорятъ, доходитъ уже до 15.000 ч.; населеніе состоитъ преимущественно изъ коммерческаго люда, служащаго при разныхъ конторахъ, и мѣстнаго арабскаго населенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Измаилія, въ недалекомъ будущемъ, явится однимъ изъ большихъ торговыхъ пунктовъ, тѣмъ болѣе, что она имѣетъ прямое желѣзно-дорожное сообщеніе съ Каиромъ и Александріею.

Между тѣмъ какъ мы бродили по городу, наступили сумерки; небо начало покрываться мириадами яркихъ звѣздъ; послѣ жгучаго дня, съ закатомъ солнца, началъ усиливаться довольно рѣзкій вѣтеръ, такъ что, придя на пароходъ, мы должны были надѣть ватное пальто. Пробыло уже 8 час., а пароходъ все еще не отходилъ: ожидали почту. И хотя приближалось время для насъ, русскихъ, взяться и за стаканъ чая, но, къ огорченію нашему, на пароходѣ не оказалось буфета, а слѣдовательно и ничего нельзя было получить. Одинъ изъ матросиковъ парохода—славунъ, служившій прежде на русскихъ судахъ, хорошо говорящій по-русски, выручилъ насъ: принесъ намъ два жестяныхъ чайника съ кипяткомъ и

два стакана; имѣя съ собой всегда запасъ чая и сахара, мы отлично распорядились и, такъ сказать, были вполне удовлетворены этою ничѣмъ незамѣнимою для насъ насущною потребностью.

Ровно въ 8^{1/2} часовъ пароходъ далъ свистокъ, и мы тронулись къ Портъ-Саиду. Вечеръ сдѣлался весьма прохладный, съ рѣзкимъ вѣтромъ, такъ что не позволялъ долго оставаться на палубѣ и приходилось часто спускаться въ каюту; между тѣмъ интересъ заставлялъ часто выбѣгать на палубу, чтобы знакомиться съ мѣстностями, черезъ которыя пролегалъ каналъ.

Путь отъ Измаиліи до Портъ-Саида идетъ по пустынной мѣстности,—только на половинѣ дороги встрѣчается поселеніе *Кантара*, гдѣ для судовъ, идущихъ по каналу, устроенъ развѣздъ въ 1 километръ и каналъ во многихъ мѣстахъ дѣлаетъ довольно крутые повороты. По дорогѣ мы встрѣчали довольно много пароходовъ, остановившихся на ночь, такъ какъ ночью большіе пароходы по каналу проходить не могутъ и останавливаются всегда на правой сторонѣ. За нѣсколько миль не доходя Портъ-Саида, съ лѣвой стороны показывается озеро *Мендзале*; для отдѣленія его отъ канала оно обложено вынutoю изъ канала землею, которая образуетъ родъ перемычки, преграждая соединеніе воды канала съ озерною. Озеро Мендзале—довольно обширное по своимъ размѣрамъ, имѣющее до 50 верстъ длины, до 20 верстъ ширины и изобилуетъ рыбою. Правая сторона канала, какъ видно, состоитъ изъ бесконечной песчаной пустыни; только близъ самаго Портъ-Саида замѣтно еще и теперъ, что озеро Мендзале занимало пространство по обѣ стороны канала; но съ проведеніемъ послѣдняго и раздѣленіемъ озера на двѣ ча-

сти, правая, какъ мѣньшая часть озера, начала видимо высыхать и въ настоящее время образуетъ обсохшую часть озера.

Около 12 часовъ показались съ лѣвой стороны канала огни, и мы приближались къ Портъ-Саиду, куда и пришли около часу ночи.

Вступивъ на берегъ, мы отправились въ ближайшую гостинницу «Европа», содержащую французомъ, и послѣ легкаго ужина разошлись по своимъ номерамъ. Къ неудовольствію нашему, мы узнали, что австрийскій пароходъ, на которомъ мы предполагали отправиться изъ Портъ-Саида въ Яффу, отойдетъ не на другой день нашего приѣзда, въ пятницу, а только въ субботу, такъ что намъ приходилось пробыть въ Портъ-Саидѣ лишній день. Что дѣлать! сами виноваты, что въ Каирѣ не навели точныхъ справокъ объ отходѣ парохода изъ Портъ-Саида.

На другой день мы пошли осматривать городъ, который вытянулся по берегу канала; городъ невымощенъ, а потому при малѣйшемъ вѣтрѣ поднимается страшная пыль. Отъ пристани идетъ широкая улица «Лесепса» и упирается въ небольшой городской скверъ. Главныя зданія, въ которыхъ помѣщаются консулы, конторы главныхъ торговыхъ фирмъ и коммерческіе рестораны, всѣ расположены по берегу канала. Небольшія домовыя церкви: греческая, латинская и лютеранская, помѣщаются болѣе въ центрѣ города. Много магазиновъ, вывѣски которыхъ гласятъ, что можно имѣть хорошіе товары Китая, Японіи и Индіи, но товары эти—произведенія французскихъ и англійскихъ фабрикъ. Во многихъ магазинахъ продаются фотографіи не только мѣстныхъ видовъ, но Каира, Александріи, Иерусалима и его окрестностей, и надобно замѣтить—фотографіи очень хорошія и недорогія:

отъ 50 сантимовъ до 1 франка. Я не только не раскаивался, что купилъ здѣсь фотографіи видѣнныхъ мною мѣстностей, но очень жалѣлъ, что не купилъ фотографіи іерусалимскихъ видовъ, за которые въ Иерусалимѣ пришлось платить дороже и фотографіи хуже. Есть въ Портъ-Саидѣ и клубы, и неизбѣжный кафе-шантанъ съ рулеткою и отвратительными пѣвицами. Жителей считается уже болѣе двѣнадцати тысячъ, преимущественно англичанъ и французовъ; затѣмъ вѣроятно можно здѣсь встрѣтить представителей всѣхъ странъ свѣта, такъ какъ Портъ-Саидъ стоитъ на перепутьи между европейскимъ западомъ и востокомъ Азіи, Африки и Австраліи. Южная часть этого города населена преимущественно арабами и называется Арабскимъ кварталомъ. Надобно предполагать, что арабы здѣсь довольно зажиточные, судя по благоустройству ихъ домовъ и по костюму мужчинъ и женщинъ; нѣтъ той бѣдности, которую приходилось видѣть въ окрестностяхъ Каира и на пути въ разныхъ селеніяхъ; въ этомъ кварталѣ построена большая и изящная мечеть.

Портъ-Саидъ названъ въ честь Саида-паши и по положенію своему, какъ расположенный у входа Суэцкаго канала въ Средиземное море, занимаетъ въ международномъ и коммерческомъ отношеніи важное мѣсто. Портъ этотъ сообщается со всѣми европейскими и мало-азіатскими портами посредствомъ пароходовъ всѣхъ европейскихъ государствъ, а равно прибываетъ сюда много каботажныхъ судовъ съ греческихъ острововъ и отъ береговъ Сиріи. Значеніе, которое имѣетъ Портъ-Саидъ для страны, доказывается уже тѣмъ, что здѣсь—мѣстопробываніе египетскаго губернатора и административныя учрежденія: почта, карантинъ, таможня, телеграфъ и т. п.

Портъ-Саидъ расположенъ при оконечности Суэц-

каго канала, который здѣсь уже расширяется и вдали видны бочки, указывающія фарватеръ, искусственныя сооруженія мола и волны Средиземнаго моря.

Время тянулось нескончаемо долго, въ ожиданіи прихода парохода, и только часа въ 3 показался на горизонтѣ со стороны Средиземнаго моря дымокъ, постепенно дѣлавшійся яснѣе и яснѣе, и наконецъ ясно сталъ уже видѣнъ австрійскій флагъ и пароходъ подходилъ къ мѣсту своей стоянки. Ожидающихъ пассажировъ было довольно много, и едва пароходъ остановился, — всѣ поспѣшили на него, чтобы удобнѣе размѣститься для ночного переѣзда до Яффы.

Пришедшій австрійскій пароходъ называется «Дапае» и принадлежитъ къ числу небольшихъ пароходовъ. Помѣщеніе вообще довольно тѣсное, какютъ-компанія небольшая, а спальныя каюты низки и неудобны; койки размѣщены одна надъ другою, и на верхней койкѣ до того стѣснительно, что можно только лежать, но сидѣть уже невозможно. Мнѣ какъ разъ пришлось занять верхнюю койку, и я положительно считалъ невозможнымъ устроиться тамъ на ночь. Въ 6 часовъ подали обѣдъ, отличавшійся большимъ числомъ блюдъ — кажется, шесть, но все это было жидко, прѣсно и невкусно, по крайней мѣрѣ приготовлено не для русскаго человѣка, а для нѣмецкаго желудка можетъ быть и очень хорошо.

Въ 7 часовъ вечера пароходъ нашъ снялся съ якоря и, описавъ большой кругъ, направился къ выходу въ Средиземное море. Погода предвѣщала быть благоприятной: солнце скрывалось за горизонтомъ въ небольшихъ облакахъ; слабый юго-восточный вѣтерокъ производилъ легкую зыбь, пассажиры были всѣ на палубѣ. Провожая взорами берега Египта, этой чудной, таинственной страны, невольно вспоми-

налось ея прошлое, величественное, колоссальное, съ которымъ связывается исторія древняго міра, представителями котораго служатъ не сказанія, сохранившіяся въ памяти и попавшія потомъ въ печать, а дѣйствительные памятники, какъ-то: пирамиды и цѣлый Булакскій музей съ своими вещественными произведениями прошедшихъ тысячелѣтій. Когда углубишься въ прошлое этой дивной страны фараоновъ, то невольно задаешь себѣ вопросъ: почему страна эта въ отдаленномъ прошломъ достигала высокой культуры, цивилизаци, между тѣмъ какъ другія европейскія страны находились въ невѣжествѣ, и наоборотъ, съ развитіемъ цивилизаци въ другихъ странахъ, Египетъ началъ приходить въ упадокъ, и едва ли опять наступитъ тотъ періодъ, когда страна фараоновъ будетъ занимать первенствующее мѣсто между цивилизованными странами?

Пароходъ, между тѣмъ, подвигался впередъ и, минуя искусственно сооруженный молъ и маякъ, повернулъ вправо по направленію малоазійскаго берега; съ лѣвой стороны было безграничное море, а съ правой тянулись песчаные холмы. Въ 8^{1/2} часовъ прозвонили къ вечернему чаю, который, признаться, казался очень невкусенъ: прѣлый и съ какимъ-то особеннымъ запахомъ; невольно вспомнился нашъ русскій пароходъ «Корниловъ», на которомъ мы блаженствовали при переѣздѣ отъ Одессы до Александрии.

Послѣ сквернаго вечерняго чая, я довольно продолжительное время провелъ еще на палубѣ, всматриваясь въ береговую полосу земли; но наступившая вскорѣ темнота все скрыла отъ глазъ. Публика расходилась по своимъ некомфортабельнымъ убѣжищамъ, и я, зайдя въ свою каюту, взялъ подушку и предпочелъ провести ночь въ курительномъ отдѣле-

нии, не раздѣваясь, на кожаномъ диванѣ, нежели залѣзть въ какое-то гробовое помѣщеніе. Публики уже не было, и я скоро заснулъ съ мыслию, что съ разсвѣтомъ мы будемъ уже въ виду тѣхъ священныхъ мѣстъ, которыя ознаменованы жизнію Искупителя міра, и куда въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ милліоны вѣрующихъ стремятся, чтобы видѣть эти святыя и историческія мѣста.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня я вышелъ на палубу, чтобы поскорѣе взглянуть на тѣ мѣстности, которыя съ младенческаго возраста запечатлѣваются глубоко въ сердцѣ каждаго христіанина, и нѣтъ сомнѣнія, что каждый въ послѣдствіи считалъ бы себя счастливейшимъ человѣкомъ, если бы могъ вознести свою молитву къ Подателю всѣхъ благъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда возсіялъ лучъ спасенія для всего человѣчества.

Утро было теплое; небо покрывалось мелкими облаками, изъ-за которыхъ солнечныя лучи разливали пріятную теплоту, и пароходъ шелъ медленно въ виду береговъ съ песчаными отмелями, надъ которыми возвышались горы, подернутыя мглою синева-фіолетоваго цвѣта; это были уже Іудейскія горы. Не хотѣлось терять изъ виду эти чудесныя святыя мѣста, а потому я попросилъ утренній кофе принести мнѣ на палубу, которая начала постепенно наполняться пассажирами, спѣшившими любоваться прелестными видами Іудейскихъ горъ.

Около 8 часовъ утра на горизонтѣ начали показываться очертанія линій, которыя, по мѣрѣ приближенія парохода, становились все явственнѣе:—это была Яффа—окончательный пунктъ нашего морского путешествія.

Приближаясь съ моря къ какому-нибудь евро-

пейскому городу, вамъ ясно представляется набережная съ рядомъ улицъ, на которыхъ вы явственно даже можете различать и отдѣльныя строенія. Ничего подобнаго нѣтъ, когда вы приближаетесь къ приморскому восточному городу. Здѣсь всѣ постройки сливаются въ одну сплошную общую массу, въ которой вы не можете отличить—гдѣ начинается одинъ домъ и кончается другой. Если къ этому прибавить еще плоскія крыши домовъ, то вамъ представляется положительно одна общая масса построекъ, которыя притомъ еще и выкрашены большею частію одною бѣлою краскою. Только подымающіеся надъ этою общею массою построекъ куполы мечетей и тонкіе, словно мачты, минареты этихъ мечетей даютъ понятіе, что вы приближаетесь къ восточному городу.

Между тѣмъ пароходъ нашъ подходилъ все ближе и ближе къ Яфффѣ и, не дойдя полуторыхъ верстъ до берега, спустилъ якорь.—Не успѣлъ пароходъ остановиться, какъ масса лодокъ окружила его, и начались зазыванія пассажировъ; но такъ какъ путниковъ вообще было не особенно много, то лодочники вели себя весьма пристойно и не предпринимали никакихъ нахальствъ противъ пассажировъ. Впрочемъ, какъ я узналъ въ послѣдствіи, въ настоящее время нашимъ вице-консуломъ въ Яфффѣ (онъ же и агентъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли) приняты должныя мѣры противъ нахальства лодочниковъ, установлена такса для большихъ общихъ лодокъ и пассажиры, въ особенности 3-го класса, вполне гарантированы противъ своеволя перевозчиковъ. Притомъ, для встрѣчи пассажировъ съ пароходовъ, отъ нашего вице-консула всегда командуются драгоманъ съ кавасомъ на пристань, для встрѣчи пріѣзжающихъ и для разбора могущихъ встрѣтиться недоразумѣній.

Я и спутникъ мой Б. взяли отдѣльную лодку и направились къ берегу обѣтованной земли.

Рейдъ яффскій весьма опасенъ: по всему протяженію берега, въ верстѣ отъ него, онъ усѣянъ подводными грядами сплошныхъ камней, между которыми остается пустое пространство сажени въ три шириною, и въ это-то пространство слѣдуетъ попасть, чтобы не заставить сидящихъ въ лодкѣ принять морскую ванну. Искусство и сноровка лодочника здѣсь весьма необходимы, чтобы воспользоваться благоприятнымъ моментомъ—проскочить это узкое пространство, для чего лодочники ждутъ волны и, такъ сказать, на хребтѣ ея переѣзжаютъ это опасное мѣсто. Между прочимъ надобно замѣтить, что яффскіе лодочники въ теченіе нѣсколькихъ—не столѣтій, но даже тысячелѣтій, изъ поколѣнія въ поколѣніе, приобрѣли эту сноровку,—и не попасть въ эти ворота случается не только рѣдко, но почти никогда. Надобно при этомъ замѣтить, что во время сильнаго волненія пароходы на яффскомъ рейдѣ не останавливаются, а провозятъ пассажировъ въ слѣдующій портъ Бейрутъ, Кайфу или Портъ-Саидъ, смотря по тому, въ какомъ направленіи идутъ пароходы, гдѣ пассажиры и ожидаютъ слѣдующаго очередного парохода, чтобы возвратиться въ Яффу.

Благодаря прекрасной погодѣ, мы проѣхали эту гряду камней благополучно и черезъ какія-нибудь 15 минутъ достигли яффской пристани, т.-е. груды нагроможденныхъ гигантскихъ камней, носящихъ громкое названіе пристани.

ГЛАВА V.

Отъ Яффы до Иерусалима.

На палестинскую землю мы вступили 12 апрѣля, въ Өомино Воскресенье, и едва очутились на берегу, какъ насъ обступила толпа черномазыхъ взрослыхъ и мальчишекъ и начали расхватывать наши вещи, а такъ какъ въ это время подѣхали и другія лодки съ пассажирами, то вещи всѣ сбрасывались передъ таможеннымъ зданіемъ въ одну кучу.

Изъ числа множества стоявшихъ на берегу жителей различныхъ національностей, впереди всѣхъ рѣзко выдѣлялась фигура, одѣтая въ европейское платье, средняго роста, довольно плотнаго тѣлосложенія и съ нѣсколько рябоватымъ лицомъ; а подлѣ него стоялъ мужчина съ красивыми чертами лица, одѣтый въ живописный костюмъ, похожій на греческій, и съ шашкою черезъ плечо. Въ этой фигурѣ въ штатскомъ платьѣ я съ перваго взгляда узналъ драгомана русскаго вице-консула въ Яффѣ, Фоку Яковлевича, котораго такъ рельефно описалъ г. Елисѣевъ въ своемъ путешествіи «съ русскими паломниками по Святой землѣ». Я прямо обратился къ этому господину съ вопросомъ: «Не вы

ли Фока Яковлевичъ?» — «Точно такъ, — чѣмъ могу быть вамъ полезенъ? Это наша обязанность встрѣчать всѣхъ русскихъ пассажировъ». — «Въ такомъ случаѣ позвольте васъ покорнѣйше просить указать намъ кого-нибудь, чтобы скорѣе нанять экипажъ для дальнѣйшаго путешествія въ Иерусалимъ». — «Будьте покойны, немедленно все будетъ исполнено». — И онъ тотчасъ же откомандировалъ стоявшаго при немъ вооруженнаго каваса нанять для насъ лошадей, а самъ пошелъ съ нами освобождать наши вещи отъ таможеннаго ареста.

Таможенное незатѣйливое зданіе расположено на самомъ берегу. Таможенная власть, съ феской на головѣ, изъ окна таможеннаго зданія, прокричала что-то досмотрщику, и мы, вручивъ этому субъекту должный «бакшишъ», освободились отъ всякаго досмотра и отправились, — въ предшествіи Фоки Яковлевича и съ нѣсколькими арабами, которые несли наши вещи, — не то улицами, не то корридорами, поворачивая изъ стороны въ сторону, наконецъ вышли на небольшую площадь, гдѣ расположенъ рынокъ, и, сложивъ наши вещи около забора, стали ожидать экипажа.

Въ ожиданіи этого экипажа, я постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ обрисовать прошлое и настоящее этого города. Яффа — библейская Иоппа — расположена на отлого-пирамидальномъ холмѣ и принадлежитъ къ одному изъ древнѣйшихъ городовъ въ мірѣ. Плиніи и другіе писатели утверждаютъ, что городъ этотъ существовалъ еще до всемірнаго потопа и что будто бы возлѣ Яффы былъ построенъ ковчегъ, въ которомъ Ной спасался съ своимъ семействомъ отъ всемірнаго потопа. Въ этомъ же городѣ тирскій царь выгружалъ ливанскіе кедры для построения Соломонова храма. Въ первые годы евангельской проповѣди Яффа ознаменовалась двумя важными событіями изъ священ-

ной исторіи: здѣсь апостолъ Петръ воскресилъ благосердную *Тавиоу* (Дѣян. Ап. IX, 36—42) и потомъ, проживая въ домѣ Симона-кожевника, имѣлъ видѣніе — «нисходящей съ неба плащаницы, со всякими животными и гадами, знаменовавшей обращеніе въ христіанство не только іудеевъ, но и язычниковъ, такъ какъ Господь пришелъ на землю спасти всѣхъ» (Дѣян. X, 10—16). Потомъ Яффа была нѣсколько разъ разрушена римлянами, а со временъ Константина Великаго имѣла уже своего епископа. Во времена крестовыхъ походовъ крестоносцы взяли Яффу приступомъ въ 1099 году; въ 1268 году Яффа была отнята у крестоносцевъ Пипарсомъ, нагрянувшимъ изъ Египта, и разрушена до основанія, причемъ все, что было цѣннаго и годнаго для построекъ, вывезено въ Каиръ для украшенія строившихся тамъ въ то время мечетей. Въ 1799 году Наполеонъ I взялъ Яффу приступомъ, и она была отдана солдатамъ на полное разграбленіе и убійство. Именно здѣсь Наполеонъ навсегда омрачилъ свое имя разстрѣляніемъ до 4.000 плѣнныхъ албанцевъ.

Въ настоящемъ видѣ Яффа существуетъ не болѣе 150 лѣтъ. Городъ окруженъ солидною стѣною, на которой даже стоятъ нѣсколько пушекъ. Внутри городъ бѣденъ и грязенъ; улицы узкія, кривыя и вымощены камнемъ. Жителей считается около 10.000, изъ которыхъ христіанъ разныхъ исповѣданій не болѣе 2.000; евреевъ около 1.000 и остальные — мусульмане. Съ открытіемъ Суэцкаго канала христіанское населеніе начало увеличиваться, занимаясь преимущественно торговлею. Предметы вывоза: пшеница, масло, хлопокъ, шерсть и, главное, апельсины и лимоны. Предметы же ввоза: мануфактурные товары, желѣзо, дерево, сахаръ, ризь и бакалейные товары.

Яффа окружена садами, которыхъ считается до 350, и это лучшіе сады во всей Палестинѣ. Привозимые въ Россію яффскіе апельсины не даютъ даже понятія о той прелести этого плода, который получается на мѣстѣ за баснословно дешевую цѣну; эти апельсины до того сочны, что положительно можно захлебнуться. По статистическимъ даннымъ, апельсиновъ вывозится до четырехъ милліоновъ штукъ; кромѣ апельсиновъ, вывозятся: лимоны, гранаты, миндаль и финики. Всѣ эти сады расположены болѣе въ восточной части города, по дорогѣ въ Иерусалимъ. Всѣ сады вмѣсто заборовъ обсажены широколиственными, съ большими иглами, кактусами—*Cactus orupcia*, съ желтоватыми цвѣтами. Кактусы эти образуютъ непроницаемо-плотную стѣну, около полоторыхъ сажень вышины, черезъ которую не только человѣкъ, но даже птица не проберется. За этою-то живую изгородью и возвышается масса апельсиновыхъ, лимонныхъ, миндальныхъ и пальмовыхъ деревьевъ, съ своими роскошно-увѣнчанными наверху коронами.

Каждая изъ христіанскихъ общинъ въ Иерусалимѣ имѣетъ въ Яффѣ свой монастырь, для пріюта поклонниковъ. Самый обширный греческій монастырь—св. Георгія, гдѣ большая часть паломниковъ и спѣшитъ найти себѣ временный пріютъ до отправленія въ Иерусалимъ. Помѣщенія въ этомъ монастырѣ тѣсны и грязны. Хотя Палестинское Общество для русскихъ паломниковъ и нанимаетъ отдѣльный домъ, но помѣщеніе это небольшое, не болѣе какъ на 80 человѣкъ для бѣдныхъ и 8 номеровъ—отдѣльныхъ комнатъ, человѣкъ на 20, для достаточнаго сословія. На обратномъ пути изъ Иерусалима я останавливался въ этомъ помѣщеніи, и долженъ сказать, что оно содержится въ настоящее время очень опрятно, но, къ

сожалѣнію, нанимаемый домъ расположенъ довольно далеко отъ пристани, гдѣ высаживаются пассажиры, и притомъ надобно добираться до него разными глубокими закоулками, что затрудняетъ паломниковъ.

Нельзя пройти молчаніемъ замѣчательной русской постройки, подъ названіемъ *Антониновской*, устроенной на деньги, пожертвованныя изъ Россіи нашимъ почтеннѣйшимъ и глубоко-уважаемымъ всѣми начальникомъ русской миссіи въ Иерусалимѣ—архимандритомъ Антониномъ, о которомъ я буду говорить болѣе подробно впослѣдствіи. Архимандритъ Антонинъ имѣлъ возможность пріобрѣсти близъ Яффы, въ одной верстѣ отъ города, мѣсто, ознаменованное событіемъ изъ священной исторіи: воскрешеніемъ апостоломъ Петромъ Тавиѳы, домъ которой и былъ на этомъ мѣстѣ. На купленномъ мѣстѣ отцомъ Антониномъ построенъ прекрасный домъ, съ свѣтлыми, чистыми комнатами, и окруженъ роскошнымъ садомъ, въ которомъ сгруппированы роскошныя пальмы, бананы, цѣлыя небольшія роши апельсиновыхъ, лимонныхъ и гранатныхъ деревьевъ и значительная площадь находится подъ виноградниками. Здѣсь паломники могли бы имѣть роскошный пріютъ до отправленія своего въ Иерусалимъ, и это тѣмъ болѣе удобно, что постройка эта стоитъ почти на самой дорогѣ изъ Яффы въ Иерусалимъ,—слѣдовательно для паломниковъ сдѣлать себѣ небольшія покупки провизіи не составляло бы особеннаго труда, такъ какъ постройки эти близъ города. Притомъ, если партіи паломниковъ будутъ съ пристани направляемы прямо на Антониновскія постройки, то немедленно и продавцы товаровъ вслѣдъ за паломниками явятся сами туда же. Все это зависитъ отъ русскаго вице-консула въ Яффѣ, который и долженъ всѣмъ этимъ благоразумно рас-

поряжаться. Кромѣ матеріальнаго удобства для паломниковъ, послѣдніе на первомъ шагу вступленія своего на Святую землю будутъ имѣть первую свою остановку на мѣстѣ, освященномъ домомъ евангельской Тавиѳы и, сверхъ того, будутъ ограждены отъ эксплуатаціи греческихъ монаховъ монастыря св. Георгія, гдѣ разными записями и пожертвованіями на лампы и пр. они до того разоряютъ паломниковъ, что послѣдніе къ концу своего паломничества остаются безъ копѣйки, живя впроголодь и едва поддерживая свое существованіе хлѣбомъ и водою сомнительнаго качества.

Минуть черезъ двадцать нашего ожиданія на площади подѣхалъ экипажъ, запряженный тройкою лошадей. Экипажъ незатѣйливый, что-то въ родѣ шарабана, состоящаго изъ трехъ скамеекъ, на которыхъ положены подушки; на каждой скамейкѣ можетъ помѣститься по два человѣка. Сверху экипажа слѣланъ навѣсъ, а по бокамъ—полотняныя шторы. Экипажъ на лежащихъ рессорахъ и извѣстенъ подъ названіемъ *каруицы*.

Уложивъ нашъ багажъ и запасшись приличнымъ количествомъ чудныхъ апельсиновъ, я и мой почтеннѣйшій спутникъ Б. усѣлись въ эту незатѣйливую каруицу и, простившись съ Фокой Яковлевичемъ, поѣхали по кривымъ и отвратительно-вымощеннымъ улицамъ Яффы. Оставивъ городъ, мы ѣхали сначала по шоссе, между роскошными апельсинными и лимонными садами, а затѣмъ выѣхали на прелестную Соронскую долину. Въ лѣвой сторонѣ показалось селеніе, какъ намъ сообщилъ нашъ возница—нѣмецкая колонія, основанная какимъ-то русскимъ барономъ Устиновымъ. Разъ поселившись въ краѣ, нѣмцы, конечно, привлекаютъ къ себѣ родичей изъ густо-населенной Германіи, сплочиваются въ плотную массу, захватываютъ

въ свои руки разныя отрасли промышленности и забираютъ себѣ окружающее мѣстное населеніе въ кабалу.

Путешественники, большею частію посѣщающіе святыя мѣста въ осеннее время, описываютъ Соронскую долину въ непривлекательномъ видѣ, съ выжженной травой и вообще представляющею весьма унылый видъ. Напротивъ, намъ пришлось видѣть эту долину въ полномъ ея блескѣ: вся долина была покрыта изумрудною зеленью, въ перемежку съ золотистыми, созрѣвающими хлѣбными колосьями; вдали на горизонтѣ виднѣлись Іудейскія горы; солнце не особенно припекало, будучи покрыто легкими прозрачными облаками и легкой вѣтерокъ умѣрялъ полуденный зной. Такъ мы незамѣтно проѣхали первыя 12 или 15 верстъ до Рамлы, гдѣ возница нашъ, оказавшійся евреемъ изъ Россіи, отлично говорящимъ по-русски, предложилъ намъ остановиться въ гостиницѣ, содержимой нѣмцемъ, для обѣда, такъ какъ далѣе, до самаго Іерусалима, порядочнаго пріюта болѣе уже не будетъ, тѣмъ болѣе, что и время было около 2 часовъ по-полудни, да и мы сами начали уже ощущать голодъ. Заказавъ приготовить что-нибудь для обѣда, я съ моимъ спутникомъ отправились побродить по городу и ознакомиться съ его характеромъ.

Вступая на палестинскую землю, вспоминаешь, что каждый шагъ этой земли ознаменованъ великими событіями изъ жизни Іисуса Христа и Его святыхъ учениковъ и апостоловъ, а равно и библейскими событіями. Изъ Евангелія извѣстно, что Іисусъ Христосъ проходилъ Палестину до Тира и Сидона. Въ самой Яффѣ, какъ я упомянулъ выше, произошло воскресеніе Тавиѳы. Соронская долина ознаменована библейскимъ событіемъ битвы іудеевъ съ филистимлянами. — Самое Рамла—родина Іосифа и Никодима,

прежде бывший цвѣтушій городъ, а нынѣ небольшое, грязное мѣстечко, не болѣе какъ съ 4.000 жителей, преимущественно мусульманъ; мѣстечко это расположено почти въ срединѣ Соронской долины.—Въ Рамлѣ греческій монастырь во имя преподобнаго Георгія Побѣдоносца и построень, какъ говоритъ преданіе, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ Иосифа Аримаѳейскаго. Надобно вообще замѣтить, что въ Палестинѣ чтутъ въ особенности св. Георгія и пророка Ілію, и не только православные, но также латиняне и мусульмане.

Очень жаль, что русскій страннопріимный домъ былъ устроенъ въ отдаленіи отъ дороги и что трудно даже къ нему подъѣзжать въ экипажѣ; потому онъ мало и посѣщался путниками, которые останавливаются въ монастырѣ или въ нѣмецкой гостинницѣ, куда извозчики и направляютъ путешественниковъ.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Рамлы, не болѣе 3-хъ часовъ пути, находится Лидда—въ древности значительный городъ, а въ настоящее время небольшое мѣстечко, замѣчательное въ христіанскомъ отношеніи тѣмъ, что здѣсь родился и здѣсь же погребеньъ подъ престоломъ въ мраморномъ гробѣ Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій, и кромѣ того здѣсь же было сотворено чудо апостоломъ Петромъ, который исцѣлилъ разслабленнаго Енея, 7 лѣтъ лежавшагося на одрѣ въ разслабленномъ состояніи. Въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ (гл. IX, 22—35), такъ сказано объ этомъ исцѣленіи: «И бысть Петру, посѣщающу всѣхъ, снiti и ко святымъ живущимъ въ Лиддѣ. Обрѣте же тамо челоуѣка нѣкоего, именемъ Енее, отъ 7 лѣтъ лежаща на одрѣ, иже бѣ разслабленъ. И рече ему Петръ: Енее, исцѣляетъ тя Іисусъ Христосъ, возстани съ постели твоя, и абіе возста.—

И видѣша его вси живушіе въ Лиддѣ и Ассаронѣ, иже обратишася ко Господу».

Очень жаль, что, по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, мы не могли посѣтить это замѣчательное мѣсто и видѣли его только издали.

Подкрѣпивъ свои силы стаканомъ чая и яйцами съ бутербродами, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Было около 2-хъ часовъ, и томительная жара начала насъ очень мучить. Дорога около часу тянулась еще по плодородной Соронской долинѣ, а потомъ шла по каменистой мѣстности и начала подниматься на небольшую возвышенности. Лѣтъ 30 и даже 20 тому назадъ мѣстности эти были опасны для путешественниковъ отъ набѣга бедуиновъ; но въ 1860 году, начиная отъ Яффы и до Іерусалима, построены сторожевыя будки черезъ каждыя 5 верстъ, и въ каждой будкѣ поселена турецкая стража, изъ 2-хъ или 3-хъ стражниковъ, которые обязаны были по очереди разѣзжать по дорогѣ для охраны путешественниковъ. Мѣра эта имѣла благотѣльное вліяніе для спокойствія края, и въ настоящее время одиночные путники совершенно безопасно проѣзжаютъ отъ Яффы до Іерусалима. Продолжая нашъ путь, мы достигли часа черезъ полтора деревни *Латрунь*, которая расположена нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги; а на самой дорогѣ выстроень небольшой домъ, въ которомъ путники и останавливаются кормить своихъ лошадей. Хотя отъ Рамлы мы проѣхали не болѣе 12 верстъ, но нашъ возница объявилъ намъ, что въ виду труднаго подъема на Іудейскія горы необходимо покормить лошадей и дать имъ отдыхъ. Мы, съ своей стороны, конечно, не дѣлали никакого возраженія, тѣмъ болѣе, что мы и не рассчитывали въ этотъ день доѣхать до Святого Града.

Название деревни Латрунъ приписываютъ латинскому слову *latro*—разбойникъ. Деревня эта считается родиною *благодарнаго разбойника*, который, по преданію, назывался *Дисмасъ*. Сохранилось преданіе, что будто бы Пресвятая Дѣва, во время бѣгства своего въ Египетъ съ Божественнымъ Младенцемъ Иисусомъ и св. Иосифомъ, была встрѣчена разбойниками, въ числѣ которыхъ находился и Дисмасъ.—Этотъ Дисмасъ будто бы охранялъ ихъ и открылъ имъ свободный путь.

Около Латруна начали уже намъ попадаться на встрѣчу партіи нашихъ поклонниковъ, возвращающихся обратно на родину изъ Иерусалима. Въ Латрунѣ мы съ нѣкоторыми бесѣдовали, спрашивая ихъ о жизни въ Иерусалимѣ. Никто не жаловался на какія-либо притѣсненія во время жизни ихъ на русскихъ постройкахъ; объ одномъ только говорили, что по случаю большого стеченія народа къ Великому празднику Пасхи была большая тѣснота въ помѣщеніи, такъ что жили не только въ комнатахъ, биткомъ набитыхъ, но спали въ корридорахъ, лишь бы только не уходить съ русскихъ построекъ въ греческіе монастыри, гдѣ страшная нечистота и буквально нечѣмъ дышать.

Простоявъ въ Латрунѣ около часу, мы пустились въ дальнѣйшій путь и черезъ полчаса приблизились къ самымъ Иудейскимъ горамъ или такъ называемому ущелью горъ «*Бабъ-Эль-Вади*». Отъ этого пункта дорога идетъ по крутымъ горамъ, совершенно безплоднымъ, усѣяннымъ острыми каменными глыбами. Жара начала стихать и легкій вѣтерокъ освѣжалъ температуру. По дорогѣ мы часто встрѣчали небольшія группы нашихъ паломниковъ: кто верхомъ на ослѣ, кто въ нѣмецкихъ каруцахъ, а зна-

чительная часть и пѣшкомъ, неся въ рукахъ фонарики съ священнымъ огнемъ. Путь весь идетъ съ горы на гору и такъ будетъ продолжаться до самаго Иерусалима; лошади идутъ шагомъ какъ на гору, такъ и подъ гору; по причинѣ крутыхъ спусковъ приходится тормазить экипажъ.—Такимъ образомъ продолжая этотъ однообразно-унылый путь, мы достигли селенія *Сарисъ*, расположеннаго на высокой горѣ, считающейся самою возвышенною точкой Иудейскихъ горъ, откуда видны: Яффа и Средиземное море. Мы вышли изъ экипажа и довольно долго любовались прелестной картинсй: съ одной стороны далеко внизу виднѣлась Яффа, съ своими оригинальными постройками, и зеркальная поверхность Средиземнаго моря, покрытая какъ бы легкимъ флеромъ блѣдно-лило-ватаго цвѣта, а съ остальныхъ сторонъ нагромождались одна надъ другой гряды Иудейскія горы, съ голыми каменными вершинами разныхъ оттѣнковъ, въ ту минуту какъ разъ освѣщенные склоняющимся къ западу солнцемъ.—Пройдя нѣсколько по плато этой прелестной возвышенности, мы опять взобрались въ свою нѣмецкую колымагу и продолжали нашъ путь, спускаясь и подымаясь съ одной горы на другую. Черезъ полчаса отъ Сариса мы проѣхали довольно большое селеніе *Абугошъ*, расположенное въ довольно живописной долинѣ между горами. Селеніе это построено изъ мѣстныхъ камней и почти сливается съ окружающими ихъ скалами. Мѣсто это было прежде страшилищемъ для всѣхъ паломниковъ, но въ настоящее время всѣ эти ужасы остались только въ преданіи. Мы все продолжали карабкаться съ горы на гору; одна изъ возвышенностей называется *Кастель*, отъ латинскаго слова *Castellum*, т.-е. крѣпость, и нѣтъ сомнѣнія, что названіе это сохра-

нилось со времени крестоносцевъ. Между тѣмъ солнце быстро склонялось къ западу, и въ горахъ темнота становилась особенно замѣтною. Наконецъ мы начали спускаться въ прекрасную долину, гдѣ находится нѣсколько источниковъ; тутъ же послѣдній остановочный пунктъ передъ Іерусалимомъ, называемый *Калони*. Съ прїѣздомъ нашимъ къ этому пункту наступила уже совершенная темнота, и мы рѣшили отдохнуть здѣсь до разсвѣта, тѣмъ болѣе, что отъ Калони начинается самый длинный и послѣдній подъемъ съ довольно крутыми поворотами и весьма опасными оврагами по бокамъ.

Заѣзжій домъ содержитъ арабъ, христіанинъ-католикъ, свободно объясняющійся по-французски; здѣсь же встрѣтили мы двухъ турокъ, съ которыми мой спутникъ Б., говорящій свободно по-турецки, вступилъ въ разговоръ, и въ ожиданіи самовара мы не замѣтили, какъ прошло добрыхъ полчаса. Вечеръ былъ восхитительный: тишина въ воздухѣ и небо, покрытое мириадами блестящихъ звѣздъ. На террасѣ поставили столъ, покрытый бѣлою, чистою скатертью; посуда и самоваръ отличались чистотою, и такая была тишина въ воздухѣ, что горящія свѣчи не задувало.

Невдалекѣ отъ стоящаго на дорогѣ заѣзжаго дома, гдѣ мы остановились, расположена деревня *Калони*, которая построена на развалинахъ евангельскаго *Эммауса*, гдѣ Спаситель, по воскресеніи Своемъ, явилъ Себя двумъ ученикамъ: Лукѣ и Клеопѣ. Въ преданіи сохранилось еще, что въ этой же долинѣ происходила знаменитая битва между Давидомъ и Голиафомъ.

Послѣ чаю намъ отвели комнату съ двумя приличными кроватями, и мы отправились пораньше на покой, чтобы съ разсвѣтомъ сдѣлать послѣдній переѣздъ до Святого Града.

Едва показался первый лучъ восходящей утренней зари, какъ нашъ возница пришелъ насъ будить. Самоваръ кипѣлъ уже на столѣ, и, выпивъ по стакану чая, мы отправились въ дальнѣйшій путь, къ конечной цѣли нашего путешествія.

Дорога отъ самой Калони идетъ въ гору версты на три длиною, съ частыми крутыми поворотами. Едва поднялись на гору, какъ съ правой стороны въ горахъ показалась православная церковь, со многими постройками. Это «*Горняя*», и здѣсь стараніемъ о. Антонина на пріобрѣтенномъ мѣстѣ положено начало небольшой женской обители, о чемъ будетъ сказано мною ниже.

Утро было необыкновенно теплое, и на востокѣ изъ-за горизонта начали показываться первые лучи восходящаго солнца; по дорогѣ встрѣчались преимущественно арабки, несущія на своихъ головахъ огромныя тяжести — сѣстные припасы и кучи хвороста на іерусалимскій рынокъ; нагруженные тяжестью верблюды и ослики попадались довольно часто; все это показывало, что мы приближаемся къ довольно многолюдному городу—центру человѣческой дѣятельности. Между тѣмъ окружающая природа была мертва: голые утесы, отсутствіе всякой растительности, такъ что и восходящія лучи чуднаго небснаго свѣтила мало оживляли эту мертвенно-каменистую природу. Наконецъ, не доѣзжая версты четыре до Іерусалима, съ правой стороны показалась плодоносная долина Креста, въ глубинѣ которой, среди невысокаго лѣса, показалась «*Обитель Честнаго Креста и семинарія Патріаршаго Іерусалимскаго Престола*». Нѣсколько болѣе на востокъ показалась «*Святая Елеонская гора*», покрытая зеленью и невысокими, отдѣльно стоящими деревьями; на вершинѣ горы — небольшая церковь съ

высокою колокольнею, а на юго-востокѣ, по вио-
леемской дорогѣ—«Монастырь св. Пророка Иліи». Еще
одинъ небольшой подъемъ—и глазамъ нашимъ пред-
ставился въ пустынной гористой мѣстности Св. Градъ,
окруженный стѣнами. При первомъ взглядѣ на всю
эту святую мѣстность, мы сотворили крестное знаме-
ніе, и мнѣ вспомнились слова Давида: «Горы окрестъ
Ею и Господь окрестъ людей Своихъ». Взоры наши
устремилась на грудь нагроможденныхъ зданій, окру-
женныхъ стѣною, отыскивая куполь Св. Храма Гроба
Господня, но куполь этотъ едва выдѣляется между
массою строеній, а болѣе всего замѣтенъ куполь мечети
Омара. Съ лѣвой стороны на сѣверо-западъ воз-
вышались большія постройки, окруженныя стѣною и
съ возвышающимися пятиглавыми куполами Св. Хра-
ма,—это наши русскія постройки, куда мы и прика-
зали кучеру везти насъ.

ГЛАВА VI.

Пребываніе въ Іерусалимѣ.—Осмотръ святыхъ мѣстъ въ окрест-
ностяхъ Св. Града.

Въ 6 часовъ утра, 13 апрѣля, мы вѣхали въ
Св. Градъ. Сначала идетъ довольно широкая улица
между небольшими постройками большею частью въ
европейскомъ стилѣ; при нѣкоторыхъ даже разво-
дятся небольшіе садики; но эти новыя постройки
расположены только съ южной и западной сторонъ
древняго Іерусалима. Между подобными строеніями
мы и доѣхали до ограды русскихъ построекъ, гдѣ
арабъ-привратникъ отворилъ намъ ворота и поздра-
вилъ насъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. Во дворѣ
построекъ мы встрѣтили порядочную толпу бого-
мольцевъ, которые, съ котомками за плечами и съ
фонарями священнаго огня въ рукахъ, собирались въ
обратный путь; нѣсколько навьюченныхъ ословъ,
оглашая воздухъ пронзительнымъ своимъ крикомъ,
съ черномазыми своими проводниками, дополняли
эту картину. Не успѣли мы дойти до главнаго
подъѣзда дома, какъ вся странствующая толпа за-

пѣла: «Христось воскресе» и двинулась въ дальнее путешествіе на родину.

Хотя поклонники съ русскихъ построекъ и начали отправляться послѣ праздника Пасхи на родину, но все еще на постройкахъ оставалось ихъ такъ много, что мы не могли получить порядочной комнаты, чтобы немедленно устроиться, и въ ожиданіи болѣе порядочнаго помѣщенія пришлось на время занять небольшую комнатку въ нижнемъ этажѣ дома, а спутникъ мой Б., какъ предполагавшій пробить въ Иерусалимѣ не болѣе трехъ дней, отправился отыскивать помѣщеніе въ близлежащей частной гостинницѣ.

Описаніе іерусалимскихъ святынь сдѣлано уже многими путешественниками, и въ моихъ воспоминаніяхъ будетъ только повтореніе уже того, о чемъ упомянуто въ десяткахъ различныхъ сочиненій и, конечно, съ болѣею историческою подробностью, нежели то, что я излагаю здѣсь только какъ личное мое впечатлѣніе, безъ всякихъ ссылокъ на историческіе документы. Но прежде, нежели начать описывать поклоненіе святынямъ, я позволю себѣ кратко представить многострадальную исторію Св. Града Иерусалима, заимствованную мною изъ разныхъ источниковъ.

По преданію всѣхъ восточныхъ народовъ, основаніе Иерусалима положено великимъ первосвященникомъ и царемъ *Мельхиседекомъ*¹⁾, который и называлъ его *Салимъ*, что, по изъясненію апостола Павла, значитъ *Миръ*. По тому же преданію, Мельхиседекъ перенесъ въ Иерусалимъ тѣло праотца Адама, которое было сохранено Ноемъ въ ковчегѣ и похоронено на Голгоѣѣ.

Въ священномъ писаніи имя Иерусалимъ въ пер-

вый разъ встрѣчается въ книгѣ Иисуса Навина (X, 23). Величіе и слава Града Иерусалима начинается со времени Давида, который, сдѣлавшись царемъ всего Израиля, овладѣлъ Иерусалимомъ за 1050 лѣтъ до Рождества Христова и назвалъ его «*Градомъ Давидовымъ*». Царь тирскій Хирамъ привѣтствовалъ Давида съ новымъ завоеваніемъ, доставилъ ему кедры ливанскіе и зодчихъ для постройки царскихъ палатъ. Давидъ окружилъ весь городъ крѣпкою стѣною и перенесъ съ особенною пышностью въ новую столицу Кивотъ Завѣта.

Сынъ Давида, Соломонъ, началъ построеніе знаменитаго Соломонова храма на холмѣ *Моріа* въ 4-й годъ своего царствованія, и постройка длилась 7 лѣтъ. Храмъ Соломона, по великолѣпію и роскоши своей, былъ причисленъ къ семи чудесамъ древняго міра. Торжественное величіе святыни и великолѣпіе Соломоновыхъ палатъ, упоминаемая въ Книгѣ Царствъ гл. VII и VIII, привлекли вниманіе народовъ на Иерусалимъ, который въ 40-лѣтнее царствованіе достигъ апогея славы и величія, какъ по постройкѣ великолѣпныхъ зданій, такъ и по торговымъ сношеніямъ, простиравшимся до Индіи и Африки. Въ 8-й Книгѣ Царствъ, главы 23—26, сказано: «и возвеселится Соломонъ паче всѣхъ царей земныхъ и богатствомъ, и смысломъ.—И вси цари земстїи искаху видѣти лице Соломона, еже бы услышати смысла его, его же даде ему Господь въ сердце его. И тїи приношаху кїжды дары свои на всякое лѣто».

Послѣ смерти Соломона, при сынѣ его *Ровоамъ*, царство Еврейское раздѣлилось на царства Израильское и Іудейское, и начались вражды между обоими. Въ 970 году египетскій фараонъ *Сусакимъ* двинулся съ несмѣтными полчищами на Иерусалимъ и похитилъ всѣ сокровища храма и царскихъ палатъ.

¹⁾ Слово Мельхиседекъ означаетъ *Царь Правды*.

Въ слѣдующій затѣмъ длинный періодъ начались междоусобицы между царями іудейскимъ и израильскимъ, и Іерусалимъ переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія.

Александръ Македонскій, за 323 года до Рождества Христова, ниспровергнувъ роскошный Тиръ, двинулся на Іерусалимъ. Тогдашній первосвященникъ *Иаддусъ*, со множествомъ священниковъ вышелъ на встрѣчу Александру въ полномъ облаченіи, имѣя на головѣ *кидару* (митру) съ золотою надшицею, на которой было написано имя Божіе. Александръ слѣзъ съ коня, преклонился предъ именемъ Божіимъ и оградилъ Іерусалимъ своимъ покровительствомъ.

Послѣ смерти Александра Македонскаго (332 г.) Сирія, Палестина и Финикія перешли во власть правителя Египта. Около 150 лѣтъ Іудейская страна, во главѣ съ Іерусалимомъ, страдала отъ междоусобицъ; наконецъ, за 61 годъ до Рождества Христова, явился *Помпей* подъ стѣнами Іерусалима и послѣ трехъ-мѣсячной осады, разрушивши городскія стѣны, овладѣлъ всѣмъ Іерусалимомъ. Съ этого времени Іудея утратила свою независимость и была обращена въ область подвластную римлянамъ.

Вскорѣ послѣ завоеванія всей Іудеи титулъ царя Іудеи данъ былъ римскимъ сенатомъ *Ироду*, прозванному впослѣдствіи Великимъ. Иродъ съ начала своего царствованія обратилъ вниманіе на возобновленіе іерусалимскаго храма, на постройку великолѣпныхъ зданій, какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ другихъ городахъ Іудеи. Въ особенности Иродъ обратилъ вниманіе на Іерихонъ, гдѣ построилъ крѣпость, великолѣпный дворецъ, ипподромъ и множество зданій.

Царство Ирода ознаменовалось страшными жестокостями: онъ убивалъ не только приближенныхъ

къ себѣ лицъ, но даже и близкихъ къ себѣ родственниковъ, убилъ жену Маріаму, тещу и трехъ своихъ сыновей. Наконецъ, избіеніе 14.000 младенцевъ въ Виолеемѣ, въ надеждѣ убить между ними и Іисуса Христа, составило вѣнецъ его жестокостей. Какъ извѣстно, Господь наказалъ этого изверга: Иродъ умеръ въ ужасныхъ мученіяхъ, заживо изѣденный червями въ открывшихся по всему тѣлу ранахъ.

Послѣ смерти Ирода, сынъ его *Архелай* жестокостями своими не уступалъ отцу; онъ оказывалъ явное неповиновеніе римскимъ повелителямъ, былъ вызванъ въ Римъ, и императоръ Августъ, лишивъ его власти, заточилъ въ крѣпость.

Вслѣдъ затѣмъ наступаетъ періодъ совершенной утраты іудеями своего политическаго существованія, и причиною всему являются *Зилоты* (ревнителі), которые вооружили народъ противъ языческой тиранніи. Въ царствованіе Нерона, въ 71 году по Р. Х., римскія полчища, подъ предводительствомъ сначала Веспасіана, а потомъ сына его, жестокаго Тита, осадили Іерусалимъ и, послѣ пяти-мѣсячной осады, срыли его до основанія, причемъ погибло множество народа, будто-бы до милліона человекъ. Число это невѣроятно, но объясняется тѣмъ, что взятіе Іерусалима происходило во время Іудейской Пасхи, когда стеченіе народа бывало многочисленное

Затаенная на продолжительное время ненависть іудеевъ къ завоевателямъ-язычникамъ, за поруганіе еврейскихъ обрядностей, разразилась въ царствованіе императора Адріана, въ 133 году по Р. Х., открытымъ возстаніемъ. Адріанъ двинулъ на нихъ войска подъ предводительствомъ Юлія Севера. Евреи были совершенно уничтожены и ни одного еврея не осталось въ Іерусалимѣ; Адріанъ запрещалъ евреямъ даже при-

ближаться къ этому городу. Въ 136 году на развалинахъ древняго Іерусалима Адрианъ рѣшилъ основать новый городъ и назвалъ его *Элія Капитолина*, въ честь собственнаго своего прозванія Элій и въ честь Юпитера Капитолійскаго, которому и воздвигнуть былъ храмъ на мѣстѣ бывшаго іудейскаго. Но чтобы предать забвенію христіанскія святыни, Адрианъ построилъ новую іерусалимскую стѣну, которая была возведена позади Голгоѣы, такъ что это святое мѣсто было включено въ черту нынѣшняго города. Въ царствованіе преемниковъ Адриана евреи купили себѣ цѣною золота право приходить плакать на развалинахъ Сіона.

Царствованіе Константина Великаго, озареннаго свѣтомъ истинной вѣры, было эпохою возрожденія для Іерусалима. При Константинѣ святыня іерусалимская вновь возсіяла для міра и начала привлекать къ себѣ поклонниковъ изъ всѣхъ странъ. Благочестивая мать перваго христіанскаго царя — Елена, несмотря на свои 80 лѣтъ, прибыла въ Палестину въ 326 году, посѣтила всѣ священныя мѣста и воздвигла на нихъ многіе храмы. Къ этому же періоду относятъ и постройку храмовъ: Св. Гроба и Виѣлеемскаго. Освященіе храма Воскресенія происходило 13-го сентября 355 года.

При Константинѣ Великомъ іудеямъ дозволено было посѣщать Св. Градъ одинъ разъ въ годъ и плакать на развалинахъ Соломонова святилища.

Черезъ 259 лѣтъ послѣ того, какъ св. Елена и Константинъ Великій соорудили храмы Св. Гроба, Виѣлеемскій и другіе, въ 613 году, персы при Хозроѣ II, послѣ проникновенія въ Византійскую Имперію, съ торжествомъ двинулись на Іерусалимъ и взяли его приступомъ. При этомъ умертвили они массу жителей,

сожгли храмы: Гроба Господня и Воскресенія; вмѣстѣ съ тѣмъ взяли въ плѣнъ патріарха Захарія съ честнымъ древомъ Креста.

Черезъ 15 лѣтъ послѣ взятія Іерусалима персами, т.-е. въ 628 году, императоръ Ираклій вытѣснилъ персовъ изъ Іерусалима, вошелъ въ него пѣшкомъ безъ обуви, неся на себѣ Крестъ Господень, черезъ весь страстной путь до самой Голгоѣы, гдѣ и водрузилъ его.

Едва только христіане начали устраиваться спокойно въ Іерусалимѣ и приводить св. храмы въ порядокъ, какъ черезъ 9 лѣтъ, а именно въ 637 году, магометане-арабы, подъ предводительствомъ калифа Омара, выгнавъ изъ Сиріи византійцевъ, подступили къ Іерусалиму и требовали его сдачи. Омаръ показалъ себя болѣе великодушнымъ, чѣмъ Титъ и Юлій Северъ; онъ далъ письменное ручательство, которымъ охранялась жизнь христіанъ и свобода христіанскаго вѣроисповѣданія ¹⁾. Омаръ вступилъ въ Св. Градъ пѣшій, въ ветхой арабской одеждѣ, въ сопровожденіи патріарха Софронія, и осматривалъ священныя древности города. Наступилъ часъ молитвы, определенный закономъ Магомета, именно въ то время, когда Омаръ съ патріархомъ находились въ храмѣ Воскресенія. Омаръ спросилъ патріарха: «гдѣ бы я могъ помолиться?» — «Тамъ, гдѣ находишься», отвѣчалъ патріархъ. Омаръ отрицательно покачалъ головою. Тогда патріархъ повелъ его въ прилежащій храмъ св. Константина и послалъ ему коверъ для молитвы; но и тутъ Омаръ отказался сотворить молитву и, выйдя изъ храма, палъ на колѣни на ступеняхъ одной лѣстницы, веду-

¹⁾ Этотъ документъ, говорятъ, находится въ архивахъ греческаго монастыря.

шей къ однимъ изъ вратъ храма. По окончаніи молитвы Омаръ сказалъ патриарху: «Если бы я совершилъ молитву въ одномъ изъ этихъ храмовъ, то магометане непременно обратили бы его въ пепель. Затѣмъ, разыскавъ мѣсто, гдѣ былъ храмъ Соломоновъ, Омаръ на этомъ мѣстѣ положилъ основаніе мечети, которая извѣстна подъ названіемъ «*Омаровой*»¹⁾).

При Омарѣ христіанское населеніе не было притѣсняемо, но послѣ этого калифа начинается печальная эра для Іерусалима. Почти въ теченіе четырехъ съ половиною вѣковъ христіане страдали и подвергались гоненіямъ отъ междоусобныхъ распрей между арабами. Гоненія на христіанъ ежегодно усиливались, и дошло до того, что въ 1010 году храмъ Гроба Господня былъ совершенно разоренъ. Наконецъ, христіанская Европа, увидя такія страшныя гоненія на христіанъ, стала помышлять о защитѣ христіанскихъ исповѣданій. Пустынникъ Петръ Аміенскій, посѣтившій два раза Палестину и видѣвшій воочию бѣдствія христіанъ и поруганіе святыни, подвигнулъ европейскія государства освободить Святую Землю отъ ига нечестивыхъ. Многочисленныя христіанскія войска, подъ предводительствомъ Готфрида, явились подъ стѣнами Іерусалима, и послѣ сорокадневной осады Іерусалимъ взятъ былъ крестоносцами 15 іюля 1099 года.

Въ путешествіи по Святой Землѣ, изданномъ Ильинскимъ скитомъ на Аѳонѣ, вступленіе Готфрида въ Іерусалимъ описано слѣдующимъ образомъ: «Благочестивый Готфридъ, со вступленіемъ въ Св. Градъ, когда бой еще кипѣлъ, направился пѣшій и безъ ору-

жія въ храмъ Гроба Господня въ сопровожденіи только трехъ воиновъ. Этимъ смиренномудрымъ дѣйствіемъ онъ прекратилъ кровопролитіе; разъяренное битвою и воспламененное мщеніемъ, войско христіанское послѣдовало примѣру своего вождя. Крестоносцы, скинувъ свои окровавленные одежды, босые и непокрытые, направились въ храмъ ко Гробу Господню, предводительствуемые клиромъ. Готфридъ былъ избранъ въ короли іерусалимскіе, но онъ отказался принять поднесенную ему золотую корону, сказавъ, что онъ не рѣшится носить золотую корону въ городѣ, въ которомъ Спаситель міра былъ увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ. Онъ удовольствовался титуломъ барона и защитника Гроба Господня, хотя и владѣлъ Палестиною со всѣми преимуществами короля. Процарствовалъ одинъ только годъ, Готфридъ умеръ въ 1100 году, оставивъ еще не совсѣмъ окрѣпшій тронъ брату своему Балдуину I-му. Готфридъ былъ погребенъ у подошвы Голгофы. Царствованіе Балдуина продолжалось 18 лѣтъ и ознаменовалось многочисленными побѣдами, за что и былъ прозванъ «Маккавеемъ». Балдуинъ умеръ въ 1118 году».

Затѣмъ, въ теченіе около 130 лѣтъ, Іерусалимское царство находилось еще во власти христіанскихъ властителей, но постепенно приходило въ упадокъ, а съ 1231 начало переходить во власть мусульманъ. Въ 1517 году Іерусалимъ окончательно покоренъ султаномъ Селимомъ и остается до сихъ поръ во владѣніи турокъ. Въ царствованіе Селима построены и настоящія стѣны, окружающія Іерусалимъ, и возведены, какъ надобно полагать, на основаніяхъ тѣхъ стѣнъ, которыя были сооружены крестоносцами, что доказывается и тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ этихъ стѣнъ въ нижнихъ рядахъ совершенно другая кладка, чѣмъ

¹⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы мною изъ путеводителя по Святой Землѣ, изданнаго Ильинскимъ скитомъ на Аѳонѣ.

верхняя. Но не известно, возведены ли крестоносцами іерусалимскія стѣны на фундаментѣ тѣхъ же стѣнъ, которыя были возведены въ царствованіе Адріана, или крестоносцы возводили стѣны совершенно на другомъ мѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ основаніе стѣнъ временъ Адріана было бы гдѣ-нибудь замѣтно, но этого не видно. Съ давнихъ поръ Іерусалимъ причисленъ къ Дамасскому пашалыку и составляетъ теперь отдѣльный округъ, управляемый пашою.

Итакъ, надъ Іерусалимомъ сбываются изреченныя святѣйшими устами Бога слова: *«Іерусалимъ будетъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языкъ»* (Лука XXI, 24).

Изъ вышесказаннаго краткаго очерка исторіи Іерусалима видно, что въ періодъ христіанства онъ подвергался совершенному разрушенію: въ 71 году по Рожд. Хр., въ царствованіе Нерона, полководцами Веспасіаномъ и сыномъ его Титомъ; въ 133 г., въ царствованіе Адріана, полководцемъ Юліемъ Северомъ; въ 613 г. персами при Хозрофъ II; въ 637 г. арабы, подъ предводительствомъ Омара, тоже почти совершенно разрушили Іерусалимъ; въ 1099 г. взяли крестоносцами и въ 1517 г. разрушенъ турецкимъ султаномъ Селимомъ. Это полный періодъ разрушенія Іерусалима, не считая множества войнъ, отъ которыхъ Св. Градъ былъ подвергаемъ большому или меньшему разрушенію.

Дѣйствительно странная судьба, которая тяготѣетъ надъ этимъ святымъ городомъ. Отсюда распространилось христіанство по всей вселенной, — всѣ народы произносятъ съ благоговѣніемъ его имя; сюда стекаются всѣ сословія христіанскаго міра поклониться этимъ освященнымъ *жизнію Спасителя мѣстамъ*; а между тѣмъ онъ продолжаетъ оставаться въ рукахъ мусуль-

манъ! Кажется, не надо бы никакихъ особенныхъ усилій въ настоящее время, чтобы вырвать эту страну изъ рукъ невѣжественныхъ мусульманъ... Но, по какому-то неисповѣдимому предопредѣленію, всѣ европейскія христіанскія державы относятся равнодушно къ этимъ святымъ мѣстамъ, ставя на первый планъ свои обыкновенные житейскіе интересы. Даже Наполеонъ I, желая поработить не только Европу, но пожалуй и весь міръ, послѣ взятія Яффы, на совѣтъ идти на Іерусалимъ, сказалъ: *«Jerusalem n'entre pas dans mes plans!!»*

Напившись послѣ дороги чаю, я съ моимъ спутникомъ Б. отправились представиться прежде всего начальнику русской миссіи — всѣми уважаемому архимандриту отцу Антонину, и получить отъ него наставленія для осмотра и поклоненія іерусалимскимъ святынямъ.

Почтеннѣйшій стражъ русскихъ интересовъ во всей Палестинѣ, о. Антонинъ принялъ насъ, какъ принимаетъ вообще всѣхъ русскихъ, самымъ любезнымъ и радушнымъ образомъ и не только не отказалъ въ своихъ совѣтахъ, но вызвался даже самъ обойти съ нами всѣ священныя мѣста не только въ храмѣ Гроба Господня, но и во всемъ св. градѣ Іерусалимѣ. Мы были въ восторгѣ отъ такого любезнаго предложенія поклониться святынямъ съ человѣкомъ, который въ теченіе 22-хъ-лѣтняго своего пребыванія въ Іерусалимѣ не только исполнялъ должность начальника духовной миссіи, въ буквальномъ значеніи этого слова, но, какъ человѣкъ просвѣщенный и обладающій большими свѣдѣніями по библейской палестинской археологіи, знакомый хорошо съ исторіею всей мѣстности по личнымъ своимъ изысканіямъ, на-

блюденіямъ и какъ знатокъ древнихъ восточныхъ языковъ, могъ провѣрять всѣ свои наблюденія и съ древними письменными источниками.

Черезъ часъ времени мы, въ сопутствіи о. Антонина и шедшаго впереди насъ каваса, вышли за ограду русскихъ построекъ и направились по широкой новой улицѣ, съ лѣвой стороны застроенной небольшими лавками, въ которыхъ продавались для русскихъ паломниковъ разные съѣстные припасы. По дорогѣ сидѣло нѣсколько *прокаженныхъ*; видъ этихъ несчастныхъ по истинѣ ужасенъ: сине-багровыя лица съ язвинами, окутанныя у нѣкоторыхъ грязными тряпицами; руки съ искривленными пальцами; большею частью съ больными глазами или совсѣмъ слѣпые; одѣтые въ какую-то рухлядь и умоляющіе о помощи... Далѣе, съ лѣвой стороны шли грязныя кофейни и рестораны для простого народа, между которыми красовалась вывѣска съ русскою надписью: «*Питейный домъ*». Приближаясь къ Яффскимъ воротамъ, постройки принимаютъ болѣе благообразный видъ; тутъ встрѣчаются лавки съ продажей образовъ, крестиковъ, четокъ, ладана и т. п. Продолжая нашъ путь, минутъ черезъ 15 мы подходили къ зубчатой стѣнѣ съ небольшими бастіонами и башнями, которою окруженъ весь древній Іерусалимъ, и, наконецъ, вступили въ яффскія ворота, гдѣ стоявшій часовой отдалъ честь ружьемъ предъ почтеннѣйшимъ нашимъ путеводителемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отдача этой военной почести духовному лицу дѣлается вслѣдствіе глубокаго личнаго уваженія мусульманъ вообще къ нашему духовному представителю.

Итакъ, мы вступили въ Св. Градъ міра, трижды благословенный Іерусалимъ! Онъ стоитъ одиноко, окруженный стѣнами, среди пустынной, дикой гори-

стой страны, и самъ, такъ сказать, возвышается на горахъ. «*Горы окрестъ Ею и Господь окрестъ людей Своихъ*», какъ сказалъ Давидъ, говоря объ Іерусалимѣ.

Отъ Яффскихъ воротъ путь къ храму Святого Гроба ведетъ по весьма узкимъ улицамъ, застроеннымъ сплошною массою домовъ, въ которыхъ производится торговля всевозможными жизненными припасами. Улицы вымощены до самаго храма довольно хорошо и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены ступени для подъема и спуска, такъ какъ улицы идутъ по весьма волнистой мѣстности. Во всемъ Св. Градѣ сообщеніе по улицамъ только верхомъ или пѣшкомъ, и по дорогѣ мы встрѣчали массу верблюдовъ, муловъ и ословъ, навьюченныхъ разными тяжестями и съѣстными припасами, а потому, шедшій впереди кавасъ расчищалъ намъ дорогу. Безъ каваса по іерусалимскимъ улицамъ надобно ходить очень внимательно и осторожно, такъ какъ погонщики животныхъ никогда не имѣютъ привычки предупреждать крикомъ пѣшеходовъ, чтобы сторонились съ дороги; между тѣмъ улицы такъ узки, что верблюды, навьюченные тяжестями, едва проходятъ по улицамъ и часто двумъ встрѣчнымъ верблюдамъ трудно даже разойтись между собою.—По дорогѣ жители разныхъ исповѣданій почти всѣ встрѣчали отца Антонина поклономъ.

Отъ самыхъ Яффскихъ воротъ, оставивъ направо башню Давида, мы пошли по Давидовой улицѣ, изъ которой повернули влѣво на Христіанскую, болѣе широкую и болѣе чистую, населенную греками. Здѣсь встрѣчаются лавки болѣе опрятныя, съ продажей четокъ, образковъ, восковыхъ свѣчъ и т. п. Чѣмъ ближе мы подвигались къ площади передъ Св. Храмомъ, тѣмъ болѣе встрѣчали поклонниковъ разныхъ

исповѣданій; затѣмъ, спустившись по нѣсколькимъ ступенямъ внизъ и повернувъ налѣво, мы вышли на небольшую площадь; вымощенную гранитными плитами, и передъ нами открылась вся сѣверная сторона храма Св. Гроба Господня. Съ остальныхъ трехъ сторонъ къ Св. Храму примыкають разныя постройки, и только эта сѣверная сторона храма даетъ понятіе объ его архитектурѣ. Предъ нами предстала та цѣль, къ которой въ продолженіе девятнадцати вѣковъ стремятся милліоны людей, чтобы быть въ числѣ избранниковъ—облобызать тѣ святые мѣста, которыя освящены священными стопами Богочеловѣка, окроплены священою Его Кровію и откуда возсіяла радостная всѣмъ вѣсть спасительнаго Воскресенія.

Приближаясь къ Св. Храму съ лѣвой стороны, видишь полуразрушенную башню, а прямо передъ входной дверью—два ряда арокъ, поставленныхъ одна надъ другою и надъ которыми возвышается небольшой куполъ. Входныхъ дверей двое, изъ которыхъ однѣ заколочены наглухо, и входятъ только въ дверь съ лѣвой стороны. На дверныхъ перемычкахъ изображены барельефно: на лѣвой сторонѣ—воскресеніе Лазаря, на правой—вѣтви съ листьями и разными плодами, среди которыхъ помѣщены группы людей, птицъ и животныхъ.

При входѣ въ Св. Храмъ съ лѣвой стороны устроено возвышеніе, на которомъ турецкая стража проводитъ цѣлые дни за кофе, куреніемъ наргиле и играніемъ въ шашки; тутъ же стоитъ постоянно и жаровня съ горячими угольями, вѣроятно для приготовления кофе. Входя въ этотъ священный храмъ, который по справедливости называется величайшимъ изъ храмовъ вселенной,—потому что онъ одинъ только изъ всѣхъ храмовъ имѣеть и будетъ имѣть *бытіе*,—

первая картина сильно оскорбляетъ религиозное чувство христіанина. Хотя надобно прибавить, что стража магометанская ведетъ себя въ храмѣ весьма прилично и довольствуется этимъ скромнымъ угломъ, для своего помѣщенія, которое было бы очень возможно устроить и внѣ храма, около входныхъ дверей, чтобы не оскорблять высокаго чувства христіанина, если бы только было на это обращено должное вниманіе лицъ, стоящихъ во главѣ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Прямо противъ входныхъ дверей помѣщается плита розовато-желтаго мрамора, прикрывающая собою ту плиту, на когорую Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ положили тѣло Спасителя по снятіи Его со креста для помазанія муромъ, по обряду іудейскому. Камень этотъ имѣеть продолговатую форму, около 3-хъ аршинъ въ длину и 14 вершковъ въ ширину; надъ нимъ устроенъ родъ балдахина и теплится нѣсколько матовыхъ лампадъ, а по бокамъ стоятъ 6 высокихъ подсвѣчниковъ. Эта часть храма довольно мрачная, такъ какъ она отдѣляется отъ круглой ротонды, гдѣ помѣщается Кувуклія, высокою стѣною, на которой повѣшено много образовъ съ висящими предъ ними лампадами. Свѣтъ сюда проникаетъ частію отъ входныхъ дверей, а частію съ лѣвой стороны изъ ротонды часовни Св. Гроба. Отецъ Антонинъ указалъ намъ эту святыню, надъ которою мы преклонили колѣна и къ которой приложились съ благоговѣніемъ, между тѣмъ какъ о. Антонинъ читалъ при этомъ соотвѣтствующую событію молитву. На этомъ мѣстѣ мы застали нѣсколькихъ богомольцевъ, также какъ и мы благоговѣнно преклонявшихъ колѣна и творившихъ молитву съ земными поклонами. Камень Муропомазанія составляетъ общую принадлежность грековъ, католиковъ и армянъ.

Проходя съ лѣвой стороны въ самую ротонду часовни Св. Гроба, на пути встрѣчаешь небольшое мѣсто, огороженное грубою желѣзною рѣшеткою, съ горящею по срединѣ лампадою; это мѣсто принадлежитъ армянамъ и означаетъ, будто бы, то самое мѣсто, на которомъ стояла Божія Матерь въ то время, когда помазали тѣло Спасителя и обвивали его чистою плащаницею.

Круглая ротонда храма, въ которую мы вошли, имѣетъ около 10 саж. въ діаметрѣ и освѣщается изъ оконъ верхняго купола, который господствуетъ надъ часовнею Св. Гроба, куда о. Антонинъ и предложилъ намъ войти.

Часовня Св. Гроба, или иначе называемая *Кувуклія*, раздѣляется на два отдѣленія: первое—придѣлъ св. Ангела, такъ называемое потому, что здѣсь, по преданію, ангелъ возвѣстилъ женамъ о воскресеніи Спасителя; входъ туда—черезъ мраморное широкое крыльцо изъ трехъ ступеней, съ мраморными же бѣлыми перилами; надъ дверью—мраморное мозаичное изображеніе Воскресенія Христова. Придѣлъ этотъ—въ видѣ правильнаго четырехугольника, около 5 арш. въ каждой сторонѣ. По срединѣ придѣла въ высокой мраморной вазѣ вложена часть камня, который былъ отваленъ ангеломъ отъ гроба. Надъ вазою висятъ лампы, принадлежащія разнымъ исповѣданіямъ. Внутренность придѣла обложена бѣлымъ и сѣрымъ мраморомъ; по обѣимъ сторонамъ отъ входа, въ стѣнахъ—два небольшія овальныя отверстія, черезъ которыя въ Страстную субботу патриархъ раздаетъ народу священный огонь. Приложившись къ священному камню, мы должны были нѣкоторое время ожидать, чтобы войти въ священное мѣсто, гдѣ стоитъ Гробъ Господень, такъ какъ тамъ были еще молящіеся. Надъ низкою дверью, ве-

душею въ этотъ придѣлъ, изваяны два ангела, держащіе вѣнокъ; самая дверь весьма низкая, и нужно очень наклониться, чтобы войти въ это святилище Св. Гроба. По мѣрѣ выхода богомольцевъ, мы вступили въ это Святая Святыхъ и преклонили колѣна предъ мѣстомъ, въ которомъ покоилось пречистое тѣло Иисуса Христа. Каждый изъ насъ творилъ тихо молитву по внутреннему своему убѣжденію... Подобныя чувства не поддаются перу и не высказываются публично. Лично я не вѣрилъ самъ себѣ, что Господь сподобилъ меня предстать и принести молитву предъ этимъ священнымъ мѣстомъ. Все то, о чемъ я слышалъ съ дѣтства, а впослѣдствіи читалъ и перечитывалъ по нѣскольку разъ, куда стремились мои давнія желанія,— все было исполнено въ эту минуту! Благодареніе Всевышнему за такую мнѣ великую и богатую милость!!

По объясненію отца Антонина, самый Гробъ Господень покрытъ каменною плитою, на которой высѣчено изображеніе Христа съ вытянутыми руками. На этомъ священномъ изображеніи Христа стоитъ серебряный ковчегъ, въ которомъ вложенъ Символь Вѣры, писанный на греческомъ языкѣ. Самое ложе обложено кругомъ мраморною плитою и верхняя доска расколота по срединѣ. Обложение мраморною плитою какъ этого святого мѣста, такъ равно гроба Богоматери и камня Мвропомазанія, сдѣлано собственно для того, чтобы воспрепятствовать поклонникамъ отламывать частицы и увозить съ собою, какъ святыню, на память. Площадь этого придѣла составляетъ почти квадратную сажень. На главной стѣнѣ, что надъ Гробомъ, образъ Воскресшаго Спасителя; болѣе 40 лампадъ изъ чистаго золота и серебра спускаются со свода и освѣщаютъ этотъ придѣлъ; лампы эти принадлежатъ четыремъ вѣроисповѣда-

ніямъ: грекамъ, латинянамъ, армянамъ и коптамъ. Надъ самымъ гробомъ горятъ постоянно, день и ночь, шесть лампадъ; два монаха очередуются при Св. Гробѣ, окропляя каждаго богомольца освященною ароматною водою и частовременно обтираютъ мраморную доску надъ Гробомъ Спасителя этою же освященною водою. На стѣнѣ, прямо противъ входа въ этотъ придѣлъ, помѣщается икона Божіей Матери.

Кувуклія, или пещера Гроба Господня—это часть скалы, *отдѣленной* еще во времена Константина Великаго. Скала эта въ послѣдующіе періоды и въ особенности во времена крестоносцевъ была постепенно обдѣльиваема и приняла настоящій видъ. Пещера Гроба Господня почитается съ первыхъ вѣковъ христіанства. Сохраненію этого святого мѣста помогъ императоръ Адрианъ, въ царствованіе котораго мѣсто это было завалено и на этомъ мѣстѣ былъ построенъ языческой храмъ «Венеры». Между тѣмъ приверженцы Христа, которыхъ уже въ то время было немало, зорко слѣдили за этимъ мѣстомъ, передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе идею важности этого святого мѣста. Впослѣдствіи, когда императоръ Константинъ Великій рѣшился строить храмъ на мѣстѣ Гроба Господня, — приверженцы Христа указали Константину это святое мѣсто, и онъ приказалъ срыть языческой храмъ и открылъ Гробъ Господень въ совершенной цѣлости. Въ это-то время часть скалы съ Гробомъ Господнимъ и была отдѣлена отъ прочей скалы. Впослѣдствіи уже, претерпѣвъ нѣсколько разрушеній во время войнъ, часовня эта была еще разрушена пожаромъ въ 1808 г., и отъ прежней часовни осталась только нижняя часть стѣнъ, не болѣе 2-хъ аршинъ вышины. Окончательная же обдѣлка мраморомъ часовни Св. Гроба Господня въ томъ видѣ,

какъ она представляется въ настоящее время, произведена послѣ пожара 1808 года.—При входѣ въ Кувуклію, по обѣимъ сторонамъ входныхъ ступеней стоятъ шесть большихъ подсвѣчниковъ, по три съ каждой стороны: два принадлежатъ грекамъ, два—латинянамъ и два—армянамъ. Часовня Св. Гроба кругомъ уставлена въ верхнемъ ярусѣ сотнями свѣчъ и разноцвѣтныхъ лампадъ, которыя зажигаются въ торжественныхъ случаяхъ. Кувуклія наверху вѣнчается небольшимъ куполомъ въ видѣ короны.

Выйдя изъ часовни Св. Гроба, о. Антонинъ провель насъ на Голгоѳу. Отъ камня Мвропомазанія мы поднялись по довольно крутой лѣстницѣ въ 20 высокихъ ступеней и вступили въ храмъ Голгоѳы, помѣщающійся подъ небольшимъ куполомъ природной скалы, образуя двѣ арки; подъ каждою находится престолъ для совершенія литургіи. Подъ первой отъ входа аркой помѣщается греческій престолъ изъ цѣльной мраморной плиты на четырехъ столбикахъ, поставленный надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ былъ водруженъ крестъ Спасителя. Подъ престоломъ греческимъ видно круглое отверстіе, обложеное серебромъ, гдѣ былъ водруженъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель міра. За престоломъ—величественное распятіе, по сторонамъ котораго—изображенія во весь ростъ: Богородицы и ученика Спасителя, Іоанна Богослова. Позади распятія—цѣнный иконостасъ, на которомъ изображена икона Спасителя, влекомаго на страсть. Надъ престоломъ висятъ 14 дорогихъ паникадилъ (лампадъ). Съ обѣихъ сторонъ отъ престола видны два круглыя отверстія, обложенныя чернымъ мраморомъ, въ которыя были водружены кресты разбойниковъ. Съ правой стороны отъ престола видна

глубокая разсѣлина, которая образовалась отъ сотрясенія земли въ моментъ смерти Иисуса Христа.

Подъ второй аркой Голгоѣи два престола принадлежатъ католикамъ. По преданію это то самое мѣсто, на которомъ пригвождали Иисуса Христа къ кресту. Въ южной стѣнѣ этого придѣла, черезъ окно внизу видна небольшая католическая капелла во имя Маріи Скорбящей (*María Dolorosa*). Окно это, по преданію, было прежде наружною дверью на Голгоѣу, черезъ которую императоръ Ираклій вошелъ съ Животворящимъ Крестомъ, по отнятіи его у персовъ.

Надобно замѣтить, что въ храмѣ Св. Гроба на всѣхъ священныхъ мѣстахъ, за исключеніемъ храма Воскресенія, литургія совершается на открытыхъ престолахъ, какъ у латинянъ, безъ иконостаса и церковной завѣсы.

Приложившись къ мѣсту водруженія креста Христова, мы спустились обратно по лѣстницѣ внизъ, и о. Антонинъ ввелъ насъ въ греческій храмъ Воскресенія. Храмъ этотъ расположенъ въ восточной сторонѣ отъ круглой ротонды Св. Гроба, и, поднявшись по тремъ ступенямъ подъ большою аркою, мы вступили въ этотъ храмъ. Онъ весьма обширенъ, нѣсколько продолговатой формы, съ отдѣльнымъ куполомъ и великолѣпнымъ иконостасомъ изъ чистаго золота; царскія врата довольно низкія, какъ въ старинныхъ церквахъ; мѣстныя иконы византійскаго письма; боковыя стѣны—сѣверная и южная—украшены тоже въ видѣ иконостаса изящною золоченою рѣзью съ 14 иконами русской живописи; въ куполѣ 18 арокъ, изъ коихъ 8 служатъ окнами, а въ остальныхъ—священные изображенія; вокругъ купола идетъ галерея съ желѣзною рѣшеткою; галерея эта въ торжествен-

ные дни освѣщается сотнями свѣтильниковъ, и на этой галереѣ, въ дни торжественныхъ служеній, помѣщается масса народа; съ середины купола спускается массивное вызолоченное паникадило, и около мѣстныхъ образовъ стоятъ рѣзные мраморные подсвѣчники; отъ царскихъ вратъ по правую сторону—тронъ патріарха, а по лѣвую сторону—такой же тронъ для первенствующаго архіерея, когда патріархъ не служитъ. Вокругъ стѣнъ—по сѣверной и южной сторонамъ устроены деревянные *стасидии*, или формы, съ откидными досками для сидѣнія во время продолжительной службы; полъ храма устланъ мраморными плитами и по срединѣ храма возвышается небольшая мраморная ваза съ яблокомъ наверху, означающая центръ земли. По нѣкоторымъ преданіямъ, ваза эта, или урна, означаетъ то мѣсто, гдѣ стояли мруносицы, во время положенія Христа во гробъ. Алтарь обширный, полукруглый; надъ большимъ престоломъ устроенъ балдахинъ, поддерживаемый четырьмя позолоченными колоннами.

Общее впечатлѣніе храма величественное, но храмъ не содержится въ строго-приличномъ и чистомъ видѣ; сводъ купола внутри облупился, въ грязи, вся позолота потемнѣла, на стѣнахъ всюду пыль и все показываетъ, что не обращается должнаго вниманія на ремонтровку этого величественнаго храма и на приведеніе его въ тотъ благолѣпный видъ, въ которомъ долженъ содержаться Домъ Божій.

Изъ храма Воскресенія о. Антонинъ провелъ насъ по всѣмъ придѣламъ различныхъ вѣроисповѣданій, помѣщающихся въ храмѣ Св. Гроба Господня. Часть этихъ придѣловъ расположена вокругъ храма Воскресенія, откуда мы и начали нашъ обходъ.

Небольшой придѣлъ подъ именемъ часовни *Ка-*

менныхъ Узъ, принадлежащій грекамъ, устроенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Спасителя подвергали пыткамъ: пропустивъ ноги Его въ два отверстія черезъ каменную плиту, заключили ихъ въ желѣзные цѣпи.

Влѣво отъ часовни Узъ помѣщается придѣлъ *Темницы Христовой*. Здѣсь, по преданію, Спаситель былъ заключенъ съ двумя разбойниками, пока приготавливали орудія для Его казни.

Придѣлъ *св. Логина Сотника*, который, какъ извѣстно, увѣровалъ въ Иисуса Христа въ то время, когда за словомъ: «*совершишася!*» послѣдовали страшныя знаменія: солнце померкло, скалы разступились, церковная завѣса въ храмѣ Соломоновомъ раздралась съ верхняго края до нижняго; тогда сотникъ сказалъ своимъ воинамъ и народу: «*во истину Божій Сынъ бы сей*». Жизнь свою окончилъ Логинъ, какъ извѣстно по исторіи, печально: по приказанію Пилата, онъ былъ обезглавленъ именно за то, что, несмотря на большія деньги, предлагаемыя со стороны синедріона, онъ не рѣшился давать ложныя показанія относительно воскресенія Христова; какъ очевидецъ этого событія, онъ еще болѣе увѣровалъ въ святость этого Богочеловѣка.

Далѣе на востокъ, за самымъ алтаремъ греческаго храма, находится придѣлъ *Раздѣленія Ризъ*, принадлежащій армянамъ.

Отъ придѣла *Раздѣленія Ризъ* лѣстница въ 28 ступеней ведетъ внизъ, въ церковь св. Елены, принадлежащую армянамъ. Придѣлъ этотъ высѣченъ въ скалѣ, покрытъ куполомъ, въ которомъ окна въ видѣ амбразуръ. Въ сѣверо-восточномъ углу показываютъ окно, изъ котораго св. Елена слѣдила за работами, когда отыскивали Животворящій Крестъ. Изъ этой церкви 13 ступеней внизъ ведутъ въ церковь *Обрѣтенія*

Честнаго Креста. Своды этого придѣла изсѣчены въ природной скалѣ. Здѣсь два придѣла: одинъ принадлежитъ грекамъ, а другой — католикамъ; около послѣдняго, будто бы, и найдены были гвозди, которыми пречистое тѣло Спасителя было пригвождено къ кресту. Здѣсь 14 сентября, въ день Воздвиженія Животворящаго Креста, греками совершается торжественное служеніе. Преданіе говоритъ, что здѣсь же найдена и доска, которая была прибита къ кресту Спасителя съ надписью по-эллински, римски и еврейски: «*Иисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій*». Доска эта находится въ Римѣ въ церкви Св. Креста. Передаютъ, что въ надписаніи вышеозначенныхъ словъ греческія и латинскія буквы расположены по еврейскому писанію отъ правой руки къ лѣвой. Постоянная сырость, покрывающая своды этого храма, приписывается очень древней цистернѣ, будто бы сооруженной еще св. Еленю.

Поднявшись на верхъ изъ храма Обрѣтенія Креста, мы прошли вдоль сѣверной стороны храма въ часовню *Адама*, или иначе называемую часовню *Іоанна Предтечи*. Часовня эта находится подъ самою сѣвѣрною частію Голгофы. Здѣсь сквозь желѣзную рѣшетку видна въ природной скалѣ трещина, которая служитъ продолженіемъ отъ самой Голгофы. По преданію, здѣсь Ной похоронилъ голову и кости Адама и во время распятія Спасителя истекшая изъ Его ребра кровь упала на черепъ праотца Адама, согрѣшившаго въ раю, и омыла его отъ первороднаго грѣха. Отъ этого и вошло въ обыкновеніе изображать подъ крестомъ черепъ Адама. Здѣсь же, по преданію, былъ похороненъ и первый первосвященникъ Мельхиседекъ, основатель Салема — нынѣшняго Іерусалима. Здѣсь же около дверей часовни были похоронены Готфридъ Бульонскій и братъ его Балду-

инъ I — освободители Иерусалима; но пожаръ 1808 г. уничтожилъ эти оба памятника. Притомъ, можетъ быть, и греки воспользовались этимъ моментомъ, чтобы скрыть слѣды этихъ могилъ, напоминавшіе права латинянъ.

Отъ часовни Адама о. Антонинъ провелъ насъ къ югу, по прямой линіи греческаго храма, темнымъ корридормъ, мимо огромныхъ дверей съ правой стороны, откуда шло страшное зловоніе, — прямо къ католической часовнѣ, которая нѣсколько выступаетъ изъ главнаго корпуса храма въ сѣверную сторону. Часовня эта, или латинская церковь, извѣстна подъ именемъ: *Церкви Богоматери или Явленія*. По преданію, Богоматерь находилась здѣсь все время, пока Господь былъ во гробѣ, и здѣсь же Онъ явился ей тотчасъ по Своемъ воскресеніи. Въ этой церкви три престола; подлѣ одного изъ нихъ находится обломокъ колонны, къ которой въ преторіи Пилата былъ привязанъ Спаситель для бичеванія. Колонна эта сохраняется за желѣзною рѣшеткою, которая открывается для поклоненія вѣрующимъ только одинъ разъ въ году — въ среду на Страстной недѣлѣ. Въ остальное же время прикладываются къ этой части св. колонны посредствомъ деревянной трости съ бронзовымъ оконечникомъ, которымъ черезъ особое отверстіе въ желѣзной рѣшоткѣ дотрогиваются до колонны и затѣмъ цѣлуютъ этотъ конецъ трости.

Въ ризницѣ этого католическаго придѣла, въ одномъ изъ ящиковъ комода, хранятся мечъ и шпоры Готфрида Бульонскаго, весьма подозрительныя, потому что шпоры формой своей сильно напоминаютъ шпоры новѣйшихъ временъ, а мечъ весьма короткій; между тѣмъ извѣстно, что мечи того времени отличались своею длиною.

Изъ латинской церкви «Явленіе Христа Богоматери» идя въ круглую ротонду Св. Храма, мы прошли мѣсто, принадлежащее латинянамъ, означенное на полу бѣлымъ мраморнымъ кругомъ; на этомъ мѣстѣ, будто бы, Христосъ явился Богоматери по Своемъ воскресеніи. Странно то, что это мѣсто, освященное такимъ важнымъ событіемъ изъ жизни Иисуса Христа, не огорожено и не освѣщается лампадами.

Войдя опять въ круглую ротонду Св. Храма, мы пришли къ Кувукліи, къ западной сторонѣ которой примыкаетъ небольшой придѣлъ коптовъ, а еще далѣе на западъ, между арками, около придѣла сирійцевъ, мы спустились къ могиламъ Іосифа Аримаѳейскаго и Никодима. Гробницы высѣчены въ камнѣ и расположены одна возлѣ другой. Древность этихъ гробницъ, какъ доказываютъ археологическія данныя, не подлежитъ сомнѣнію. Онѣ составляютъ принадлежность сиріянъ.

Къ стѣнамъ храма прилегаютъ монастыри: греческій и латинскій, и сообщеніе съ этими монастырями, къ сожалѣнію, только черезъ Св. Храмъ.

Обойдя кругомъ всѣ придѣлы въ храмѣ Св. Гроба, мы вышли на средину ротонды храма и любовались прелестнымъ куполомъ, который господствуетъ надъ Кувукліею. Куполь этотъ отстроенъ по волѣ двухъ императоровъ: Александра II и Наполеона III, — внутри окрашенъ голубымъ цвѣтомъ, по которому расположены изящныя золотыя арабески. Подъ куполомъ 20 арокъ, между которыми висятъ — по три въ каждой аркѣ — бронзовыя вызолоченныя изящныя лампады — даръ покойной императрицы Маріи Александровны. Между этими арками въ верхнемъ этажѣ устроены довольно узкіе хоры, на которые въ торжественныхъ случаяхъ пускается публика. Но

особенно сильно поразило насъ то, что на одной изъ пилястръ ротонды, прямо противъ западной стороны Кувуклии, гдѣ коптскій придѣлъ, виситъ портретъ нынѣшняго римскаго папы Льва XIII. Хотя римскій папа и признается католиками безгрѣшнымъ, но ротонда Св. Гроба есть общее достояніе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, послѣдователи которыхъ считаютъ римскаго папу, можетъ быть, далеко не безгрѣшнымъ, а потому и изображеніе его въ такомъ священномъ храмѣ непозволительно и неприлично. При томъ у католиковъ есть свой отдѣльный придѣлъ во имя Богоматери,—тамъ они могли бы развѣсить портреты хотя всѣхъ папъ, безгрѣшныхъ и грѣшныхъ,—никто имъ запретить не можетъ.—Весь этотъ храмъ не представляетъ ничего цѣльнаго, стройнаго, какъ снаружи, такъ и внутри. Снаружи онъ застроенъ съ трехъ сторонъ вплотную разными строеніями, и только сѣверная открытая сторона его выходитъ на небольшую площадку. Внутри храмъ этотъ представляетъ страшный лабиринтъ разныхъ пристроекъ и клѣтушекъ, такъ что надобно быть много разъ въ этомъ храмѣ, чтобы имѣть возможность въ немъ ориентироваться.

Пять вѣроисповѣданій — греки, латиняне, армяне, копты и сирійцы — господствуютъ здѣсь, состоя между собою въ постоянной враждѣ, которая буквально доходитъ до ненависти. Изъ этихъ пяти вѣроисповѣданій главными хозяевами являются: греки, латиняне и частію армяне. Всякій вершокъ земли въ этомъ храмѣ каждое изъ вѣроисповѣданій стремится оттянуть въ свою пользу и отдѣлить перегородками. Ненависть, зависть и неразлучныя при этомъ властолюбіе и сребролюбіе у всѣхъ стоятъ на первомъ планѣ. Заповѣданная Великимъ Учителемъ братская любовь не существуетъ

въ этомъ святѣйшемъ изъ святыхъ храмовъ; здѣсь—то именно и забываются слова Спасителя: «*возлюби ближняго яко самъ себя*». Великія, многозначашія слова эти должны бы быть начертаны въ каждомъ отдѣльномъ придѣлѣ на самомъ видномъ мѣстѣ, чтобы служители алтарей имѣли постоянно предъ глазами это заповѣданное ученіе, составляющее основу христіанской религіи.

Такъ какъ нѣтъ любви и братскаго единенія въ этомъ святомъ храмѣ, то и самый храмъ, не смотря на присвоенное ему названіе «Величайшаго и Преславнѣйшаго изъ храмовъ», производитъ удручающее, гнетущее впечатлѣніе на всякаго христіанина: грязь, ужасный смрадъ поражаютъ васъ съ перваго шага вступленія въ эту священнѣйшую святыню.

Со времени Константина Великаго храмъ Св. Гроба три раза подвергался совершенному разрушенію: персами при Хозроѣ II въ 613 году по Р. Х., во время сильнаго гоненія на христіанъ арабами въ 1010 году, въ 1517 году—во время окончательнаго покоренія турками Іерусалима и, наконецъ, пожаръ 1808 года имѣлъ послѣдствіемъ передѣлки и приведеніе этого храма въ его настоящій видъ. Трудно добратъся, чтó и какому вѣку принадлежитъ въ этомъ храмѣ, и можно только съ утвердительною сказать, что настоящій Св. Храмъ стоитъ на мѣстѣ храма, построеннаго Константиномъ Великимъ.

Изъ ротонды Храма о. Антонинъ провелъ насъ въ греческую пріемную, иначе называемый *фандарикъ*, отъ испорченнаго греческаго слова *архандариконъ*, т.-е. гостиная, или пріемная комната, чтобы представить насъ членамъ Свято-Гробскаго Братства. Архимандритъ Серафимъ, старецъ за 70 лѣтъ, уже болѣе 40 лѣтъ состоящій служителемъ при Св. Гробѣ, говорящій только по-гречески, и помощникъ его архимандритъ

Евфимій, лѣтъ 45, говорящій хорошо по-русски, видный, плотный мужчина, съ живыми, умными и хитрыми глазами, представляющій типъ фанариота, — приняли насъ очень радушно и предложили свои услуги во всемъ, чѣмъ только могутъ быть для насъ полезны. Никакихъ книгъ для записей намъ не предлагали, — можетъ быть присутствіе о. Антонина было тому причиною. Черезъ пять минутъ явилось необходимое, по восточному обычаю, угощеніе глико-неро, т.-е. варенье съ водою, и потомъ кофе. Фандарикъ, въ которомъ насъ принимали монахи — небольшая комната, уставленная диванами, съ круглымъ столомъ по срединѣ;halb черезъ дверь, въ другой маленькой комнатѣ, видно было большое изображение Распятія Спасителя: тамъ, вѣроятно, моленная хозяевъ-монаховъ.

Черезъ четверть часа мы поблагодарили монаховъ за ихъ радушный пріемъ и въ сопутствіи о. Антонина, пройдя мимо камня Муропомазанія, вышли изъ храма на площадь въ тѣ же врата, въ которыя и вошли.

Изъ храма Гроба Господня о. Антонинъ провель насъ кривыми улицами прямо къ мѣсту, гдѣ, по преданію, стоялъ домъ Пилата; въ настоящее время на этомъ мѣстѣ казарма турецкихъ войскъ. — Отъ этого бывшего дома Пилата начинается тотъ скорбный крестный путь, по которому Спаситель былъ веденъ подъ тяжестію креста на мѣсто казни — Голгоѳу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время улицы этого скорбнаго пути были не столь узки, какъ въ настоящее время, потому что во время этого шествія смерти сотни тысячъ народа стояли на пути, о чемъ повѣствуетъ и св. Лука. Въ этой толпѣ была, разумѣется, и часть того народа, который за пять дней пе-

редъ тѣмъ встрѣчалъ его торжественное вступленіе и криками «*Осанна!*» привѣтствовалъ Спасителя съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Надобно предполагать, что робость, а можетъ быть и безграничная скорбь смыкали имъ теперь уста. И только женщины, какъ болѣе слабонервныя и болѣе отзывчивыя на всякія страданія, не могли скрывать скорби и ужаса при этомъ страшномъ зрѣлищѣ, и оглашали воздухъ воплями и рыданіями до тѣхъ поръ, пока Иисусъ не заставилъ прекратить эти вопли словами торжественнаго предостереженія: «*Дщери іерусалимскія! не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ!!*» Но Спаситель, измученный жестокостію бичеванія и предшествовавшими днями страшной внутренней борьбы и муки, сильной истомой безсонныхъ ночей, нравственнымъ потрясеніемъ въ саду Геосиманскомъ, звѣрскими издѣвательствами членовъ синедріона и ихъ слугъ, окончательно терялъ тѣлесную крѣпость и съ первыхъ же шаговъ началъ изнемогать подъ тяжестію креста. Не успѣла еще вся процессія приблизиться къ стѣнамъ города, какъ встрѣтился нѣкто *Симонъ Киринянинъ*, одинъ изъ сочувствующихъ учению Христа, и воины заставили его нести это позорное орудіе казни.

Пройдя небольшое разстояніе отъ дома Пилата, мы подошли къ дому, къ которому примыкаетъ арка, гдѣ была преторія, и откуда Пилатъ, убѣжденный въ невинности Спасителя и пораженный Его богоподобнымъ величіемъ, котораго не могли уничтожить даже всѣ претерпѣнныя имъ муки и страданія, выведя Иисуса къ народу, произнесъ многозначительныя слова: «*Се человекъ!*» — Далѣе по крестному пути намъ указывали мѣсто, гдѣ была встрѣча Спасителя съ Богоматерью; на домъ Вероники, сжалившейся надъ Бо-

жественнымъ Страдальцемъ, и на домъ св. Іоакима и Анны, мѣсто рожденія Богородицы,—и такимъ образомъ мы дошли опять до храма Гроба Господня, т. е. до Голгоѳы, или лобнаго мѣста. Весь этотъ страстной путь, послѣ нѣсколькихъ разрушеній всего города Іерусалима, едва ли сохранилъ что-либо, кромѣ приблизительнаго своего направленія. Какъ самое изумительное, потрясающее событіе въ исторіи человѣчества—веденіе Іисуса Христа на смерть и самое распятіе Его вызвало множество различныхъ повѣствованій; но все, что мы знаемъ объ этомъ событіи, что будемъ объ этомъ знать и что Богу угодно было намъ открыть, это то, что распятіе происходило внѣ городскихъ стѣнъ. Религія Христа духовна; памятники и св. мѣста въ ней имѣютъ уже второстепенное значеніе: она не указываетъ своимъ чадамъ на то или другое мѣсто, но—«Царство Божіе должно быть внутри насъ».

Приложившись къ святынямъ въ храмѣ Гроба Господня и пройдя крестный путь, о. Антонинъ предложилъ намъ пройти къ патріарху Никодиму, представиться ему и получить отъ него благословеніе.

Патріархія греческая въ недалнемъ разстояніи отъ храма Св. Гроба, откуда мы, пройдя до-нельзя узкимъ и грязнымъ проулкомъ, черезъ двѣ или три минуты были у патріархіи. Войдя по довольно крутой, прямой лѣстницѣ во второй этажъ, мы прошли черезъ небольшую залу, въ которой встрѣтили нѣсколько греческихъ монаховъ, прямо въ гостиную, убранную не роскошно, но весьма прилично: прямо противъ входа наверху, надъ окномъ, виситъ портретъ султана; въ лѣвомъ углу отъ входа большое кресло съ короною наверху и по обѣимъ сторонамъ этого патріаршаго трона висятъ портреты: Государя Импе-

ратора и Государыни Императрицы Всероссійскихъ, а въ противоположномъ правомъ углу—портреты короля и королевы греческихъ; мягкіе диваны и кресла, а по срединѣ комнаты большой круглый диванъ—вотъ и вся меблировка; нѣтъ роскоши, но все имѣетъ пристойный видъ. Патріарха мы застали въ гостиную; онъ встрѣтилъ насъ весьма привѣтливо, и въ то время, когда мы послѣ благословенія цѣловали у него руку, онъ цѣловалъ насъ въ щеку. Патріархъ Никодимъ роста выше средняго, довольно полный, съ небольшою просѣдью, выразительными, умными черными глазами и производитъ очень располагающее впечатлѣніе. Патріархъ очень интересовался нѣкоторыми вопросами, касающимися Россіи, и тутъ же заявилъ о намѣреніи своемъ черезъ нѣсколько дней ѣхать для осмотра *Горняя*, гдѣ онъ еще никогда не былъ, но слышалъ отличные отъ всѣхъ отзывы о возведенныхъ тамъ о. Антониномъ постройкахъ, и предложилъ намъ, не желаемъ ли ѣхать вмѣстѣ съ нимъ? Мы, конечно, поблагодарили его за такое къ намъ вниманіе и изъявили полное на то наше согласіе. Между тѣмъ подали неизмѣнное на Востокѣ варенье съ водой и кофе. Черезъ полчаса мы простились съ его блаженствомъ и отправились домой на наши русскія постройки. Дорогой о. Антонинъ предложилъ намъ на другой день утромъ лично указать освященныя мѣста на горѣ Елеонской и на Сіонѣ, за что мы, конечно, искренно поблагодарили глубокочтимаго нашего путеводителя и были очень рады, подъ руководствомъ такого опытнаго и ученаго археолога, обойти святыя мѣста.

Простившись на русскихъ постройкахъ съ почтеннѣйшимъ о. Антониномъ, я съ моимъ спутникомъ Б... отправились съ визитомъ къ нашему консулу Дмит-

рію Николаевичу Бухарову. Здѣсь мы встрѣтили весьма радушный пріемъ, и въ тотъ же день были приглашены къ нему обѣдать. Въ семействѣ почтеннѣйшаго нашего консула мы провели время отъ 5 до 8 часовъ вечера и потомъ разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы устроиться основательно на болѣе продолжительное время пребыванія въ Іерусалимѣ. Меня перевели изъ временнаго помѣщенія въ нижнемъ этажѣ въ верхній этажъ, и я занялъ чудесную комнату, съ прекраснымъ видомъ на Елеонскую гору. Комната была весьма приличная, довольно обширная, съ удовлетворительной мебелировкой: диванъ, комодъ, два стола, мягкое кресло, 4 плетеныхъ стула, зеркало и кровать съ чистымъ бѣльемъ; передъ спальною комнатою большая свѣтлая передняя съ большимъ окномъ, гдѣ поставленъ умывальникъ. Приведя въ порядокъ свое небольшое дорожное имущество и напившись чаю, я легъ раньше спать, чтобы на другой день съ 7 часовъ утра, въ сообществѣ о. Антонина, отправиться на Елеонскую гору и осмотрѣть ближайшія къ Іерусалиму достопримѣчательныя мѣста.

На другой день нашего пребыванія въ Іерусалимѣ, т.-е. во вторникъ, 14 апрѣля, въ 7 час. утра, мы были уже въ сборѣ. — Приготовили верховыхъ лошадей и ословъ; но я, какъ плохой кавалеристъ и имѣя въ виду, что предстоитъ ѣхать по крутымъ скалистымъ мѣстамъ, предпочелъ взобраться на осла и совершать свое путешествіе и въ будущемъ на этомъ лѣнивомъ, но скромномъ животномъ.

Утро было превосходное: палестинское солнце было уже высоко надъ горизонтомъ и предвѣщало сильную жару; легкій сѣверо-восточный вѣтерокъ нѣсколько умѣрялъ усиливающійся зной; окрестныя по-

катости холмовъ, по сѣверному склону окаймляющія Св. Градъ, были покрыты еще пріятною, невыгорѣвшею зеленью. Небольшой нашъ караванъ, съ вѣдущимъ впереди необходимымъ кавасомъ, выступилъ изъ ограды русскихъ построекъ, повернулъ налѣво, и мы поѣхали по сѣверной сторонѣ за городскою стѣною; проѣхали Дамасскія, потомъ Иродовы ворота, отъ которыхъ по крутому каменистому спуску повернули на востокъ и начали спускаться къ Кедронскому потоку въ Іосафатову долину. — Въ правой сторонѣ осталась отъ насъ *Овчья купель*, или *Виоэзда*, еврейское названіе, означающее Домъ Милосердія. Здѣсь мы пріостановились, чтобы взглянуть на этотъ источникъ благодати, но къ сожалѣнію источникъ этотъ представилъ намъ въ самомъ печальномъ видѣ: продолговатое, вырытое въ землѣ углубленіе заваливается мусоромъ и разными нечистотами. Странно, что христіанскія вѣроисповѣданія допустили оставить это мѣсто въ полномъ пренебреженіи. Во времена Спасителя на этомъ мѣстѣ былъ прудъ, содержавшій въ себѣ цѣлебную воду; прудъ этотъ былъ окруженъ пятиугольнымъ зданіемъ, подъ портиками котораго всегда лежало множество страждущихъ, слѣпыхъ и разслабленныхъ, желающихъ воспользоваться волненіемъ и всплесками воды, показывавшими высшее развитіе его цѣлебныхъ свойствъ. — Св. еванг. Іоаннъ приписываетъ цѣлебныя свойства воды схожденію ангела, который въ извѣстные промежутки возмущалъ эту воду, предоставляя всю цѣлебную силу ея тому, кто погружался въ нее первымъ. Между этими больными былъ разслабленный бѣднякъ, который 38 лѣтъ страдалъ отъ паралича, ибо хотя и жилъ въ портикахъ этого пруда, но, по слабости своей, не могъ броситься въ прудъ въ самый моментъ возмущенія

воды. — Спаситель, проходя мимо этого человѣка, взглянулъ на него съ состраданіемъ и сказалъ разслабленному: «*Встань, возьми постель свою и ходи*».

Отъ мѣста Овчей купели, мы проѣхали мимо мѣста, гдѣ былъ убитъ св. Стефанъ; по каменному мосту переѣхали черезъ Кедронскій потокъ и по небольшому подъему приблизились къ *пещерѣ*, или *храму Богоматери*. За мостомъ встрѣчалось много прокаженныхъ, большею частію сидѣвшихъ на одномъ мѣстѣ безъ движенія и издававшихъ только возгласы: «Хаваджа! Хаваджа (господинъ)!»

Пещера Богоматери снаружи представляется въ видѣ погребца, прислоненнаго къ гребню горы, съ большими двухстворчатыми желѣзными дверями въ готическихъ аркахъ; стѣны сложены изъ массивныхъ камней, въ расщелинахъ которыхъ растутъ мохъ и пучки травы. Войдя въ дверь, мы стали спускаться по весьма широкой лѣстницѣ въ обширную пещеру. Если войти въ эту пещеру съ дневного свѣта, — внутри ея окажется полный мракъ и только далеко въ глубинѣ пещеры внизу мелькаютъ огоньки отъ множества лампадъ. Спустившись по широкой мраморной лѣстницѣ внизъ, на 20 ступеней, мы остановились на площадкѣ передъ двумя престолами съ правой стороны, которые устроены надъ могилами родителей Пресвятой Дѣвы, св. Іоакима и Анны; а на противоположной лѣвой сторонѣ — престолъ надъ могилою Іосифа Обручника. Спустившись далѣе внизъ еще на 30 ступеней, мы вступили въ храмъ съ полукруглыми сводами, въ восточной сторонѣ котораго возвышается кувуклія изъ цѣльной скалы, отдѣленной отъ окружающихъ скалъ. Здѣсь оканчивалась литургія надъ гробомъ Богоматери, и поклонники пѣли на нашемъ родномъ славянскомъ языкѣ. По-

клонниковъ застали мы здѣсь много, такъ какъ передъ возвращеніемъ на родину многіе пожелали въ послѣдній разъ помолиться передъ гробомъ Богоматери. Всѣ молящіеся стояли съ зажженными свѣчами, что придавало особенную торжественность служенію въ этой подземной гробовой святынѣ.

Кувуклія внутри не обложена мраморомъ, а представляетъ изъ себя природную скалу, т.-е. сохраняетъ свой первобытный видъ; мраморомъ же обложено только то мѣсто, которое служило гробницею Богоматери; болѣе 20 серебряныхъ подсвѣчниковъ и множество лампадъ освѣщаютъ эту усыпальницу. Пространство этой кувукліи нѣсколько менѣе 3-хъ арш. въ квадратѣ. При совершеніи литургіи, гробница служитъ престоломъ, а жертвенникъ внѣ кувукліи прислоненъ у входныхъ южныхъ дверей. На самой гробницѣ литургію могутъ совершать только греки и армяне; католики совершаютъ литургію на престолахъ св. Іоакима и Анны, а копты и сирійцы имѣютъ свои небольшіе придѣлы.

Храмъ этотъ, заключающій въ себѣ гробницу Богоматери, по всѣмъ историческимъ даннымъ, былъ построенъ св. Еленою, одновременно съ храмомъ св. Гроба Господня и сохранялся въ цѣлости до начала XI вѣка. Съ этого времени о немъ упоминается какъ о разоренномъ; вѣроятно, онъ былъ разрушенъ арабами въ 1010 году, когда подвергся разоренію и весь Іерусалимъ. При Балдуинѣ II, въ 1161 г., храмъ этотъ возстановленъ съ устроеннымъ при немъ монастыремъ; но монастырь былъ разрушенъ Саладиномъ въ 1187 г., церковь же уцѣлѣла благодаря тому, что магометане имѣютъ особенное уваженіе къ Пресвятой Дѣвѣ, и храмъ этотъ остается нетронутымъ почти въ теченіе IX вѣковъ. Арабы называютъ Божію Ма-

теръ «*Ситти Маріамъ*», т.-е. Святая Марія. Въ доказательство уваженія магометанъ къ священному мѣсту гробницы Богоматери, мнѣ передавали, что часто видѣли магометанъ, идущихъ съ пѣснями и музыкою по дорогѣ, но, подходя къ вратамъ священной пещеры, толпа переставала пѣть и въ безмолвіи останавливалась предъ этою пещерою. Кромѣ того, мусульманскія женщины приходятъ къ *Ситти Маріамъ* съ молитвами во время труднаго періода беременности.

Воздавъ наши молитвы надъ священою гробницею Богоматери и выйдя изъ пещеры, мы прошли въ лѣвую сторону, гдѣ находится проходъ съ узкою дверью, ведущею въ небольшую пещеру, принадлежащую католикамъ и называемую «*Пещера моленія о чашѣ*». На этомъ мѣстѣ, по священо-историческому преданію, Спаситель молился колѣнопреклоненно и въ тяжелой скорби, произнося многозначительныя слова: «*Отче Мой! если возможно, да минуеть Меня чаша сія, впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты*» (ев. Лука 24, 41). Недалеко отъ вышеозначеннаго мѣста указываютъ на грудѣ сложенныхъ камней, означающихъ то мѣсто, на которомъ спали ученики въ то время, когда Спаситель уединенно обращался съ молитвою къ Отцу Небесному. Нѣсколько шаговъ выше отъ настоящаго мѣста указываютъ на обнесенное каменною стѣною въ видѣ проулка мѣсто, на которомъ Іуда коварнымъ поцѣлуемъ предалъ своего Божественнаго Учителя.

Трудно вѣрится, чтобы въ торжественныя минуты моленія Спаситель ушелъ молиться въ душевное подземелье. Воображенію скорѣе представляется темное южное небо, усѣянное міриадами небесныхъ свѣтилъ, подъ которыми изливалась вся душа Богочеловѣка предъ Отцомъ Небеснымъ. Въ доказательство

того, что Спаситель не углубился въ пещеру для молитвы, служитъ еще и то, что послѣ словъ, сказанныхъ ученикамъ: «*Душа Моя скорбитъ смертельно, побудьте здѣсь и бодрствуйте*», Онъ отошелъ дальше отъ учениковъ, и они видѣли, какъ пламенна была Его молитва и какъ тяжело страданіе, которое испытывалъ Онъ. Ученики видѣли, какъ Онъ, въ молитвенномъ порывѣ преклонялся и падалъ ницъ (Лука 24, 41), и слышали выраженія смертельной скорби, въ которыхъ Его человѣчество и просило объ избавленіи, и смирялось предъ Божественною волею Отца. Слова эти были, какъ я упомянулъ уже выше: «*Отче Мой! если возможно, да минуеть Меня чаша сія, впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты*». И эта молитва, произнесенная съ безконечнымъ упованіемъ, была услышана Его учениками. Слѣдовательно, если бы Спаситель молился въ глубокой пещерѣ, слова эти не могли бы быть услышаны Его учениками. Евангельское повѣствованіе точно не обозначаетъ: ни мѣста моленія о чашѣ, ни мѣста сна учениковъ, ни мѣста цѣлованія Іуды. Можно только предположить, что всѣ эти событія происходили близъ упомянутыхъ мѣстъ, и пока стоитъ міръ, всегда съ благоговѣніемъ будутъ смотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ Спаситель человѣчества вошелъ въ долину тѣни смертной.

Отъ послѣдняго мѣста, гдѣ будто бы происходило фарисейское цѣлованіе Іудею Спасителя, мы черезъ небольшую калитку вошли въ *Геосиманскій садъ*, съ нѣсколькими весьма древними маслинами. Мѣсто это обнесено каменною стѣною и принадлежитъ католикамъ. Внутри садикъ содержится необыкновенно опрятно, раздѣленъ рѣшетками на нѣсколько частей; между масличными деревьями разведено много цвѣтовъ. Здѣсь особенно уважаются восемь громаднѣхъ

деревь съ вѣковыми корявыми стволами. Можно быть почти увѣреннымъ, что тѣ деревья, которыя были во времена Спасителя, истреблены во время страшныхъ войнъ, когда отъ Иерусалима не оставалось камня на камнѣ. Хотя докторъ Петерманъ въ описаніи своего путешествія и считаетъ возможнымъ, что нынѣ существующія старыя восемь деревъ могутъ быть современны Спасителю, но допустить это почти невозможно; одно только еще можно предположить, что нынѣ существующія восемь самыхъ старыхъ деревъ произошли отъ пней или корней деревъ первобытныхъ, существовавшихъ во времена Спасителя. Впрочемъ Плиніи Младшій говоритъ, что «маслины такъ долговѣчны, что не знаютъ смерти». Внутри сада, кругомъ по оградѣ, устроено нѣсколько небольшихъ часовень съ рельефными изображеніями страданій Иисуса Христа. Монахъ-францисканецъ встрѣтилъ насъ въ саду очень любезно и далъ намъ вѣтки маслинъ отъ старѣйшихъ деревьевъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Геосиманскаго сада, на одной изъ покостей горы, строится церковь, на средства русской Августѣйшей семьи, въ память покойной Императрицы Маріи Александровны. Мы въ подробности осмотрѣли этотъ будущій изящный храмъ, у котораго только еще начинали возводить куполь. Признаться, мы сильно сомнѣвались, чтобы храмъ этотъ могъ быть готовъ къ октябрю 1887 года, такъ какъ жары, продолжающіеся съ половины мая до сентября, почти не даютъ возможности производить работы на открытомъ воздухѣ.

Осмотрѣвъ постройку русской церкви и поднявшись нѣсколько въ гору, мы повернули налѣво къ небольшой вершинѣ, называемой *Галилеею*. Название свое эта часть горы получила потому, что здѣсь, во-

первыхъ, останавливались галилеяне, приходившіе на праздникъ Пасхи, и, во-вторыхъ, по воспоминанію обращенія ангеловъ къ апостоламъ, при вознесеніи Спасителя на небо.

Отъ возвышенности, называемой Галилеею, мы проѣхали къ другой возвышенности въ недалекомъ отъ нея разстояніи, именуемой вершиною *Вознесенія*, на которой построено нѣсколько арабскихъ лачужекъ. Около этихъ убогихъ хижинъ небольшая ограда окаймляетъ площадь, по срединѣ которой построена мечеть, называемая часовнею Вознесенія. Въ срединѣ этой мечети лежитъ небольшой камень съ отпечаткомъ человѣческой ступни. Увѣряютъ, будто бы Спаситель вознесся съ этого камня на небо и на камнѣ отпечатлѣлась Его святая ступня. Мечеть эта съ круглымъ небольшимъ куполомъ и безъ оконъ. Христіанская церковь признаетъ это мѣсто дѣйствительнымъ пунктомъ, откуда Господь вознесся на небо, а потому мы послѣдовали примѣру о. Антонина и приложились къ этому святому мѣсту. Мечеть эта стоитъ на мѣстѣ бывшаго христіанскаго храма, построеннаго Еленою, который былъ разрушенъ персами, потомъ, возобновленный, снова былъ разрушенъ Хакимомъ, возобновленъ крестоносцами и опять разрушенъ въ 1517 году султаномъ Селимомъ, въ царствованіе котораго и построена нынѣ существующая мечеть изъ бѣлаго мрамора—изъ развалинъ разрушеннаго христіанскаго храма. Мусульмане не только дозволяютъ христіанамъ осматривать мечеть, но дозволяютъ даже въ день Вознесенія совершать богослуженіе, для чего кругомъ ограды устроено два каменныхъ престола. Мѣсто это, на которомъ стоитъ мечеть, замѣчательно еще и тѣмъ, что Христосъ въ день торжественнаго вѣзда Своего въ Иерусалимъ,

сопровождаемый множествомъ народа, восклицавшаго: «*Осанна сыну Давидову!*», смотрѣлъ съ этого мѣста на дивный городъ, знаменитый историческими воспоминаніями и приводившій въ изумленіе всѣхъ іудейскихъ и языческихъ путешественниковъ блестящими золотыми куполами своихъ храмовъ и высокими мраморными башнями. Въ своемъ Божественномъ предвѣдѣніи, Спаситель провидѣлъ печальную его будущность, и не только плакалъ о немъ, но даже предавался рыданію. И когда народъ въ изумленіи смотрѣлъ на Него, не зная, что думать, что сказать, тогда Спаситель изрекъ народу грозное пророчество о градѣ Іерусалимѣ: «*О, еслибы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служитъ къ миру твоему, но это сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ, ибо придутъ на тебя дни, когда враги обложатъ тебя окопами и окружаютъ тебя и стѣснятъ тебя отовсюду и разорятъ тебя и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ и не оставятъ въ тебѣ камня на камень за то, что ты не узналъ времени твоего*». (Лука 19).

Заплативъ бакшишъ за право осмотра мечети, мы проѣхали къ католическому монастырю кармелитокъ. Монастырь этотъ, занимая площадь до 10 десятинъ, основанъ на самыхъ строгихъ началахъ, и разъ поступившая въ этотъ монастырь монахиня во всю жизнь уже не имѣетъ права выйти за ограду этого монастыря. Монастырскія постройки въ громадныхъ размѣрахъ окружены высокою каменною оградой, съ разведеннымъ негустымъ садомъ какъ дикихъ плодовыхъ деревъ, такъ и разныхъ овощей. Къ этому же монастырю примыкаетъ католическая капелла, построенная графинею Латуръ-д'Овернь, съ галлереею вокругъ того мѣста, на которомъ Спаситель научилъ молитвѣ Господней: «*Отче нашъ*». Внутри этой галлерей на

боковыхъ ея стѣнахъ размѣщены 33 мраморныхъ доски, на которыхъ золотыми буквами написана молитва Господня на 33 различныхъ языкахъ. Къ крайнему нашему удивленію, молитва эта написана на русскомъ языкѣ съ грубыми, непростительными ошибками. При устройствѣ этой галлерей, конечно, не пожелали обратиться съ просьбою въ наше консульство, чтобы провѣрить орфографію этой письменности. Очень можно допустить, что и на другихъ языкахъ, особливо восточныхъ, молитва эта написана еще съ болѣе крупными ошибками.

Молитва Господня сдѣлалась лучшимъ наслѣдіемъ всякаго христіанскаго богослуженія. Какія слова могутъ чаще повторяться съ болѣшимъ благоговѣніемъ, какъ не слова молитвы Христовой? Во всѣхъ странахъ свѣта перечитывается эта молитва людьми всѣхъ возрастовъ. Первая молитва, которой мать учитъ своего ребенка,—это молитва «*Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ*». И весьма кстати эти божественныя слова написаны на разныхъ языкахъ—здѣсь, куда ежегодно стекается столько разныхъ племенъ и нарѣчій для воздаянія хвалы Искупителю. Здѣсь же, въ особой комнатѣ, на особомъ мраморномъ катафалкѣ изображена мраморная фигура покойной Латуръ-д'Овернь. Отсюда мы прошли въ латинскую церковь при монастырѣ кармелитокъ. Церковь довольно обширна, съ мраморными украшеніями; на внутренней продольной стѣнѣ устроены окна съ желѣзными рѣшетками, за которыми кармелитки стоятъ во время богослуженія.

Возвратясь изъ церкви внутреннимъ дворикомъ, усаженнымъ прелестными цвѣтами, насъ провели въ подземелье съ 6-ю или 8-ю ступенями внизъ. Въ этомъ подземельѣ родъ длиннаго и широкаго корридора съ 12-ю коллонами, которые поддерживаютъ

сводъ. Прямо противъ входа въ это подземелье устроенъ католическій алтарь, посвященный памяти 12 апостоловъ. По преданію, ученики Христа, по вознесеніи Его на небо, пребывали нѣкоторое время въ этой пещерѣ и потомъ здѣсь же составили «Символъ Вѣры».

Отъ монастыря кармелитокъ мы начали подниматься на самую вершину Елеонской горы по довольно крутому и каменистому подъему. Вообще надобно замѣтить, что весь подъемъ на Елеонскую гору довольно труденъ, такъ какъ вся гора состоитъ большею частью изъ груды навороченныхъ камней, между которыми на небольшихъ площадкахъ мѣстами показывается трава и въ настоящее весеннее время, пока еще не выжжена солнцемъ, издали даетъ всей горѣ пріятный зеленый оттѣнокъ. Кромѣ площади, занятой подъ Геосиманскимъ садомъ и садомъ монастыря кармелитокъ, древесная растительность существуетъ только въ видѣ отдѣльныхъ масличныхъ деревьевъ, которыя встрѣчаются чаще къ вершинѣ горы; попадаются деревья глубокой старости, нижняя часть ствола которыхъ состоитъ изъ множества наслоеній древесной коры, сажени 1½ и даже 2 въ окружности; видно, что деревья эти черезъ извѣстные періоды возобновлялись побѣгами отъ пней, такъ что къ прежде существовавшему присоединился пенъ новаго образования. Дороги по горѣ проложены только въ видѣ узкихъ тропинокъ между камнями, черезъ что ѣзда даже и верхомъ весьма затруднительна. Полуденное солнце сильно насъ припекало и расслабляло, тѣмъ болѣе, что почти не было никакого вѣтра; наши животныя замѣтно устали, едва передвигали ноги, поднимая насъ на высоту горы. Остановливаясь на разныхъ возвышенностяхъ Елеонской горы, мы любова-

лись постепенно развертывающейся передъ нами панорамой Иерусалима. Поднявшись теперь на самую вершину горы, мы пришли въ восхищеніе отъ дивной картины всей окружающей насъ мѣстности. Но прежде чѣмъ насладиться красотой этой мѣстности, мы пошли въ храмъ, выстроенный о. Антониномъ на самомъ плато Елеонской горы. Храмъ небольшой, въ византийскомъ стилѣ, съ прекраснымъ золотымъ иконостасомъ. Войдя въ храмъ, о. Антонинъ прочиталъ тропарь Вознесенію передъ царскими вратами. Мы крайне были удивлены, что построенный на семъ мѣстѣ храмъ не посвященъ воспоминанію важнаго событія изъ жизни Иисуса Христа—Его Вознесенію. При этомъ намъ объяснили, что первоначальная мысль была дѣйствительно построить этотъ храмъ во имя Вознесенія Спасителя, но впоследствии, когда греки тоже купили на Елеонской горѣ часть мѣста, назвавши его Новою Галилеею, и рѣшили на пріобрѣтенномъ мѣстѣ строить храмъ въ воспоминаніе Вознесенія, тогда греческій патріархъ не разрѣшилъ русскимъ строить храмъ въ воспоминаніе этого важнаго событія, и храмъ освященъ во имя Христа Спасителя. Трудно даже себѣ представить, почему на Елеонской горѣ два храма не могли быть посвящены памяти одного и того же событія? Неужели какіе-нибудь меркантильные расчеты могли воспрепятствовать русскимъ имѣть храмъ Вознесенія, построенный почти близъ того мѣста, на которомъ совершилось это божественное явленіе? Пріобрѣтенный греками участокъ лежитъ довольно далеко отъ настоящаго освященнаго мѣста, но изъ памяти народной, передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе, никогда не изгладится святость мѣста, около котораго совершались событія послѣднихъ дней пребыванія Спасителя на землѣ, и вновь созданная

греками Новая Галилея, которая въ настоящее время еще окружена только каменнымъ заборомъ, никогда не замѣнить старой Галилеи на Елеонѣ.

Выйдя изъ церкви, мы осмотрѣли близъ этого храма достраивающуюся колокольню, на которой навѣшены уже колокола; изъ нихъ самый большой, вѣсомъ 150 пудъ, присланъ въ прошломъ году изъ Москвы въ даръ этой церкви. Послѣдній ярусъ на этой колокольнѣ достраивается, и видъ съ этой высокой башни будетъ замѣчательнъ тѣмъ, что одновременно будутъ видимы два моря: Средиземное и Мертвое; послѣднее лежитъ, по изслѣдованію Линча, выше поверхности Средиземнаго моря на 400 футъ. Звонъ съ русской православной церкви разносится теперь на большое пространство въ окрестностяхъ Іерусалима, и благовѣсть въ большой колоколъ придаетъ особую торжественность. По величинѣ своей колоколъ въ 150 п. въ настоящее время единственный во всемъ Іерусалимѣ. Замѣчательно, что колоколъ этотъ доставленъ изъ Яффы на особо устроенной телѣжкѣ, вплоть до Елеонской горы, русскими поклонниками; путешествіе съ нимъ продолжалось 11 дней. Нужно проѣхать самому этотъ путь, чтобы понять всю трудность, которую надобно было преодолѣть, чтобы доставить этотъ колоколъ. Я видѣлъ въ Яффѣ на берегу колоколъ вѣсомъ 180 пудъ, тоже доставленный изъ Москвы въ даръ храму Гроба Господня; ожидаютъ скопленія паломниковъ, чтобы съ помощью массы людей перевезти этотъ колоколъ изъ Яффы въ Іерусалимъ.

Отъ колокольни мы прошли въ домъ, устроенный о. Антониномъ для отдохновенія молящихся. Послѣ утомительной жары, пребыванія на солнцѣ съ 7 час. утра и почти до 2 час. по-полудни, отдох-

новеніе въ тѣнистой комнатѣ было истиннымъ наслажденіемъ. Послѣ легкой холодной закуски былъ поданъ чай, который доказалъ намъ всю живительную силу своего свойства; за стаканомъ чая, въ поучительной бесѣдѣ съ о. Антониномъ, прошла вся усталость, и черезъ часть времени, несмотря на сильный зной, мы готовы были опять пуститься въ дальнѣйшій путь. Домъ содержитя необыкновенно опрятно и заключаетъ въ себѣ четыре комнаты. Въ одной изъ этихъ комнатъ стоитъ большое Распятіе и въ двухъ шкафахъ собраны различные предметы, найденные въ землѣ при закладкѣ фундамента, какъ-то: обломки древнихъ гробницъ, части карнизовъ, колоннокъ и орнаментовъ. Затѣмъ изъ этой же комнаты мы спустились по лѣстницѣ внизъ въ усыпальницу, гдѣ помѣщаются шесть гробовъ, высѣченныхъ въ скалѣ, изъ которыхъ два открыты съ человѣческими костями, а остальные закрыты и замазаны. На верхнихъ доскахъ вырѣзаны кресты и надписи, что здѣсь покоятся тѣла армянскихъ царей. Въ этой же комнатѣ, за особою перегородкою, уложена часть древняго мозаическаго пола VI вѣка, съ изображеніемъ рыбъ и птицъ; подъ этимъ поломъ были открыты цистерны въ нѣсколько аршинъ глубиною. Всѣ эти археологическія богатства сохраняются теперь подъ выстроеннымъ надъ ними домомъ, который окруженъ молодымъ садомъ; прелестные кипарисы, пальмы и другія растенія, окружая домъ, современемъ составятъ украшеніе вершины Елеонской горы. О. Антонинъ воспользовался благопріятнымъ моментомъ приобрѣсти этотъ драгоценный кусокъ земли. Это человѣкъ съ большими познаніями въ археологіи, хорошо изучившій христіанскую священную исторію, одаренный необыкновенною энергією, несмотря на свои 70 лѣтъ

и обладающій большимъ вкусомъ ко всему изящному — потому и все, что выходитъ изъ подъ надзора и рукъ этого просвѣщеннаго человѣка, отличается разумностию и изяществомъ.

Осмотрѣвъ зданіе внутри, мы поднялись на плоскую его крышу, откуда могли вполнѣ насладиться прелестною картиною всей окружающей насъ панорамы. Съ восточной стороны раскинулись гряды голыхъ скалистыхъ Іудейскихъ горъ, возвышаясь одна надъ другою, и между ними, какъ зеркало въ окаймляющей его рамѣ горныхъ сланцевыхъ и известковыхъ породъ, проникнутыхъ асфальтомъ — *Мертвое море*. Неподвижная поверхность этого моря стоячей плотной воды, озаренная яркими лучами солнца, при прозрачномъ воздухѣ была необыкновенно эффектна и ослѣпительна. Нѣсколько лѣвъѣ — узкая полоса, окаймленная растительностию, обозначала теченіе священной рѣчки Іордана. Вся эта мѣстность, несмотря на 30-тиверстное разстояніе, отъ необыкновенной прозрачности воздуха была видима весьма явственно. Съ противоположной западной стороны разстилался весь Іерусалимъ съ своими зубчатыми стѣнами и выдающеюся башнею Давида. Обширная площадь горы Моріа, съ Омаровою мечетью, особенно выдѣлялась изъ группы всѣхъ строеній, а позади этой мечети изъ груды нагроможденныхъ зданій возвышались два купола храма Св. Гроба Господня; нѣсколько лѣвъѣ, на Сіонѣ виднѣлась небольшая мечеть, гдѣ былъ домъ Тайной Вечери; у самага подножія Елеонской горы извивалось сухое ложе Кедронскаго потока; съ лѣвой стороны виднѣлась могила Авессалома, а съ правой — Вертепъ Геѳсиманскій съ могилою Богоматери; вдали, на сѣверо-западѣ всю эту картину вѣнчали изящныя русскія постройки съ великолѣпнымъ пятиглавымъ

соборомъ. Такъ какъ былъ конецъ апрѣля, то всѣ окружающіе холмы и поляны были покрыты зеленью, что придавало еще болѣе прелести всей окружающей мѣстности, а яркое южное солнце необыкновенно эффектно освѣщало всю эту панораму. Трудно выразить то впечатлѣніе, которое овладѣвало мною при видѣ этой величественной картины. Мнѣ не вѣрилось, что я стою на вершинѣ этой святой горы и созерцаю предъ собою священные мѣста, откуда возсіалъ лучъ спасенія человѣчества, откуда раздались первыя слова мира и любви!.. Здѣсь Спаситель научилъ насъ молитвѣ «*Отче нашъ*»; въ этихъ мѣстахъ протекла вся жизнь Богочеловѣка: отъ дня рожденія, до самой смерти и до дня вознесенія Его на небо. На этой же священной горѣ надобно ожидать и второго Его пришествія на землю, основываясь на благовѣстіи ангеловъ апостоламъ при Его вознесеніи: «*Мужіе Галилейскіи, что стоите зряще на небо? Сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде придетъ, имже образомъ видѣте Его идуща на небо*». (Дѣян. Ап. ч. I, ст. 11).

Съ горы Елеонской мы начали спускаться прежнею же дорогою и, проѣхавъ мостъ черезъ Кедронскій потокъ, повернули влѣво по берегу этого потока. Надобно замѣтить, что въ Кедронскомъ потокѣ никогда воды не бываетъ и ложе его совершенно сухое. Рассказываютъ, что бывали примѣры, когда черезъ десятилѣтніе періоды отъ продолжительныхъ, обильныхъ дождей въ немъ появлялась вода на короткое время въ видѣ горнаго ручья.

Проѣзжая мимо горы Моріа, видишь по откосу этой горы магометанское кладбище, на лѣвой же сторонѣ по откосамъ подножія Елеонской горы — еврейскія могилы. Эта мѣстность называется Іосафатовою долиною и усѣяна вся еврейскими надгробными па-

мятниками. Между ними рѣзко выдѣляется памятникъ въ видѣ довольно большого четырехъ-угольнаго зданія съ заостренною крышею: это могила Авессалома—непокорнаго сына царя Давида. На могилѣ нѣтъ никакихъ надписей да и вообще никакихъ историческихъ данныхъ, которыя указывали бы, что это могила дѣйствительно Авессалома; между тѣмъ--тысячелѣтіями переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе преданіе, что это именно могила сына Давидова. Могила эта, какъ намъ сообщили, внутри вся завалена камнями, потому что всякій еврей, проходя мимо этой могилы, считаетъ обязанностью бросить въ нее камень въ знакъ презрѣнія къ непокорному сыну царя Давида. Иосафатова долина можетъ смѣло быть названа долиною смерти, такъ какъ, кромѣ груды нагроможденныхъ надгробныхъ памятниковъ, ничего не представляетъ. Еврейскія тѣла состоятельными евреями пересылаются иногда сюда для погребенія. Ревнителіи закона Моисеева величайшимъ для себя счастьемъ считаютъ быть погребенными въ обѣтованной землѣ, для чего старики оставляютъ родину, забирая съ собою и свои семейства; по смерти стариковъ, семья, привыкнувъ къ мѣстности, остается тамъ навсегда. Но такъ какъ еврейскія семьи многочисленны, поэтому и населеніе Палестины быстро умножается этимъ племенемъ.

Далѣе мы сдѣлали поворотъ на юго-западъ и, поднявшись нѣсколько въ гору на сѣверъ, подѣхали къ *Силоамской купели*. Резервуаръ этотъ въ видѣ прямоугольника имѣетъ до 8 саж. длины, 3 ширины и 3 глубины, хотя онъ и обложенъ каменными стѣнками, но все это приходитъ въ разрушеніе. Резервуаръ этотъ соединяется съ близлежащимъ Силоамскимъ источникомъ, откуда и наполняется водою. На этомъ мѣстѣ Спаситель исцѣлилъ слѣпорожден-

наго. Ев. Іоаннъ (гл. IX, ст. 6 и 7) такъ описываетъ это событіе: «*Сія рекъ, плюну на землю и сотвори брненіе отъ плюновенія и помаза очи брненіемъ слѣпому. И рече ему: иди умыйся въ купели Силоамствъ, еже скажется: посланъ иде убо и умыся, и приде видя*».

Отъ Силоамской купели мы проѣхали на Сіонъ, оставивъ въ правой рукѣ хижины прокаженныхъ, въ которыхъ живутъ эти несчастные. Надобно замѣтить, что несчастнымъ этимъ дозволено жить въ Палестинѣ только въ Рамлѣ, Наплузѣ и въ Іерусалимѣ, и то подъ особымъ надзоромъ. — Далѣе, минуя справа Сіонскія ворота, мы приблизились къ мечети, которая построена на мѣстѣ дома, гдѣ происходила *Тайная Вечеря*. Постройка этого зданія, конечно, болѣе позднѣйшаго времени; достовѣрно только, какъ намъ объяснилъ почтеннѣйшій о. Антонинъ, что мечеть эта стоитъ на мѣстѣ первой христіанской церкви, историческія свѣдѣнія о которой восходятъ до III столѣтія. Въ этой же мечети находятся, говорятъ, гробницы Давида и Соломона, но насъ не допустили взглянуть на эти саркофаги. Близъ этой мечети показываютъ нагроможденную грудю камней, гдѣ будто бы стоялъ домъ, въ которомъ произошло Сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Отъ этого мѣста мы заѣхали на кладбище, гдѣ русскія могилы; осмотрѣли могилу бывшаго нашего русскаго консула Кожевникова и другихъ;—все содержится въ должномъ порядкѣ. Оставивъ влѣво отъ насъ Гионскую долину, отдѣляющую Сіонъ отъ горы Злого Совѣщанія, гдѣ, по преданію, въ домѣ Каиафы, іудеи совѣщались о смерти Спасителя,—мы прямою дорогою проѣхали къ Яффскимъ воротамъ, а оттуда—на русскія постройки. Было уже 3½ часа по-полудни, такъ что мы съ 7 часовъ утра и до 3-хъ часовъ были

почти все время подъ лучами жгучаго солнца и отъ непривычки продолжительное время быть верхомъ порядочно устали. Прощаясь съ о. Антониномъ, мы принесли ему нашу искреннюю, прочувствованную благодарность, что онъ лично провелъ насъ по всѣмъ достопримѣчательнымъ священнымъ мѣстамъ, наглядно освѣщая намъ своимъ много-свѣдущимъ словомъ всѣ историческія событія.

Во время нашего отдохновенія на Елеонской горѣ мой многоуважаемый спутникъ Б... объявилъ мнѣ, что, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, онъ боится оставаться долѣе въ Иерусалимѣ и намѣренъ черезъ день, т.-е. 16 апрѣля въ четвергъ, выѣхать рано утромъ въ Яффу, чтобы съ отходящимъ въ этотъ день пароходомъ отправиться обратно въ Россію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая во время своего пребыванія въ Св. Градѣ быть на ночной службѣ у Гроба Господня, онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ въ эту ночь быть на ночномъ служеніи литургіи. Несмотря на усталость послѣ столь обильнаго впечатлѣніями дня, я съ большимъ удовольствіемъ изъявилъ свое согласіе. При этомъ достопочтенный о. Антонинъ объяснилъ намъ, что храмъ Св. Гроба Господня затворяется съ закатомъ и отворяется только съ восходомъ солнца; а потому всѣ желающіе присутствовать на ночной службѣ должны собираться въ св. храмъ до заката солнца и оставаться тамъ въ продолженіе всей ночи. Съ 10 часовъ вечера начинается у всѣхъ вѣроисповѣданій одновременно заутреня, которая оканчивается къ 12 часамъ ночи, и потомъ въ 12^{1/2} часовъ начинается литургія на Гробѣ Господнемъ греками; по окончаніи греческой службы немедленно служатъ армяне и потомъ католики;—копты и сиріане никогда не допускаются къ служенію на Гробѣ Го-

споднемъ. Далѣе о. Антонинъ объяснилъ намъ, что при совершеніи литургіи на Гробѣ Господнемъ послѣдній служитъ престоломъ и жертвенникомъ; иногда же Св. Гробъ служитъ только жертвенникомъ, на которомъ совершается проскомидія, а въ придѣлѣ св. Ангела, на стоящій по срединѣ придѣла камень накладываютъ доску около 1 арш. въ діаметрѣ и одѣваютъ все это престольнымъ облаченіемъ, что и служитъ престоломъ для совершенія таинства. Кромѣ того во входныхъ дверяхъ вѣшается церковная завѣса. Но такъ какъ ночью звонить въ колокола не дозволяется, то бьютъ въ металлическія доски, называемыя *билами*, которыя для этой цѣли подвѣшены вверху храма. О. Антонинъ предложилъ намъ своего драгомана Г. Я. Якуба, проводить насъ ночью въ Св. Храмъ; этотъ драгоманъ и впоследствии былъ намъ во многомъ полезенъ своею обязательностью. Но чтобы намъ не забираться въ храмъ съ 6 ч. вечера, г. Якубъ переговорилъ со стражей Св. Храма, и обѣщали открыть Св. Храмъ въ 11 час. ночи и выпустить насъ изъ храма по окончаніи богослуженія. Объ этомъ сообщено было на русскихъ постройкахъ, и множество поклонниковъ нашихъ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы быть на ночной службѣ безъ особенныхъ стѣсненій.

Ровно въ 11 час. ночи мы собрались на дворѣ русскихъ построекъ. Къ намъ присоединилось нѣсколько русскихъ поклонниковъ, и мы направились къ храму Св. Гроба; впереди насъ шелъ кавальеръ съ фонаремъ. Ночь была совершенно темная; отъ русскихъ построекъ до Яффскихъ воротъ уличныхъ фонарей нѣтъ. За этими воротами въ городѣ начинается уже уличное освѣщеніе и около нѣкоторыхъ домовъ стоитъ ночная стража. Едва мы подошли къ Св. Храму, какъ

передъ нами немедленно открылись двери, и мы вступили, наконецъ, въ этотъ священный храмъ. Сырость и смрадъ обдають вступающаго въ эту святыню; нѣсколько лампадъ освѣщаютъ мѣсто камня Мвропомазанія; въ ротондѣ Св. Гроба темнота и только нѣсколько лампадъ освѣщаютъ Св. Кувуклю. Въ разныхъ мѣстахъ храма происходило богослуженіе: греки, армяне и католики въ своихъ придѣлахъ служили одновременно. Гнусливое пѣніе грековъ и армянъ, ревъ органа съ католическимъ хоровымъ пѣніемъ — все вмѣстѣ смѣшивалось въ какое-то хаотическое галдѣніе и поражало cadaго, не привыкшаго слышать въ храмѣ Божиѣмъ подобное негармоничное пѣніе. Насъ провели прямо въ греческій фондарику, гдѣ архимандритъ Евфимій встрѣтилъ насъ и предложилъ ожидать здѣсь начала литургіи. Исполняя порученія знакомыхъ, которые передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Россіи просили поставить свѣчи на Голгоѣ и у Гроба Господня, а другіе поминовенія совершить во время литургіи на этихъ святыхъ мѣстахъ, я и мой спутникъ Б... исполнили это въ точности и передали всѣ записи архимандриту Евфимію, который долженъ былъ совершать въ эту ночь литургію на Гробѣ Господнемъ. Удивило насъ при этомъ одно, что во время нашей бесѣды въ фондарику принесли папиросы и предложили намъ курить! Мы, разумѣется, отказались отъ предложенія, изъ уваженія къ святости того мѣста, гдѣ мы находились. Хотя фондарику представляетъ изъ себя родъ гостиной, но комната эта находится въ самомъ Святомъ Храмѣ, и если cadaго входящаго въ этотъ храмъ поражаетъ турецкое помѣщеніе, гдѣ находится стража, которая сидитъ съ кальянами въ рукахъ, то тѣмъ болѣе должно поражать православнаго угощеніе папиросами въ греческомъ фондарику. Лучше бы хо-

зьева фондарику совѣмъ не предлагали этого угощенія. Тѣмъ временемъ разнообразное церковное пѣніе начинало стихать; это означало, что предварительная ночная служба приходитъ къ концу; долѣе всѣхъ гнусили въ армянскомъ придѣлѣ; наконецъ все стихло и водворилась мертвая тишина.

Ровно въ полночь мы изъ фондарику прошли къ Кувуклю, гдѣ и остановились на ступеняхъ предъ входными дверями. Началось приготовленіе къ совершенію литургіи: зажигались свѣчи, начали устраивать престолъ на камнѣ въ придѣлѣ Ангела; принесли книги и Евангеліе. Русскихъ поклонниковъ въ храмѣ собралось весьма много. Въ 12½ часовъ показалась изъ храма Воскресенія духовная процессія: впереди несли подсвѣчники; шли два діакона съ кадильницами; три священника несли антиминосъ и Св. Дары; и въ это же время началось клепаніе (звонъ) въ билы вмѣсто колоколовъ.

Проскомидія совершалась недолго и началась литургія. Храмъ огласился весьма стройнымъ пѣніемъ нашихъ паломниковъ на родномъ нашемъ языкѣ. Обряды греческаго богослуженія совершенно одинаковы съ нашими и представляютъ только нѣкоторыя сокращенія. Такъ, послѣ сугубой ектеніи прямо начинается херувимская пѣснь; Апостолъ и Евангеліе читались на языкахъ греческомъ и славянскомъ; ектеніи и священническіе возгласы болѣею частію тоже произносились на родномъ нашемъ языкѣ; при большомъ выходѣ Св. Дары обносились вокругъ Кувуклю, и богомольцы наши пѣли не только порядочно, но даже очень хорошо.

Нѣтъ словъ, способныхъ выразить тѣ возвышенныя чувства, которыя я испытывалъ, стоя во время литургіи передъ Святой Святыхъ. Я не могъ дать

себѣ отчета, что́ это: сонъ или дѣйствительность? Никогда и нигдѣ не поражалъ меня такъ внутренній смыслъ и значеніе совершаемаго священнодѣйствія, какъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ: мнѣ казалось, что всѣ мои молитвы за близкихъ мнѣ лицъ, живыхъ и отошедшихъ въ вѣчность, произнесенныя на святомъ этомъ мѣстѣ, будутъ услышаны Тѣмъ, къ Кому онѣ были обращены. Подобныя минуты бываютъ въ жизни рѣдки: онѣ торжественны, возвышенны и запечатлѣваются глубоко въ сердцѣ. Между тѣмъ литургія оканчивалась, и мнѣ жаль было расставаться съ этими торжественными минутами, которыя тоже должны были отойти въ вѣчность... Но зато онѣ оставили на всю жизнь самое глубокое, святое воспоминаніе. Еще больше торжественности придавало этой службѣ и то, что она происходила подъ темными сводами величественнаго храма, и ярко освѣщенная Кувуклія казалась еще ярче, блистательнѣе среди этого глубокаго мрака, а стройное, гармоническое пѣніе русскихъ поклонниковъ оглашало эти своды божественными псалмами. По окончаніи литургіи архимандритъ предложилъ намъ войти въ Кувуклію и, снявши съ Св. Гроба иконы, благословилъ меня и моего спутника Б. Приложившись къ Св. Гробу и возблагодаривъ Бога за оказанную милость и счастье предстоять при совершеніи литургіи передъ Гробомъ Того, Который Своею смертію искупилъ родъ человѣческой отъ грѣха, мы вышли изъ Кувукліи.

Мы намѣрены были отправиться домой, но хозяева фондарика просили насъ зайти выпить по чашкѣ чаю. Въ 2½ часа ночи вышли мы изъ храма и возвратились домой на русскія постройки. Ночь была теплая, тихая; небо, подернувшееся легкими облаками, увеличивало еще болѣе ночную мглу, но зато на душѣ было легко, радостно и ясно. Утомленіе взяло свое, и,

придя домой, я скоро заснулъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго въ теченіе дня и испытаннаго въ теченіе ночи.

На другой день, т.-е. въ среду 15 апрѣля, когда я проснулся, солнечные лучи уже сильно освѣщали мою комнату; было 9 часовъ, и я поторопился идти къ моему спутнику Б..., съ которымъ мы условились идти осмотрѣть *Омарову мечеть*.

Въ сопровожденіи неизмѣннаго каваса мы отправились черезъ Яффскія ворота, знакомыми уже намъ іерусалимскими улицами, по направленію къ горѣ *Моріа*. Вся площадь, занятая мечетями Омара и Эль-Акса и принадлежащими къ нимъ строеніями, называется *Гарамъ-эль-Шерифъ* (священный дворъ) и у мусульманъ считается священнѣйшимъ мѣстомъ послѣ Мекки и Медины. Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ мѣсто это было еще недоступно для иновѣрцевъ подъ страхомъ смертной казни, но въ настоящее время всѣ пропускаются свободно не только въ священный дворъ, но даже и въ самыя мечети, разумѣется за приличный бакшишъ. Извѣстно, что Омарова мечеть построена на мѣстѣ знаменитаго храма Соломонова, надъ тою скалою, которая была внутри этого храма, и, по преданію, на этой самой скалѣ Авраамъ хотѣлъ принести въ жертву сына своего Исаака. Во времена крестоносцевъ, Омарова мечеть была обращена въ христіанскій храмъ, но Саладинъ и позднѣйшіе турецкіе калифы привели мечеть въ нынѣшній великолѣпный видъ. Въ настоящее время площадь вся устлана широкими гранитными плитами и обсажена отдѣльно растущими кипарисами. Мечеть окружена кругомъ лѣстницами въ 10 ступеней; зданіе восьмиугольное; на немъ лежитъ цилиндръ, поддерживающій великолѣпный куполь въ 20 футъ вышины и до 60

футь ширины, увѣнчанный золоченымъ мѣсяцемъ. Восьмиугольная часть зданія снизу покрыта бѣлымъ мраморомъ, а далѣе разноцвѣтными изразцами и мраморными цвѣтными досками съ изящной рѣзбой. При входѣ въ мечеть она поражаетъ изяществомъ своихъ линий и богатствомъ восточнаго убранства. Въ срединѣ куполь поддерживается драгоценными яшмовыми колонами, между которыми идетъ мѣдная вызолоченная рѣшетка, окаймляющая все пространство подъ куполомъ, гдѣ находится скала—мѣсто благоговѣйнаго поклоненія мусульманъ. По ихъ вѣрованію, съ этой скалы Магометъ вознесся на небо; на восточномъ концѣ этой скалы показываютъ углубленіе, которое мусульмане называютъ отпечаткомъ стопы Иисуса Христа, почитаемаго мусульманами за одного изъ своихъ пророковъ; надъ самою скалою подъ куполомъ растянута широкая пунцовая матерія въ видѣ палатки. На вершинѣ этой скалы, по преданію, стояла скинія свидѣнія и входила въ Святаю Святыхъ Іерусалимскаго храма. Подъ скалою находится пустое пространство въ родѣ комнаты, но насъ туда не пустили, хотя мы предлагали хорошій бакшишъ. Внутри мечеть обложена разноцвѣтными изразцами тонкой работы; въ рѣшетчатыхъ окнахъ вставлены разноцвѣтные стекла, окрашивающія мечеть разнообразными нѣжными оттѣнками. Конечно, минутное посѣщеніе оставляетъ смутное воспоминаніе объ общей красотѣ и художественности подобныхъ замѣчательныхъ сооружений; надобно ихъ посѣщать по нѣскольку разъ, чтобы сохранить въ памяти всѣ ихъ художественныя детали. Содержится мечеть необыкновенно опрятно и чисто.

Выйдя изъ Омаровой мечети, мы прошли черезъ площадь къ мечети *Эль-Акса* (уединенная мечеть).

По преданію, это древняя базилика Юстиніана, гдѣ былъ храмъ Введенія во храмъ Богородицы. Полагаютъ, что на этомъ мѣстѣ былъ притворъ Соломоновъ, и здѣсь-то праведный старецъ Симеонъ принялъ отъ Пресвятой Дѣвы младенца Иисуса и произнесъ: *«нынѣ отпуцаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ!!»*

Мусульманское богослуженіе возстановлено со времени Саладина. Входъ въ мечеть чрезъ паперть о 7 стрѣльчатыхъ аркахъ; мечеть имѣетъ продолговатую форму; внутри выбѣлена известью съ проблескомъ по стѣнамъ арабесокъ; вдоль стѣнъ илутъ ряды толстыхъ колоннъ. Подъ этою мечетью находятся два длинные корридора, идущіе отъ сѣвера на югъ, гдѣ полъ постепенно понижается. Въ корридоры эти спускаются по широкой, отлогой лѣстницѣ. Своды этого подземелья сложены изъ огромныхъ камней. О происхожденіи этого подземелья, которое имѣетъ до 140 шаговъ въ длину и до 12 — въ ширину, существуютъ различныя предположенія: одни относятъ его къ эпохѣ Юстиніана, а другіе — къ еще болѣе отдаленнымъ временамъ Ирода или преемниковъ Соломона, основываясь на огромной величинѣ камней и стилѣ толстѣйшихъ колоннъ.

Отъ мечети Эль-Акса мы прошли на сѣверъ къ *Золотымъ воротамъ* іерусалимской стѣны. Со стороны двора они представляютъ двойную арку воротъ и замуравлены. Черезъ эти ворота Иисусъ Христосъ торжественно вѣхалъ въ Іерусалимъ на жребяти осли, привѣтствуемый кликомъ: *«Осанна!»* По преданію, прежде Золотыя ворота открывались разъ въ годъ — въ недѣлю Ваи — и черезъ нихъ патріархъ торжественно вступалъ при громадномъ стеченіи народа въ воспоминаніе «Входа Господня въ Іерусалимъ».

Осмотрѣвъ эту мѣстность, мы отправились домой, имѣя въ виду ранѣе отобѣдать и успѣть послѣ обѣда съѣздить въ Виѳлеемъ, такъ какъ это былъ послѣдній день пребыванія моего спутника въ Іерусалимѣ, а онъ желалъ поклониться мѣсту Рожденія Спасителя.

Вскорѣ послѣ обѣда, когда жара спала, мы взяли экипажъ и по весьма хорошему шоссе направились въ Виѳлеемъ. Отъ русскихъ построекъ мы проѣхали мимо Яффскихъ воротъ; южная іерусалимская стѣна осталась влѣво; обогнувъ гору Злого Совѣщанія, мы переѣхали Гинонское ущелье на другую сторону и начали подниматься въ гору; съ правой стороны проѣхали большія еврейскія зданія: больницу и домъ для бѣдныхъ, и вѣхали въ плодоносную долину Рафаимъ. Равнина эта, по преданію, служила мѣстомъ военныхъ столкновеній между іудеями и филистимлянами; по дорогѣ видно нѣсколько развалинъ, и одна изъ башенъ, находящаяся по правую сторону дороги, называется башнею Веніамина, а по лѣвую — начинается масличный садъ, принадлежащій монастырю св. пророка Іліи. Монастырь этотъ расположенъ на холмѣ, откуда открывается прелестный видъ на всю окрестность; отсюда и Виѳлеемъ, стоящій на возвышенной мѣстности, кажется необыкновенно живописнымъ. Монастырь очень древній, и основаніе его относятъ къ VI вѣку по Р. Х.; въ настоящемъ же видѣ монастырь возобновленъ съ 1860 года. Зданіе монастыря четырехъ-угольной формы и окружено высокою стѣною съ небольшою желѣзною входною дверью. Монастырскій храмъ содержится довольно опрятно и замѣчателенъ рѣзнымъ массивнымъ иконостасомъ. Служка монастыря указалъ намъ здѣсь на чудотворную икону пророка Іліи, къ которой будто-

бы монеты прилипаютъ, лишь только прикоснуться ими. Мы не захотѣли кощунствовать передъ св. иконою и поддаваться явному обману. Не мѣшало бы подлежащимъ мѣстнымъ духовнымъ властямъ запрещать продѣлывать подобное святотатство.—Монастырь этотъ надобно считать пунктомъ, гдѣ останавливаются богомольцы на пути въ Виѳлеемъ. Обыкновенно партію богомольцевъ встрѣчаютъ съ колокольнымъ звономъ, заставляютъ входить въ монастырскій храмъ съ зажженными свѣчами; потомъ эксплуатируютъ ихъ прилѣпленіемъ монетъ и предложеніемъ необходимыхъ поминальныхъ записей... Не мудрено поэтому, что злополучные бѣдняки-богомольцы и не досчитаются рублей двухъ, а иногда и болѣе, въ своемъ карманѣ, прежде чѣмъ доберутся до Виѳлеема.

Отъ монастыря дорога спускается въ равнину, извѣстную подъ названіемъ *Гороховою поля*. Преданіе передаетъ, что Божія Матерь, проходя однажды этимъ путемъ, увидѣла человѣка, который засѣвалъ это поле горохомъ, и спросила его: «что онъ съетъ»?—«Камни»,—отвѣчалъ съятель въ насмѣшку. Горохъ немедленно окаменѣлъ, и все поле покрылось мелкими кругловатыми камешками; поклонники собираютъ эти камешки себѣ для воспоминанія. Далѣе, по дорогѣ, съ правой стороны встрѣчаемъ гробницу *Рахили*; памятникъ надъ этою могилою въ видѣ небольшой мечети съ куполомъ и окруженъ тощими маслинами. Мѣсто это соотвѣтствуетъ и указаніямъ Библии. Въ книгѣ Бытія сказано, что «*Рахиль умерла на пути къ Евфрату (Виѳлеему), идъ и была погребена (Бытія XXXV, 19, 20)*». Разумѣется, настоящій памятникъ позднѣйшаго сооруженія и находится на охраненіи еврейскаго іерусалимскаго общества.

Продолжая далѣе нашъ путь, мы ѣхали долиною,

въ которой, по преданію, Давидъ разбилъ филистимлянъ; въ настоящее же мирное время мы на этомъ пути встрѣчали пѣшихъ нашихъ богомольцевъ—небольшими партіями; путниковъ, ѣдущихъ на ослахъ, съ неизбѣжнымъ погонщикомъ, бѣгущимъ позади и хлещущимъ дубиною это лѣнивое животное; мѣстныхъ арабовъ съ огромною ношею на головахъ—и все это подъ лучами жгучаго солнца; хорошо еще, что вѣтра не было и убійственная пыль не такъ надѣдала. Наконецъ, мы начали подниматься на крутую гору, вѣхали въ узкія улицы Виелеема, проѣхавъ прямо на небольшую площадь къ виелеемскому храму.

Виелеемъ въ древности назывался *Евфратъ*, что значитъ «плодородіе»; названіе это вполне справедливо, потому что городъ лежитъ въ плодородной долинѣ.—Виелеемъ замѣчательнъ и прежнею своею исторіею: близъ него скончалась Рахиль; здѣсь родился Давидъ и былъ помазанъ Самуиломъ на царство; поэтому Виелеемъ названъ въ Евангеліи *городомъ Давида* (Лука II, 4, 11); во всѣ времена онъ раздѣлялъ участь Иерусалима; наконецъ, въ немъ родился Иисусъ Христосъ! Въ настоящее время Виелеемъ—довольно опрятный городъ, въ сравненіи съ другими городами Палестины; много новыхъ построекъ, дома квадратные въ видѣ ящика съ плоскими крышами и во многихъ домахъ—балкончики. Между постройками особенно выдѣляется женскій французскій монастырь, обнесенный высокою стѣною, внутри котораго прекрасный садъ. Большая часть улицъ вымощена и вообще городъ представляетъ изъ себя нѣкоторую благоустроенность. Очень можетъ быть, что отсутствіе евреевъ въ этомъ городѣ придаетъ ему большую опрятность. Еще императоръ Адрианъ въ 133 году по Р. Х. строжайшимъ

указомъ запретилъ евреямъ селиться и жить въ Виелеемѣ, и съ того времени здѣсь нѣтъ ни одного еврея. Жителей считается до 7000, большею частію христіане; изъ нихъ болѣе половины православные, затѣмъ—латиняне, армяне, копты и только небольшое число магометанъ. Женщины виелеемскія отличаются своею красотою: крупныя, правильныя черты, прекрасныя глаза и черныя густыя брови придають чрезвычайную выразительность ихъ лицамъ; голова покрыта уборомъ въ родѣ русскаго кокошника, только нѣсколько выше, и обшитымъ въ нѣсколько рядовъ серебряными монетами, которыми онѣ украшаютъ и грудь; съ головного убора спускается вдоль спины длинное бѣлое покрывало, и у многихъ покрывала эти вышиты шелками; цвѣтъ платья почти у всѣхъ одинаковый—полосатый, синій съ краснымъ. Главное занятіе жителей—хлѣбопашество, скотоводство, выдѣлка вина, такъ какъ въблизи Виелеема много виноградниковъ; выдѣлываніе изъ перламутра крестиковъ, образовъ и четокъ,—а для пасхальной недѣли заготавливаются въ громадномъ количествѣ окрашенныя яйца съ вырѣзанными на нихъ изображеніями: Распятія и Воскресенія Спасителя.

Прежде чѣмъ вступить въ храмъ и преклонить колѣна передъ мѣстомъ Рожденія Спасителя, я постараюсь возобновить въ памяти обстоятельства, которыя привели къ этому мѣсту Божию Матерь и Иосифа.

Изъ св. исторіи извѣстно, что Матерь Божія, въ періодъ близкаго ожиданія рожденія Спасителя, вмѣстѣ съ Иосифомъ жили весьма бѣдно въ Назаретѣ, гдѣ Иосифъ занимался плотничною работою. Въ это время, по повелѣнію римскаго императора Августа, повелѣно было во всей Іудеѣ произвести народную перепись. Несмотря на свою бѣдность, какъ Св. Марія,

такъ и Иосифъ происходили изъ дома и рода царя Давида, и потому имъ необходимо было явиться въ городъ Виелеемъ, на родину ихъ великаго предка, чтобы занести въ перепись имена свои, какъ потомковъ дома Давидова. Это необходимо было сдѣлать еще и потому, что, по обычаю іудейскому, каждый долженъ былъ заносить свое имя не въ томъ городѣ, гдѣ жилъ онъ въ дни переписи, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ жили его предки и откуда происходилъ его родъ. Вотъ почему и Св. Марія, и Иосифъ, происшедшіе отъ дома царя Давида, родиной котораго былъ Виелеемъ, не смотря на дурное время года и трудность пути по страшнымъ горамъ, рѣшились идти въ этотъ городъ.

Въ это время въ Виелеемѣ, по случаю народной переписи, было громадное скопленіе народа, и когда Св. Марія съ Иосифомъ прибыли въ родной городъ, то всѣ мѣста въ ханахъ (постоялыхъ дворахъ) были уже заняты, и они должны были пріютиться въ известковой пещерѣ, гдѣ помѣщался скотъ, на сѣнѣ и соломѣ, набросанныхъ въ пищу и подстилку для скота. Здѣсь-то, вдали отъ народа, въ зимнюю ночь, въ обстановкѣ, лишенной всякаго удобства для чело-вѣка даже самаго бѣднаго, родился *Христосъ!* Въ самый моментъ рожденія Спасителя пастухи, пасшіе стада свои верстахъ въ двухъ отъ Виелеема, были поражены чуднымъ видѣніемъ. Евангелистъ Лука (II, 9—14) такъ описываетъ это событіе: *„Вдругъ предсталъ имъ Ангелъ Господень и слава Господня осіяла ихъ; и убоялись страхомъ великимъ. Ангелъ сказалъ имъ: не бойтесь, я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всему народу: — ибо нынѣ родился вамъ въ городъ Давидовомъ Спаситель, который есть Христосъ Господь. И вотъ вамъ знаменіе: вы найдете Младенца*

въ пеленахъ, лежащаго въ ясляхъ. И внезапно явилось съ Ангеломъ многочисленное воинство небесное, хвалящее Бога и взывающее: Слава въ Вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ чело-вѣкахъ благоволеніе“. Послѣ этого видѣнія пастухи немедленно пошли въ Виелеемъ и, войдя въ подземный вертепъ, поклонились новорожденному Христу, Который возлежалъ въ ясляхъ.

Воображеніе поэтовъ и художниковъ истошилось въ изображеніи торжественнаго величія этой сцены. Было множество и апокрифическихъ сказаній, но самымъ близкимъ къ истинѣ должно почитать повѣствованіе евангелистовъ. Въ разказахъ апостольскихъ и слѣда нѣтъ того избытка необычайности и таинственности, которыми были переполнены іудейскія сказанія тѣхъ временъ.

Сколько времени Св. Марія съ своимъ Св. Младенцемъ оставались въ этомъ скотномъ стойлѣ, никто изъ евангелистовъ не указываетъ, но надобно полагать, что недолго. Изъ Евангелія св. Матѳея (II, 11.) видно, что *«волхвы вошли въ домъ, увидѣли Младенца съ матерью Его Марією и, падши, поклонились Ему и, открывъ свои сокровища, поднесли Ему дары: золото, ладанъ и смирну».* Евангелистъ Лука полнѣе другихъ повѣствуетъ о событіи рожденія Спасителя, и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ мельчайшія обстоятельства этого важнаго событія слышаны евангелистомъ изъ устъ самой Матери Дѣвы Маріи.

Въ восьмой день по обрѣзаніи Новорожденнаго, Ему дано было имя Иисусъ, нареченное Ему архангеломъ Гавріиломъ, прежде зачатія Его во чревѣ. Въ то время имя это было довольно часто даваемо іудеями новорожденнымъ. Оно было дорого имъ, какъ имя ихъ великаго вождя, побѣдоносно введшаго ихъ во владѣніе землею обѣтованною. Но теперь имя это

получило болѣе священное значеніе, какъ имя Сына Божія въ Его жизни на землѣ. Еврейское имя «*Мессія*» и греческое «*Христосъ*» — обозначали Его служеніе въ качествѣ помазаннаго пророка, первосвященника и царя; но «*Иисусъ*» было личнымъ именемъ Мессіи-Христа, которое Онъ носилъ какъ безгрѣшный человѣкъ среди грѣшныхъ людей.

Построеніе настоящаго виелеемскаго храма приписываютъ Юстиніану, который построилъ его на мѣстѣ небольшого храма, сооруженнаго св. Еленою. Храмъ построенъ крестообразно и продольная часть его отдѣлена временною стѣною. При входѣ въ эту отдѣленную часть храма, или паперть, съ лѣвой стороны, какъ и при входѣ въ храмъ Гроба Господня, въ нишѣ устроено возвышеніе, гдѣ помѣщается турецкая стража. Затѣмъ каждыя входящая поражаетъ то, что здѣсь нѣтъ потолка, а видны прямо стропила и балки изъ ливанскаго кедра и кипарисовъ; четыре ряда колоннъ, съ изображеніями на нихъ святыхъ, поддерживаютъ потолочныя балки; какъ изображенія этихъ святыхъ, такъ равно и мозаика на стѣнахъ во многихъ мѣстахъ обвалились и замазаны известью; стѣны были прежде обложены мраморомъ, но мраморъ этотъ снятъ и употребленъ мусульманами на постройки Омаровой мечети. Изъ паперти — входъ въ главный храмъ, принадлежащій грекамъ и посвященный Рождеству Христову. Иконостасъ изящной работы и на стѣнахъ во многихъ мѣстахъ еще хорошо сохранилась мозаика. Алтарь обширный, съ большимъ престоломъ, надъ которымъ устроенъ балдахинъ. Вверху праваго клироса, въ аркѣ, сохранилась надпись, гласящая, что мозаика сдѣлана въ 1169 г. по Р. Х. трудами монаха Ефрема. Въ сѣверной части, примыкающей къ алтарю, устроено два престола — копт-

скій и армянскій. Параллельно греческому храму, на одну ступень ниже съ сѣверной стороны, храмъ латинянь, ничѣмъ не отдѣленный отъ греческаго храма; изъ этого латинскаго храма устроенъ ходъ въ католическій монастырь; на рубежѣ этихъ храмовъ двухъ различныхъ вѣроисповѣданій стоятъ два турецкихъ солдата съ ружьями — символъ согласія двухъ христіанскихъ исповѣданій! Съ южной стороны главнаго греческаго храма, отъ клироса на три ступени вверхъ, устроенъ небольшой греческій придѣлъ во имя Св. Георгія Побѣдоносца. Я зашелъ въ алтарь этого храма и былъ пораженъ его неопрятностью: на св. престолѣ лежало громадное сито, наполненное свѣчными огарками; въ углу стояли мѣшки, — одинъ наполненный углями, а два другіе — неизвѣстно съ чѣмъ. Я обратился къ служкѣ, говорящему по-русски, который насъ сопровождалъ: «Отчего вы не содержите алтарь въ должной чистотѣ?» — «Скоро будетъ храмовой праздникъ, и тогда все вычистимъ». Отвѣтъ этотъ только показываетъ, что низшей братіи не внушается должнаго наставленія относительно чистоты и опрятности въ домѣ Божіемъ, въ особенности относительно такихъ предметовъ въ церкви, какъ св. престолъ, на которомъ совершается великое таинство, заповѣданное намъ Спасителемъ. Изъ церкви Св. Георгія мы отъ южнаго клироса спустились по 13 ступенямъ въ Вертепъ, къ мѣсту рожденія Христа Спасителя. Вертепъ совершенно темный и освѣщается множествомъ лампадъ, спускающихся съ потолка надъ мѣстомъ рожденія Спасителя и надъ св. яслями. Длина Вертепа опредѣляется до $5\frac{1}{2}$ саж., а ширина около 3 саж. Священное мѣсто Рождества Христова находится подъ мраморною облицовкою и имѣетъ видъ полукруглой ниши въ $4\frac{1}{2}$ арш. вышины

и до 1½ арш. глубины въ нижней части. Ниша эта отъ основанія до высоты раздѣлена мраморною доскою, которая служитъ престоломъ; подъ доскою на полу, на мѣстѣ рожденія Спасителя, вдѣлана серебряная звѣзда, съ латинскою надписью вокругъ нея: «Nis de Virgine Maria Jesus Christus natus est» (Здѣсь отъ Дѣвы Маріи родился Исусъ Христосъ). Какъ надъ престоломъ, такъ и подъ нимъ надъ звѣздою, горитъ множество драгоценныхъ лампадъ, а на стѣнахъ — св. иконы, довольно грубой живописи. На этомъ священномъ престолѣ богослуженіе совершается только православнымъ вѣроисповѣданіемъ. Вправо за колонной, поддерживающей сводъ, другое небольшое углубленіе, означающее мѣсто, гдѣ были ясли; здѣсь также виситъ нѣсколько лампадъ. Противъ яслей — небольшой престолъ, принадлежавшій католикамъ. Къ Вертепу Рождества примыкаетъ нѣсколько пещеръ; изъ нихъ главныя: «пещера Іосифа», гдѣ онъ получилъ повелѣніе отъ ангела бѣжать со Святымъ Младенцемъ и Его Матерью въ Египетъ, и слѣдующая за нею пещера, гдѣ были погребены многіе изъ убиенныхъ младенцевъ, по повелѣнію Ирода.

Вступивъ въ Вертепъ Рождества, мы были поражены, что и въ этомъ священномъ мѣстѣ встрѣтили турецкаго солдата съ ружьемъ. На вопросъ нашъ: «почему мы и здѣсь встрѣчаемъ турецкую стражу?» — намъ рассказали цѣлую исторію кровавой распри между греками и католиками: французская императрица Евгенія пожертвовала бархатную, вышитую золотомъ пелену, которою покрывался потолокъ Вертепа; въ одну ночь покрывало это исчезло, что и было причиною побоища между греками и латинянами. Ненависть эта между христіанами продолжается и по настоящее время. Такъ, 9-го октября прошлаго

1887 года между католиками и армянами чуть было не произошла опять кровавая битва изъ-за какой-то *циновки*, и только благодаря вмѣшательству турецкой стражи и еще тому, что армяне, видя свое меньшинство сравнительно съ католиками, отступили, а будь они въ равныхъ силахъ, то навѣрное дѣло дошло бы до кровопролитія. И такъ поступаютъ представители ученія Христа въ странѣ иновѣрной!

Преклонивъ колѣна и приложившись къ мѣсту, на которомъ родился Сынъ Божій, мы вышли изъ Вертепа.

При виелеемскомъ храмѣ — монастыри: греческій, католическій и армянскій.

Отъ виелеемскаго храма мы прошли къ «*Молочной пещерѣ Пресвятой Богородицы*». — Пещера эта — не въ дальнемъ разстояніи отъ монастыря, высѣчена въ скалѣ и занимаетъ пространство не болѣе 2 саж. длины, сажень съ четверью ширины и до сажени въ высоту. Спускъ въ пещеру болѣе 10 ступеней; она составляетъ собственность францисканскихъ монаховъ. По преданію, въ этой пещерѣ Божія Матерь съ Св. Младенцемъ скрывалась отъ преслѣдованія Ирода передъ бѣгствомъ въ Египетъ. «Молочная пещера» получила свое названіе отъ преданія, что будто бы во время кормленія грудью Богоматерью Св. Сына Своего пролилось нѣсколько капель молока на камень, и онъ получилъ бѣловатый молочный цвѣтъ. Женщины скоблятъ этотъ камень и бѣлый порошокъ уносятъ съ собою; его пьютъ, распустивъ въ водѣ, и говорятъ, что это помогаетъ родильницамъ въ трудныхъ родахъ. Тутъ же арабка, исполняющая должность сторожа въ этой пещерѣ, продаетъ лепешки, сдѣланные изъ этого известково-мѣловатаго камня. Возлѣ этой пещеры небольшое особое помѣщеніе, гдѣ по-

ставленъ католическій престолъ съ единственною надъ нимъ иконою Богоматери, передъ которою горитъ неугасимая лампада.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Виелеема находится селеніе *Беджалы*, расположенное по скатамъ холмовъ и окруженное масличными и виноградными садами. Жители всѣ христіане. По волѣ покойной Императрицы Маріи Александровны, здѣсь устроено прекрасное женское училище, въ которомъ, кромѣ обще-образовательныхъ первоначальныхъ предметовъ, учатъ дѣвочекъ разнымъ рукодѣльямъ. Къ сожалѣнію, училище это было закрыто по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, и мы были лишены удовольствія его осмотрѣть.

Обратный путь изъ Виелеема въ Иерусалимъ мы сдѣлали при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: жара спала, солнце клонилось уже къ закату и необыкновенно эффектно освѣщало всю окрестность переливами разныхъ цвѣтовъ. Народъ спѣшилъ въ обѣ стороны, кто верхомъ на ослахъ, а кто пѣшкомъ, съ разною ношею; встрѣчалось нѣсколько и нашихъ богомольцевъ, съ батожками въ рукахъ, ходившихъ въ Виелеемъ поклониться святынѣ передъ возвращеніемъ своимъ на родину. Незамѣтно проѣхали мы эту дорожку и были уже у воротъ нашихъ русскихъ построекъ. Спутникъ мой, многоуважаемый Ф. Е. Б..., провелъ у меня вечеръ, и послѣ чаю я съ нимъ простился, такъ какъ на другой день, съ разсвѣтомъ, онъ выѣзжалъ изъ Иерусалима, чтобы успѣть въ тотъ же день прибыть въ Яффу на пароходъ, отходящій въ Россію. Пожелавъ моему дорогому товарищу благополучнаго возвращенія на родину, я остался одинъ въ Святомъ Градѣ.

Но здѣсь одиночество незамѣтно; живя на рус-

скихъ постройкахъ, живешь въ русской семьѣ, слышишь русскую рѣчь, встрѣчаешь русское радушіе и самый образъ жизни идетъ на русскій ладъ. Двѣ недѣли, проведенныя мною въ Иерусалимѣ, прошли для меня очень быстро: ежедневно—осмотръ достопримѣчательностей, поѣздки по ближайшимъ окрестностямъ; бесѣды съ о. Антониномъ и образованными представителями нашего консульства, дававшія мнѣ столько интересныхъ свѣдѣній относительно Палестины. Проводя дни въ Иерусалимѣ, я считалъ для себя священною обязанностію ежедневно ходить въ храмъ Гроба Господня—приложиться къ его святынямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лучше и глубже запечатлѣть въ памяти мельчайшія подробности всего храма.

На другой день послѣ отъѣзда моего спутника Б..., я пошелъ рано утромъ въ храмъ Св. Гроба. При входѣ въ Св. Храмъ, я встрѣтилъ одного изъ святогробскихъ іеромонаховъ, хорошо говорящаго по-русски, который предложилъ мнѣ свои услуги обойти еще разъ со мною весь храмъ. Я, разумѣется, воспользовался его любезностію, и мы начали обходить всѣ мѣста храма, какъ и съ о. Антониномъ. При самомъ входѣ въ храмъ, у камня Мвропомазанія совершалось служеніе католиками. Старшій ксендзъ, въ полномъ облаченіи, обходилъ камень Мвропомазанія съ кадиланицею въ рукахъ и человѣкъ до 12 монаховъ весьма стройно пѣли псалмы съ аккомпаниментомъ органа. Отъ камня Мвропомазанія все духовенство отправилось на Голгоу, гдѣ тоже происходило пѣніе псалмовъ; съ Голговы—къ Гробу Господню, и служеніе оканчивалось въ католическомъ придѣлѣ Богоматери. За процессіею духовенства шла небольшая толпа католиковъ-богомольцевъ. По справедливости надобно сказать, что во время этого служенія

соблюдался во всемъ порядокъ, благочиніе и пѣніе было весьма стройное, располагающее къ молитвѣ. Подобное богослуженіе католики совершаютъ два раза въ день: утромъ и послѣ полудня, между двумя и тремя часами.

Войдя въ храмъ Воскресенія, я спросилъ сопровождавшаго меня іеромонаха: «Почему же этотъ храмъ, принадлежащій исключительно грекамъ, содержится неопрятно и доведенъ до такого состоянія, что намъ, пріѣзжимъ изъ Россіи православнымъ русскимъ, больно и стыдно смотрѣть на этотъ православный, святѣйшій изъ храмовъ въ его настоящемъ видѣ: куполь весь облупился—висятъ какіе-то клочья; самыя стѣны храма—въ копоти и грязи. «Ежели, по увѣренію грековъ, храмъ Св. Гроба Господня нельзя содержать въ томъ видѣ, въ какомъ подобаетъ содержать Домъ Божій, потому-де что во всемъ мѣшаютъ католики, то храмъ Воскресенія, какъ неотъемлемая собственность грековъ, содержать въ должномъ благолѣпіи, чистотѣ и опрятности никто уже препятствовать не можетъ». — «Да, вы совершенно правы, — отвѣчалъ мнѣ іеромонахъ, — но у насъ положительно нѣтъ денегъ; по смѣтамъ намъ будетъ стоить болѣе восьмидесяти тысячъ рублей, чтобы произвести должную ремонтровку храма, но мы такую суммою располагать никакъ не можемъ». Я не считалъ себя въ правѣ доказывать моему путеводителю, что если бы жертвуемая и собираемая съ поклонниковъ ежегодно суммы употреблялись рационально, то въ періодъ нѣсколькихъ десятилѣтій, въ которыя храмъ запущенъ, можно бы было имѣть сумму и не въ семьдесятъ тысячъ руб., а значительно болѣе, и не допустить храмъ до такого ужаснаго состоянія.

Продолжая далѣе обходъ храма, мы начали спу-

скается къ мѣсту Обрѣтенія Креста по довольно крутой и длинной лѣстницѣ, ступени которой обломаны, обтерты, и надо быть весьма осторожнымъ, чтобы, спускаясь, не сломать себѣ шеи по этой лѣстницѣ. Почтеннѣйшій іеромонахъ объяснилъ мнѣ, что католики не позволяютъ производить исправленіе лѣстницы. Выйдя отъ мѣста Обрѣтенія Креста опять во внутрь храма, мы проходили мимо католическаго придѣла Богоматери, и здѣсь съ правой стороны насъ обдало страшными миазмами изъ большой растворенной двухъ-створчатой двери; смрадъ этотъ страшно меня поразилъ. Оказывается, что эти громадныя двери ведутъ въ усгроенныя здѣсь отхожія мѣста! Такое поразительное неуваженіе къ святынѣ глубоко возмутило меня. Я невольно обратился къ моему чичероне, съ нѣкоторымъ даже раздраженіемъ въ тонѣ: «Неужели вы не можете устроить эти мѣста — если безъ нихъ нельзя уже обойтись—въ болѣе пристойномъ видѣ? Почему, напримѣръ, не устроить вмѣсто большой двери небольшую калитку на блокѣ, и кромѣ того почему не устроить двойной тамбуръ, чтобы миазмы не могли проникать въ самый храмъ? Кажется, все это можно бы сдѣлать недорого, а между тѣмъ чрезъ это устранилось бы одно изъ величайшихъ безобразій?» Отвѣтъ былъ одинъ и тотъ же: «Католики не позволяютъ, и мы ничего не можемъ сдѣлать». Далѣе мы поднялись наверхъ и обошли куполы: ротонды Св. Гроба и храма Воскресенія. Здѣсь, въ куполь храма Воскресенія, вся нечистота еще болѣе была видима. Потомъ я обратился съ просьбою къ іеромонаху: нельзя ли мнѣ осмотрѣть ризницу, въ которой, должно быть, есть много предметовъ, заслуживающихъ вниманія по своей древности и цѣнности? «По нашимъ строгимъ правиламъ, мы не

имѣемъ права никого впускать въ ризницу, но я вамъ покажу нѣсколько цѣнныхъ предметовъ», отвѣчалъ мнѣ іеромонахъ и провелъ меня къ небольшой желѣзной двери, выходящей на хоры храма. Нѣсколько минутъ спустя были принесены ключи; іеромонахъ просилъ меня подождать и вскорѣ вынесъ два довольно большіе креста, вставленные въ конусообразное основаніе. Кресты эти пожертвованы императоромъ Иракліемъ въ VII вѣкѣ по Р. Х.; они заключаютъ въ себѣ части древа Креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель, и осыпаны драгоценными брилліантами, рубинами и сапфирами. Давъ мнѣ приложиться къ этой святынѣ, іеромонахъ унесъ кресты обратно, и вынесъ затѣмъ большое рукописное Евангеліе на славянскомъ языкѣ, съ золотыми досками; какъ самыя доски, такъ и изображенія на нихъ Воскресенія и евангелистовъ усыпаны брилліантами, рубинами и изумрудами; это—даръ храму отъ Бориса Годунова. Никакихъ драгоценностей мнѣ болѣе не показали. Возвратясь изъ храма къ выходной двери, о. іеромонахъ обратилъ мое вниманіе на одну изъ колоннъ храма слѣва отъ большой входной двери снаружи, со стороны площади, на которой замѣтна довольно глубокая расщелина и по бокамъ колонна какъ бы обуглена. По этому поводу о. іеромонахъ рассказалъ мнѣ слѣдующее: по преданію однажды—но когда именно—повѣствователь не могъ мнѣ объяснить—армяне закупили большими деньгами турецкихъ властей, чтобы не впускать грековъ въ храмъ Гроба Господня въ Страстную субботу за полученіемъ священнаго огня. Тогда греки, имѣя во главѣ своего патріарха, собрались на площади передъ храмомъ въ ожиданіи момента, когда святой огонь низойдетъ на армянъ внутри храма. Молнія при сильномъ раскатѣ грома уда-

рила въ колонну, расщепила ее, и изъ этой трещины показался огонь, отъ котораго патріархъ зажегъ свою свѣчу и передалъ огонь народу, а армяне, изгнавшіе грековъ изъ храма и ожидавшіе внутри храма благодатнаго огня отъ Гроба Господня, не удостоились его получить.

На самой площади предъ храмомъ, какъ объяснилъ мнѣ о. іеромонахъ, въ Великій четвергъ, устраивается большая эстрада, на которой греческій патріархъ совершаетъ обрядъ умовенія ногъ, по чину Восточной церкви, при громадномъ стеченіи народа. Поблагодаривъ моего путеводителя за трудъ и объясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ, я отправился на русскія постройки.

Послѣ обѣда о. Антонинъ прислалъ мнѣ сказать, что завтра, т.-е. въ пятницу 17 апрѣля, патріархи—іерусалимскій Никодимъ и бывший вселенскій Іоакимъ II намѣрены ѣхать рано утромъ въ *Горняя*, гдѣ патріархи будутъ присутствовать при литургіи, потомъ осматривать возникающую тамъ женскую русскую обитель и приглашаютъ меня сопутствовать въ этой поѣздкѣ. Искренно поблагодаривъ о. Антонина, я, разумѣется, счелъ для себя за особенное удовольствіе въ такомъ почтенномъ обществѣ осмотрѣть замѣчательную въ священно-историческомъ отношеніи мѣстность.

Горняя, или древній «*Горній градъ Іудовъ*», лежитъ на западъ отъ Іерусалима, въ ложбинѣ между крутыми скалистыми горами. Въ священно-историческомъ отношеніи онъ замѣчательнѣе тѣмъ, что здѣсь жили Захарій и Елизавета, отъ которыхъ родился Іоаннъ Предтеча,—и здѣсь Св. Дѣва Марія проживала у Елизаветы въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Періодъ этого пребыванія Св. Дѣвы Маріи замѣча-

теленъ тѣмъ, что, какъ повѣствуетъ ев. Лука (1, 39—42) «*Воставши Маріамъ во дни тыя, идя въ Горняя со тщаніемъ во Градъ Іудовъ и вниде въ домъ Захаріинъ и цѣлова Елисаветъ, и бысть яко услыша Елисаветъ цѣлованіе Маріино, взыраяся младенецъ во чревъ ея, и исполнися Духа Свята Елисаветъ и возопи гласомъ велиимъ и рече: Благословенна Ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева Твоего*».

Въ эту-то Горняя, 17 апрѣля, въ 6 ч. утра я выѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи драгомана о. Антонина, который еще ранѣе насъ отправился, чтобы лично встрѣтить патріарховъ. Горняя отстоитъ отъ Іерусалима на 3 часа пути верховой ѣзды шагомъ. Вся дорога пролегаетъ по скатамъ скалистыхъ горъ, по весьма узкой тропѣ, такъ что животное во многихъ мѣстахъ едва пробирается между громадными камнями. Погода была прелестная: солнце взошло уже высоко на небосклонѣ, который отличался необыкновенно чистымъ колоритомъ, и такъ какъ мы направлялись въ западную сторону, то солнечные лучи не беспокоили насъ и температура воздуха не успѣла еще высоко подняться. Перебираясь съ уступа на уступъ, надобно весьма осторожно лавировать между выдающимися острыми камнями и постоянно быть насторожѣ, чтобы не споткнулось животное, такъ какъ при паденіи можно легко разбиться, въ особенности для непривычнаго, плохого ѣздока. Причисляя себя къ разряду послѣднихъ, я и предпочиталъ совершать поѣздки не на лошади, а на ослиати, съ котораго, во-первыхъ, и падать ниже, чѣмъ съ лошади, а во-вторыхъ, осель если падаетъ, то всегда на переднія ноги и довольно медленно, такъ что есть всегда возможность съ него соскочить. Поднявшись на послѣдній подъемъ, глазамъ нашимъ представилась весьма жи-

вописная мѣстность: на двухъ противоположныхъ покостяхъ расположены довольно красивыя постройки, окруженныя зеленью, между которой возвышается наша русская православная церковь, небольшая, но весьма изящной архитектуры, откуда въ эту минуту раздавался колокольный звонъ, которымъ по церковному обряду встрѣчали приближающихся патріарховъ. Мы ускорили нашъ спускъ съ горы, по довольно крутой дорогѣ, усыпанной массою острыхъ камней и обильной разными поворотами, — и минутъ черезъ десять въѣзжали уже въ территорію русскихъ владѣній, — т.-е. на принадлежащей здѣсь русскимъ клочокъ земли. Оставивъ внизу, у подъема на небольшую гору, нашихъ лошадей и ословъ, мы поднялись по обсаженной кипарисами дорогѣ къ площадкѣ, на которой расположены русскія постройки и нашъ православный храмъ. Въ храмѣ началась уже литургія, которую совершалъ священникъ изъ арабовъ: пѣли 8 женщинъ, изъ числа 16-ти, которыя въ настоящее время составляютъ ядро будущей женской обители. Внутри храмъ не отличается особеннымъ богатствомъ, но чистота и опрятность поразительныя. Храмъ построенъ во имя Казанской Божіей Матери; утварь, облаченія, вся обстановка церкви отличается простотою, но также вкусомъ и даже изысканностью; съ правой стороны у клироса устроенъ патріаршій тронъ, какъ во всѣхъ церквахъ на Востокѣ, у этого трона во время богослуженія стоялъ патріархъ Никодимъ, а у лѣваго клироса — бывший вселенскій патріархъ Іоакимъ II; пѣли на родномъ нашемъ языкѣ литургію Бортнянскаго; Апостоль и Евангеліе читались на трехъ языкахъ: славянскомъ, греческомъ и арбскомъ. Священникъ владѣетъ свободно этими тремя языками, и потому даже нѣкоторые возгласы произносились имъ также

на различныхъ языкахъ; «Вѣрую» прочиталъ патріархъ Никодимъ. Въ церкви присутствовало много мѣстныхъ жителей изъ крещеныхъ арабовъ съ своими семействами. По окончаніи литургіи, всѣ получили благословеніе патріарха и изъ церкви отправились въ небольшой домикъ, гдѣ живетъ старшая изъ здѣшнихъ обитательницъ. Въ небольшой, но весьма опрятно-содержимой комнаткѣ всѣхъ насъ привѣтствовала хозяйка этого скромнаго, почти уже монастырскаго пріюта, женщина лѣтъ около 50-ти, одѣтая вся въ черномъ, съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ, довольно высокаго роста, съ лицомъ внушающимъ къ себѣ расположеніе и уваженіе. Подали неизмѣнное «гликоно-неро», и патріархъ, уходя и благословляя хозяйку этого скромнаго жилища, сказалъ на русскомъ языкѣ нѣсколько назидательныхъ словъ и пожелалъ, чтобы эта нарождающаяся обитель принесла въ будущемъ плоды свои распространеніемъ православія въ этой уединенной мѣстности. Отсюда всѣ прошли въ довольно обширный домъ, выстроенный о. Антониномъ для богомольцевъ. О. Антонинъ, какъ хозяинъ этого жилища, привѣтствовалъ патріарховъ и всѣхъ прибывшихъ, въ числѣ которыхъ находился и прибывшій во время литургіи нашъ консулъ изъ Іерусалима, Д. Н. Бухаровъ. Едва мы вошли въ домъ, намъ тотчасъ же былъ предложенъ чай и кофе. Домъ, выстроенный для богомольцевъ—въ два этажа, съ большими свѣтлыми комнатами, въ которыхъ большею частью кругомъ расположены диваны для отдохновенія путешественниковъ. Видъ изъ оконъ прелестный: на противоположномъ скатѣ горы построены большой католическій монастырь, окруженный зеленью; далѣе по горѣ разбросаны домики арабовъ; повсюду масличныя деревья и виноградники. Домъ для поклонниковъ окруженъ на-

рождающимся садомъ, въ которомъ много кипарисовъ, пальмъ, маслинъ и разныхъ кустарниковъ.

Бывшій вселенскій патріархъ Іоакимъ II—человѣкъ высокаго роста, стройный, съ умнымъ, располагающимъ лицомъ и небольшою просѣдью; ему всего 33 лѣтъ; онъ очень привѣтливъ и говоритъ по-гречески и по-нѣмецки. Съ патріархомъ Никодимомъ прибыла небольшая свита изъ 6 человекъ разной духовной іерархіи.

Въ часъ былъ поданъ обѣдъ, не роскошный, но приготовленный хорошо; подали шампанское, и патріархъ Никодимъ, вставъ съ своего мѣста, провозгласилъ тостъ «за здравіе охранителя и покровителя православія Императора Всероссійскаго Александра III». Потомъ патріархъ обратился съ краткой рѣчью къ о. Антонину, благодаря его какъ разумнаго дѣятеля на пользу распространенія православія; потомъ были тосты за патріарховъ и наконецъ за всѣхъ тѣхъ, которые содѣйствуютъ успѣху православія въ Святой Землѣ. Послѣ обѣда патріархи удалились для отдохновенія, а я пошелъ осматривать мѣстность, принадлежащую возникающей русской женской обители. Вся площадь земли заключаетъ въ себѣ до 20 десятинъ и идетъ въ гору. Кромѣ устраиваемаго вокругъ дома сада, вся площадь усажена множествомъ масличныхъ деревьевъ; разводятся небольшіе виноградники и вся мѣстность принимаетъ видъ роскошнаго сада.

Мысль устроить въ этой мѣстности женскую обитель принадлежитъ ревнителю и просвѣщенному дѣятелю о. Антонину. Задавшись этою мыслью, о. Антонинъ согласился на просьбы пожелавшихъ здѣсь поселиться русскихъ женщинъ и дозволилъ каждой построить на свои средства небольшія келіи изъ одной или двухъ комнатъ, по заранѣе созданному имъ

плану и на указанномъ мѣстѣ. Въ настоящее время выстроено уже 8 такихъ келій; въ нѣкоторыхъ живутъ и по двѣ отшельницы. При каждой келіи устроены цвѣтники и нѣкоторыя изъ нихъ обсажены вьющимися растеніями, что производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Каждая изъ этихъ женщинъ, отстроивъ свою келію, можетъ по смерти своей передать ее только той, которая пожелаетъ здѣсь поселиться навсегда. Содержать себя эти женщины на свои средства; у нѣкоторыхъ имѣются вѣроятно сбереженія отъ прежнихъ дней, и кромѣ того онѣ занимаются разными руководѣльными работами и, имѣя огородъ, разводятъ овощи для своего пропитанія. Я просилъ позволенія зайти въ три келіи, и вездѣ находилъ необыкновенную чистоту и самое необходимое для удобнаго и неприхотливаго помѣщенія. Въ отвѣтахъ на мои вопросы относительно ихъ жизни онѣ высказывали полнѣйшее довольство и счастье, что Господь сподобилъ ихъ пріютиться въ этомъ благословенномъ уголкѣ и провести остатокъ дней своихъ на Святой Землѣ.

Мысль основать женскую обитель въ средѣ магометанскаго дикаго населенія, нѣтъ сомнѣнія, можетъ принести и въ недалекомъ будущемъ громадную пользу. Развитіе общины можетъ много содѣйствовать къ привлеченію въ православіе арабскаго племени, въ особенности когда при общинѣ будетъ устроена *женская школа и больница*, гдѣ бѣдные больные будутъ получать врачебную помощь. Только такими благоумными мѣрами можно будетъ привлекать и удерживать въ православіи непроевѣщенные магометанскія племена.

Неподалеку отъ нашей церкви и страннопріимнаго дома устроенъ католическій монастырь на мѣстѣ

дома, гдѣ жили Захарій и Елисавета, въ которомъ было свиданіе Богородицы съ праведною Елисаветою и гдѣ родился Іоаннъ Предтеча. На этомъ мѣстѣ сооружена теперь очень хорошая католическая церковь и одинъ изъ престоловъ устроенъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ родился Предтеча, *«болій котораго никто изъ рожденныхъ женами не возставалъ»*. Отъ этого престола спускъ въ выложенную мраморомъ пещеру, гдѣ подъ престоломъ кругъ съ надписью на латинскомъ языкѣ: *«Здѣсь родился Предтеча Господень»*.

Возвратившись въ нашъ страннопріимный домъ, мы въ общей бесѣдѣ и не замѣтили, какъ прошло время; въ 4 часа подали чай, а въ 4½ часа раздался благовѣстъ къ вечернѣ. Патріархи и всѣ присутствующіе отправились въ церковь, откуда, послѣ краткаго повечерія, распростившись съ обитательницами вновь создаваемой общины, всѣ мы отправились въ обратный путь при колокольномъ звонѣ.

Обратный путь нашъ предстоялъ опять по тѣмъ же скалистымъ горамъ; но съ половины дороги патріархи со свитою повернули на Крестный монастырь, а мы съ о. Антониномъ, консуломъ, драгоманомъ и сопровождавшими насъ кавасами, поѣхали прямою дорогою на Іерусалимъ. Солнце уже значительно склонялось къ западу и только послѣдними своими заходящими лучами освѣщало нашъ путь. Въ 8 часовъ вечера мы благополучно возвратились на русскія постройки.

Въ воскресенье недѣли *женъ-мвроносицъ*, 19-го апрѣля, патріархъ Никодимъ празднуетъ день своего тезоименитства. Послѣ обѣдни въ нашемъ русскомъ православномъ соборѣ, часовъ въ 11, я вмѣстѣ съ консуломъ и всѣмъ его штатомъ, въ предшествіи четырехъ кавасовъ съ булавами, отправился въ Пат-

ріархію, принести поздравленіе патріарху. Въ приємной залѣ мы нашли уже весь іерусалимскій синодъ съ массою духовенства, которое, при нашемъ вступленіи въ залу, откланивалось уже патріарху. Имяниникъ встрѣтилъ насъ съ свойственною ему любезностью. Началось угощеніе «неро-глико», кофе и ликеромъ въ маленькихъ рюмкахъ. Пока шла между нами бесѣда, зала постепенно наполнялась массою публики: представителями разныхъ корпорацій и дѣтьми изъ пріютовъ и школъ. Когда патріарху доложили, что всѣ представители желаютъ его привѣтствовать, патріархъ перешелъ съ дивана на стоящее въ углу почетное патріаршее кресло, и начался приѣмъ депутацій. Отъ каждой корпораціи представитель ея говорилъ рѣчь на греческомъ или арабскомъ языкѣ, на которую патріархъ отвѣчалъ по-гречески, послѣ чего всѣ подходили къ патріарху подъ благословеніе, и онъ каждому вручалъ пасхальное красное яйцо съ изображеніемъ на немъ Воскресенія Христа—работы виолеемскихъ мастеровъ. Церемонія эта продолжалась болѣе получаса, и все это время здѣсь присутствовалъ и бывшій вселенскій патріархъ Іоакимъ II. По окончаніи всей этой церемоніи, мы простились съ патріархомъ и такимъ же церемоніальнымъ порядкомъ, въ предшествіи кавасовъ, возвратились обратно на русскія постройки, подъ сильнымъ дождемъ съ пронзительнымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, такъ что въ ватномъ пальто, какъ говорится, пробирало насквозь. Погода эта продолжалась въ теченіе цѣлаго дня и напоминала мнѣ наши мартовскіе дни въ Петербургѣ.

Разсказавъ о торжествѣ по случаю имянинъ патріарха, я позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ и о немъ самомъ, какъ о замѣчательной личности.

Въ послѣднее время въ русской печати появились не совсѣмъ лестные отзывы о патріархѣ Никодимѣ. Напр.: «будто бы онъ принадлежитъ къ числу людей слабохарактерныхъ; жалуется постоянно на свое безъисходное положеніе—трудность согласовать интересы грековъ и русскихъ; отъ него ожидали, что онъ дастъ силу русскому вліянію въ Іерусалимѣ, уничтожить многіе нелѣпые порядки, но блаженный Никодимъ не оправдалъ будто бы тѣхъ упованій, которыя возлагались на него при его назначеніи на патріаршій престолъ, и даже будто бы прежнія дружественныя отношенія его къ православной Москвѣ стали быстро измѣняться въ непріязненныя», и пр. т. п.

Очень жаль, что сообщающіе подобныя свѣдѣнія о достойномъ уваженіи патріархѣ Никодимѣ не выставляютъ никакихъ фактовъ, которые бы хотя сколько-нибудь подтверждали тѣ нареканія, которыми стараются набросить тѣнь нерасположенія и неуваженія русскаго общества на почтеннѣйшаго патріарха. Мнѣ кажется, что если вникнуть поглубже въ тѣ обстоятельства, при которыхъ патріархъ Никодимъ вступилъ на патріаршій престолъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сопоставить тѣ права, которыя опредѣляютъ значеніе патріарха въ отношеніи іерусалимскаго Синода, то, можетъ быть, всѣ нареканія на патріарха окажутся и не совсѣмъ справедливыми.

Я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ патріархомъ нѣсколько разъ, и никогда въ немъ не проявлялось ни въ чемъ нерасположеніе къ Россіи; напротивъ, патріархъ съ особеннымъ благоговѣніемъ и благодарностью говоритъ о нашемъ Императорѣ и русскомъ обществѣ, вполне сознавая, что вся Патріархія и все православіе въ Палестинѣ поддерживаются и укрѣпляются помощью Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ на-

стоящее время у патриарха много враговъ, именно изъ тѣхъ лицъ, которыя были уволены патриархомъ немедленно по вступленіи его въ исполненіе своихъ высокихъ обязанностей, за разныя преступленія по должности. Послѣ смерти патриарха Кирилла нѣкоторыя ничтожныя личности захватили власть въ свои руки и въ теченіе полугода расхитили не только до ста пятидесяти тысячъ лиръ¹⁾, которыя были сбережены патриархомъ Кирилломъ, но еще и обременили долгами Общество Святого Гроба, слѣлавъ займы у мѣстныхъ банкировъ подъ разныя цѣнности на значительную сумму изъ 16 и 18% годовыхъ. Настала полная анархія: каждый святогробецъ считалъ себя въ правѣ дѣлать все, что ему угодно. Вслѣдствіе этой безурядицы не только сотни, но, какъ говорятъ, тысячи отпали отъ православія и перешли въ латинство и даже въ протестантство. Патриарху, конечно, стоило много труда и энергіи разобраться въ этомъ хаосѣ, притомъ встрѣчая себѣ во всемъ противодѣйствіе. Наряжена была коммиссія изъ людей болѣе благонамѣренныхъ, чтобы привести все въ должный порядокъ. Патриархъ мнѣ лично говорилъ, что только благодаря милости нашего Императора и русскому правительству онъ могъ заняться поправленіемъ дѣлъ Патриархіи и выкупомъ заложенныхъ цѣнностей. Въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени занятія блаженнымъ Никодимомъ патриаршаго престола дѣятельность его принесла уже далеко не безплодные результаты. Кромѣ погашенія долговъ и возвращенія заложенныхъ церковныхъ цѣнностей, патриархъ обратилъ вниманіе на увеличеніе школъ.—Такъ, по принятіи имъ патриаршества, школъ во всей Палестинѣ

¹⁾ Турецкая лира—около 10 рублей.

насчитывалось не болѣе 50, а въ настоящее время ихъ уже 150. Благодаря его усердію, очень много семействъ возвратилось въ православіе и возстановлено много новыхъ храмовъ. Во время вышеупомянутаго безначалія нѣкоторыя весьма цѣнныя имѣнія, находившіяся въ Смирнѣ, Критѣ и около Аѳинъ,—принадлежавшія Святому Гробу,—были проданы за безцѣнокъ, но стараніями и энергичной распорядительностью патриарха часть изъ нихъ ему удалось вернуть обратно Св. Гробу. Замѣтимъ въ заключеніе, что патриархъ не есть лицо, уполномоченное неограниченною властью; онъ обязанъ подчиняться въ извѣстной степени іерусалимскому Синоду, который—вѣроятно, на основаніи своихъ каноническихъ правъ—можетъ приостанавливать самостоятельныя дѣйствія патриарховъ. Въ числѣ обвиненій, взводимыхъ на патриарха, приводятъ то, что «онъ обѣщалъ дать силу русскому вліянію и не исполняетъ этого»; но съ вѣроятностью можно предположить, что Синодъ іерусалимскій, въ силу своихъ каноническихъ правъ, оказывалъ и будетъ оказывать ему въ этомъ явное противодѣйствіе. Для примѣра я приведу слѣдующее: одному вліятельному лицу изъ духовнаго званія въ Іерусалимѣ я* сказалъ: «Почему это патриархъ не устроитъ приличный хоръ пѣвчихъ и не уничтожитъ это раздирающее душу гнусливое пѣніе, введя болѣе благообразное, располагающее къ молитвѣ?»—«Никогда Синодъ не допуститъ измѣнить это пѣніе», отвѣчало мнѣ духовное лицо. Если въ такомъ повидимому ничтожномъ само по себѣ обстоятельствѣ, какъ улучшение духовнаго пѣнія, Синодъ не дозволитъ патриарху произвести измѣненія, то надобно полагать, что въ болѣе важныхъ вопросахъ, какъ, напр., усиленіе русскаго преобладанія въ Палестинѣ, тотъ же

Синодъ окажетъ навѣрное уже серьезное и рѣшительное противодѣйствіе. Но такъ какъ вся греческая Патріархія существуетъ преимущественно на русскія субсидіи, то мнѣ кажется цѣлесообразнѣе было бы при выдачѣ этихъ субсидій выговаривать болѣе правъ и преимуществъ въ пользу русскаго вліянія.

Надо надѣяться, что патріархъ Никодимъ, приведя разстроенныя дѣла Патріархіи въ болѣе порядокъ, обратитъ особенное вниманіе на приведеніе храма Воскресенія въ должный—опрятный и благолѣпный видъ. Кромѣ того, вѣроятно патріархъ окажетъ свое просвѣщенное вліяніе и на патріарховъ латинскаго и армянскаго, чтобы совокупными усиліями уничтожить или, по крайней мѣрѣ, привести въ должный порядокъ тѣ безобразныя мѣста внутри храма Гроба Господня, которыя оскверняютъ храмъ своимъ зловоніемъ и вообще привести этотъ святѣйшій изъ святыхъ храмовъ въ тотъ видъ, который поражалъ бы всякаго входящаго въ него своимъ величіемъ, чистотою и святостію. Когда въ этомъ храмѣ изъ храмовъ будетъ всюду царить заповѣдная любовь между всѣми христіанами, только тогда въ полномъ значеніи слова *«Крестъ побѣдитъ Луцу»*.

На другой день, т.-е. въ понедѣльникъ 18 апрѣля, я намѣренъ былъ ѣхать на Иорданъ и Мертвое море, а потому заранѣе просилъ нашего консула оказать мнѣ въ этомъ содѣйствіе. На Иорданъ и Мертвое море поклонники отправляются обыкновенно партіями, но такъ какъ въ настоящее время никого изъ желающихъ посѣтить эти мѣста не оказалось, то приходилось ѣхать мнѣ одному. Благодаря вниманію и любезности нашего консула, мнѣ былъ данъ конвой изъ вооруженныхъ каваса и шейха—старшины одного изъ бедуйскихъ племенъ, кочующихъ у Иордана. На

шейхъ лежитъ обязанность охранять путешественника и въ случаѣ какого-либо несчастія шейхъ отвѣчаетъ передъ турецкимъ правительствомъ не только своимъ имуществомъ, но и своею головою. Когда наша экспедиція была уже снаряжена, то ко мнѣ присоединился еще іеромонахъ Антоній изъ Новаго Іерусалима около Москвы—человѣкъ весьма почтенный, и я былъ очень радъ этому спутнику.

Въ воскресенье погода была отвратительная; мы боялись, что проливной дождь, шедшій весь день, будетъ продолжаться и на слѣдующій, и намъ придется отложить нашу поѣздку; но слава Богу, на другой день хотя и было пасмурно—погода все-таки была мягкая, съ юго-западнымъ вѣтромъ.

Рано утромъ приведенные ослы своимъ пронзительнымъ крикомъ разбудили меня, и, напившись чаю, мы въ 5½ часовъ утра усѣлись на этихъ неопасныхъ животныхъ, и отправились въ наше путешествіе, хотя и не дальше, но все-таки затруднительное, такъ какъ весь путь пролегаетъ по крутымъ и каменистымъ горамъ.

Путь нашъ лежалъ отъ русскихъ построекъ, мимо Дамасскихъ воротъ къ пещерѣ Богоматери, куда мы зашли приложиться къ мѣсту Ея погребенія, и потомъ начали огибать Елеонскую гору по направленію къ Виѳаніи, куда и прибыли черезъ часть времени.

Въ настоящее время Виѳанія представляетъ жалкое небольшое селеніе, прилѣпившееся къ скату горы и состоящее изъ нѣсколькихъ убогихъ домиковъ, между которыми разбросаны фиговые и масличныя деревья. Къ одному изъ такихъ домиковъ мы подъѣхали и сошли съ ослевъ. Черезъ небольшой, выложенный изъ грубыхъ камней входъ мы спустились

ступеней на 15 въ небольшую комнату, гдѣ въ одномъ углу поставленъ каменный престолъ, на которомъ ежегодно въ Лазареву субботу совершается литургія. Изъ этой комнатки мы спустились еще ступеней на 5 внизъ въ подземелье не болѣе двухъ квадратныхъ сажень, гдѣ, какъ гласитъ преданіе, и была могила Лазаря. Въ дѣйствительности въ мѣстонахожденіи здѣсь гробницы Лазаря никто изъ изслѣдователей старины не сомнѣвается. Вблизи отъ Лазаревой могилы показываютъ развалины, гдѣ стоялъ домъ Марѳы и Маріи, сестеръ Лазаревыхъ. Въ этомъ же домѣ, какъ надобно предполагать, Марія возлила миро на Спасителя, омыла имъ ноги Его и отерла ихъ власами своими (Іоан. XII. 3); сюда же Спаситель удалился на ночь послѣ торжественнаго Своего вѣзда въ Іерусалимъ (Матѳ. XXI, 17).

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Виѳаніи существовала деревня Виѳагія, откуда двое учениковъ Христа привели, по приказанію Его, осленка для торжественнаго вѣзда въ Іерусалимъ. Въ настоящее время нѣтъ и слѣда этой деревни. Спускаясь отъ Виѳаніи на іорданскую дорогу, съ правой стороны отъ дороги встрѣчаемъ небольшую церковь, построенную богатымъ грекомъ на мѣстѣ, гдѣ сестры Марѳа и Марія встрѣтили Спасителя, объявили Ему о смерти Лазаря и просили войти Его въ домъ.

Вся окружающая мѣстность еще представляетъ для глаза отрадную картину: скаты горъ покрыты зеленью; мѣстами видны небольшія куртины масличныхъ и фиговыхъ деревъ, издали виднѣются небольшія арабскія хижины; часть засѣянныхъ полей покрыта дозрѣвающими хлѣбными колосьями; по дорогѣ жители встрѣчаются съ разными ношами; навьюченные ослики и верблюды тоже придаютъ не-

мало жизни окружающей мѣстности: все это доказывало, что мы находились еще вблизи большого города. Между тѣмъ и погода начала проясняться. При выѣздѣ изъ Іерусалима небо было покрыто довольно густыми облаками и раза два принимался идти небольшой дождь, а затѣмъ небосклонъ очистился, и палестинское солнце явилось во всемъ своемъ величій, съ своими жгучими лучами. Послѣ весьма продолжительнаго наканунѣ сильнаго дождя почва значительно пропиталась влажностью, а потому мы ласкали себя надеждою, что не будетъ особенной жары или по крайней мѣрѣ не будетъ особенной сухости воздуха.

Спустившись отъ Виѳаніи по крутому спуску и немедленно опять поднявшись на довольно высокій подъемъ, мы вѣхали въ каменистую голую гряду горъ. Среди такой грустной, однообразной природы мы продолжали весь путь, который я, впрочемъ, по описаніямъ представлялъ себѣ еще хуже. По крайней мѣрѣ видно, что здѣсь иногда прикасалась человѣческая рука, чтобы хотя немного предохранить путешественника отъ опасности: такъ, во многихъ мѣстахъ глубокіе обрывы по краямъ обложены нагроможденными камнями, чтобы путники не могли слетѣть въ эту каменистую пропасть. Часа черезъ два мы достигли такъ-называемаго *Солнечнаго ключа* съ холодною прозрачною водою. Источникъ этотъ прикрытъ каменною аркой. Пить эту воду, не смотря на ея чистоту и прозрачность, надобно очень осторожно, потому что попадаютъ мелкія пиявки. Почти подлѣ самага колодца — какія-то развалины съ двумя сводами, изъ-подъ которыхъ вышли трое какихъ-то вооруженныхъ людей и, подойдя ко мнѣ, начали говорить со мною чистымъ русскимъ языкомъ. Это были,

какъ оказалось, наши горцы, переселившіеся съ Кавказа, и въ разговорѣ признались, что жалѣютъ о своихъ покинутыхъ мѣстахъ. Напоивъ нашихъ животныхъ, мы отправились далѣе, и шейхъ сообщилъ мнѣ, что эти переселенцы не ведутъ правильной осѣдлой жизни, а занимаются болѣе грабежами.

Отъ источника мы стали подниматься по крутой каменной горѣ, гдѣ наши ослики, съ осторожностью переступая между острыми камнями и часто спотыкаясь, заставляютъ сѣдока быть на-сторожѣ, чтобы, вмѣстѣ съ животнымъ, не переломать себѣ ребра при паденіи. Во время нашего путешествія впереди всегда ѣхалъ шейхъ, а позади насъ—кавасъ. Шейхъ поражалъ своей необыкновенно-красивой наружностью: высокаго роста, весьма стройный, съ выразительнымъ лицомъ темно-бронзоваго цвѣта, въ своемъ восточномъ костюмѣ съ бѣлой бедуинской альмавивой, которая прикрывала и голову, на своемъ чудномъ конѣ, онъ былъ до того живописенъ, что стоило бы воспроизвести его на фотографіи. Дорога была пустынна; изрѣдка только попадался какой-нибудь арабъ, гоня свое небольшое стадо; голыя вершины Іудейскихъ горъ, которыя мы пересѣкали, казались какъ бы раскаленными отъ лучей жгучаго солнца. Эти голыя острия скалы, вѣроятно поднятыя вулканическимъ переворотомъ, придаютъ мертвый и унылый видъ всей окружающей мѣстности; только изрѣдка зелень случайной травы или засѣяннаго клочка земли въ ущельяхъ этихъ скалъ позволяетъ глазу хотя немного отдохнуть на этихъ зеленыхъ точкахъ.

На половинѣ дороги мы сдѣлали маленькій привалъ въ небольшомъ ханѣ, съ крытыми во дворѣ навѣсами, гдѣ мы и приютились отъ знойныхъ лучей полуденнаго солнца, чтобы нѣсколько подкрѣпить

свои силы весьма скуднымъ завтракомъ, взятымъ съ собою, а также дать отдохнуть и животнымъ, видимо истомленнымъ и едва передвигавшимъ ноги. Содержатель этого хана предложилъ намъ чернаго кофе, что значительно насъ подкрѣпило.—Къ утѣшенію нашему, хозяинъ намъ сообщилъ, что мы уже проѣхали большую половину дороги, и слѣдовательно часа черезъ два, много три, достигнемъ мѣста полного отдохновенія. Надобно при этомъ замѣтить, что ѣзда на ослахъ весьма утомительна: лѣнность этого животного можетъ довести сѣдока до отчаянія; сколько ни бейте его—онъ не прибавитъ шагу; притомъ и бить его надобно умѣючи, не иначе, какъ концомъ палки подталкивая его въ крестецъ; эту обязанность и исполняетъ бѣгушій за осломъ погонщикъ; рысью на этихъ животныхъ ѣздить невозможно—выколотить, какъ говорится, всю душу.—Отдохнувъ съ часъ времени, мы опять усѣлись на ослівъ и коней и продолжали наше медленное, утомительное путешествіе. Полуденное солнце жгло немилосердно; при томъ и вѣтра не было, такъ что предстоящій переѣздъ былъ хотя и непродолжителенъ, но болѣе тяжелъ, нежели тотъ, которымъ мы уже проѣхали, такъ какъ высота горъ достигаетъ до 3000 футъ.—Кстати сказать, что дорога между Іерусалимомъ и Іерихономъ не только въ настоящее время, но и во времена весьма отдаленныя, за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, отличалась большою трудностью и опасностью. Во времена Спасителя, когда народъ отправлялся изъ Галилеи и окрестностей Іерихона въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, народъ всегда совершалъ этотъ путь большими партіями, чтобы не подвергаться ограбленію и убійству со стороны разбойниковъ.

Спутникъ мой, іеромонахъ Антоній, совершалъ это

путешествіе уже во второй разъ и потому былъ для меня полезнымъ и приятнымъ собесѣдникомъ въ это мое первое путешествіе. Наконецъ, мы сдѣлали послѣдній подъемъ, съ котораго намъ открылась великолѣпная картина: съ лѣвой стороны — глубочайшій оврагъ, въ которомъ въ едва замѣтномъ ущельѣ помѣщается обитель св. Георгія Хозевита; у подошвы оврага струится источникъ Елисея, по теченію котораго тянется плодоносная полоса, поросшая кустарниками и деревьями. Съ вершины этой горы скалы какъ бы разступаются, и передъ глазами путника раскрывается на первомъ планѣ небольшая Іерихонская долина, а вдали узкою и длинною полосою перпендикулярно первой тянется долина св. Іордана, окаймленная по теченію рѣки съ восточной стороны невысокою цѣпью горъ; съ южной стороны красуется Мертвое море съ своею зеркальною поверхностью, а съ запада — крутая, высокая, скалистая *Сорокадневная гора*. По разсказамъ моего спутника о. Антонія, дорога къ монастырю Георгія Хозевита, а равно и на Сорокадневную гору весьма затруднительна, а потому мы и держали нашъ путь, по спускѣ съ горы, прямо къ мѣсту бывшаго Іерихона — на русскія постройки. При самомъ спускѣ нашемъ съ послѣдней горы воздухъ показался намъ еще удушливѣе, чѣмъ въ горахъ, и въ 3 часа мы, къ общей нашей радости, сошли съ ословъ и входили въ свѣтлыя, просторныя комнаты на нашихъ русскихъ постройкахъ, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, «постройки о. Антонина». При самомъ въѣздѣ на наши постройки насъ встрѣтилъ привратникъ изъ черныхъ арабовъ и смотрительница дома, крещеная арабка, весьма хорошо говорящая по-русски. Первая просьба наша къ смотрительницѣ дома была: поставить самоваръ и приготовить чего-нибудь заку-

сить, а въ ожиданіи этого я растянулся на устроенныхъ вокругъ комнаты диванахъ, чтобы дать отдохнуть всѣмъ членамъ, утомленнымъ восьмичасовой поѣздкой верхомъ, что для непривычнаго человѣка дѣло далеко не легкое.

Послѣ часового отдыха, я пошелъ осматривать постройки о. Антонина. Большой двухъ-этажный каменный домъ построенъ на мѣстѣ дома, гдѣ, по преданію, жилъ въ Іерихонѣ во времена Спасителя Закхей. Въ нижнемъ этажѣ дома двѣ большія комнаты съ нарами, покрытыми циновками, и стоитъ громадный самоваръ — почти десятиведерный; кромѣ того, внизу еще нѣсколько небольшихъ отдѣльныхъ комнатъ; во второмъ этажѣ въ срединѣ дома большая общая зала съ диванами вокругъ всей комнаты и большимъ столомъ по срединѣ; на стѣнѣ виситъ большая священная картина, изображающая Спасителя, окруженнаго народомъ, проходящаго мимо дома Закхея, который сидитъ на деревѣ. Изъ этой средней комнаты въ обѣ стороны идутъ корридоры, изъ которыхъ по 4 двери, ведущія въ отдѣльныя, весьма просторныя, высокія комнаты. Въ каждой комнатѣ по двѣ кровати съ отличными тюфяками, подушками, чистымъ бѣльемъ и кисейными пологами надъ кроватями безукоризненной чистоты. Домъ стоитъ въ прелестномъ саду изъ роскошныхъ кипарисовъ, миртъ, олеандровъ, пальмъ, лимонныхъ, гранатныхъ и апельсинныхъ деревъ. Въ саду дѣлались раскопки и найдены обломки: рѣзныхъ колоннъ, капителей; все это — остатки прежняго величія древняго Іерихона.

Будучи на мѣстѣ дома Закхея, я постараюсь возобновить въ памяти исторію этого человѣка. Во времена Спасителя, въ царствованіе потомковъ злодѣя и тирана Ирода Великаго, когда Іерихонъ былъ еще

цвѣтушимъ городомъ, или, какъ иначе его называли, «городомъ благоуханій розъ, пальмъ, раемъ Божиимъ», здѣсь было поселеніе мытарей для сбора пошлинъ съ обширной торговли бальзамомъ, который добывался здѣсь въ большомъ количествѣ, и для наблюденія за ввозной и вывозной торговлей, производившейся между римскими провинціями и владѣніями Ирода Антипы. Однимъ изъ начальниковъ этихъ мытарей былъ Закхей, ненавистный народу какъ іудей, какъ исполнявшій свою должность вблизи Св. Города и какъ страшный взяточникъ, который поборами составилъ себѣ большое состояніе. Этотъ Закхей имѣлъ сильное желаніе увидѣть собственными глазами, что за личность была Иисусъ; но, будучи очень малъ ростомъ, онъ не могъ изъ-за большой толпы даже взглянуть на Него. И вотъ однажды, когда Христосъ проходилъ по улицамъ, Закхей забѣжалъ впередъ и забрался на вѣтви стоящаго по близости дерева, такъ какъ подъ этимъ деревомъ долженъ былъ проходить Иисусъ, и мытарь могъ увидѣть Того, Кто не только не пренебрегалъ сословіемъ мытарей, но находилъ даже между ними ревностныхъ слушателей и даже возвысилъ одного изъ нихъ въ званіе апостола. Когда Иисусъ приблизился къ дереву, на которомъ былъ Закхей, Онъ остановился подъ этимъ деревомъ, взглянулъ на верхъ, назвалъ его по имени и велѣлъ сойти съ дерева, обѣщавъ ему, что зайдетъ въ его домъ; такимъ образомъ презрѣнный мытарь долженъ былъ принимать въ своемъ домѣ Мессію. Народъ, узнавъ объ этомъ, сильно возропталъ: ему казалось почти унижительнымъ, чтобы Тотъ, Котораго они считали своимъ царемъ, остановился въ домѣ такого презрѣннаго человѣка. Но Закхей былъ такъ пораженъ величіемъ и святостію своего Гостя, что, ставъ посреди народа, онъ обра-

тился къ Спасителю съ словами полного раскаянія: «Господи! половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, и если кого чѣмъ обидѣлъ—воздамъ вчетверо!» Такия слова полного раскаянія, это громогласное обѣщаніе предъ лицомъ Спасителя—должны были служить залогомъ, что милость Его была не напрасна. Послѣ такого чистосердечнаго раскаянія Иисусъ сказалъ ему: *«нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ сынъ Авраама»*.

Благодаря смотрительницѣ дома, которая приготовила прекрасный супъ изъ курицы и яйца въ смятку, съ дополненіемъ ко всему этому стакана чаю, мы значительно подкрѣпили наши силы и довольно долго любовались еще окружающею насъ дикою природою. По наступленіи сумерекъ, взошедшая луна необыкновенно эффектно освѣтила всю окружающую мѣстность. Одна только Сорокадневная гора наводила уныніе и даже страхъ при этомъ чудесномъ лунномъ освѣщеніи. Обнаженная и бесплодная, поднималась она крутымъ обрывомъ съ одной стороны отъ глубокаго ущелья источника Елисея, а съ другой—отъ бесплодной, мертвой долины Иорданской; гора эта покрыта множествомъ изрытыхъ въ ней пещеръ, частию натуральныхъ, а частию сдѣланныхъ для жилья, въ которыхъ спасались въ древнія времена христіанскіе подвижники. Иеромонахъ Антоній былъ на этой горѣ во время перваго своего путешествія и сообщилъ мнѣ нѣкоторыя интересныя о ней свѣдѣнія. Чтобы достигнуть монастыря, устроеннаго на половинѣ этой горы, поклонники должны въ продолженіе часа пробираться ползкомъ по отвѣсному уступу и узкой тропѣ, аршина въ полтора шириною. Достигнуть самой вершины горы можетъ только тотъ, кто не боится потерять ногти на пальцахъ или переломать

свои члены. Монастырь чрезвычайно бѣдный; церковь устроена въ одной изъ пещеръ. Выше этой пещеры, гдѣ церковь; находится другая пещера, будто бы та самая, въ которой Спаситель проводилъ 40 дней въ постѣ и молитвѣ. Въ этой пещерѣ на сѣверной сторонѣ указываютъ мѣсто молитвы Спасителя и на стѣнѣ замѣтно изображеніе св. Его лика, изъ чего заключаютъ, что мѣсто это было храмомъ молитвы кого-либо изъ отшельниковъ. На эту-то ужасную гору Иисусъ Христосъ отъ водъ Иордана и былъ возведенъ, или — по болѣе сильному выраженію ев. Марка — «увлеченъ» Духомъ въ пустыню. Вся долина Иордана и поверхность Мертваго моря при лунномъ освѣщеніи представляли чудную картину: солонцеватая поверхность пустыни отъ луннаго свѣта отражалась какъ-то синевато-серебристымъ отблескомъ; даже отдаленная поверхность Мертваго моря свѣтилась особеннымъ блескомъ. — Усталость между тѣмъ начала брать свое, и мы рано разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы еще до восхода солнца отправиться къ берегамъ Мертваго моря и Иордана, а къ полуденной жарѣ успѣть уже возвратиться обратно.

Самое лучшее отдохновеніе и величайшее наслажденіе — послѣ такого утомительнаго путешествія по кручамъ и на ослѣ — очутиться въ свѣтлой, чистой комнатѣ, на прекрасной постели! Не смотря, однако, на сильную усталость, я долго не могъ заснуть и все прислушивался къ какому-то дикому завыванію: этотъ ночной концертъ — какъ утромъ я узналъ — задавали намъ шакалы.

Въ 5 часовъ утра, напившись чаю, мы отправились по направленію къ Мертвому морю. Дорога на всемъ разстояніи до моря около 10 верстъ идетъ пустынною, бесплодною долиною, солонцеватой почвы,

на которой растетъ только *заккумъ*, или *цакумъ*; изъ косточекъ этого растенія арабы готовятъ бальзамъ, считая его цѣлебнымъ средствомъ отъ ранъ; вѣтви растенія покрыты иглами, оканчивающимися небольшими крючками; листья средней величины, овальны, въ родѣ листьевъ лавровишневаго дерева. Полагаютъ, что вѣнецъ Спасителя былъ сплетенъ изъ вѣтвей этого растенія. По всей бесплодной долинѣ масса этого растенія; часто цѣпляешься за колючія его вѣтви и не мало страдаетъ отъ этого одежда путника.

Часа черезъ два съ половиною мы достигли берега этого по истинѣ *Мертваго моря* или *Асфальтоваго озера* (называемое арабами Биркетъ-Лутъ, т. е. море Лота). Солнце значительно уже поднялось на горизонтѣ; тишина въ воздухѣ была замѣчательная; вся природа какъ будто замерла, самый воздухъ какъ будто заснулъ; вся поверхность этого моря представляла застывшую плотную массу, блестящую отъ лучей подымавшагося солнца; на берегу валялось много сучьевъ и выброшеннаго сухого лѣса, который наносится сюда быстрымъ теченіемъ Иордана; отъ устья послѣдняго мы были верстахъ въ трехъ или четырехъ. Съ восточной и западной сторонъ море это окаймлено неприступными отвѣсными скалами; кругомъ — отсутствіе какого-либо живого существа, и дѣйствительно все это составляетъ мертвую, удручающую картину и море какъ нельзя болѣе оправдываетъ свое названіе.

Самыя интересныя и подробныя свѣдѣнія объ *Асфальтовомъ* или *Мертвомъ морѣ* сообщены экспедиціею американца Линча въ 1848 году. Я позволю себя заимствовать изъ отчета этого путешественника наиболѣе интересныя свѣдѣнія о Мертвомъ морѣ.

«Экспедиція Линча отправилась по Тиверіадскому озеру 8 апрѣля 1848 года на 2-хъ лодкахъ, мѣдной

и желѣзной, построенныхъ въ Америкѣ и доставленныхъ отъ Каифы до озера на верблюдахъ. Изъ Тиверіадскаго озера экспедиція спустилась въ р. Иорданъ, длину котораго считаютъ въ 200 миль; рѣка очень быстрая, со множествомъ изгибовъ, и на ней насчитываютъ до 27 опасныхъ, быстрыхъ мѣстъ. Обѣ лодки значительно пострадали въ путешествіи, въ особенности пострадала мѣдная отъ ѣдкой воды Мертваго моря. По мѣрѣ приближенія къ морю доносился до путешественниковъ ѣдкій, вонючій запахъ; вѣтеръ былъ довольно рѣзкій, противный, и при вступленіи въ море послѣднее сильно волновалось, не смотря на плотность сильно-соленой воды. Наши лица и платья—говоритъ Линчъ—быстро покрылись соляными кристаллами, производящими раздражительное дѣйствіе на глаза и кожу. При усилившемся вѣтрѣ казалось, что не волны, а какіе-то тяжелые молоты били о ихъ стѣны. Въ продолженіе первыхъ двѣнадцати дней плаванія мы чувствовали себя хорошо, но потомъ явились признаки, внушающіе безпокойство. Всѣ мы стали походить на страдающихъ водянкою: тощія пополнили, а полные потолстѣли; блѣдныя лица стали свѣжими, а бывшія свѣжими стали багровыми; тѣло начало покрываться гнойными прыщами. Въ воздухѣ не было ничего вреднаго, его не могли портить разлагающіяся вещества, ибо по берегамъ растительность ничтожная, а сѣрный запахъ, отъ сѣрныхъ источниковъ, не считается особенно вреднымъ. Мы находили мертвыхъ птицъ, но онѣ, вѣроятно, погибали отъ истощенія, а не отъ вреднаго морского воздуха, который пропитанъ соляными газами и не дѣйствуетъ вредно на организмъ. Вокругъ насъ были черныя бездны и острыя скалы, подернутыя легкимъ туманомъ, а на 300 футовъ подъ нами лотъ касался погребенной

Сиддимской долины, покрытой въ настоящее время грязью и солью. Въ то время, какъ мысли мои были обращены къ этому предмету, мои товарищи, будучи не въ состояніи осилить свою дремоту, заснули во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ. Въ эту минуту мной овладѣлъ страхъ среди товарищей, погруженныхъ въ оцѣпенѣніе, волосы встали дыбомъ и моему воображенію представлялось что-то ужасное въ разгорѣвшихся и вздутыхъ лицахъ моихъ спутниковъ: казалось, страшный ангелъ смерти носился надъ ними. Одни спали согнувшись, глубокимъ сномъ, и руки ихъ, лишеныя по кисть кожи отъ вреднаго дѣйствія воды, безжизненно висѣли на покинутыхъ веслахъ; другіе—закинувъ голову назадъ, съ растрескавшимися въ кровь губами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ—казались, даже и во снѣ, страдающими отъ жара и истощенія, тогда какъ иные, на лицахъ которыхъ играли отраженные водою лучи, походили на призраковъ, и ихъ забытые сопровождалось нервнымъ дрожаніемъ всѣхъ членовъ; время отъ времени они вскакивали, жадно припадали къ боченку съ водою и снова впадали въ оцѣпенѣніе». По окончаніи экспедиціи, чтобы дать людямъ оправиться, Линчъ со всѣми спутниками провелъ два мѣсяца въ Ливанскихъ горахъ. Болѣзнь долгое время мучила матросовъ, а три мѣсяца спустя одинъ изъ членовъ экспедиціи, Даль, скончался; остальные всѣ оправились и возвратились на родину.

По изслѣдованію Линча, самая большая глубина моря 200 сажень; поверхность его выше поверхности Средиземнаго моря на 400 футъ. Замѣчательно, что Мертвое море не имѣетъ ни одного истока, а между тѣмъ въ него вливается довольно большая р. Иорданъ; вѣроятно испареніе прѣсной вливающейся воды, ко-

торая, будучи легкою, остается поверхъ тяжелой соляной воды моря, — бываетъ необыкновенно сильное. Наиболѣе близкое къ истинѣ происхождение Мертваго моря, по всей вѣроятности, то, которое основано на фактахъ, взятыхъ изъ Библии. Изъ нея видно, что вся почва Сиддимской долины была обильно пропитана нефтью; подземныя пещеры и колодези были, конечно, ею наполнены; самый камень, изъ котораго были воздвигнуты города, былъ проникнутъ этимъ горючимъ веществомъ. — Когда гнѣвъ Божій разразился надъ отверженными городами, когда эта пропитанная горючимъ матеріаломъ почва заколебалась, грянулъ громъ и молнія, озарившая мѣстность, ударила въ землю и воспламенила ее, судьбы нечестиваго Пентополя совершились: всколебавшаяся почва съ сокрушившимися городами провалилась въ пустоты, наполненные до того времени нефтью и газами, и на мѣстѣ ея выступило море, ставшее символомъ смерти. Гумбольдтъ говоритъ, что «страшный переворотъ страны составляетъ феноменъ, не имѣющій себѣ подобнаго на земномъ шарѣ». Согласно библейскимъ сказаніямъ, во время этой катастрофы погибли города: Содомъ, Гоморра, Адама, Севоимъ и Сегоръ. Путешественникъ Линчъ такъ заключаетъ свой отчетъ: «Мы прибыли къ Мертвому морю съ мнѣніями весьма разнообразными: кто сомнѣвался, кто прямо говорилъ, что не вѣритъ разсказу Моисея. Послѣ двадцати-двухъ дней тщательныхъ изслѣдованій, мы единодушно убѣдились въ истинѣ библейскаго разсказа: мы думаемъ, что все сказанное въ Библии относительно этого моря и Иордана совершенно подтверждено нашими наблюденіями». Изъ этого отчета г. Линча видно, что поверхность Мертваго моря *выше* поверхности Средиземнаго моря на 400 футъ; между тѣмъ,

по другимъ изслѣдованіямъ, оказывается, что Мертвое море лежитъ *ниже* Средиземнаго на 1235 футъ. Такъ какъ экспедиція американца Линча была предпринята съ специальною цѣлью изслѣдованія Мертваго моря, то, вѣроятно, наблюденія и изслѣдованія поверхности этого моря произведены при посредствѣ геодезическихъ инструментовъ, и надобно полагать, что показанія Линча заслуживаютъ большаго вѣроятія.

По разложенію въ 1848 году гг. Бусса и Мокля воды Мертваго моря, найдено:

Хлористаго магнія	145,8971
« калція	31,0746
« натра	78,5537
« калия	6,5860
Бромистаго калия	1,3741
Сѣрнокислой извести	0,7012
Воды	735, 133
	1000.

Со мной былъ ареометръ Боме, по которому оказалось, что вода Мертваго моря содержитъ насыщенія соли 21%, а такъ какъ кристаллизація соли изъ соляного разсола начинается при 25%, то всего недостаетъ 4%, чтобы все Мертвое море обратилось въ сплошную соляную массу. При этомъ я долженъ еще замѣтить, что вода Мертваго моря была мною взята не въ дальнемъ разстояніи отъ устья Иордана, и притомъ небольшое теченіе нагоняло воду вѣтромъ на нашу сторону, слѣдовательно и больше приносило прѣсной ісрданской воды; впрочемъ я приказалъ зачерпнуть воды, по возможности, изъ глубины моря, такъ какъ прѣсная легкая вода остается всегда наверху. Мнѣ сообщили, что будто бы въ южной оконечности моря глубина не болѣе 16 футъ и тамъ—

залежи каменной соли. Далѣе преданіе передаетъ, что какъ въ древнія времена, такъ и нынче, по временамъ всплываютъ небольшія глыбы асфальта на поверхность моря, что было въ 1834 и въ 1837 годахъ послѣ землетрясенія; въ особенности большія глыбы показались въ 1837 году. Появленіе асфальта на поверхности моря объясняется тѣмъ, что дно морское, преимущественно въ юго-западной части, состоитъ изъ горной смолы; смола эта отъ дѣйствія подземнаго огня приходитъ въ жидкое состояніе и, поднимаясь вверхъ, отъ соприкосновенія съ холодною водою, превращается въ твердую массу, которую можно раздробить въ куски только ударами топора.

Въ заключеніе о Мертвомъ морѣ можно сказать, что одна изъ плодороднѣйшихъ равнинъ въ мірѣ, привлекая нѣкогда Лота на жительство, представляетъ въ настоящее время мертвую пустыню. Протекали тысячелѣтія, а мѣстность эта, пораженная гнѣвомъ Божиимъ, остается по прежнему вѣчнымъ укоризненнымъ памятникомъ и живымъ урокомъ для грядущихъ поколѣній.

Отъ Мертваго моря мы направили нашъ путь къ узкой растительной полосѣ, обозначающей теченіе священной рѣки Иордана. Не доѣзжая версты двѣ до этой рѣки, мы остановились у небольшого греческаго монастыря св. Герасима. Монастырь на этомъ мѣстѣ былъ весьма древній—V вѣка; основатель его св. Герасимъ установилъ его на самыхъ строгихъ началахъ. По преданію, монастырь этотъ будто бы основанъ преподобнымъ Герасимомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ останавливалась для отдыха по возвращеніи изъ бѣгства въ Египетъ. Обитель эта нѣсколько разъ была разрушаема бедуинами, а въ настоящее время стараніемъ патріарха

Никодима приводится опять въ порядокъ. Монастырь обнесенъ каменною стѣною, устраивается небольшой храмъ, который почти уже готовъ и въ немъ совершается богослуженіе. Комнаты монастырскія довольно опрятны конечно съ самою убогою обстановкою; комната для отдохновенія поклонниковъ довольно обширна, съ нарами, на которыхъ лежатъ камышевые тюфяки. При входѣ въ церковь на стѣнѣ большая картина, изображающая св. Герасима со львомъ. Я просилъ провожавшаго насъ послушника, говорящаго по русски, объяснить мнѣ содержаніе этого изображенія св. угодника. Послушникъ довольно обстоятельно объяснилъ мнѣ слѣдующее: «Однажды св. Герасиму встрѣтился раненый левъ; онъ перевязалъ ему рану, и съ той минуты левъ всюду за нимъ слѣдовалъ, какъ самое ручное, домашнее животное. Когда св. Герасимъ скончался, левъ заскучалъ и умеръ на его могилѣ».

Наступила уже порядочная жара, и мы просили послушника дать намъ воды; минуты черезъ двѣ намъ подали чистую воду въ стаканахъ и на блюдцѣ варенье, за что мы, конечно, горячо благодарили послушника. Усѣвшись на нашихъ бѣцефаловъ, мы направились уже прямо къ растительной полосѣ р. Иордана. Черезъ часъ времени мы вѣхали въ эту очаровательную мѣстность; роскошная флора приводила насъ въ восторгъ не столько разнообразіемъ, сколько свѣжестью и сочностью растений, разбросанныхъ по зеленому полю небольшихъ луговинкамъ. Блуждая въ продолженіе полуторыхъ дней по голымъ скалистымъ, раскаленнымъ и сыпучимъ кручамъ, зрѣніе сильно утомилось этою мертвою картиною—и вдругъ предъ глазами является оазисъ чудной растительности съ струями быстро текущей воды. Справедливо кто-то сказалъ, что и глаза могутъ жаждавать зрѣлища воды. Что за

дивная живительная сила водяной источник! Гдѣ только она является, чего только она коснулась своею благодѣтельною, волшебною влагою, какимъ-то сверхъестественнымъ чудомъ, волшебствомъ оживляется вся окрестность—являются лѣса, кусты, поля и вообще все то, что даетъ жизнь и спокойствіе не только человѣку, но и всякому живому существу.

Достигнувъ середины этого чуднаго оазиса, мы немедленно сошли съ ословъ и направились пѣшкомъ по дорожкамъ, протоптаннымъ не десятками уже, а вѣроятно сотнями милліоновъ поклонниковъ въ періодъ почти двухъ тысячъ лѣтъ. Насъ провели прямо къ тому мѣсту, гдѣ, по преданію совершилось крещеніе Спасителя. Иорданъ въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ довольно крутой поворотъ при ширинѣ до 15 сажень; берегъ плотно-песчаноглинистый и рѣка стремится съ необыкновенной быстротой. Оба берега, за исключеніемъ прогалины, вплотную покрыты сплошною растительностью: великолѣпные олеандры, гигантскіе тамарисы, разныя породы тополей и ивъ, обвитыхъ ліанами, выступали къ рѣкѣ и густыми своими вѣтвями склонялись къ самому ея ложу.

Мой спутникъ іеромонахъ Антоній надѣлъ эпитрахиль, взялъ крестъ и началъ совершать молебень съ водосвятиемъ, обычный по своему обряду, но необычный для насъ по мѣстной обстановкѣ и вѣроятно единственный въ жизни, который уже не повторится. Мы молились въ этомъ необъятномъ храмѣ Богоявленія, подъ сводомъ тѣхъ самыхъ небесъ, изъ отверстой глубины которыхъ сходилъ Духъ Божій и въ видѣ голубя, какъ бы въ мерцающемъ пламени, парилъ надъ головою Его и откуда слышанъ былъ гласъ Божій: *«Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе»*.

По окончаніи этого священнодѣйствія, мы рѣшились погрузиться въ струи іорданскія, хотя быстрота теченія и пугала насъ; однако сила воли взяла свое, и мы вошли въ воду. Почти невозможно было стоять отъ сильнаго теченія и скользкаго грунта такъ что мы съ о. Антоніемъ должны были держаться другъ за друга и такимъ образомъ могли войти въ воду немного выше колѣна, но далѣе рискованно было углубляться. Вода довольно мутная, съ примѣсью ила, и довольно низкой температуры—вѣроятно не болѣе 14° или 15°; притомъ отъ быстроты теченія вода кажется всегда еще холоднѣе.

Выйдя изъ воды, мы еще долго бродили въ тѣни дивной растительности и, отдохнувъ съ полчаса на изумрудной травѣ, опять взобрались на нашихъ животныхъ и пустились въ обратный путь.

Признаюсь, грустно было разставаться съ этимъ священнымъ, очаровательнымъ оазисомъ. Бросивъ послѣдній взглядъ на рѣку Божію, на эти быстротекущія воды Иордана, мы опять обратились къ пустынной, мертвой долинѣ, по которой и направились къ монастырю Іоанна Крестителя, стоящему на полчаса ѣзды отъ священной рѣки.

Монастырь Іоанна Крестителя, подобно монастырю св. Герасима, нѣсколько разъ былъ разрушаемъ бедуинами и въ настоящее время возобновляется тоже стараніемъ патріарха Никодима. Отстраивается небольшая 2-хъ-этажная церковь, въ нижнемъ храмѣ которой совершается уже богослуженіе. Здѣсь я встрѣтилъ русскаго крестьянина, занимающагося ловлею рыбы въ р. Иорданѣ. Крестьянинъ мнѣ передавалъ, что въ этой рѣкѣ попадаютъ сомы, но неводитъ затруднительно по быстротѣ рѣки.

Оставляя монастырь Іоанна Крестителя, который,

подобно монастырю св. Герасима, расположенъ въ бесплодной, пустынной, мертвой долинѣ и въ теченіе тринадцати вѣковъ также безпрестанно разрушается бедуинами, невольно приходитъ мысль: зачѣмъ возобновлять эти монастыри и напрасно затрачивать деньги, если не сегодня—завтра двадцать вооруженныхъ бедуиновъ могутъ опять раззорить эти жалкія зданія и перерѣзать всѣхъ монаховъ? Оба эти пункта, на которыхъ возобновляются монастыри, ничѣмъ не замѣчательны изъ жизни Спасителя, и если уже желаютъ строить монастырь, какъ пунктъ для отдохновенія богомольцевъ, идущихъ на Иорданъ, то слѣдовало бы выстроить одинъ хорошій монастырь вмѣсто двухъ жалкихъ, почти рядомъ стоящихъ, и поселить побольше монаховъ, которые могли бы при случаѣ и оказать сопротивленіе разбойникамъ. О. Антониномъ устроенъ въ Иерихонѣ отличный домъ, съ прекраснымъ садомъ, гдѣ путники могутъ находить себѣ постоянный пріютъ; слѣдовательно, и возобновленіе этихъ монастырей дѣлается совершенно излишнимъ.

Отъ монастыря путь намъ лежалъ прямо на Иерихонъ по весьма изрытой солонцеватой долинѣ, гдѣ даже шагомъ надо осторожно пробираться; между тѣмъ полуденное солнце сильно насъ утомляло и воздухъ становился раскаленнымъ, такъ какъ не было ни малѣйшаго вѣтра. Послѣ почти трехъ-часового путешествія отъ Иордана мы къ 3-мъ часамъ возвратились въ Иерихонъ на наши постройки, гдѣ въ обширныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ комнатахъ могли вполнѣ предаться отдохновенію. Такъ какъ мы сами и наши животныя были настолько утомлены, что трудно было пускаться въ обратный путь въ Иерусалимъ, мы рѣшились остаться здѣсь до утра и съ разсвѣтомъ отправиться уже въ обратный путь.

Смотрительница дома приготовила намъ отличный супъ изъ курицы и сварила вкусныя макароны. Когда жара спала, мы отправились осматривать Иерихонскую долину.

Иерихонъ, нѣкогда цвѣтушій, богатый городъ, украшенный великолѣпными дворцами и садами во времена Ирода Великаго, городъ, который нѣкогда назывался городомъ благоуханій, розъ, миртъ и пальмъ, — въ настоящее время не представляетъ даже и разрушеннаго города, такъ какъ не осталось никакихъ слѣдовъ, которые могли бы дать хотя малѣйшее понятіе о томъ, что здѣсь существовалъ нѣкогда богатый и цвѣтушій городъ. Въ одномъ только мѣстѣ мнѣ показали толстую каменную кладку аршина два вышиною — будто бы остатокъ крѣпостной стѣны, которою былъ обнесенъ Иерихонъ. Въ настоящее время на мѣстѣ этого нѣкогда цвѣтушаго города помѣщается жалкая арабская деревушка *Рахха*, состоящая изъ десятка полтора самыхъ убогихъ — даже не мазанокъ, а грудъ наложенныхъ камушковъ, съ одной входною дверью; дома безъ крышъ, — вмѣсто потолка набросаны сухія вѣтви и всякій сбродъ, перемѣшанный съ землею. Бѣдность жителей этихъ лачугъ — ужасающая; тѣло едва прикрыто рубищемъ. Всѣ они обременены страшными налогами и лишены возможности хотя сколько-нибудь улучшать свое благосостояніе, такъ какъ не имѣютъ ни удобныхъ полей для обработки и никакой отрасли промышленности или торговли. Трудно даже себѣ вообразить, какъ существуетъ этотъ жалкій народъ.

По самому теченію Елисеевского источника довольно порядочная растительность, и владѣльцы ближайшихъ къ этому источнику участковъ земли проводятъ изъ источника воду для орошенія. — Из-

давно поселившаяся въ Иерусалимѣ русская поклонница г-жа Богданова купила въ этой мѣстности небольшой участокъ земли, на которомъ построила, довольно изящный домикъ, и не въ дальнемъ отъ него разстояніи небольшую церковь, хорошо отдѣланную внутри. По преданію, церковь эта построена на томъ мѣстѣ, гдѣ евангельскій слѣпецъ *Вартимей* былъ исцѣленъ Иисусомъ. Св. Маркъ (10, 47,—52) слѣдующимъ образомъ описываетъ это событіе: *Услыхавъ что Иисусъ Назорей проходитъ мимо, слѣпецъ началъ кричать: Иисусъ сынъ Давидовъ! помилуй меня! Иисусъ остановясь велѣлъ его позвать. И зовутъ слѣпому и говорятъ ему: скорѣе встань, зовутъ тебя. Онъ сбросилъ съ себя верхнюю одежду, всталъ и пришелъ къ Иисусу, который спросилъ, чего ты отъ меня хочешь? Слепой сказалъ Ему: Раввуні! чтобы я прозрѣлъ. Иисусъ сказалъ ему: поди, вѣра твоя спасла тебя. И онъ тотчасъ прозрѣлъ и пошелъ по дорогѣ за Иисусомъ.*

Вокругъ церкви и дома владѣлицы разводятся садъ, огородныя овощи и цвѣты. Во время нашего посѣщенія г-жа Богданова была въ Иерусалимѣ, но прислуга изъ русскихъ поклонницъ привѣтливо встрѣтила насъ, просила зайти въ домъ посмотреть внутреннее его устройство и предложила намъ чистѣйшей воды изъ источника Елисея. Внутри дома чистота поразительная; кругомъ въ комнатахъ диваны, плетеные стулья, бѣлыя занавѣсы; роскоши никакой.

Отъ дома г-жи Богдановой намъ указали на небольшой и довольно опрятный домикъ, въ которомъ проживаетъ постоянно русская семья. Мы пожелали видѣться съ нашими соотечественниками и направились къ этому дому. Насъ встрѣтили двѣ женщины и выказали полную готовность показать свое жилище. Семья эта состоитъ изъ отца, старика 85 лѣтъ, и

двухъ дочерей: старшей, вдовѣ, 50, а младшей—сорокъ лѣтъ. Вся эта семья изъ Тамбовской губерніи пришла сначала на поклоненіе въ Св. Землю, а потомъ пожелала навсегда тутъ поселиться.—Купили клочокъ земли, разводятъ виноградники, которымъ обвиты и стѣны дома; кромѣ того, разводятъ плодовые деревья и огородныя овощи, которыя сбываютъ въ Иерусалимѣ. Пожелавъ этой семьѣ счастливой жизни, мы направились домой. Солнце уже было на закатѣ, а въ это время дня необходимо быть въ комнатѣ, чтобы не заводить лихорадки, которыя въ этой мѣстности сильно свирѣпствуютъ.

Дома насъ ожидалъ утѣшитель во всякомъ путешествіи—самоваръ, и въ бесѣдѣ съ почтеннѣйшимъ о. Антоніемъ незамѣтно прошло время. Луна опять освѣтила всю окрестность, фантастично изображая разныя картины. Мы переходили съ одной стороны дома на другую, чтобы любоваться то Сорокадневною горою, то долиною Иорданскою съ блестящею поверхностью Мертваго моря на горизонтѣ, то ущельемъ горъ, гдѣ протекаетъ источникъ св. Елисея; наконецъ, начали доноситься до насъ звуки и завыванія шакаловъ. Распорядившись, чтобы съ развѣтомъ все было готово къ нашему отъѣзду обратно въ Иерусалимъ, мы разошлись по своимъ комнатамъ, въ надеждѣ подкрѣпить сномъ наши силы для труднаго обратнаго путешествія.

На другой день, чуть только занялся разсвѣтъ, насъ разбудили, и мы, поблагодаривъ смотрительницу нашего комфортабельнаго пріюта, выѣхали въ обратный путь. Проѣхавъ Иерихонскую долину, мы довольно долго поднимались въ гору и, поднявшись на высоту, остановили нашихъ ословъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на Иорданскую долину съ священною рѣкою, на Мертвое море, Сорокадневную

гору съ протекающимъ въ глубинѣ источникомъ Елисея и на хребетъ горъ, тянущийся за Иорданомъ. Солнечные лучи восходящаго солнца начали уже освѣщать всю эту окрестность; въ воздухѣ была тишина, но вся окружающая мѣстность производила то же удручающее, тяжелое впечатлѣніе. Осѣнивъ себя крестомъ, мы пустились въ скалистую горловину, которая, какъ я упомянулъ уже выше, еще во времена Спасителя считалась опаснымъ мѣстомъ для проѣзда, а потому и въ тѣ времена путешественники между Иерихономъ и Иерусалимомъ собирались большими партіями для этого перехода. Благодаря Бога, въ настоящее время опасность эта не существуетъ, и грабежи происходятъ только въ мѣстности за Иорданомъ. Продолжая нашъ путь по знакомой уже намъ дорогѣ, мы все ласкали себя надеждою, что до наступленія полуденнаго зноя успѣемъ приѣхать въ Иерусалимъ; но, къ сожалѣнію, надежды наши были невыполнимы, такъ какъ ослы, не смотря на всѣ наши энергическія противъ нихъ мѣропріятія, не пожелали прибавить шагу. Достойно было удивленія, съ какимъ искусствомъ и осторожностью спускались и поднимались они по крутизнамъ и по краю глубочайшихъ овраговъ съ осыпями; только копыты ихъ стучали и скользили мѣстами по обнаженному плитняку и по остроконечнымъ камнямъ. — Между тѣмъ солнце начало сильно припекать и пришлось раскрыть зонтикъ, который съ трудомъ можно было держать, такъ какъ въ то же самое время надо было постоянно натягивать поводья осла и удерживать животное отъ паденія по скользкому, неровному пути. Намъ оставалось только радоваться, когда солнце пряталось за высями горъ и можно было спускать зонтикъ и немного отдохнуть въ тѣни. На половинѣ дороги

мы сдѣлали привалъ въ ханѣ, выпили черного кофе, который насъ очень ободрилъ, и опять продолжали свой путь. На одномъ изъ подъемовъ огромный орелъ поднялся съ ближайшаго утеса; ѣхавшій впереди шейхъ прицѣлился, и царь птицъ закружился въ воздухѣ и упалъ къ ногамъ бедуина. Ловкость, съ которою бедуины управляютъ ружьемъ и конемъ, граціозность посадки и вообще манера держаться заставляютъ невольно восхищаться этимъ въ высшей степени красивымъ и художественно-изящнымъ отъ природы племенемъ.

По дорогѣ рѣдко попадались вьючные ослы и верблюды; на самомъ пути—ни одного селенія вплоть до Виѳаніи, куда мы приблизились около часу. Отъ Виѳаніи, обогнувъ гору, мы были уже въ виду Св. Града и въ 2 часа въѣхали во дворъ русскихъ построекъ.

23-го апрѣля, въ день св. Георгія Побѣдоносца, по случаю дня тезоименитства греческаго короля Георга, въ храмѣ Воскресенія должно было происходить торжественное богослуженіе, и, какъ мнѣ сообщили, долженъ былъ служить патріархъ. Не видѣвши никогда патріаршаго служенія и предполагая, что патріаршая капелла все-таки стоитъ выше того греческаго пѣнія, которое мнѣ приходилось до сихъ поръ слышать, я въ 7 часовъ утра отправился въ храмъ Воскресенія, чтобы отстоять литургію. Войдя въ св. храмъ, я, къ ужасу моему, услышалъ опять тѣ же гнусавые распѣвы, которые мнѣ довелось слышать на островѣ Сирѣ и въ Александріи. Служеніе происходило торжественное: патріархъ съ двумя митрополитами и десятию священниками совершали литургію; пѣвческій хоръ состоялъ всего изъ четырехъ человѣкъ: двое изъ нихъ, раскрывъ ротъ и не произнося ни одного слова, тянули въ носъ одну ноту, а главный монахъ, мотая,

головою, выкрикивалъ, что называется, благимъ матомъ какіе-то горловые звуки, изрѣдка только произнося и слова. Ужаснѣе этого пѣнія ничего нельзя себѣ и представить. Пѣніе это не только не возвышаетъ душу молящагося, не только не располагаетъ ее къ молитвѣ, но, напротивъ, раздражаетъ и заставляетъ бѣжать вонъ изъ храма. Наше русское торжественное пѣніе, такъ благоговѣйно дѣйствующее на молящагося, къ сожалѣнію, можно сказать, не существуетъ въ Палестинѣ, исключая небольшого хора изъ 4 или 6 человѣкъ, недурно поющихъ, на русскихъ постройкахъ въ Иерусалимѣ. Не мудрено, что мѣстные магометане, принимающіе христіанство, предпочитаютъ православію католичество. Притомъ католическіе ксендзы стоятъ далеко выше по образованію, нежели греческіе монахи, въ рукахъ которыхъ находится вся православная пропаганда. Арабы—народъ неразвитой умственно, и при обращеніи его въ христіанство надобно на него дѣйствовать и внѣшнею обстановкою обрядностей. Католическая обстановка всегда будетъ имѣть болѣе успѣхъ, такъ какъ сами храмы содержатся болѣе опрятно и пѣніе болѣе стройное, гармоничное, съ акомпаниментомъ органа, производитъ на молящагося болѣе располагающее впечатлѣніе. Что наружная торжественная обстановка имѣетъ громадное вліяніе на состояніе души и воображеніе молящихся—мы имѣемъ этому примѣръ изъ нашей исторіи. Послы Владиміра Святого были поражены торжественною обстановкою и пѣніемъ въ храмѣ Св. Софіи, и благодаря этому мы, русскіе, исповѣдуемъ греко-православную религію. Но надо предполагать, что въ то время у грековъ было болѣе стройное, гармоничное пѣніе, нежели нынѣ; иначе посламъ Владиміра Св. трудно бы было увлечься ихъ пѣніемъ.

При всемъ моемъ пламенномъ желаніи выстоять всю литургію, я не могъ,—такъ сильно это ужасное пѣніе разстроило мои нервы. Я пошелъ на Голгоу и въ Кувуклію, къ Святому Гробу, чтобы там помолиться въ тиши и уединеніи. Я возвратился въ храмъ Воскресенія, когда литургія уже оканчивалась. Молебствіе же было совершено въ храмѣ Гроба Господня передъ Кувукліей.

Замѣчу здѣсь кстати, что при совершеніи богослуженія патріархомъ, служащіе вмѣстѣ съ нимъ митрополиты и архіепископы не имѣютъ права надѣвать митры; при богослуженіи же на Голгоѣ и самъ патріархъ служитъ безъ митры.

По окончаніи обѣдни всѣ пошли изъ храма къ патріарху, гдѣ, по обычаю, было угощеніе кофе и ликеромъ. Патріархъ представилъ меня виѳлеемскому митрополиту Спиридонію, человѣку для его положенія еще молодому—лѣтъ 48, средняго роста, съ выразительными, умными глазами и хорошо говорящему по-русски. Митрополитъ любезно пригласилъ меня побывать въ Виѳлеемѣ и дать ему знать о пріѣздѣ; онъ самъ пожелалъ отслужить молебенъ въ Вертепѣ Рожденія Спасителя. Здѣсь же я встрѣтился съ пріѣхавшимъ изъ Одессы во время моей поѣздки на Иорданъ агентомъ карантинной гавани, Сергѣемъ Ивановичемъ Полушкинымъ, который, съ своею супругою, Анною Николаевною и двумя сыновьями, пріѣхалъ на одну недѣлю въ Иерусалимъ.

Послѣ получасовой бесѣды у патріарха, мы съ Сергѣемъ Ивановичемъ отправились осмотрѣть патріаршую церковь, которая помѣщается въ бывшемъ патріаршемъ домѣ, черезъ улицу отъ нынѣшняго дома Патріархіи. Старая Патріархія, примыкающая къ храму Воскресенія, построена весьма неправильно; есть нѣ-

сколько спусковъ и площадокъ, на которыя выходятъ келіи *Святоѳробскаго Братства*. Меня ввели въ церковь св. равноапостольныхъ царя Константина и матери его Елены. Церковь весьма старинная, низкая, потолокъ сводчатый; отъ лѣваго клироса продѣлано окно въ храмъ Воскресенія. Изъ старой Патріархіи мы поднялись къ куполу храма Воскресенія, который обошли кругомъ и оттуда любовались прелестнымъ видомъ на Іерусалимъ и его окрестности. Спустившись отъ купола на площадку, выложенную каменными плитами, мы встрѣтили здѣсь довольно много монаховъ; оказывается, что на эту площадку выходятъ монастырскія келіи и комнаты для паломниковъ. Мы вошли въ одну изъ этихъ комнатъ, гдѣ стояли только невысокія отъ полу нары и комната не отличалась особенною чистотою.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ старой Патріархіи находится *Сирианскій монастырь*. Монастырь этотъ принадлежитъ *сирійцамъ* или *яковитамъ*. Мы вошли въ монастырскую небольшую, но тщательно отдѣланную церковь, содержащую весьма чисто. Намъ указали на древнюю икону Богородицы надъ алтаремъ, писанную евангелистомъ Лукою. Монастырское зданіе небольшое, такъ какъ всего яковитовъ или сирийцевъ находится въ Іерусалимѣ не болѣе 20 человекъ. Вѣроисповѣданія: *армянское—яковиты*, или *сирийскіе христіане*, *абиссинцы* и *копты*, или египетскіе христіане, составляютъ одну категорію христіанъ подъ именемъ *монофизитовъ*, или *евтихіанъ*, которые не признаютъ человѣческую природу Іисуса Христа и исхождение Св. Духа отъ Отца.

Отъ Сирийскаго монастыря мы прошли на небольшое русское мѣсто близъ храма Воскресенія. На этомъ мѣстѣ при раскопкахъ открытъ остатокъ древ-

ней городской стѣны и тотъ проходъ, который велъ изъ города на Голгоѳу. Это открытіе древней городской стѣны вполне подтверждаетъ то, что Голгоѳа и мѣсто погребенія Спасителя, включенныя нынѣ внутри храма Гроба Господня, были въ дѣйствительности за городскою стѣною. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе подробныя раскопки на вновь пріобрѣтенномъ русскомъ мѣстѣ послужатъ къ дальнѣйшимъ археологическимъ открытіямъ и къ подтвержденію въ невѣрующихъ увѣренности въ дѣйствительной святости мѣстъ, заключающихся внутри храма Гроба Господня.

Послѣ обѣда, около пяти часовъ, Сергѣй Ивановичъ Полушкинъ, отправляясь съ семействомъ въ Виѳлеемъ, предложилъ и мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ ними. Я согласился съ большимъ удовольствіемъ, и, нанявъ единственную, кажется, въ Іерусалимѣ коляску, мы отправились по знакомой уже мнѣ дорогѣ прямо въ Виѳлеемъ. Погода была великолѣпная; жара начинала уже спадать, и въ разговорахъ мы не замѣтили, какъ проѣхали эти десять верстъ. Едва мы вошли въ храмъ Рождества Спасителя и спустились въ Вертепъ Его Рожденія, какъ вошелъ митрополитъ Спиридоній, одѣлъ омофоръ и началъ служить молебенъ у престола надъ мѣстомъ рожденія Спасителя. По окончаніи молебна, митрополитъ обратился къ намъ съ рѣчью, которая уже напечатана и съ которою владыка обращается ко всѣмъ паломникамъ. Рѣчь эта написана съ христіанскимъ смиреніемъ, и между прочимъ въ ней говорится слѣдующее: «*Вы перенесли трудности во время вашего путешествія, но Господь требуетъ отъ васъ еще болѣе сильныхъ жертвъ, но не деньгами и посильными приношеніями, а усердною молитвою и благочестивыми подвизами*». Я не считаю

себя въ правѣ сомнѣваться въ искренности словъ, произнесенныхъ владыкой, но желательно, чтобы поученіе это повторялось чаще передъ нашими бѣдными поклонниками и не оставалось только словами, а осуществлялось въ дѣйствительности, — чтобы паломники наши были ограждаемы высшею духовною греческою іерархією отъ излишнихъ поборовъ, раззоряющихъ ихъ.

Изъ Вертепа Рождества Спасителя митрополитъ провелъ насъ въ верхній храмъ, объяснилъ намъ достопримѣчательности храма и потомъ пригласилъ насъ въ свои покои. По узкимъ лѣстницамъ мы поднялись въ третій этажъ и вступили въ большую свѣтлую залу, убранную не роскошно, но чисто и опрятно. Появилось неизмѣнное неро-глико, т. е. варенье съ водой, и потомъ чай. Митрополитъ сказалъ: «я знаю, что русскіе предпочитаютъ чай—кофе, а потому и предлагаю его». Послѣ часовой бесѣды, митрополитъ благословилъ насъ небольшими иконами Рождества Спасителя, освященными на мѣстѣ Его Рожденія, послѣ чего мы простились съ любезнымъ хозяиномъ и, напутствуемые его благословеніемъ, отправились обратно въ Іерусалимъ, куда и прибыли при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца.

На другой день, 24 апрѣля, я съ утра отправился осматривать русскія постройки, на которыхъ я проживалъ уже двѣнадцатый день. Вся площадь, занятая русскими постройками, обнесена каменной оградой на протяженіи почти двухъ верствъ. Мѣстность эта, слышущая подъ названіемъ Мейданской площади, занимаетъ возвышенное положеніе на сѣверо-западъ отъ города, считается болѣе здоровою и находится всего въ полуверствѣ отъ Яффскихъ воротъ. Путешествіе Великаго Князя Константина Ни-

колаевича съ Августѣйшею его супругою въ 1859 году въ Іерусалимъ много содѣйствовало приобрѣтенію настоящей мѣстности для возведенія русскихъ построекъ. Половину этой площади, какъ мнѣ объяснили, турецкій султанъ подарилъ Великому Князю, а другая половина была приобрѣтена на личныя средства покойнаго Государя Императора Александра Николаевича. Постройки рассчитаны приблизительно для помѣщенія восьмисотъ человѣкъ. Для входа въ ограду построекъ устроены трое воротъ: съ южной стороны отъ Яффскихъ воротъ—главныя ворота, въ которыя входятъ и выходятъ всѣ живущіе на постройкахъ, и около этихъ воротъ постоянная стража; съ восточной стороны—ворота около дома консула и, наконецъ, сѣверныя ворота, которыя соединяютъ русскія постройки съ мѣстомъ, купленнымъ Палестинскимъ Обществомъ.

Войдя на постройки въ южныя ворота, прямо противъ нихъ по срединѣ площади видишь великолѣпный пятиглавый соборъ во имя Св. Троицы; храмъ обширный, свѣтлый, съ отличнымъ дубовымъ рѣзнымъ иконостасомъ, возвышающимся на 5 ступеняхъ; иконы византійскаго письма, весьма хорошей работы. Храмъ построенъ въ видѣ равносторонняго креста и внутри его висятъ четыре большія паникадила, въ которыхъ устроены мѣста не для свѣчъ, а для лампадъ. Храмъ этотъ поражаетъ своею обширностью и величіемъ.

Отъ южныхъ воротъ налѣво, рядомъ три зданія: первое—небольшой двухъ-этажный домъ, въ которомъ помѣщается отдѣленіе больницы для сыпныхъ и вообще заразительныхъ болѣзней; больница эта устроена на 12 кроватей; второе зданіе — довольно большое, въ два этажа: это главная больница на 62

кровати; внизу помѣщается аптека, квартира доктора, фельдшерицы и кухня. Въ обоихъ этихъ зданіяхъ я нашель чистоту, свѣжій воздухъ и опрятность. Ошибка въ постройкѣ зданія та, что нѣтъ въ комнатахъ вентиляціи, и приходится провѣтривать комнаты простымъ открываніемъ форточекъ, что можетъ вредно вліять на больныхъ. Четыре сестры милосердія, изъ которыхъ одна завѣдуетъ аптекою и сама приготовляетъ лекарства, всѣ усердно исполняютъ свои обязанности и слѣдятъ за чистотою и порядкомъ въ больницахъ. Кухня содержится въ чистотѣ и во всемъ видна опытная рука, которая управляетъ этимъ дѣломъ. Правда, больница, какъ мнѣ передавали, не снабжена въ достаточномъ количествѣ необходимымъ комплектомъ бѣлья на полное число больныхъ, и иногда встрѣчается въ этомъ недостатокъ, какъ и въ врачебныхъ пособіяхъ. Для пополненія всего этого *потребуется уже небольшой капиталъ*, чтобы снабдить больницу всѣмъ необходимымъ въ достаточномъ количествѣ и доставить полнѣйшіе удобства и всѣ необходимыя условія для излеченія страждущихъ пацентовъ. Наконецъ, третье зданіе — самое громадное: это домъ Русской Духовной Миссіи, образующій большой четырехугольникъ. Главный входъ съ восточной стороны. Лѣвая нижняя и верхняя половина дома занята помѣщеніемъ Миссіи; правая же сторона устроена для помѣщенія привилегированнаго сословія и вообще лицъ состоятельныхъ. Капитальный недостатокъ этого зданія тотъ, что оно главнымъ фасадомъ обращено на сѣверъ, востокъ и западъ, а на южной сторонѣ по всему зданію проходитъ корридоръ, отчего въ комнатахъ въ зимнее время — сыро и холодно. Все зданіе раздѣлено на отдѣльныя комнаты, выходящія въ корридоръ. Комнаты высоки, просторны и содер-

жаты чисто; въ каждой комнатѣ — желѣзная кровать диванъ, столъ, а въ нѣкоторыхъ и по два стола, комодъ, мягкое кресло; два, три плетеныхъ стула, умывальникъ и чистое бѣлье. Всѣ комнаты верхняго этажа болѣе комфортабельны, чѣмъ въ нижнемъ этажѣ. Большое неудобство въ этихъ помѣщеніяхъ то, что нѣтъ постоянной прислуги, такъ какъ она случайно нанимается изъ пришедшихъ поклонниковъ; нѣтъ также и звонковъ, что составляетъ уже громадное неудобство. Для того, чтобы позвать прислугу, надобно самому идти изъ верхняго этажа въ нижній, въ комнату, гдѣ помѣщаются прислуживающіе, и просить подать самоваръ или что другое необходимое. Особенно чувствительно должно быть это неудобство въ зимнее время или въ случаѣ болѣзни. Кромѣ того, желѣзныя кровати съ деревянными досками, на которыя положены тонкіе простые тюфяки, до того жестки, что на нихъ невозможно спать. А между тѣмъ на постройки эти затрачены сотни тысячъ рублей! Почему бы, кажется, не привести всѣ три осмотрѣнные мною корпуса въ такой благоустроенный видъ, при которомъ какъ больнымъ, такъ и здоровымъ предоставлены бы были всѣ необходимыя (я не говорю — роскошныя) удобства для пребыванія въ Святомъ Градѣ. На окончательное благоустройство этихъ помѣщеній не потребуется громаднаго капитала, и я убѣжденъ, что *десятью, пятнадцатью тысячами* рублей можно исправить всѣ недостатки въ этихъ трехъ корпусахъ.

За пребываніе въ главномъ корпусѣ уплачивается за первыя 2 недѣли всего 4 руб., свыше 2-хъ недѣль до 1 мѣсяца — по 40 коп. въ сутки; свыше 2-хъ мѣсяцевъ и до 3-хъ мѣсяцевъ — по 1 рублю золотомъ въ день. Мнѣ кажется, что эта плата не совѣмъ правильна. Приведа комнаты главнаго корпуса въ болѣе

комфортабельный видъ, можно оставить эту плату для живущихъ въ нижнемъ этажѣ, но для занимающихъ комнаты верхняго этажа, болѣе комфортабельныя, можно бы взимать плату и выше;—напр. нижеслѣдующая плата могла бы быть совсѣмъ необременительна: за 1-й мѣсяцевъ по 70 коп. въ сутки, за 2-й— по 1 руб. въ сутки, за 3-й мѣсяць— по 2 руб. въ сутки. Если же кто желаетъ жить долѣе 2-хъ мѣсяцевъ, обязанъ платить по 3 руб. въ сутки. Эта плата могла бы быть распространена и на тѣ отдѣльные номера въ нижнемъ этажѣ, которые устроены съ большою изысканностью. На эту повышенную плату за номера можно бы содержать и постоянную и болѣе исправную прислугу. Не мѣшало бы также обратить вниманіе на лучшее устройство ватеръ-клозетовъ и содержать ихъ въ большей исправности.

Въ срединѣ этого корпуса устроена прекрасная церковь во имя св. Великомученицы Царицы Александры. Церковь довольно помѣстительная, съ дубовымъ рѣзнымъ иконостасомъ и снабжена прекрасною утварью. Одно мнѣ показалось страннымъ, что потолокъ церкви выкрашенъ разноцвѣтными широкими полосами: красными, синими и желтыми, а стѣны— бурой краской и все это въ довольно непривлекательномъ видѣ. Неужели нельзя отдѣлать это чище и съ большимъ вкусомъ?

Этимъ корпусомъ завѣдуетъ смотрительница и ея помощница, обѣ весьма внимательныя и предупредительныя особы.

Осмотрѣвъ со вниманіемъ этотъ корпусъ, я направился къ двумъ слѣдующимъ корпусамъ: мужскому и женскому, въ которыхъ помѣщаются наши паломники изъ простаго званія.

По дорогѣ къ этимъ корпусамъ, противъ сѣвер-

ныхъ дверей храма Св. Троицы, лежитъ въ землѣ въ горизонтальномъ положеніи громадный столбъ, какъ видно неполнѣ отсѣченный отъ скалы. — Столбъ этотъ, или колонна, былъ найденъ во время земляныхъ работъ при постройкахъ. Полагаютъ, что вѣроятно въ отдаленное время, когда Іерусалимъ былъ еще въ цвѣтущемъ состояніи, эта колонна была приготовляема для какихъ-либо колоссальныхъ построекъ, но затѣмъ была оставлена, потому что при обдѣлкѣ на ней показалась трещина. Въ настоящее время колонна эта огорожена желѣзною рѣшеткою и тщательно охраняется.

Отъ колонны, лежащей въ землѣ, я прошелъ сначала въ мужской и потомъ въ женскій флигеля, въ которыхъ помѣщаются наши поклонники и поклонницы. Такъ-какъ оба флигеля расположены совершенно одинаково, имѣютъ одинъ общій характеръ по своему устройству и своимъ недостаткамъ, то все мною ниже сказанное относится равно къ обоимъ зданіямъ.

Оба эти совершенно одинаковые флигеля съ перваго взгляда производятъ самое непріятное впечатлѣніе на всякаго посѣтителя. Мнѣ кажется, главная ошибка заключается въ самой постройкѣ этихъ зданій—ошибка, которую теперь и поправить невозможно. Изъ этихъ двухъ корпусовъ женскій въ особенности стоитъ на низкой мѣстности и оба корпуса построены на весьма низкомъ фундаментѣ, такъ-что окна расположены почти надъ самою землею и всѣ испаренія ея прямо врываються въ комнаты, что можетъ весьма вредно дѣйствовать на здоровье. Поднимаясь на три ступени отъ земли, входите въ низкій, неширокій, темный и закоптѣлый корридоръ, — и васъ сразу обдастъ душливымъ, спертымъ воздухомъ. При

этомъ нужно еще замѣтить, что я осматривалъ эти постройки въ ясный свѣтлый день и когда значительная уже часть поклонниковъ отбыла изъ Іерусалима обратно на родину. Что же бываетъ здѣсь въ пасмурные или зимніе дни и при большемъ многочисленіи? Изъ главнаго корридора идутъ боковыя отдѣленія корридоровъ, а потому тяга воздуха даже и при раскрытыхъ дверяхъ бываетъ весьма незначительная; когда же при дурной погодѣ въ зимнее время наружныя двери запираются, то атмосфера въ этихъ корридорахъ становится нестерпимо-смердящей и удушливою. Изъ корридоровъ идутъ по обѣ стороны двери въ отдѣльныя комнаты на 4 и на 8 человѣкъ, но есть нѣсколько комнатъ и болѣе обширныхъ, человѣкъ на 20. Въ женскомъ отдѣленіи почти во всѣхъ комнатахъ желѣзныя кровати, а въ мужскихъ большею частію нары. Такъ какъ постройки эти возведены въ мужскомъ флигелѣ *тахитим* на 300, а въ женскомъ на 500 человѣкъ, то, при наплывѣ поклонниковъ до 3000 человѣкъ и болѣе, тѣснота на русскихъ постройкахъ бываетъ просто невообразимая. Не смотря на то, что со стороны мѣстной русской подлежащей власти нанимаютъ для паломниковъ помѣщенія въ греческихъ монастыряхъ, но всѣ избѣгаютъ этихъ монастырей и лучше готовы подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ, только бы оставаться на русскихъ постройкахъ, слышать родную рѣчь и быть постоянно въ обществѣ своей русской родной семьи. Поэтому во всѣхъ комнатахъ бываетъ тройной противъ положеннаго комплектъ, а иногда и болѣе. На ночь, для спанья сдвигаютъ кровати и ложатся поперекъ кроватей вплотную одна возлѣ другой. Можно себѣ представить, что бываетъ за атмосфера тогда въ этихъ комнатахъ! — если къ этому еще прибавить, что почти всегда и

почти во всѣхъ комнатахъ теплится нѣсколько лампадъ; что нѣкоторые паломники считаютъ своею обязанностью въ праздничные дни покурить ладаномъ; что въ комнатахъ же иногда разводятъ огонь въ переносныхъ жаровняхъ, чтобы хотя изрѣдка сварить себѣ какое-либо варево; что больныя иногда натираютъ себя разными мазями и пр. т. п., — то въ результатѣ получится, я полагаю, нѣчто до того ужасное и непереносимое, чему не найти даже подходящаго названія. Для освѣженія же комнатъ, служатъ только форточки, да и ихъ не всегда можно отворять, такъ какъ въ комнатахъ бывають иногда хотя и не хворыя, но боящіяся простуды; между тѣмъ вентиляторы нигдѣ не устроены, хотя ихъ и теперь еще возможно устроить въ каждой комнатѣ, на что и слѣдовало бы обратить вниманіе. Ко всему этому, отхожія мѣста устроены въ самомъ первобытномъ видѣ, а равно не существуетъ и правильно устроенныхъ помойныхъ ямъ; выливаютъ помои гдѣ ни попало: за окна и у крылецъ, хотя строго приказано, чтобы эта грязь относилась въ особо назначенное мѣсто. Не мѣшало бы клоачныя мѣста обсыпать чаще известью: это по крайней мѣрѣ значительно уменьшало бы зловоніе.

Весьма большое лишеніе для поклонниковъ — отсутствіе бани и прачешной. Во время моего пребыванія, правда, велись уже переговоры между представителемъ Палестинскаго Общества и содержателемъ бань близъ водоема патриаршей бани и назначались дни — два раза въ недѣлю — исключительно для русскихъ паломниковъ, что обходится не дешевле 15 к. съ каждаго. Для мытья же бѣлья разогрѣваютъ воду на канфоркахъ и на камнѣ, и на доскѣ кое-какъ стираютъ свое бѣлье.

Пища составляетъ большое затрудненіе въ Іеру-

салимѣ не только для бѣдныхъ паломниковъ, но и для лицъ, имѣющихъ средства. Бѣдные паломники живутъ буквально впроголодь и поддерживаютъ свое существованіе исключительно чаемъ съ хлѣбомъ. Въ настоящее время попеченіемъ уже Палестинскаго Общества устроены кубы, въ которыхъ поклонники постоянно могутъ получать кипяченую воду для чая, не разогрѣвая сами на своихъ канфоркахъ, по 1 коп. за чайникъ. Слава Богу, если въ недѣлю раза два удастся сварить кое-какое варево изъ крупъ съ зеленью. Но и для этого встрѣчается большое затрудненіе. Общей кухни, въ которой бы топилась плита или печь—нѣтъ; хотя кухня и есть, но она не отапливается, значить все равно, что ея нѣтъ; а потому всякій паломникъ или паломница варку пищи производятъ въ корридорахъ на переносныхъ канфоркахъ; паломники говорятъ, что при этомъ бываетъ такой чадъ и дымъ, что почти ничего въ корридорѣ не видно. Кажется, можно бы было хотя раза два въ недѣлю отапливать кухню и тѣмъ дѣлать облегченіе этому бѣдному люду. Недостатокъ въ питательной пищѣ и усиленное истощеніе силъ отъ изнурительныхъ дальнихъ переходовъ и ежедневнаго стоянія на молитвѣ въ храмѣ Воскресенія, при нездоровомъ климатѣ, развиваетъ между поклонниками много болѣзней, и неотложное принятіе мѣръ, какъ въ отношеніи болѣе удобнаго, здороваго помѣщенія въ свѣжемъ воздухѣ, такъ и доставленія поклонникамъ необходимыхъ питательныхъ припасовъ по доступнымъ для нихъ цѣнамъ, — должно быть самымъ главнымъ предметомъ попеченія со стороны Палестинской Комиссіи и Палестинскаго Общества. Хотя со стороны Палестинскаго Общества и приступлено уже къ тому, чтобы для поклонниковъ готовить пищу изъ двухъ блюдъ за извѣстную плату,

но это дѣло еще только въ зародышѣ, и дай Богъ, чтобы оно поскорѣе назрѣло, окрѣпло и принесло существенную пользу!

Недостаточно облегчать дешевымъ проѣздомъ приливъ богомольцевъ въ Святую Землю, — надобно болѣе заботиться о томъ, чтобы этотъ темный, бѣдный народъ на чужой сторонѣ находилъ должный покой, необходимую пищу для поддержанія своей жизни и былъ охраняемъ отъ излишнихъ поборовъ разными эксплуататорами, скрывающимися подъ личиною благочестія. Будемъ надѣяться, что возрождающееся и укрѣпляющееся въ своихъ средствахъ православное Палестинское Общество окажетъ большую пользу этому святому дѣлу.

Занятіе богомольцевъ въ свободное отъ паломническихъ обязанностей время состоитъ въ ручной работѣ, преимущественно, разумѣется, среди женскаго населенія, а самое любимое препровожденіе времени— это хоровое пѣніе разныхъ псалмовъ и литургій, которую они поютъ, какъ я уже выше замѣтилъ, необыкновенно стройно. Очень жаль, что съ паломниками не ведутся духовныя бесѣды членами нашей Духовной Миссіи ¹⁾). Правда, нѣтъ для этого помѣщенія на постройкахъ; но для этого можно бы собирать народъ въ малой церкви Св. Царицы Александры; здѣсь, послѣ христіанско-нравственнаго собесѣдованія, могли бы всѣ пѣть божественные псалмы, и это бы производило еще болѣе возвышающее впечатлѣніе на всѣхъ паломниковъ.

Ближайшій надзоръ на этихъ постройкахъ за размѣщеніемъ прибывающихъ поклонниковъ, а равно

¹⁾ Изъ газетъ видно, что духовныя бесѣды уже открыты. Дай Богъ въ добрый часъ!

и за исполненіемъ ими всѣхъ правилъ въ отношеніи благочинія и чистоты ввѣряется надзирателю—въ мужскомъ и надзирательницѣ—въ женскомъ флигелѣ. Высшій же надзоръ за всѣми русскими постройками принадлежитъ лицу, особо для того назначенному отъ Палестинской Коммиссіи. Въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній съ лицомъ уполномоченнымъ Палестинской Коммиссіей, обращаются съ жалобами къ русскому генеральному консулу, какъ къ представителю русской власти.

Со многими изъ поклонниковъ я пробовалъ вести бесѣду и спрашивать ихъ: какъ имъ живется на постройкахъ, правда ли, какъ пишутъ, что они претерпѣваютъ большія обиды отъ надзирателей и надзирательницъ, а равно и отъ поборовъ греческими монахами при посѣщеніи святыхъ мѣстъ. «Грѣхъ на душу брать не слѣдуетъ,—отвѣчали мнѣ многіе,—и надобно говорить правду. Никто насъ на постройкахъ не обижаетъ, а если приходится жить въ тѣснотѣ, то что дѣлать, надобно все переносить. Греческіе монахи тоже видимо насильно ничего не требуютъ, но, по ихъ правиламъ, много надо отдавать на покупку свѣчъ, на записи, частички и другія требы. Притомъ многіе изъ нашего брата сами виноваты: кладутъ деньги часто не по силамъ—гдѣ можно бы положить 5 коп., кладутъ 20; потомъ хотя и жалѣютъ, да уже поздно; смотришь, подъ конецъ не съ чѣмъ и возвратиться на родину». — При этомъ я еще задалъ одинъ вопросъ: правда ли, что когда богомольцы остаются въ храмѣ Гроба Господня на ночную службу, то греческіе монахи приносятъ въ храмъ водку и продаютъ поклонникамъ? — «Никогда не только этого не видѣли, но даже и не слышали

отъ другихъ, чтобы такое грѣховное дѣло творилось въ храмѣ Божіемъ».

Относительно неправильнаго, неразсчетливаго и несообразнаго съ своими убогими средствами расхода, русскіе поклонники, съ самаго перваго своего вступленія на палестинскую почву, въ Яфѣ, начинаютъ уже расходовать свои небольшія деньги съ излишнею роскошью, въ знакъ своего особеннаго усердія. Являясь въ Яфѣ въ греческій монастырь Пророка Ілии, поклонники, по требованію греческаго духовенства, обязательно покупаютъ 20-ти-копѣечныя свѣчи, съ которыми входятъ въ церковь; имъ навязываются молебны, предлагаются *книги для записей*, смотришь—каждый паломникъ 2-хъ или 3-хъ рублей и не досчитается въ своемъ карманѣ. Еслибы мѣстный вице-консулъ съ драгоманомъ старались направлять паломниковъ прямо на Антониновскія постройки, то паломники напрасно не расходовали бы денегъ въ пользу греческихъ монаховъ. Далѣе, по прибытіи въ Святой Градъ, подобные же расходы продолжаются, хотя ни догматическія постановленія религіи, ни постановленія церкви св. отцовъ не требуютъ чтобы въ каждый храмъ входили съ зажженными свѣчами и производили записи въ церковныхъ книгахъ объ успокоеніи усопшихъ и о здравіи близкихъ родныхъ. Я вполне понимаю, что такія церкви, какъ храмъ Гроба Господня, въ которомъ заключаются святѣйшія изъ святыхъ мѣстъ: страданія, смерти и воскресенія Іисуса Христа, а равно и храмъ Рождества Спасителя въ Виелемѣ, должны быть чествуемы народомъ съ особенною торжественностью и благоговѣніемъ и вступленіе въ первый разъ въ эти храмы съ зажженными свѣтильниками, при пѣніи божественныхъ псалмовъ, должно составлять особенность этихъ храмовъ. Въ этихъ же святѣйшихъ

храмахъ могутъ быть предлагаемы и книги для записей тѣмъ изъ паломниковъ, которые пожелаютъ внести для поминовения, но, разумѣется, пожертвованіями сообразными со средствами каждаго, безъ установленія извѣстной таксы за это, которая, къ сожалѣнію и прискорбію, практикуется и у насъ въ Россіи въ первоклассныхъ монастыряхъ. Между тѣмъ въ Палестинѣ почти въ каждомъ храмѣ, куда только заходятъ русскіе паломники въ первый разъ, съ нихъ обязательно требуютъ покупки двадцати-копѣчныхъ свѣчъ и немедленно же предлагаются книги для записей. Такъ, для примѣра сообщу, что поклонники, идя изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ, всего разстоянія 10 верстъ, на пути встрѣчаютъ греческій монастырь Св. Пророка Іліи. При приближеніи массы паломниковъ къ монастырю, греческіе монахи стараются встрѣчать ихъ самымъ торжественнымъ образомъ: начинаютъ звонить въ колокола; монахи выходятъ на встрѣчу; начинается обязательная покупка свѣчъ, потомъ молебны и записи. Въ итогѣ — у поклонника опять рублями двумя въ карманѣ и меньше. Между тѣмъ Ильинскій монастырь ничѣмъ особенно въ священной исторіи не замѣчательнъ, — развѣ только своею древностью. Кромѣ того, слѣдовало бы уничтожить еще одинъ весьма вредный и даже неприличный обычай въ фондарикахъ: встрѣчать путниковъ хлѣбомъ-солью. Это издревле-христіанскій обычай, означающій радушіе и гостепріимство страны; обычай этотъ освященъ вѣками и имѣетъ въ себѣ только одну хорошую сторону; но дурно, что при этомъ паломниковъ и паломницъ угощаютъ еще *раждю*, т. е. крѣпчайшею водкою изъ виноградныхъ выжимокъ, которая оставляетъ по себѣ нехорошія послѣдствія. Когда этой раки поднесутъ по чаркѣ, другой паломницамъ — онѣ пьянѣютъ и дѣ-

лаются необыкновенно щедрыми на разныя пожертвованія, чѣмъ иногда и пользуются неблагонамѣренныя личности. Я самъ слышалъ это отъ нашихъ поклонниковъ и поклонницъ, которыя на этотъ обычай сильно ропщутъ. Нѣтъ сомнѣнія, что блаженнѣйшій патріархъ Никодимъ, какъ чловѣкъ высоко-нравственный, обратитъ должное вниманіе на уничтоженіе этого обычая угощать въ фондарикахъ вообще всѣхъ паломниковъ *раждю*, которую очень легко замѣнить чаемъ.

Было бы очень полезно, если бы свѣтскія лица, завѣдующія постройками, въ которыхъ помѣщаются поклонники изъ простаго званія, внушали имъ о той бесполезной тратѣ денегъ, которую они производятъ на записи во всѣхъ монастыряхъ. Хотя это должно бы быть прямымъ назначеніемъ духовныхъ лицъ нашей миссіи; но лица эти поставлены въ церковно-іерархическомъ отношеніи въ полнѣйшую зависимость отъ іерусалимской Патріархіи, и можетъ быть для нихъ неудобно приступать къ болѣе точному разьясненію этого вопроса.

На площади русскихъ построекъ устроено нѣсколько крытыхъ цистернъ, въ которыя собирается дождевая вода, употребляемая для питья всѣми живущими на постройкахъ. Въ одной изъ этихъ цистернъ я самъ видѣлъ воду совсѣмъ зацвѣвшую; цистерна эта находится какъ разъ вблизи мужского флигеля паломниковъ, и, конечно, распространяетъ вредныя міазмы. Почему бы эту цистерну не закрыть?

Въ оградѣ русскихъ построекъ находится еще домъ русскаго генеральнаго консула около восточныхъ воротъ. Домъ построенъ весьма низко, такъ что полъ въ комнатахъ наравнѣ съ землею; въ этомъ же домѣ помѣщается и консульская канцелярія. Передъ домомъ

раскинуть небольшой садикъ, содержимый опрятно и чисто, но безъ особенныхъ затѣй.

Изъ сѣверныхъ воротъ русскихъ построекъ выходишь къ мѣсту, которое куплено Русскимъ Палестинскимъ Обществомъ и на которомъ, подъ наблюдениемъ командированнаго отъ Общества Д. Д. Смышляева, воздвигаются большія постройки для помѣщенія паломниковъ. Государь Великій Князь Сергій Александровичъ, принявъ Русское Православное Палестинское Общество подъ свое высокое покровительство, лично самъ убѣдился, въ бытность свою въ Иерусалимѣ въ 1881 году, въ тѣхъ стѣсненіяхъ и неудобствахъ, которыя испытываютъ русскіе паломники въ Палестинѣ. Постройки возводятся въ большемъ размѣрѣ на 400 человекъ и, надобно надѣяться, будутъ устроены съ большими удобствами, чѣмъ нынѣ существующія, и всѣ тѣ неудобства, которыя такъ рельефно выказались въ настоящихъ постройкахъ, будутъ устранены. Какъ мнѣ сообщали, на постройкахъ будетъ устроена дешевая чайная и столовая и кромѣ того—баня и прачешная. Постройки эти будутъ носить названіе: «*Иерусалимское подворье Православнаго Палестинскаго Общества*». При этомъ, какъ мнѣ передавали, будетъ отведено большое помѣщеніе, въ которомъ поклонники въ свободное время могутъ слушать поученія отъ нарочно назначенныхъ съ этою цѣлью духовныхъ лицъ. Въ бытность мою въ Иерусалимѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на одной половинѣ возводился первый этажъ, а на другой сооружали фундаментъ. Очень жаль только—на мой взглядъ—что при возведеніи такихъ капитальныхъ построекъ къ этому зданію не пристроено помѣщеніе для школы и пріюта.

Въ уставѣ Высочайше утвержденнаго православнаго Русскаго Палестинскаго Общества хотя и нѣтъ

отдѣльнаго параграфа, въ которомъ было бы категорически заявлено, что Общество это способствуетъ, «укрѣпленію и распространенію православія въ Палестинѣ», но совокупность всѣхъ параграфовъ устава этого Общества клонится къ тому, чтобы своими матеріальными и научно-духовными средствами содѣйствовать къ укрѣпленію и распространенію въ Святой Землѣ православія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и русскаго вліянія. Краеугольный камень и прочная основа для этого суть *школа и пріютъ*. Эти рычаги, съ присовокупленіемъ къ нимъ больницъ и страннопріимныхъ домовъ, создадутъ въ будущемъ силу и могущество православія и нашего русскаго вліянія, а не одно увеличеніе наплыва богомольцевъ. Примѣромъ могутъ служить протестанты, у которыхъ наплыва богомольцевъ нѣтъ, а между тѣмъ протестантская пропаганда въ краѣ сильно усиливается. Во всей Палестинѣ, гдѣ только существуютъ латинскія миссіи, встрѣчаются и учрежденія протестантовъ. Нѣмецкіе протестанты распространяютъ свою пропаганду безъ особенно шумныхъ воззваній, разумною своею системою и чрезъ посредство образованныхъ своихъ проповѣдниковъ. Увеличивающееся протестантское населеніе, располагая большими денежными средствами, какъ въ Палестинѣ, такъ и въ Сирии, скупаетъ земли, образуя колоніи, и тѣмъ много способствуетъ и развитію протестантской пропаганды. Въ каждомъ селеніи, которое устраивается нѣмцами, гдѣ бы то ни было, первымъ дѣломъ являются школа и церковь. Незамѣтно, окружающее сельское мѣстное населеніе становится ихъ батраками, и поселившіеся нѣмцы дѣлаются господствующими жителями мѣстности и захватываютъ въ свои руки всѣ отрасли промышленности. Примѣръ этому имѣемъ передъ глазами и въ нашемъ дорогомъ отечествѣ.

Справедливо говорятъ, что нѣмецкіе протестанты считаютъ миссію въ Палестинѣ ихъ собственнымъ полемъ дѣятельности и ихъ собственною задачею. На мѣсто греческой церкви, заботившейся о благѣ Іерусалима во времена Византіи, и римской—во времена крестовыхъ походовъ, теперь на сцену выступаетъ протестантская церковь.

Протестанты хорошо понимаютъ, что для болѣе успѣшнаго развитія своей пропаганды надобно обратить особенное вниманіе на образованіе женщины въ духѣ христіанскаго ученія. Для достиженія этой цѣли протестанты устраиваютъ въ разныхъ мѣстахъ Палестины пріюты и школы для женщинъ, которыхъ обращаютъ въ христіанство и которыя, какъ матери будущихъ семействъ, будутъ вѣрнымъ и надежнымъ разсадникомъ христіанскаго ученія. Въ отношеніи развитія женскаго образованія католики не отстаютъ отъ протестантовъ и тоже стараются развивать образованіе между туземными женщинами устройствомъ школъ и пріютовъ. Къ сожалѣнію, только православные греки не слѣдуютъ этому примѣру. Хотя въ послѣдніе четыре года, за время патріаршества блаженнаго Никодима, число школъ по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ—возросло до ста-пятидесяти, но изъ нихъ женскихъ только двѣ, въ Іерусалимѣ и Яфѣ, въ которыхъ воспитывается всего до 80 дѣвочекъ. Я не рѣшаюсь сообщать свѣдѣнія о греческихъ школахъ, такъ какъ они чрезвычайно противорѣчивы. Притомъ Патріархія едва ли и обладаетъ большими матеріальными средствами, чтобы содержать эти школы въ очень благоустроенномъ состояніи, имѣть достаточно подготовленныхъ наставниковъ, которые бы могли привлекать жителей отдавать дѣтей своихъ въ эти школы

и, такъ сказать, вести соревнованіе съ протестантизмомъ и католичествомъ.

Со стороны Русскаго Православнаго Палестинскаго Общества устроена прекрасная женская школа въ Назаретѣ, которая, по отзывамъ, можетъ служить образцовой школою въ краѣ. Другая школа устроена по мысли покойной императрицы Маріи Александровны въ сел. Беджалы, но она была временно закрыта весною прошлаго 1887 года.

Русское Палестинское Общество, образовавшееся всего пять лѣтъ тому назадъ, при своихъ весьма скудныхъ еще средствахъ, проявляетъ уже благотѣльное вліяніе въ поддержаніи школъ, церквей и въ облегченіи бѣднымъ паломникамъ ихъ странствія въ Святую Землю. При всемъ своемъ желаніи, возрождающееся Палестинское Общество, не имѣя достаточныхъ денежныхъ средствъ въ своихъ рукахъ, конечно, не можетъ доводить свою дѣятельность въ отношеніи упроченія православія въ Святой Землѣ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, въ какихъ проявляется она, напр., пропагандою латинскою и протестантскою, располагающими уже десятками милліоновъ рублей. Притомъ латиняне и протестанты дѣйствуютъ неограниченно, самостоятельно, между тѣмъ какъ наше Палестинское Общество связано въ своихъ дѣйствіяхъ еще каноническими постановленіями съ іерусалимскою Патріархіею, которая всегда можетъ воспрепятствовать, если тѣ или другія предположенія Общества будутъ несогласны съ ея личными интересами. Смѣло можно надѣяться, что наше Палестинское Общество съумѣетъ своими правильными, благоразумными дѣйствіями внушить къ себѣ довѣріе русскаго народа, проникнутаго глубокимъ христіанскимъ благочестіемъ, и онъ отзовется на призывъ къ содѣйствію этому Обществу своими

популярными пожертвованіями. Что русскій народъ, живя далеко отъ священныхъ мѣстъ Палестины, благоговѣетъ и высоко чтитъ эти святыя мѣста, доказываются тѣми пожертвованіями, которыя посылаются изъ глубины Россіи въ Палестину на имя глубокоуважаемаго всѣми начальника Русской Духовной Миссіи—архимандрита Антонина, который въ теченіе 23 лѣтъ сѣмѣлъ внушить къ себѣ полное довѣріе русскаго народа. Пожертвованія эти были весьма значительны, если судить по тѣмъ обширнымъ покупкамъ земли и возведеннымъ на нихъ капитальнымъ сооруженіямъ, которыя составляютъ украшеніе дикихъ мѣстностей и показывают до извѣстной степени вліяніе Россіи въ Палестинѣ. Прелестныя церкви—на вершинѣ Елеонской горы и въ Горня, страннопріимные дома—у Мамврійскаго дуба, въ Іерихонѣ, въ Беджалы, Горня и Яффѣ, съ разводимыми при нихъ садами и со всѣми удобствами для паломниковъ, не уступаютъ подобнымъ же домамъ латинской и протестантской миссіи. Архимандритъ Антонинъ сѣмѣлъ воспользоваться обстоятельствами и во-время приобрѣлъ эти мѣста, важныя въ священно-историческомъ значеніи христіанской религіи. Хотя всѣ эти мѣста, со всѣми возведенными на нихъ постройками, считаются какъ бы собственностью отца Антонина, такъ какъ земли куплены на его имя, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что высокоуважаемая личность о. Антонина служитъ вѣрнымъ ручательствомъ, что еще при своей жизни онъ узаконитъ надлежащими актами передачу всѣхъ купленныхъ имъ мѣстъ и сооружений въ достояніе православнаго русскаго народа, на деньги котораго и приобрѣтены всѣ имущества о. Антониномъ.

Вышесказанное о дѣятельности архимандрита Антонина доказываетъ стремленіе русскаго народа къ

пожертвованіямъ на святыя мѣста. Если русскій народъ вѣруетъ свои жертвованія одному лицу, то нѣтъ сомнѣнія, что при развитіи дѣятельности Русскаго Палестинскаго Общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Великаго Князя Сергія Александровича, матеріальныя приношенія православной Россіи будутъ еще обильнѣе, и, вѣруя въ правоту русскихъ стремленій, мы еще болѣе будемъ надѣяться на силу духовную, которая не оставитъ своею благодатію дѣйствія нашего Палестинскаго Общества.

Прошу извиненія у Палестинскаго Общества, что я, въ настоящихъ своихъ воспоминаніяхъ о поѣздкѣ въ Іерусалимъ, позволяю себѣ касаться дѣятельности этого Общества. Здѣсь на мѣстѣ, въ Палестинѣ, бесѣдуя съ разнымъ людомъ и видя во очію то, чего не видишь въ Петербургѣ, могутъ приходиться иногда мысли, которыя, при всестороннемъ обсужденіи, можетъ быть, не пропадутъ даромъ и принесутъ нѣкоторую пользу для дѣла.

Выше мною упомянуто, что на новыхъ палестинскихъ постройкахъ устраивается большая зала, въ которой будутъ происходить духовныя бесѣды, что и началось уже, какъ видно изъ газетныхъ извѣстій, съ 20 декабря 1887 г. Эти духовныя бесѣды, просвѣщая темный народъ истиннымъ сказаніемъ евангелистовъ, будутъ отвлекать его отъ дурныхъ мыслей, происходящихъ часто отъ бездѣлья. Въ основѣ этихъ духовныхъ бесѣдъ, устраиваемыхъ по инициативѣ Палестинскаго Общества, ляжетъ прочное основаніе той духовной силы, которая будетъ тѣсно соединять Общество съ народомъ. Но я еще разъ повторю свое мнѣніе, что эти духовныя собесѣдованія могли бы быть устраиваемы въ домовой церкви св. Царицы Александры, потому что въ храмѣ они произво-

дили бы на слушателей еще болѣе возвышенное религиозное впечатлѣніе. Устраиваемую же залу, съ присоединеніемъ къ ней нѣсколькихъ комнатъ, было бы полезно обратить въ помѣщеніе для образцовой мужской и женской школы, или приюта, съ полнымъ въ нихъ содержаніемъ, для приготовленія учителей и учительницъ для будущихъ разсадниковъ русскихъ школъ.

Въ этихъ приютахъ или школахъ окончившія полный курсъ дѣти мусульманъ, какъ готовящіяся въ послѣдствіи быть учителями или учительницами и вообще распространителями ученія православной религіи въ иновѣрной странѣ, будутъ изучать основательно и русскій языкъ. Что это можетъ быть достигнуто благоразумною методою ученія—доказываютъ намъ приюты и школы католическіе, изъ которыхъ арабы выходятъ, по окончаніи курса, совершенно свободно говорящими по-французски или по-итальянски. Я лично встрѣчалъ арабовъ, которые свободно говорили по-французски, и, какъ оказывалось, все это были воспитанники францисканскаго монастыря въ Иерусалимѣ, гдѣ, по окончаніи курса, они и приняли христіанство.

Къ крайнему моему сожалѣнію, я не былъ въ Назаретѣ и не могъ лично осмотрѣть русскую образцовую школу, которую ведетъ М. С. Савельева, но много слышалъ весьма лестныхъ отзывовъ объ этой преподавательницѣ, которая съ особеннымъ умѣньемъ ведетъ свое дѣло. Поэтому докладъ В. П. Кулина въ общемъ собраніи Палестинскаго Общества 14 февраля сего года крайне интересовалъ меня возможностью обстоятельнѣе узнать объ этой образцовой назаретской школѣ, и главное—о преподаваніи тамъ русскаго языка. Но, къ величайшему моему прискор-

бію, именно объ этомъ предметѣ г. докладчикъ сказалъ всего менѣе. В. П. Кулинъ въ своемъ докладѣ сообщилъ, что «назаретская школа произвела на него самое отрадное впечатлѣніе: всюду чистота, опрятность, умѣлое веденіе дѣла и самоотверженіе преподавательницы и ея помощницъ. Помимо учебныхъ занятій по русскому и арабскому языку, ариметикѣ и рукодѣлію, дѣти приучаются къ чистоплотности, ихъ чешутъ и моютъ, на что тоже тратится не мало труда». Когда В. П. Кулинъ вошелъ въ классы и уходилъ изъ нихъ, то дѣти сказали ему по-русски: *здравствуйте* и *прощайте*. Этотъ докладъ нисколько не выяснилъ степени знанія русскаго языка дѣтьми, и осталось неизвѣстнымъ, на какомъ языкѣ преподаются Законъ Божій и ариметика, а равно, разговаривалъ ли съ дѣтьми г. Кулинъ по-русски, чтобы вывести болѣе обстоятельное заключеніе въ знаніи дѣтьми нашего отечественнаго языка. Если дѣти въ школѣ знаютъ по-русски только два слова: *здравствуйте* и *прощайте*, то это еще очень немного.

Приюты, устроенные въ самомъ Иерусалимѣ, всегда будутъ подъ особеннымъ, непосредственнымъ надзоромъ лицъ нашей духовной миссіи и подъ наблюдениемъ правительственнаго лица—русскаго генеральнаго консула, и нѣтъ сомнѣнія, что изъ этихъ школъ выйдетъ современемъ значительный контингентъ хорошихъ учителей. Отнятіе на возводимыхъ постройкахъ нѣсколькихъ комнатъ, или даже и половины, отъ помѣщенія паломниковъ будетъ, хотя и въ ущербъ послѣднимъ, но въ общемъ принесетъ гораздо болѣе большую пользу.

Я не думаю, чтобы въ программу Палестинскаго Общества входило на первомъ планѣ вспомошествованіе для увеличенія числа паломниковъ въ Святую

Землю. Мнѣ кажется, что облегченіе проѣзда въ Палестину должно производиться съ нѣкоторою осмотрительностью, такъ какъ паломничество въ иныхъ случаяхъ можетъ, вмѣсто пользы, приносить даже вредъ. Объ этомъ предметѣ я говорилъ на мѣстѣ съ нѣкоторыми болѣе серьезными паломниками, людьми уже немолодыми, но, какъ видно, проникнутыми до извѣстной степени сознаниемъ святости и значенія посѣщаемыхъ ими священныхъ мѣстъ. Эти почтенные люди говорили мнѣ, что «много изъ ихъ брата идетъ въ Св. Землю, не по чувству призванія къ святынѣ, а изъ любопытства и дабы полѣниться отъ работы». Лично я признаю въ простомъ русскомъ народѣ много расположенія къ религіозности, и въ особенности въ людяхъ пожилыхъ, которые испытали невзгоды прожитой жизни и которыхъ судьба подъ старость лѣтъ оставила въ одиночествѣ. Такіе люди, конечно, вполне заслуживаютъ вниманія, чтобы содѣйствовать болѣе дешевому и удобному путешествію ихъ въ Святую Землю. Но съ этимъ почтеннымъ людемъ пробираются въ Святую Землю, пользуясь дешевымъ и удобнымъ проѣздомъ, много людей молодыхъ, которые, испытавъ возможность въ теченіе многихъ мѣсяцевъ проводить время въ праздности, отвыкаютъ отъ работъ и ищутъ опять случая вторично отправиться въ Святую Землю, собравъ отъ своихъ сельчанъ съ міру по ниткѣ: на свѣчи, лампы, записи и т. п., и, пользуясь при этомъ дешевымъ проѣздомъ, имѣютъ возможность и съ весьма малыми собственными средствами совершить вторичную поѣздку.

Для того, чтобы вопросъ о льготномъ переѣздѣ поклонниковъ въ Палестину былъ поставленъ на правильную почву, при выдачѣ льготныхъ книжекъ на переѣздъ въ Палестину должны быть соблюдаемы, по

моему, слѣдующія правила: 1) Выдавать льготныя книжки мужчинамъ не моложе 50 и женщинамъ не моложе 45 лѣтъ; до этого же возраста пусть работаютъ на родной нивѣ и живутъ въ семьѣ. 2) Въ Палестинѣ долѣе трехъ мѣсяцевъ жить не дозволять, потому что въ это время можно успѣть обойти всѣ святыя мѣста. 3) На вторичное путешествіе въ Святую Землю, льготныхъ книжекъ не выдавать. Для контроля же въ этомъ можно установить правило, чтобы въ паспортахъ отмѣчалось, что въ такомъ-то году пользовался льготнымъ проѣздомъ, и на вновь выдаваемыхъ паспортахъ помѣтка эта должна возобновляться. 4) Льготныя книжки для пассажировъ 1-го класса совсѣмъ отмѣнить. Платящіе за проѣздъ 305 р. по льготнымъ книжкамъ могутъ уже произвести полную оплату и изъ своихъ собственныхъ средствъ. 5) Во время пребыванія въ Палестинѣ, тѣ изъ поклонниковъ и поклонницъ, которые будутъ замѣчены въ пьянствѣ и безнравственной жизни, должны быть немедленно возвращаемы на родину. Это правило можетъ быть отпечатано и на льготныхъ книжкахъ, чтобы каждый, имѣющій льготную книжку, зналъ, что за дурное поведеніе будетъ немедленно высланъ на родину. Хотя въ настоящее время со стороны консульскаго управленія и принимается довольно строгій надзоръ за нравственною жизнью паломниковъ, но эти мѣры считаются за произволъ со стороны консула, и паломники на чужой сторонѣ считаютъ уже себя свободными отъ всякаго за ними надзора. Если отъ постановленія этихъ правилъ и уменьшится нѣкоторый процентъ нашихъ поклонниковъ въ Палестинѣ, то отъ уменьшенія ихъ убавится только небольшой процентъ прибыли для греческихъ монастырей; но въ общемъ выгода будетъ та, что прожи-

вающіе на русскихъ постройкахъ поклонники будутъ удобнѣе распредѣлены; часть комнатъ на палестинскихъ постройкахъ можно будетъ отдѣлить для устройства школъ и пріютовъ, а главное — нравственный уровень нашихъ поклонниковъ можетъ возвыситься до уровня поклонниковъ другихъ вѣроисповѣданій, и надо надѣяться, что тогда устроенный въ настоящее время евреями *питейный домъ* съ огромною русскою вывѣскою — при самомъ вѣздѣ въ Іерусалимъ — можетъ быть окончить свое существованіе и не будетъ оскорблять народное чувство всякаго порядочнаго русскаго, вѣзжающаго въ Св. Градъ. Само собою разумѣется, что тѣ паломники, которые имѣютъ свои матеріальныя средства, могутъ безпрепятственно ѣздить въ Палестину во всякомъ возрастѣ и безъ всякаго стѣсненія возобновлять свои поѣздки когда имъ угодно.

Въ тотъ же самый день я имѣлъ возможность осмотрѣть латинскіе страннопріимные дома: *Казанова* и *Австрійскій*. Дома эти помѣщаются въ центрѣ самаго города, занимаютъ каждый большое помѣщеніе и отличаются разумнымъ своимъ устройствомъ. Зданія двухъ-этажныя, раздѣлены корридорами, откуда съ обѣихъ сторонъ ведутъ двери въ отдѣльныя комнаты, которыя хотя не такихъ большихъ размѣровъ, какъ на русскихъ постройкахъ, но зато снабжены всѣмъ необходимымъ для спокойнаго и удобнаго пребыванія въ нихъ: въ комнатѣ по двѣ и по одной кровати съ мягкими тюфяками, чистымъ бѣльемъ и бѣлыми пологами надъ кроватями; диванъ, столъ, четыре стула, коверъ и звонки въ комнату прислуги; общая столовая, гдѣ за умѣренную цѣну подается обѣдъ. Австрійское помѣщеніе нѣсколько большихъ размѣровъ, чѣмъ «Казанова». — По прибытіи паломниковъ,

въ Австрійскомъ помѣщеніи дозволяется жить даромъ 12 дней, а въ «Казанова» — 3 дня.

Кромѣ этихъ двухъ домовъ, мною осмотрѣнъ еще *францисканскій монастырь*, находящійся въ центрѣ города. Обширное зданіе монастыря вмѣщаетъ прекрасную церковь, пріюты женскій и мужской; хорошо устроены чистыя, свѣтлыя спальни и классныя комнаты. Въ этихъ пріютахъ и готовятъ арабскихъ дѣтей къ принятію христіанской религіи, разумѣется католической. Въ пріютахъ учатъ разнымъ ремесламъ и рукодѣлю. Выходящіе изъ пріюта всѣ объясняются по французски, а иногда и по-итальянски. При монастырѣ своя обширная типографія, въ которой печатаются книги религіознаго содержанія и путеводители по святымъ мѣстамъ Палестины на французскомъ, итальянскомъ и арабскомъ языкахъ. При этой же типографіи устроена словолитная мастерская. Сопровождавшій меня монахъ-полякъ изъ Царства Польскаго, отлично говорившій по русски сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что большая часть денегъ для поддержанія монастыря высылается изъ Америки. Осмотръ этихъ трехъ учрежденій оставляетъ отрадное впечатлѣніе, и желаешь только, чтобы и русскія постройки были поскорѣе въ такомъ же благоустроенномъ видѣ.

Іерусалимская стѣна, окружающая городъ, заслуживаетъ, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Первая іерусалимская стѣна, окружавшая городъ во времена Спасителя, отступала внутрь настоящаго города Іерусалима, такъ что Голгоѳа и мѣсто погребенія Спасителя были внѣ городской стѣны. Последнія раскопки на русскомъ мѣстѣ близъ храма Воскресенія, въ 1883 году, указали основаніе *древней іерусалимской стѣны съ порогомъ*, который — предполагаютъ — долженъ принадлежать къ *Суднымъ воротамъ* и эти

остатки представляют единственный въ Иерусалимѣ памятникъ древне-еврейской архитектуры. Найденныя же въ этихъ раскопкахъ колонны, пилястры и арки приписываютъ сооруженіямъ Константина. Послѣ разрушенія іерусалимской стѣны время Спасителя, новая іерусалимская стѣна была устроена въ царствованіе Адриана въ 133 г. по Р. Х. и стѣна эта была выдвинута впередъ за прежнюю городскую стѣну, такъ что Голгова и мѣсто погребенія Спасителя были уже въ чертѣ города. Послѣдующія войны, разрушавшія Иерусалимъ, конечно, разрушали и городскую стѣну, которая, какъ извѣстно, возобновлялась крестоносцами и потомъ опять была разрушаема турками при взятіи Иерусалима въ 1517 г. Настоящая стѣна построена султаномъ Селимомъ на основаніяхъ прежнихъ городскихъ стѣнъ временъ крестоносцевъ, а можетъ быть и время Адриана, чему служитъ доказательствомъ различная кладка этихъ стѣнъ. По этой кладкѣ, не будучи археологомъ, видишь различныя эпохи наслоенія этихъ каменныхъ массъ одна на другую. Самые нижніе слои этихъ стѣнъ въ восточной, а частію и въ западной сторонѣ, на мѣстѣ плача іудеевъ, состоятъ изъ громаднѣйшихъ камней, которыхъ особенная наружная ошлифовка доказываетъ ихъ древне-еврейское происхожденіе; они приписываются временамъ Ирода, а можетъ быть и Адриана. Выше этихъ камней идетъ болѣе правильная кладка и изъ камней меньшей величины—это постройки крестоносцевъ; а еще выше камни различной величины и сложенные болѣе безпорядочно: это уже турецкія постройки время султана Селима, XVI вѣка. Вѣрнѣе можно предположить, что основаніе этихъ стѣнъ должно относиться къ царствованію Адриана, т. е. ко II вѣку по Рождествѣ Христовомъ. Стѣны украшены

зубцами и башнями и возвышаются отъ 7 до 8 саж. и ширина ихъ мѣстами болѣе 2 аршинъ; близъ Яффскихъ воротъ къ стѣнамъ примыкаетъ внутреннее укрѣпленіе съ высокою башнею подъ именемъ башни Давида; въ этомъ укрѣпленіи помѣщаются мѣстныя войска. Семь воротъ въ іерусалимской стѣнѣ ведутъ внутрь города: Яффскія—съ западной стороны, Сіонскія или Давидовы и Грязныя—съ южной; Золотыя, всегда заложеныя, и Геосиманскія—съ восточной; Иродовы и Дамасскія—съ сѣверной стороны; все протяженіе стѣны—до 4-хъ верстѣ.

Весьма интересная особенность въ Иерусалимѣ, это *плачь евреевъ* у одной изъ городскихъ стѣнъ съ южной стороны, а именно той стѣны, которая окружаетъ площадь горы Морія, на которой стоялъ прежде храмъ Соломона. По преданію, когда въ царствованіе Нерона, въ 71 году по Р. Х., Титъ послѣ 5-мѣсячной осады разрушилъ Иерусалимъ до основанія, то уцѣлѣли немногія части стѣнъ, въ томъ числѣ и та, которая окружаетъ мѣсто, гдѣ стоялъ древній храмъ Соломона. Сюда-то въ теченіе 19 вѣковъ евреи приходятъ ежедневно передъ закатомъ солнца, а въ особенности въ пятницу, когда ихъ собирается здѣсь великое множество, чтобы молиться и оплакивать свои прегрѣшенія, такъ какъ на самую площадь, гдѣ стоялъ храмъ Соломона, евреямъ строжайше входить запрещается. При громадномъ стеченіи евреевъ въ пятницу, когда между ними присутствуетъ и раввинъ, начинается пѣніе псалмовъ, въ которомъ чередуются раввинъ и всѣ присутствующіе. По временамъ это пѣніе смѣняется какимъ-то гуломъ, происходящимъ отъ того, что каждый еврей вслухъ бормочетъ свои молитвы; многіе становятся передъ стѣною на колѣни, цѣлуютъ и лизуютъ ее.

Стѣны этой части дѣйствительно должны быть очень древняго происхожденія, въ особенности нижніе ея ряды, которые евреями приписываются даже стѣнамъ древняго храма Соломонова. Въ этихъ рядахъ камни величиною до 3 и 4 аршинъ, кругомъ каждаго камня высѣчка, пальца въ три шириною. Подобная кладка приписывается археологами временамъ очень отдаленнымъ.

Общій видъ на Іерусалимъ съ мѣста русскихъ построекъ представляетъ весьма живописную картину, переносящую зрителя въ средневѣковую исторію святаго города, чему много способствуютъ зубчатая стѣны и башни, его окружающія. Стѣны эти представляютъ крѣпость съ бойницами, окруженную рвами и естественными оврагами.

Изъ числа замѣчательностей Іерусалима я считалъ своею обязанностью осмотрѣть *Армянскую Патріархію* съ церковью, построенною на мѣстѣ мученической смерти св. апостола Іакова, перваго іерусалимскаго епископа, брата св. Іоанна Богослова. Армянская Патріархія расположена на Сіонѣ и состоитъ изъ древнихъ и новыхъ построекъ; въ первыхъ помѣщается монастырская братія, а въ послѣднихъ устроено помѣщеніе для поклонниковъ, на средства различныхъ городовъ. При монастырѣ весьма хорошій садъ, что рѣдкость въ Іерусалимѣ. Кромѣ того, въ монастырѣ устроена нынѣшнимъ патріархомъ школа для 50 воспитанниковъ, которые содержатся весьма хорошо, чисто и опрятно. Домъ патріарха совершенно новый, съ церковью во имя св. Іакова. Церковь эта — одна изъ лучшихъ церквей въ Палестинѣ по богатству и восточному разнообразію украшеній: стѣны выложены синею кафелью и полъ устланъ богатыми коврами; множество золотыхъ и серебряныхъ лампадъ,

а равно и страусовыхъ яицъ — висятъ на золотыхъ и серебряныхъ шнурахъ. Въ лѣвомъ придѣлѣ показываютъ мѣсто, обозначенное серебрянымъ кругомъ, на которомъ апостолу Іакову была отсѣчена голова Иродомъ Агрипою. — На этомъ мѣстѣ горятъ 5 неугасимыхъ драгоценныхъ лампадъ. — Тѣло св. Іакова увезено въ Испанію и поживаетъ въ Сантъ-Яго ди Компостелла. На этомъ мѣстѣ, по преданію, первая церковь была сооружена въ XI вѣкѣ однимъ изъ грузинскихъ царей, но съ XVI вѣка перешла во владѣніе армянъ. Церковь содержится опрятно и къ святынь относятся съ должнымъ благоговѣніемъ.

Между тѣмъ приближалось время, что надобно было думать и о возвращеніи на родину. По справкамъ оказалось, что пароходъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли отходитъ отъ Яффы въ среду 29 апрѣля. Я и Сергѣй Ивановичъ съ семействомъ рѣшились ѣхать на этомъ пароходѣ, а потому мы и условились выѣхать изъ Іерусалима во вторникъ 28 апрѣля, утромъ.

Я не хотѣлъ уѣзжать изъ Св. Града, не исполнивъ пламеннѣйшаго своего желанія: причаститься Св. Христовыхъ Таинъ у Гроба Господня, во время ночной службы съ субботы на воскресенье. — Чтобы приготовиться къ принятію Святого Таинства, въ субботу въ церкви на русскихъ постройкахъ я отслушалъ вечерню и всенощное служеніе, послѣ котораго исповѣдался у почтеннѣйшаго служителя церкви, іеромонаха Веніамина. Къ ночной службѣ въ храмъ Гроба Господня условились идти: нашъ генеральный консулъ, Сергѣй Ивановичъ съ семействомъ и я. Поклонники наши на постройкахъ, узнавъ, что храмъ будетъ открытъ въ полночь и такъ какъ это былъ канунъ воскресенья, почти всѣ тоже направи-

лись въ церковь. Около полуночи мы отправились черезъ Яффскія ворота по знакомымъ уже намъ іерусалимскимъ улицамъ. Ночь была тихая, теплая, и взошедшая луна восхитительно, волшебнo освѣщала іерусалимскую стѣну съ ея зубчатою вершиною и выдающимися башнями. Когда мы подошли къ храму, въ ночной тиши застучали желѣзные засовы и двери храма раскрылись. При входѣ насъ обдало какимъ-то сырымъ и затхлымъ воздухомъ; внутри темнота и только нѣсколько лампадъ освѣщаютъ камень Мвропомазанія. — Нестройное пѣніе въ разныхъ частяхъ храма съ присоединеніемъ органа доказывало, что предварительная служба передъ литургіей, заутреня—еще не окончилась. Насъ пригласили, какъ и въ первую ночную службу, прямо въ греческій фондарику, гдѣ мы и пробыли до начала литургіи. Здѣсь мы передали для поминовенія на проскомидіи записки объ умершихъ и живыхъ, а также купленные нами крестики, четки и образки, и просили на время совершенія литургіи положить ихъ на Гробъ Господень. Мало-по-малу пѣніе въ храмѣ начало стихать и наконецъ водворилась тишина. Въ 12^{1/2} час. мы прошли къ Кувукліи и стали на ступени передъ входными ея дверями. Здѣсь мы нашли уже значительную толпу молящихся русскихъ поклонниковъ. Началось приготовленіе къ началу литургіи: зажигали свѣчи и лампы; на Гробъ Господнемъ все готовилось для совершенія литургіи. Въ нынѣшнее служеніе Св. Гробъ служилъ жертвенникомъ и престоломъ. Минуть черезъ 10 изъ храма Воскресенія показалась духовная процессія: впереди несли зажженные свѣчи, потомъ шли діаконъ съ кадильницами, далѣе четыре священника несли Св. Дары, Антиминсъ и Евангеліе. Немедленно началась литургія, и храмъ огласился строй-

нымъ пѣніемъ нашихъ богомольцевъ на родномъ нашемъ славянскомъ языкѣ. Со времени восшествія на патриаршій престолъ блаженнаго Никодима, во время богослуженія начали чаще раздаваться возгласы на родномъ нашемъ славянскомъ языкѣ. Не только возгласы священниковъ, но и цѣлыя ектеніи діаконъ произносятся на славянскомъ, хстя и ломаномъ языкѣ. Ночная служба у Гроба Господня производитъ глубокое впечатлѣніе на молящихся. Мнѣ кажется, что не только человѣкъ, проникнутый религіозными убѣжденіями, но даже и человѣкъ мало-вѣрующій—и тотъ, стоя на мѣстѣ, гдѣ совершились страшныя таинства великаго событія искупленія рода человѣческаго, не можетъ остаться равнодушнымъ зрителемъ всего происходящаго, и на него найдутъ минуты, когда онъ почувствуетъ въ себѣ благоговѣніе къ святынь того мѣста, передъ которымъ удостоился стоять.... Наконецъ, наступала для меня минута соединенія со Христомъ черезъ причастіе Святыхъ Его Таинъ....

По окончаніи литургіи, я прошелъ въ Кувуклію, чтобы преклониться передъ Святымъ Гробомъ Спасителя, и здѣсь, у Святого Гроба священнодѣйствующій архимандритъ, снявъ съ Гроба икону Воскресенія, благословилъ меня этою святынею... Пройдетъ много лѣтъ, а эти двѣ ночныя службы у Гроба Господня останутся навсегда свѣтлою звѣздою моей жизни!

По окончаніи литургіи, Святогробское Братство пригласило всѣхъ насъ, присутствовавшихъ на литургіи, въ фондарику, гдѣ намъ былъ предложенъ чай.

Распростившись съ любезными представителями Святогробскаго Братства, мы возвратились на постройки при послѣднемъ отблескѣ заходящей луны.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ и объ учреж-

деніи Святогробскаго Братства. Мнѣ сообщили, что Святогробское Братство въ Святой Землѣ состоитъ изъ лицъ чернаго духовенства, которыя избираются изъ грековъ, уроженцевъ Турецкой имперіи. Надобно полагать, что не всѣ чернецы изъ этого братства живутъ въ Іерусалимѣ, потому что въ монастырѣ при храмѣ Святого Гроба ихъ не болѣе 40 человѣкъ.— Братство это наблюдаетъ за православными святыми храмами и получаетъ въ свое независимое распоряженіе всѣ доходы, идущіе на Св. Гробъ. Къ сожалѣнію, я не могъ въ точности ознакомиться съ уставомъ этого братства, но мнѣ извѣстно, что оно независимо отъ какой бы то ни было власти, во всемъ дѣйствуетъ самостоятельно и безконтрольно. Во главѣ этого братства стоятъ: казначей, избираемый пожизненно и несмѣняемый; въ настоящее время должность эту исполняетъ болѣе 40 лѣтъ старецъ Серафимъ и помощникъ его архимандритъ Евфимій, лѣтъ 45-ти; въ рукахъ этихъ двухъ лицъ сосредоточены всѣ дѣла братства. Значеніе и дѣятельную силу братства доказываетъ уже то, что избраніе патриарха принадлежитъ всецѣло ему, султанъ же только утверждаетъ его выборъ. По полученіи утвердительной грамоты турецкаго султана, вводятъ новоизбраннаго патриарха въ храмъ Воскресенія и признаютъ его въ этомъ званіи уже всѣмъ клиросомъ и народомъ. Безконтрольный расходъ этого братства простирается, говорятъ, ежегодно до двухсотъ тысячъ руб.; но, расходуя такими суммами, между тѣмъ не даютъ отчета даже патриарху, а только своему же братству. Весьма понятно, что Патриархія желаетъ подчинить себѣ Святогробское Братство со всею его казною, но встрѣчаетъ полную неудачу. Мнѣ сообщали, что между нынѣшнимъ патриархомъ Никодимомъ и членами этого

братства начали встрѣчаться уже серьезныя недоразумѣнія. Сила братства до того велика, что въ 1874 году оно свергло съ патриаршаго престола патриарха Кирилла за расположеніе его къ Россіи; ночью подъ конвоемъ увезли его въ Яффу и на пароходѣ отправили въ Турцію, гдѣ онъ и умеръ въ заключеніи на Принцевыхъ островахъ. Гдѣ нужно, члены этого братства не церемонятся ни предъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей.—Надо, конечно, желать, чтобы патриарху Никодиму удалось обуздать членовъ этого братства и подчинить ихъ контролю— не только денежному, но и контролю правильной, строгой монашеской жизни, чтобы члены этого высокаго по названію братства были примѣромъ для другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Считаю неумѣстнымъ и неприличнымъ въ своихъ воспоминаніяхъ передавать всѣ тѣ неблагопріятныя слухи, которые ходятъ въ народѣ объ этомъ братствѣ; очень можетъ быть, что слухи эти и весьма преувеличены, но все-таки желательно, чтобы Святогробское Братство заслужило къ себѣ большее уваженіе и довѣріе всего православнаго народа.

На другой день, въ 7 часовъ утра, соборный колоколъ разбудилъ меня, и я отправился въ нашъ соборный храмъ, отстоять послѣднюю литургію въ Св. Градѣ. День былъ воскресный, и такъ какъ оставалось пробыть въ Іерусалимѣ всего два дня, то пришлось понемногу собираться для предстоящаго дальняго путешествія, кое-чѣмъ заготовиться въ дорогу и приобрести нѣкоторыя вещи на память объ этой странѣ.

Прежде чѣмъ совсѣмъ оставить Іерусалимъ, я скажу нѣсколько словъ о самомъ городѣ.

Іерусалимъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, около

2000 футъ надъ поверхностью моря и имѣеть фигуру неправильнаго четырехугольника. Собственно городъ, какъ мною сказано уже выше, окруженъ древною стѣною съ семью входящими въ него воротами. Предмѣстья города примыкають къ нему съ сѣверной и западной сторонъ, и площадь этихъ предмѣстій равняется почти уже самому городу. Въ послѣднія 10 лѣтъ предмѣстья эти начали особенно расширяться постройкою въ нихъ обширныхъ домовъ для различныхъ христіанскихъ исповѣданій, а равно и отдѣльныхъ домовъ частныхъ лицъ. Съ восточной, южной и западной сторонъ городъ окруженъ глубокими оврагами, которые, въ свою очередь, окружены крутыми холмами, значительно возвышающимися надъ городомъ и закрывающими его отъ глазъ издалека. По устройству своему городъ раздѣленъ пересѣкающими его двумя большими улицами на четыре части: отъ Яффскихъ воротъ идетъ улица Давида черезъ весь городъ съ запада на востокъ къ горѣ Моріа и оканчивается у воротъ Гарама (Омаровой мечети); вторая улица идетъ отъ Дамасскихъ воротъ по направленію отъ сѣвера къ югу и оканчивается у Сіонскихъ воротъ. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ, находится еще много другихъ короткихъ улицъ и переулковъ, изъ которыхъ болѣе замѣчательная по чистотѣ своей — улица *Христіанская*, ведущая влѣво отъ Давидовой улицы къ храму Гроба Господня. Только часть улицы Давидовой и Христіанская, т.-е. протяженіе отъ Яффскихъ воротъ до храма Гроба Господня, хорошо вымощена, а остальные не мощены и содержатся грязно. Городъ раздѣляется на четыре квартала: *Христіанскій*, занимающій сѣверо-западную часть, гдѣ находится храмъ Гроба Господня, греческая Патріархія, латинскіе монастыри и дома нѣкоторыхъ консуловъ;

Армянскій, занимающій юго-западную часть къ Сіону; *Магометанскій* — на сѣверо-востокѣ, обнимающій мѣстность горы Моріа, включая сюда же резиденцію паши, казармы — вплоть до Геосиманскихъ воротъ; наконецъ, *Еврейскій* — на юго-востокѣ, на склонѣ Сіонской горы.

Эта часть города — самая грязная и вонючая. Хотя главная улица, по направленію отъ Яффскихъ воротъ до Святого Храма, какъ и всѣ вообще іерусалимскія улицы, весьма узка, но все же отличается нѣкоторою чистотою, и на этомъ протяженіи, хотя изрѣдка, но все-таки можно встрѣтить нѣсколько зданій, имѣющихъ подобіе дома, и нѣсколько незатѣйливыхъ магазиновъ, напоминающихъ своимъ устройствомъ магазины европейскихъ городовъ. Впрочемъ, въ этихъ магазинахъ можно найти только самое необходимое, да и то для невзыскательнаго покупателя. Разумѣется, все продается въ скромныхъ размѣрахъ, съ ограниченнымъ выборомъ и предметы весьма посредственнаго качества. Магазины съ предметами какой бы то ни было роскоши совершенно отсутствуютъ; я даже не встрѣтилъ нигдѣ магазина съ мануфактурными товарами. Заѣзжіе купцы изъ Бейрута привозятъ иногда произведенія Дамаска и окрестныхъ мѣстностей. Въ остальныхъ улицахъ дома большею частью выходятъ только глухими стѣнами безъ оконъ, такъ какъ, по восточному обычаю, окна и двери жилыхъ комнатъ выходятъ во дворъ, гдѣ и сосредоточивается семейная жизнь мусульманъ. При узкости улицъ, нѣкоторыя изъ нихъ прикрыты сверху парусинами или рогожами для защиты отъ солнечнаго зноя, отчего въ этихъ улицахъ невообразимая духота, такъ какъ прекращается всякое движеніе воздуха; между тѣмъ подъ этими навѣсами производится торговля разными жизненными припасами. Тутъ же на открытомъ воз-

духъ готовится пища, пекутъ хлѣбъ и занимаются всякими работами.

Нельзя не упомянуть объ оригинальномъ способѣ печенія хлѣба: на камень накладываютъ *кизикъ* (кирпичи изъ навоза, смѣшаннаго съ рубленною соломою), а иногда и просто сухой навозъ. Потомъ его зажигаютъ, и онъ горитъ до тѣхъ поръ, пока камень не нагрѣется хорошо; навозъ немедленно сгребаютъ прочь. и на раскаленный камень накладываютъ приготовленное тѣсто тонкимъ слоемъ въ видѣ лепешки; потомъ тѣсто это прикрывается глинянымъ невысокимъ горшкомъ или широкою чашкою, снаружи обмазанною навозомъ, который опять зажигается; черезъ извѣстный промежутокъ времени навозъ сгребаютъ, снимаютъ чашку—и хлѣбъ готовъ. Хлѣбъ этотъ, при его употребленіи, не рѣжутъ, а рвутъ кусками; онъ дурного качества и совсѣмъ непропеченый.

Относительно пищи бѣдствуютъ всѣ сословія; часто не знаютъ, что приготовить. Единственное мясо — это баранина, и ту трудно доставать; свѣжей рыбы совсѣмъ нѣтъ. Мнѣ говорили состоятельные люди, что покупаютъ иногда въ Яфѣ рыбу и уже вареною доставляютъ въ Иерусалимъ. Соленая и сушеная рыба хотя и продается, но по весьма высокимъ цѣнамъ — отъ 45 до 80 коп. за фунтъ.

Кромѣ русскихъ построекъ, есть еще гостинницы при греческихъ монастыряхъ, но въ этихъ гостинницахъ грязно, сыро, неудобно и довольно дорого для бѣдныхъ паломниковъ. Такъ за двѣ недѣли—Страстную и Пасхи—надобно платить отъ 10 до 40 руб. за комнату; въ общихъ же комнатахъ, гдѣ помещается отъ 5 до 10 человѣкъ—отъ 2-хъ до 10 руб. съ cadaго. Въ остальное время года цѣны нѣсколько ниже. Изъ частныхъ гостинницъ имѣются двѣ болѣе

удобныя: одну содержитъ нѣмецъ, другую—англичанинъ; въ обѣихъ весьма тѣсно и дорого. Небольшая комнатка съ обѣдомъ обходится отъ 5 до 6 руб. въ день.

Народонаселеніе Иерусалима считаютъ около 35.000. Точную цифру, за неимѣніемъ статистическихъ таблицъ о населеніи, опредѣлить весьма трудно, но цифра 35.000 болѣе всего приближается къ истинѣ.

По вѣроисповѣданіямъ число жителей распределяется слѣдующимъ образомъ:

Евреевъ	до	21.200
Мусульманъ	»	6.000
Православныхъ	»	4.500
Католиковъ	»	2.100
Протестантовъ	»	950
Коптовъ и сиріянъ	»	120
Католиковъ-уніатовъ	»	70
Абиссинцевъ	»	60
		35.000

Въ послѣдніе годы значительно увеличилось еврейское населеніе, вѣроятно вслѣдствіе нѣкоторыхъ стѣсненій для нихъ въ Европѣ; въ особенности увеличивается прибытіе евреевъ изъ Россіи. Замѣчено также, что съ увеличеніемъ въ Иерусалимѣ еврейскаго населенія начало уменьшаться населеніе магометанское; считаютъ, что за послѣдніе два года магометанское населеніе уменьшилось почти на двѣ тысячи душъ. Исчисленное выше населеніе составляютъ постоянные жители города. Къ этому надобно прибавить еще поклонниковъ, которыхъ ежегодно прибываетъ въ Святѣмъ Градѣ всѣхъ вѣроисповѣданій до 8.000, изъ числа которыхъ—до 4.000 русскихъ.

Въ отношеніи климата, Св. Градъ, по отзывамъ

мѣстныхъ жителей, можно причислить къ числу здоровыхъ, благодаря высокому положенію Іерусалима. Пришлomu люду надо остерегаться употребленія сырой воды, въ особенности въ лѣтнее время, когда вода застаивается въ цистернахъ, и при закатѣ солнца не подвергаться сквозному вѣтру. Съ ноября начинаются дожди и продолжаются до апрѣля. Въ это время всѣ городскія цистерны наполняются водою на цѣлый годъ. Въ зимніе мѣсяцы иногда выпадаетъ снѣгъ, но на самое короткое время и долѣе двухъ дней не лежитъ. Начиная съ мая мѣсяца устанавливается жаркая лѣтняя погода, и тогда, въ особенности въ центрѣ стараго города, духота бываетъ ужасающая. Относительно палестинскихъ жаровъ нужно сказать, что все же рассказы о нихъ преувеличены, и тамъ они переносятся легче, чѣмъ жаркая пора у насъ въ средней и южной полосѣ Россіи. Постоянные жители Іерусалима говорили мнѣ, что надо только измѣнить режимъ въ это время года. Въ Палестинѣ въ лѣтнее время все населеніе встаетъ до восхода солнца и дѣятельность продолжается часовъ до десяти, много до одиннадцати. Потомъ всѣ удаляются въ комнаты съ запертыми жалюзи и остаются въ нихъ часовъ до 4-хъ. Съ этого времени опять начинается дѣятельность до сумерекъ и потомъ—наслажденіе южною теплою ночью. Въ это время года дуетъ большею частію сѣверный вѣтеръ, что значительно прохладяетъ воздухъ. Во время сильныхъ жаровъ термометръ рѣдко достигаетъ 30 градусовъ.

Что касается болѣзней, то приѣзжіе чаще всего страдаютъ отъ лихорадки и наживаютъ себѣ ревматизмы, въ особенности въ зимнее время, отъ сырыхъ помѣщеній; потомъ распространены еще глазныя бо-

лѣзни отъ сильнаго солнечнаго свѣта и мельчайшей пыли, которая вредно дѣйствуетъ на глаза.

Іерусалимъ съ своими ближайшими окрестностями, къ сѣверу до Наплузы, и вся южная часть Святой Земли образуютъ іерусалимское губернаторство, которымъ управляетъ паша, или губернаторъ, и мѣстопробываніе котораго—Іерусалимъ. Военная сила въ Іерусалимѣ невелика, всего около тысячи человѣкъ.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать въ Петербургѣ, что будто бы въ Іерусалимѣ много разныхъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ вѣдомствъ нашего русскаго правительства, что нѣтъ единенія власти и что между этими уполномоченными происходятъ недоразумѣнія, вредно отзывающіяся и на русскихъ, пребывающихъ въ Іерусалимѣ. Все это въ значительной степени преувеличено. Сколько я слышалъ и могъ замѣтить, никакихъ особенныхъ недоразумѣній не существуетъ и всякій добросовѣстно относится къ исполненію своей обязанности.

Представитель Россіи—генеральный консулъ—поставленъ въ Іерусалимѣ въ другія условія, нежели наши консулы въ Западной Европѣ и въ другихъ странахъ. Здѣсь нѣтъ никакихъ торговыхъ интересовъ; политическія задачи тоже не преслѣдуются, и все вниманіе нашего консула должно быть сосредоточено на духовныхъ интересахъ нѣсколькихъ тысячъ нашихъ поклонниковъ. Эти духовные интересы, конечно, надобно ограждать съ большимъ тактомъ со стороны консульскаго управленія, такъ какъ тутъ приходится, вѣроятно, сталкиваться съ греческою іерархіею, которая—съ расширеніемъ русскаго вліянія въ дѣлѣ устройства въ Іерусалимѣ богомольцевъ—лишается, можетъ быть, весьма порядочныхъ денежныхъ доходовъ. Нашъ консулъ долженъ съ большимъ так-

томъ вести дѣло, какъ въ сношеніяхъ съ греческимъ духовенствомъ, такъ и съ представителями нашей Духовной Миссіи. Кромѣ образованія и большого такта, консулъ долженъ обладать хладнокровіемъ и миролюбіемъ, чтобы въ сношеніяхъ своихъ съ почтеннѣйшими лицами нашей Духовной Миссіи проводить осторожно всѣ дѣла въ Патріархіи и у представителей турецкой власти. Мнѣ передавали, что при назначеніи въ 1858 году преосвященнаго Кирилла, епископа мелитопольскаго, начальникомъ Духовной Миссіи въ Іерусалимѣ, съ перваго же времени начались у него недоразумѣнія какъ съ греческимъ духовенствомъ, такъ и съ нашимъ генеральнымъ консуломъ. Такая рознь между консуломъ и представителемъ Духовной Миссіи, конечно, шла ко вреду общаго дѣла упроченія вліянія Россіи въ Палестинѣ. Надобно предполагать, что при нынѣшнемъ составѣ Консульства и Духовной Миссіи серьезныя недоразумѣнія не встрѣтятся. Консулъ въ Іерусалимѣ, кромѣ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ сношеній, является еще въ роли коменданта на русскихъ постройкахъ. Всѣ прибывающіе на русскія постройки паломники предъявляютъ свои паспорта въ канцелярію Консульства, куда сдаютъ на храненіе свои деньги, съ полученіемъ квитанціи отъ канцеляріи Консульства. Консулъ обязанъ слѣдить за исправнымъ содержаніемъ построекъ, за содержаніемъ больницъ и правильною жизнью всѣхъ паломниковъ на постройкахъ. Хотя для непосредственнаго за всѣми постройками надзора и назначено отдѣльное лицо отъ Палестинской Комиссіи при Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, но это лицо во всемъ подчинено мѣстному консулу.

Духовная Миссія состоитъ: изъ начальника Мис-

сії, архимандрита Антонина, двухъ іеромонаховъ, діакона и 6 пѣвчихъ. Миссія эта вѣдаетъ всѣми духовными дѣлами на постройкахъ и въ тѣхъ мѣстахъ Палестины, гдѣ устраиваются наши русскія православныя церкви. Кромѣ того, начальникъ Миссіи, о. Антонинъ, непосредственно управляетъ всѣми участками земли и построенными на нихъ домами, которые онъ пріобрѣталъ и устраивалъ на получаемые съ разныхъ концовъ Россіи капиталы.

Уполномоченный отъ Православнаго Русскаго Палестинскаго Общества завѣдуетъ всѣми постройками, которыя возводятся въ настоящее время на капиталы этого Общества. Лицо это дѣйствуетъ самостоятельно и не подчинено мѣстному консулу.

Изъ вышеизложеннаго видно, что лица, назначаемыя отъ разныхъ учреждений, исполняютъ каждое свои обязанности почти независимо одно отъ другого, и только при неспокойствіи характеровъ могутъ происходить серьезныя столкновенія. При этомъ само собою разумѣется, что всѣ сношенія отдѣльныхъ лицъ съ турецкимъ правительствомъ происходятъ черезъ консула.

Мнѣ не случалось никогда имѣть какія-либо сношенія съ нашими консулами въ Западной Европѣ. Много было писано разныхъ нареканій на то, что они недоступны, каждый изъ себя представляетъ начальство съ титуломъ превосходительства, и не только всегда черезъ-чуръ невнимательны, но даже дерзки съ тѣми, кто къ нимъ обращается съ какою-либо просьбой. Совсѣмъ не то мнѣ пришлось встрѣтить въ Іерусалимѣ. Съ перваго дня моего пріѣзда въ Святой Градъ, со стороны нашего консула, многоуважаемаго Дмитрія Николаевича Бухарова, мнѣ было оказано во всемъ полное вниманіе, радушіе, наставленіе и ограж-

деніе во всѣхъ моихъ поѣздкахъ по окрестностямъ Іерусалима. Я—лицо не высокопоставленное—пріѣхалъ безъ особенныхъ рекомендательныхъ писемъ; слѣдовательно оказанная мнѣ предупредительность со стороны г. консула оказывается не мнѣ одному, а всѣмъ прибывающимъ русскимъ путешественникамъ. Люди болѣе практичныя въ путешествіяхъ говорятъ, что будто-бы любезность нашихъ консуловъ къ своимъ соотечественникамъ растетъ въ обратномъ отношеніи разстоянія ихъ отъ Петербурга: чѣмъ ближе къ столицѣ, тѣмъ они недоступнѣе; чѣмъ дальше, тѣмъ обходительнѣе. Не знаю, въ какой степени мнѣніе это справедливо, но повторяю—мнѣ лично пришлось испытать на себѣ полное вниманіе. какъ со стороны г. консула, такъ и всѣхъ лицъ Консульскаго Управленія, а потому и приношу мою искреннюю благодарность глубокоуважаемому нашему консулу Д. Н. Бухарову и всѣмъ лицамъ Консульскаго Управленія. Мнѣ остается притомъ искренно желать, чтобы всѣ распускаемые слухи о несогласіяхъ и враждебныхъ отношеніяхъ между Консульствомъ и почтенными членами нашей Духовной Миссіи были неосновательны, и чтобы миръ и согласіе царили въ этомъ уютномъ русскомъ уголкѣ, на пользу святого дѣла—помощи русскимъ паломникамъ и упроченія русскаго вліянія въ Палестинѣ.

Насталъ послѣдній день моего пребыванія въ Святомъ Градѣ. Въ 11 часовъ я отправился къ блаженнѣйшему патріарху Никодиму поблагодарить его за вниманіе ко мнѣ и получить отъ него благословеніе. Полтора часа прошло въ бесѣдѣ съ почтеннѣйшимъ владыкой, который съ особеннымъ чувствомъ искренней благодарности говорилъ о нашемъ Императорѣ и обо всей Россіи; при этомъ патріархъ съ глубокою

горестію выразился, что его напрасно обвиняютъ въ охлажденіи къ Россіи; преданность, любовь и благодарность къ Россіи будутъ въ немъ существовать до послѣднихъ дней его жизни. Патріархъ благословилъ меня иконой Богоматери и подарилъ мнѣ на память прекрасный свой фотографическій портретъ.

Отъ патріарха я прошелъ къ почтеннѣйшему и всѣми уважаемому начальнику нашей Духовной Миссіи—о. Антонину. Въ бесѣдѣ съ этимъ разумнымъ человѣкомъ не замѣтилъ, какъ пролетѣло болѣе часу.

Я желалъ, когда спадетъ жара, обойти и поклониться въ послѣдній разъ святынямъ въ храмѣ Гроба Господня и потомъ проѣхать къ мѣсту священнаго ложа Богоматери и въ послѣдній разъ взглянуть съ Елеонской горы на Святой Градъ и всю окружающую мѣстность Іерусалима. О. Антонинъ предложилъ мнѣ своего каваса сопровождать меня въ эту послѣднюю поѣздку. Прощаясь съ о. Антониномъ, я отъ души пожелалъ ему успѣха въ его ученыхъ археологическихъ открытіяхъ и еще съ большимъ успѣхомъ приобрѣтать мѣста, освященные священно-историческими событіями, и воздвигать на нихъ пріюты, школы и храмы, которые создадутъ прочную силу и вліяніе русскихъ въ Палестинѣ, а имя его будетъ произноситься съ глубокимъ уваженіемъ отдаленными потомками.

Въ 3 часа я, въ сопровожденіи каваса, пошелъ черезъ Яффскія ворота по знакомымъ уже мнѣ улицамъ къ храму Гроба Господня. Спустившись на послѣднюю площадку передъ храмомъ, залитую солнцемъ, я остановился нѣкоторое время передъ этою святынею; мнѣ хотѣлось глубже запечатлѣть въ памяти всѣ подробности входа въ этотъ святѣйшій изъ храмовъ.—Двери распахнулись, и святыя стѣны храма

приняли меня уже какъ стараго знакомаго. Я началъ обходить съ храма Воскресенія и переходилъ отъ одной святыни къ другой; Голгова и Гробъ Господень были послѣдними, передъ которыми я преклонилъ колѣни. Мнѣ было горько разставаться съ этими святынями и хотѣлось на вѣки запомнить все видѣнное...

Выйдя изъ храма и поднявшись съ площадки на первыя ступени, ведущія въ Христіанскую улицу, мы прошли разными узкими переулками къ Дамаскимъ воротамъ. Здѣсь ожидали насъ осель для меня и лошадь — для каваса. Солнце хотя и спустилось уже къ западу, но все еще сильно припекало своими жгучими лучами; тишина въ воздухѣ была необыкновенная. Усѣвшись на приготовленнаго мнѣ осла, а каваса на лошадь, мы направились къ пещерѣ Богоматери. Приближаясь къ этому святому мѣсту, мы опять встрѣтили много прокаженныхъ, которые провожали насъ пронзительными криками: «Хаваджи!» Самое черствое сердце не устоитъ предъ этимъ воплемъ; нельзя не дать этимъ несчастнымъ хотя небольшую крупицу, чтобы они могли утолить свой голодъ. — Приблизившись къ гроту Богоматери, мы спѣшились и начали спускаться къ мѣсту святого ложа. Сотворивъ молитву и облобызавъ святой гробъ, мы вышли изъ грота и, усѣвшись на нашихъ буцефаловъ, начали подниматься на вершину Елеонской горы. Достигнувъ вершины, я пошелъ опять на плоскую крышу Антониновской постройки, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть съ этой святой горы на всю окружающую мѣстность. Опять передо мной — нагроможденная масса Іудейскихъ горъ съ восточной стороны, съ узкою лентою растительности по теченію р. Іордана, въ концѣ которой широкою площадью сверкало Мертвое море. Такъ какъ солнце клонилось уже зна-

чительно къ западу, то вся эта мѣстность была не слишкомъ ярко освѣщена. Зато съ противоположной, западной стороны весь разстилавшійся Іерусалимъ утопалъ въ горячихъ лучахъ заходящаго палестинскаго солнца: небо горѣло яркими красками заката и весь городъ освѣщался розовато-лиловымъ блескомъ небеснаго свѣтила. Но этотъ Іерусалимъ, разоренный, бѣдный — далеко не тотъ, который былъ во времена Спасителя! Нѣтъ тѣхъ роскошныхъ дворцовъ и богатыхъ храмовъ съ золотыми крышами, нѣтъ великолѣпныхъ мраморныхъ башенъ, придававшихъ видъ торжества, могущества и величія этому городу. По исторіи извѣстно, что іудейскіе и языческіе путешественники останавливали на Елеонской горѣ своихъ коней и всегда съ восторгомъ нѣмого изумленія глядѣли на это дивное диво. Іерусалимъ въ то время считался однимъ изъ чудесъ міра и представлялъ изъ себя неизмѣримо болѣе великолѣпное зрѣлище, чѣмъ разоренный и ветхій городъ настоящаго времени. Съ этой-то Елеонской горы Іисусъ Христосъ предъ страданіями Своими въ послѣдній разъ смотрѣлъ на пышный, величавый городъ и горько плакалъ о немъ. При этомъ Іисусъ сказалъ окружающимъ Его ученикамъ: *«видите ли все это? Истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ, все будетъ разрушено (ев. Матѳ. 24, 2).* И дѣйствительно, черезъ 70 лѣтъ отъ Рождества Христова и черезъ 40 лѣтъ отъ Его вознесенія, исполнилась предсказанная Имъ кончина Іерусалима. Все прежнее, все, что составляло величіе и славу этого города, разрушено, и несмотря на протекшіе уже 19 вѣковъ, городъ лишенъ даже тѣни былой своей славы.

На Елеонской горѣ мы не встрѣтили никого, исключая рабочихъ, которые трудились надъ соору-

женіемъ св. храма во имя равноапостольной Маріи-Магдалины, сооружаемаго на собственныя средства членовъ нашей Императорской Фамиліи.

Съ Елеонской горы я проѣхалъ черезъ Сіонъ на русскія постройки, куда и возвратился еще до заката солнца.

Распорядившись, чтобы къ 6 часамъ утра слѣдующаго дня былъ мнѣ нанятъ экипажъ до Яффы, я отправился къ почтеннѣйшему нашему консулу провести у него послѣдній вечеръ. Здѣсь я встрѣтилъ Сергѣя Ивановича, который съ семействомъ тоже долженъ былъ выѣхать изъ Іерусалима въ Яффу, но оказалось, что спутники мои предположили выѣхать на другой день послѣ обѣда, чтобы избѣжать дневной жары во время переѣзда. Вечеръ прошелъ незамѣтно въ пріятной бесѣдѣ съ семействомъ нашего консула и его ближайшихъ сотрудниковъ. Въ 9 часовъ, распрощавшись съ нашимъ консуломъ и поблагодаривъ всѣхъ за оказанное мнѣ вниманіе и расположеніе, я отправился въ свое помѣщеніе, чтобы провести послѣднюю ночь въ Святомъ Градѣ и съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня отправиться въ обратный путь.

ГЛАВА VII.

Отъ Іерусалима черезъ Яффу, Бейрутъ, Триполи, Александретту, Мерсину, Смирну до Константинополя.

На другой день стукъ въ дверь разбудилъ меня. Было уже 5 часовъ. Я поспѣшилъ открыть жалюзи и окно, и глазамъ моимъ представилась въ послѣдній разъ чудная Елеонская гора, освѣщенная золотистыми лучами восходящаго солнца. Наскоро приведя въ порядокъ свое имущество, я торопился выѣхать, чтобы къ полудню быть въ Яффѣ. У крыльца экипажъ мой былъ уже готовъ, и, отказавшись отъ предложеннаго мнѣ самовара, я простился съ смотрительницею дома и прислугою, усѣлся въ нѣмецкую каруцу и выѣхалъ за ворота русскихъ построекъ. Тройка лошадей направилась по яффской дорогѣ. Въ послѣдній разъ взглянулъ я на Святой Градъ. Онъ исчезъ отъ насъ за холмомъ и начались спуски съ довольно длинной горы. Дорога изъ Іерусалима въ Яффу вообще удобнѣе и легче, нежели изъ Яффы въ Іерусалимъ, такъ какъ въ первый путь она идетъ подъ гору, а во второмъ — въ гору. Каруца нѣмецкая, экипажъ весьма

удобный, шестимѣстный и въ немъ нѣтъ духоты, такъ какъ бока задерживаются парусиною и всегда есть движеніе воздуха; притомъ можно задерживать только съ наветренной стороны. Цѣна за проѣздъ тоже недорога: за цѣлый экипажъ съ тройкою лошадей платится 22 и 24 франка. Возница мой оказался тотъ же самый, что везъ меня и въ первый разъ — русскій еврей изъ Бессарабіи. Какъ я ни допрашивалъ его, зачѣмъ онъ улизнулъ изъ Россіи, онъ не говорилъ, хотя увѣрялъ меня, что выѣхалъ изъ Россіи добровольно, чтобы навсегда поселиться въ землѣ своихъ праотцевъ. По дорогѣ встрѣчалось много женщинъ-арабокъ, которыя несли на головѣ большія тяжести съ припасами на іерусалимскій рынокъ; много осликовъ, навьюченныхъ травою и хворостомъ; верблюды, обремененные тяжелыми камнями для іерусалимскихъ построекъ; всѣ эти разнообразныя группы, столь обыкновенныя для постоянныхъ мѣстныхъ восточныхъ жителей, казались до нельзя оригинальными на взглядъ заѣзжаго европейца. Черезъ часъ съ четвертью мы доѣхали до *Калони*, гдѣ возница мой просилъ позволенія дать лошадямъ небольшой отдыхъ, такъ какъ отъ Калони до Рамлы остановки не будетъ. Я охотно на это согласился, тѣмъ болѣе, что еще не пилъ чаю, и велѣлъ приготовить самоваръ и сварить яицъ въ смятку. Черезъ 15 минутъ все было подано весьма чисто. Арабъ, содержатель этого постоялаго двора — весьма расторопный, услужливый малый, воспитанникъ католической школы.

Черезъ часъ я уже опять сидѣлъ въ своей каруцѣ, и мы катили дальше по знакомой мнѣ дорогѣ. На этомъ пути встрѣчалось уже гораздо менѣе всякаго люда и мѣстность казалась болѣе пустынной. Съ каждымъ часомъ теплота въ воздухѣ усиливалась,

и не было ни малѣйшаго вѣтра. Проѣхали Абугошъ и достигли селенія Сарисъ, расположеннаго на одной изъ высшихъ точекъ Іудейскихъ горъ. — Приказавъ остановиться здѣсь экипажу, я любовался окружающею мѣстностью: съ трехъ сторонъ — скалы, нагроможденныя одна надъ другой, а съ западной стороны видно безпредѣльное Средиземное море и Яффа. Далѣе проѣхали мимо селенія Латруна и начали спускаться въ Соронскую долину. Въ 12 часовъ дня мы добрались до Рамлы, и гдѣ возница имѣлъ намѣреніе опять кормить лошадей. Между тѣмъ полуденная жара сильно усилилась, и нельзя было оставаться на открытомъ воздухѣ. Я вошелъ въ гостиницу, содержащую нѣмцевъ, и спросилъ себѣ чашку кофе. — Милліоны мухъ наполняли комнату, и надо было постоянно отмахиваться; между тѣмъ время тянулось безконечно, и я съ нетерпѣніемъ желалъ поскорѣе добраться до Яффы и отдохнуть въ тѣнистой комнатѣ. Ровно въ часъ мы выѣхали изъ Рамлы и въ 2½ часа ѣхали уже между прелестными фруктовыми садами Яффы; потомъ, въѣхавъ въ самый городъ, разными переулками добрались до моря; здѣсь мой багажъ на рукахъ перенесли черезъ темные переходы въ глухой проулокъ, откуда входъ въ *Русскій странноприимный домъ*. Мнѣ отвели тамъ очень чистую комнату, съ прекрасною кроватью, чистымъ бѣльемъ и бѣлымъ надъ нею пологомъ отъ москитовъ; изъ комнаты, былъ выходъ на террасу съ прелестнымъ видомъ на море. Парохода Русскаго Общества еще не было; онъ долженъ былъ придти утромъ на разсвѣтѣ. Море было гладко какъ зеркало, и я только того и желалъ, чтобы оно было такъ же дивно покойно въ продолженіе двухъ предстоящихъ недѣль нашего перехода отъ Яффы до Одессы.

Я просилъ смотрительницу дома приготовить мнѣ что-нибудь закусить, а пока послалъ челоуѣка купить яффскихъ апельсинъ, чтобы въ послѣдній разъ насладиться этимъ чудеснѣйшимъ плодомъ на мѣстѣ его произрастанія.

Когда жаръ немного упалъ, я отправился къ нашему вице-консулу (онъ-же и агентъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли) Николаю Николаевичу Тимоееву, — съ которымъ имѣлъ удовольствіе познакомиться въ Іерусалимѣ, куда онъ пріѣзжалъ по своимъ служебнымъ дѣламъ, — чтобы узнать отъ него болѣе подробныя свѣдѣнія объ отходящемъ на другой день пароходѣ.

Къ 7 часамъ смотрительница приготовила мнѣ прекрасный супъ изъ курицы и жареную курицу; потомъ мнѣ подали самоваръ на террасу, откуда я долго любовался на прелестное, тихое море, въ особенности когда взошла луна и въ легкой морской зыби засверкало ея отраженіе. Около 10 часовъ отправился спать, чтобы на другой день по приходѣ парохода перебраться на него и устроиться тамъ для двухъ-недѣльнаго плаванія.

На другой день, рано утромъ, я вышелъ на террасу посмотреть, въ какомъ положеніи море и пришелъ ли нашъ пароходъ «Одесса». Море было какъ зеркало и пароходъ стоялъ передъ Яффой; около него кружилось много лодокъ, принимая и сдавая грузы. Хотя меня море и не укачиваетъ, но все какъ будто отраднѣе, когда оно въ спокойномъ состояніи, и на душѣ веселѣе, когда скользишь по гладкой его поверхности, а не видишь передъ собою вздымающіеся хребты грозныхъ волнъ. — Въ эту же ночь пріѣхалъ изъ Яффы и мой спутникъ Сергѣй Ивано-

вичъ съ своимъ семействомъ, и тоже остановился въ Русскомъ страннопріимномъ домѣ.

Послѣ чая я отправился въ Агентство Русскаго Общества взять билетъ на проѣздъ до Одессы и переговорить съ агентомъ о переѣздѣ на пароходъ, чтобы избѣжать таможенныхъ придирокъ при осмотрѣ вещей, и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось поскорѣе устроиться на пароходѣ для продолжительнаго плаванія и съ парохода уже наслаждаться дивною картиною моря и упиваться чуднымъ морскимъ воздухомъ. Въ Агентствѣ задержали меня недолго. Получивъ съ меня за билетъ 1-го класса отъ Яффы до Одессы, съ продовольствіемъ, 392 франка золотомъ, мнѣ предложили лодку для переѣзда на пароходъ. Возвратясь на свою квартиру, я собралъ небольшое свое имущество, опустилъ въ кружку нѣкоторую сумму за пребываніе въ страннопріимномъ домѣ¹⁾ и направился на набережную къ дому Агентства. Такъ какъ погода стояла тихая, то переѣздъ въ лодкѣ до парохода черезъ опасные береговые каменные рифы совершился благополучно, и въ 11 часовъ я былъ уже на пароходѣ.

Пароходъ «Одесса» хотя и старый, но въ послѣдніе годы передѣланъ заново; поставлена новая машина съ котлами, внутренняя отдѣлка каютъ возобновлена; пароходъ не представляется съ виду старымъ и производитъ пріятное впечатлѣніе на пассажира. Каютъ-компанія внизу довольно обширная; изъ нея по обѣимъ сторонамъ расположены по четыре каюты съ каждой стороны и кромѣ того еще двѣ каюты въ кормовой части парохода. Каюты довольно обширны; въ боковыхъ каютахъ стоятъ по

¹⁾ За пребываніе въ страннопріимномъ домѣ никакой платы не платится, а всякій по желанію опускаетъ въ кружку по своимъ средствамъ.

двѣ желѣзныя кровати, между кроватями — умывальникъ; у стѣны надъ кроватями — небольшія сѣтки для укладки мелкихъ вещей, и остается еще столько свободнаго мѣста, что каждый изъ пассажировъ можетъ помѣстить небольшой кофрѣ. Надъ каютъ — компаніей помѣщается небольшая рубка и отдѣльная комната для куренія. Второй классъ помѣщенъ тоже весьма удобно, только въ каютахъ этого класса нѣтъ отдѣльныхъ желѣзныхъ кроватей, а спальныя койки размѣщены одна надъ другой, какъ на австрійскомъ пароходѣ «Данаѣ» — въ каютахъ 1-го класса. Для пассажировъ 3-го класса помѣщеніе внизу крытое и весьма обширное. Весь пароходъ, какъ видно, содержится весьма опрятно. Капитанъ парохода Александръ Викентьевичъ Рыжій — старый опытный морякъ, и это служило намъ нравственнымъ ручательствомъ въ благополучномъ плаваніи.

Приведя въ порядокъ свое имущество въ отвѣденной мнѣ каютѣ, я отправился на верхнюю рубку, надъ которой былъ натянутъ тентъ, слѣдить за движеніемъ вокругъ парохода. Лодки переполненныя нашими богомольцами, возвращавшимися изъ Іерусалима на родину, приставали къ пароходу, и паломники высаживались на пароходъ безъ всякихъ притѣсненій со стороны лодочниковъ; между тѣмъ какъ года два-три тому назадъ арабы страшно притѣсняли поклонниковъ, требуя съ нихъ произвольную возвышенную плату. Въ 12 часовъ подали отличный завтракъ на рубкѣ, за которымъ публики было до четырехъ человѣкъ вмѣстѣ съ капитаномъ. Послѣ полудня начали сѣзжаться пассажиры, оживленіе на пароходѣ усиливалось: кромѣ приѣма грузовъ и пассажировъ, команда приготавлилась къ дальнему плаванію, приводя въ порядокъ всѣ пароходныя при-

надлежности. Пассажиры тоже суетились, устраиваясь поудобнѣе, въ особенности пассажиры 3-го класса. Такъ какъ въ числѣ пассажировъ 3-го класса было много мусульманъ, то капитанъ парохода распорядился, чтобы мусульмане были помѣщены въ отдѣльное помѣщеніе. Въ числѣ пассажировъ находился и мой спутникъ на Іорданъ, ново-іерусалимскаго монастыря іеромонахъ Антоній. Когда пассажиры были уже въ сборѣ, то передъ отходомъ парохода іеромонахъ Антоній отслужилъ на палубѣ молебень о благополучномъ путешествіи. Наконецъ все было готово къ отплытію: начали поднимать якорь; команда вся была на своихъ мѣстахъ; взоры всѣхъ пассажировъ были устремлены на оставляемую нами мѣстность. Въ мысляхъ моихъ смѣнялись картины всего видѣннаго въ минувшія двѣ недѣли, и особенно глубокое чувство радовало мою душу сознаниемъ, что завѣтная мечта исполнилась: я былъ въ Святой Землѣ, я поклонился Гробу Господню и Гробу Богоматери.

Было 5 часовъ, когда раздался послѣдній свистокъ капитана; вода запѣнилась подъ винтомъ парохода, и мы двинулись въ безпредѣльную даль. Погода была дивная, море — какъ зеркало. Всѣ пассажиры были видимо въ хорошемъ настроеніи, предчувствуя по крайней мѣрѣ начало благополучнаго плаванія. По мѣрѣ отдаленія нашего отъ Яффы, послѣдняя становилась все миниатюрнѣе и наконецъ казалась отдаленною бѣлою точкою. По мѣрѣ отдаленія нашего отъ берега, я всматривался въ убѣгающія отъ насъ очертанія Іудейскихъ горъ, покрытыхъ синевато-фіолетовою тѣнью и какъ бы подернутыхъ легкимъ туманомъ. Тамъ оставалась для насъ жизнь непонятнаго прошлаго и грустная, тѣснящая душу

жизнь настоящего, въ которую нѣтъ надобности вглядываться, углубляться,—она показываетъ себя на лицо съ перваго взгляда. Настоящая жизнь Иерусалима и всей Палестины—не та жизнь, которую завѣщалъ Спаситель: жизнь мира и любви! Эти святые мѣста попираются интригами, любостязаніемъ, корыстолюбіемъ и всѣми мірскими пороками, взамѣнъ благочестія, спокойствія и любви къ ближнему. Долго смотря на смѣняющіеся силуэты синеватыхъ горъ, мысли мои невольно были въ тѣхъ мѣстахъ, которыя я оставлялъ навсегда.—Колокольчикъ, призывавшій къ обѣду, прервалъ эти размышленія и я пошелъ въ каютъ-компанію.

Пассажиры занимали мѣста за двумя столами. Какъ большею частію бываетъ, всѣ размѣщались по національностямъ и въ извѣстномъ кружкѣ знакомыхъ. Пассажирами 1-го класса были: семейство Сергѣя Ивановича съ женою и двумя очень милыми мальчиками; инженеръ-механикъ, возвращающійся по болѣзни изъ кругосвѣтнаго плаванія, съ которымъ я вмѣстѣ и помѣстился въ каютѣ; три нѣмца, четыре англичанки, весьма некрасивыя, и три англичанина. Любезный капитанъ предсѣдательствовалъ за нашимъ столомъ. Обѣдъ показался мнѣ необыкновенно вкуснымъ послѣ двухъ-недѣльнаго пребыванія въ Палестинѣ, гдѣ большею частію приходилось жить впроголодь. Бесѣда была оживленная, и капитанъ сообщилъ намъ, что въ продолженіе всего нашего морского путешествія мы будемъ идти только ночью, а днемъ большею частью будемъ стоять въ портахъ для сдачи и приема грузовъ, чему мы были, конечно, очень рады, такъ какъ предстояла возможность ближе ознакомиться съ такими городами, какъ Смирна и Бейрутъ; въ послѣдній мы должны были прибыть на

другой день, въ четвергъ 30-го апрѣля, часовъ въ 5 утра.

Послѣ обѣда я отправился опять на рубку, чтобы любоваться встрѣчающимися видами. Картина не измѣнялась: по берегу высились цѣпи Ливанскихъ горъ; около 9 часовъ вечера прошли гору Кармель, крутымъ обрывомъ спускающуюся къ морю, на вершинѣ которой стоитъ католическій монастырь и маякъ. Высота горы Кармель простирается до 1.800 футъ надъ морскою поверхностью, и гора эта, какъ мнѣ передавали, покрыта густымъ лѣсомъ, въ особенности съ восточной стороны: дубъ, миртъ и дрокъ — господствующія породы, а равно много и виноградниковъ; въ лѣсу и въ пещерахъ въ большомъ количествѣ волятся: пантеры, кабаны, гіены и шакалы. Католическій монастырь кармелитовъ на этой горѣ причисляется къ числу древнѣйшихъ монастырей. Монахи этого монастыря производятъ свой орденъ отъ самого Елисея, получившаго во владѣніе пещеру пророка Илии. Наступившая темнота и отдаленность отъ берега не позволили видѣть прелестный заливъ, на берегу котораго вытянулся городокъ *Кайфа* и въ недалекомъ отъ него разстояніи крѣпостца *Сень-Жанъ-д'Акръ* или иначе называемая *Акра*. Очень жаль, что пароходы не заходятъ въ Кайфу, гдѣ могли бы принимать паломниковъ, возвращающихся иногда прямо изъ Назарета.

Вечерній чай подали многимъ на верхнюю рубку; вечеръ былъ такъ хорошъ, что жаль было спускаться опять въ каюту. Взошедшая луна необыкновенно эффектно освѣтила нагорную полосу Галилеи, мимо которой мы проходили, и разливала свой восхитительный блескъ на всю морскую безконечную даль. Поздно ночью мы должны были пройти прибрежную часть

древней Финикии, гдѣ расположены Тиръ и Сидонъ, нынѣ представляющіе изъ себя жалкія деревушки.

Въ 11 часовъ всѣ начали расходиться по своимъ каютамъ.

На другой день около пяти часовъ утра мы почти всѣ были разбужены усиленнымъ движеніемъ на пароходѣ: выгружали изъ трюма товары посредствомъ парового крана; сильный говоръ и крикъ около парохода и на самомъ пароходѣ давалъ знать, что мы бросили якорь въ Бейрутѣ. Выйдя на палубу, я поразился прелестною картиною: столица Сирии—Бейрутъ раскинулся амфитеатромъ по побережью моря со множествомъ садовъ у окраинъ города; узкая каменная набережная окаймляетъ городъ со стороны моря; дома довольно высокіе, съ плоскими крышами, надъ которыми выдается нѣсколько христіанскихъ церквей; на заднемъ планѣ города тянется цѣпь Ливанскихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ; въ общемъ картина очень живописная. Наслушавшись наканунѣ о красотѣ Бейрута и его базарахъ, на которыхъ продается много произведеній Дамаска и Алеппо, о серебряныхъ и золотыхъ мѣстныхъ издѣліяхъ, о его чудной «Пиніевой» рощѣ и т. п., мы рѣшили послѣ завтрака отправиться на берегъ; притомъ капитанъ парохода объявилъ намъ, что пароходъ будетъ стоять на рейдѣ до 6 часовъ вечера—значить, времени впереди было много и можно было ознакомиться съ замѣчательностями города.

Я рѣшилъ произвести осмотръ города въ два приѣма: сначала осмотрѣть соборъ, базары и магазины, а потомъ въ экипажѣ прокатиться за городъ. Но и здѣсь, какъ въ Константинополь, не зная мѣстныхъ—арабскаго или греческаго—языковъ, нельзя пускаться осматривать городъ, а потому мнѣ оказалъ большую

любезность въ этомъ одинъ изъ служащихъ на пароходѣ, знающій оба мѣстные языка, и мы послѣ кофе отправились осматривать городъ.

Во все время стоянки парохода масса лодокъ окружала его, предлагая ѣхать на берегъ, а вступивъ на почву Бейрута, насъ осадили разные гиды, предлагающіе свои услуги для указанія достопримѣчательностей города. Мы отклонили эти любзныя предложенія и отправились прежде всего осмотрѣть греческій соборъ Св. Георгія.—Церковь довольно обширная, съ тремя придѣлами; главный иконостасъ изъ рѣзного дерева, съ образами стараго византійскаго письма; два ряда четырехугольныхъ колоннъ, стѣны выбѣлены и украшены лампадами и страусовыми яйцами; кругомъ храма—хоры и въ общемъ церковь довольно величественна. Изъ храма мы пошли по главнымъ улицамъ, довольно широкимъ, застроеннымъ очень хорошими домами, съ прекрасными палисадниками, въ которыхъ росли мирты, жасмины, розы, миндальные, гранатовыя и апельсиновые деревья. Изъ главныхъ улицъ приходилось проходить и узкими проулками, на которыхъ расположено множество лавокъ съ серебряными и золотыми издѣліями. Въ одной изъ этихъ лавокъ я купилъ два дамскихъ браслета арабскаго фасона, очень мелкой филигранной, чистой работы и относительно недорого. Потомъ прошли на базары, въ центръ азіатской жизни и дѣятельности, гдѣ сосредоточивается вся жизнь мѣстнаго магометанскаго населенія. Въ этихъ лавкахъ масса разнаго товара—съ фабрикъ Дамаска, Алеппо и Бейрута: шерстяныя, бумажныя и шелковыя матеріи, затканныя золотомъ, для мебелировки и для украшенія комнатъ, отличные ковры—все это не особенно дорого, но покупать невозможно, потому что, по

возвращеніи въ Россію, пришлось бы платить большія пошлины. Возвращаясь съ базаровъ, зашли въ фотографію и купили нѣсколько видовъ Бейрута. Такъ какъ въ Бейрутѣ живетъ много христіанъ, то мы встрѣчали женщинъ съ открытыми лицами, но женщины эти не могутъ похвастаться своею красотой: черты слишкомъ рѣзки и однообразны, лица болѣею частью загорѣлыя и носы довольно длинные — типъ гречанокъ. Движеніе въ городѣ было довольно большое; попадались очень хорошіе европейскіе экипажи, масса ословъ, на которыхъ сидѣли верхомъ мусульманки, прикрытыя чадрами, а равно турки и арабы въ своихъ національныхъ костюмахъ, съ широкими шарфами разныхъ цвѣтовъ вокругъ стана, а нѣкоторые съ бѣлыми или зелеными тюрбанами на головахъ. Въ центрѣ города, въ одной изъ улицъ мы проходили мимо длиннаго ряда мастерскихъ, въ которыхъ рабочіе сидѣли за ткацкими станками и ткали руками разнообразныя шелковыя матеріи съ затканными золотомъ рисунками. Въ отдаленныхъ узкихъ улицахъ, гдѣ живетъ болѣе бѣдный людъ, дома въ видѣ четырехъ-угольныхъ башенокъ или продолговатыхъ изъ камня сараевъ съ нѣсколькими сводами, гдѣ ремесленники открыто занимаются своими работами. — Но время приближалось къ завтраку, и мы спѣшили на пароходъ.

Часовъ около 3-хъ я съ Сергѣемъ Ивановичемъ отправились опять на берегъ съ цѣлью взять экипажъ, проѣхать въ Пиніеву рощу и взглянуть на окрестности Бейрута.

«Пиніева», или сосновая, роща расположена за городомъ въ прелестной широкой долинѣ, къ которой ведетъ отличная шоссированная дорога, и эта дорога служитъ мѣстомъ катанья и загородныхъ прогулокъ. Вдоль этой дороги выстроены кофейни, предъ

которыми подъ навѣсами сидитъ масса всякаго люда, курятъ, пьютъ кофе и любятъ на проѣзжающихъ. Мы ѣхали въ такое время дня, когда еще была сильная жара, а потому катающейся публики не было — она является около 6—7 часовъ, когда жара уже спадаетъ. Долина, къ которой мы приблизились, тянется на необъятное пространство въ длину, по протяженію Ливанскаго хребта и въ ширину болѣе чѣмъ на 10 верстъ до самой подошвы Ливана. Долина эта на все видимое пространство, кромѣ Пиніевой роши, покрыта листовными лѣсами, садами, фруктовыми деревьями и большими плантаціями виноградниковъ. Мы вышли изъ экипажа и гуляли въ этой рошѣ, гдѣ устроены бесѣдки, множество столиковъ и стульевъ, зданіе ресторана и павильонъ для оркестра. Чтобы утолить жажду, мы спросили сельтерской воды, которая оказалась очень порядочной. Изъ Пиніевой роши мы прокатились между садами, которые, какъ и въ Яффѣ, вмѣсто каменныхъ заборовъ, во многихъ мѣстахъ обсажены громадными кактусами. *Кактусъ опуція*, достигающій иногда огромныхъ размѣровъ, служитъ лучшею изгородью. Его листья, въ видѣ большихъ тарелокъ темнозеленаго цвѣта, плотно соединены между собою ребрами и самые листья устьяны пучками длинныхъ жесткихъ иголъ. Размножается онъ очень просто: сорвавъ листь, втыкаютъ его ребромъ, въ землю, и онъ продолжаетъ расти безъ всякаго дальнѣйшаго ухода. Надобно замѣтить, что верблюды охотно ѣдятъ эти листья, не смотря на ихъ довольно большія иглы.

Отъ великолѣпной долины, гдѣ мы насладились прелестнымъ видомъ и чуднымъ, живительнымъ весеннимъ воздухомъ сирійской флоры, мы проѣхали къ мѣсту, гдѣ, по преданію, обиталъ чудовищный змѣй,

пожиравшій людей, и гдѣ этотъ змѣй былъ пораженъ св. великомученикомъ Георгіемъ. Дорога къ этому мѣсту шла отдаленною частію города, узкими, довольно изрытыми улицами, и наконецъ мы подѣхали къ небольшой мусульманской мечети. Арабка-привратница впустила насъ черезъ узкую калитку въ небольшой дворикъ молельни, усаженный апельсинными и лимонными деревьями съ нѣсколькими кустами розъ; когда же мы пожелали войти въ молельню, она начала требовать, чтобы мы сняли сапоги. Мы этому воспротивились и показывали ей, что ноги наши чисты, такъ какъ мы пріѣхали въ экипажѣ. Приличный бакшишъ убѣдилъ арабку, и мы беспрепятственно вошли въ молельню, которая оказалась внутри не особенно чистой. Во всю ширину мечети протянута зеленая шелковая занавѣсь, на которой вышиты золотомъ двѣ арабскія надписи, означающія, какъ намъ передали, въ переводѣ, слѣдующее: *«Во имя Бога всемогущаго и всемилосерднаго»* а другая — ниже: *«Занавѣсь сія въ воспоминаніе пророка Георгія, да будетъ надъ нимъ миръ»*. Кѣмъ и какъ давно устроена эта занавѣсь — мы не могли добиться отвѣта. За этой занавѣсью поставлены два турецкихъ знамени. Не въ дальнемъ разстояніи отъ зеленой занавѣси лежитъ на полу небольшой овальный камень, около аршина въ длину, и намъ передали, что будто бы этотъ камень служилъ изголовьемъ великомученику Георгію; камень этотъ въ большомъ почетѣ и у мусульманъ. Около мечети показали намъ цѣлебный источникъ, который будто бы явился подъ алтаремъ прежде существовавшей здѣсь церкви во имя св. Георгія, построенной царемъ въ память дочери, спасенной отъ смерти св. Георгіемъ. Источникъ содержится въ большомъ порядкѣ; надъ нимъ устроенъ хорошій навѣсъ изъ камня и на цѣпи

хорошей работы металлическій стаканъ для питья воды, которая оказалась прозрачною, чистою и вкусною. Мусульмане очень уважаютъ это освященное преданіемъ мѣсто, и были примѣры, что они позволяли православнымъ священникамъ въ самой мечети служить молебны великомученику Георгію. Заплативъ арабкѣ, смотрительницѣ мечети, приличный бакшишъ, мы возвратились на пароходъ какъ разъ къ самому обѣду.

За обѣдомъ капитанъ объявилъ намъ, что по случаю большой погрузки солдатъ и барановъ, которыхъ слѣдовало перевезти въ Смирну, пароходъ отойдетъ изъ Бейрута не ранѣе 10 часовъ вечера. Погода стояла великолѣпная, и мы слѣдили за проходящими и отходящими лодками съ грузами и пассажирами. Интересно было наблюдать за погрузкою барановъ: въ приходящую баржу съ этими животными опускалась съ парохода цѣпь отъ парового крана, на концѣ которой — крюкъ; барановъ, по четыре вмѣстѣ, привязывали за одну заднюю ногу въ общую петлю, которую надѣвали на крюкъ, паровой кранъ моментально переносилъ ихъ на пароходъ, гдѣ ихъ немедленно развязывали и устанавливали на мѣсто. Арабы, сопровождавшіе животныхъ, необыкновенно скоро производили эту операцію, и кранъ не переставалъ двигаться съ одной стороны на другую. Въ числѣ пассажировъ въ первомъ классѣ прибавились баронеса К...ъ и молодой человекъ, какъ оказалось впоследствии — корреспондентъ газеты «Недѣля». Вечерній чай почти всѣмъ подали на верхнюю рубку, откуда мы наслаждались прелестнымъ видомъ на Бейрутъ и общею картиною усиленнаго движенія на рейдѣ. Ливанскія горы удивительно освѣщались послѣдними лучами заходящаго солнца; затѣмъ, по мѣрѣ

наступленія сумерекъ, очертанія горъ начали превращаться въ темные силуэты и наконецъ все подернулось мглою. Городъ освѣтился множествомъ огней; на небосклонѣ заблестали мириады звѣздъ, и всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали восхода луны, чтобы при чудномъ ея освѣщеніи взглянуть на окружающую мѣстность. Время шло незамѣтно, и въ одиннадцатомъ часу вся мѣстность начала принимать по истинѣ фантастическій видъ: море какъ въ зеркалѣ отражало луну и какъ бы искрилось въ слабой ряби между снующими барками и лодками; темный силуэтъ Ливанскаго кряжа постепенно сливался съ отдаленною мглою; а у подножія его раскинутый амфитеатромъ городъ освѣщался сіяньемъ луны, сквозь которое пробивался красноватый свѣтъ отъ освѣщенныхъ улицъ и оконъ въ домахъ. Прелестный воздухъ дополнялъ всю прелесть этой картины. Суматоха на парохдѣ начала уменьшаться; лодки и баркасы удалились къ берегу, зашумѣла якорная цѣпь, раздался послѣдній звонокъ, а за нимъ и свистокъ парохода; винтъ взволновалъ воду, и мы тронулись въ дальнѣйшій путь, по направленію къ Триполи, куда и пришли на другой день въ 5 часъ утра.

Триполи растянулся длиною полосою по берегу моря и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей: двѣ части расположены по берегу моря, а третья — за первымъ переваломъ горы. Городъ окруженъ садами и утопаетъ въ зелени. На заднемъ планѣ тянется высокій кряжъ Ливанскихъ горъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ. Общая картина города эффектная. Всѣ три части его соединены конно-желѣзною дорогою. Населеніе — арабы и греки. Триполійскіе апельсины не уступаютъ по достоинству яффскимъ и въ большомъ количествѣ отправляются въ Константинополь

и Одессу. Здѣсь замѣчательна ловля губокъ, и жители съ малолѣтняго возраста приучаются къ этому промыслу, а потому почти всѣ отличные пловцы. Губки растутъ на довольно значительной глубинѣ, откуда и добываются водолазами. Добыча эта сопряжена съ опасностями для водолазовъ: во-первыхъ, имъ грозятъ нападеніемъ акулы, а во-вторыхъ они могутъ потерять веревку, которою водолазы соединяются съ находящимися поверхъ воды, слѣдящими за ихъ движеніями въ водѣ, такъ какъ водолазъ по тяжести своей одежды подняться вверхъ самъ не можетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь усовершенствованныхъ аппаратовъ для водолазовъ не существуетъ — все въ первобытномъ видѣ. Въ Триполи также готовятъ въ большомъ количествѣ шелковые шарфы, которые расходятся по всей Сирии, Палестинѣ и вывозятся въ Смирну и Константинополь.

Такъ какъ парохдъ долженъ былъ простоять здѣсь до полудня, то мы съѣхали на берегъ и черезъ весь городъ прокатились по конно-желѣзной дорогѣ. Особенно выдающихся строеній нѣтъ, дома одноэтажные съ черепичными плоскими крышами; есть нѣсколько мечетей и небольшая греческая церковь. Народнонаселеніе — около десяти тысячъ — состоитъ преимущественно изъ арабовъ и небольшого числа грековъ. Погрузка разныхъ товаровъ производилась небольшая, и ровно въ полдень мы тронулись въ дальнѣйшій путь.

Погода стояла великолѣпная. Весь путь отъ Яффы идетъ въ виду малоазіатскаго берега; береговые ландшафты, съ великолѣпными, разнообразными очертаніями Ливанскихъ горъ, смѣняются одни за другими — точно движущаяся панорама и приковали къ себѣ вниманіе и зрѣніе пассажировъ; вся публика оставалась на

палубѣ подѣ тентомъ, куда подавался и завтракъ, и обѣдъ. Благодаря тому, что съ нами ѣхалъ главный агентъ Общества Пароходства и Торговли, Сергѣй Ивановичъ Полушкинъ, мы получали въ каждомъ портѣ новые нумера газетъ, что въ однообразномъ плаваніи доставляло большое удовольствіе. Около 5 часовъ послѣ полудня показалась Латакія, передъ которой пароходъ спустилъ якорь.

Латакія—древняя Лаодикія—въ настоящее время небольшой поселокъ на берегу моря, окруженный горами. Жителей не болѣе двухъ тысячъ, и всѣ магометане. Занятія—табаководство и небольшія стада овецъ. Въ древности это былъ довольно значительный городъ и извѣстенъ своимъ вселенскимъ соборомъ въ 367 по Р. Х. Высадивъ здѣсь нѣсколько пассажировъ, мы подняли якорь и пошли по направленію къ Александреттѣ, куда и прибыли на другой день, 2 мая, въ субботу, въ 5 часовъ утра.

Александретта расположена почти на углу малоазіатскаго побережья, гдѣ сходятся Сирія съ Анатоліей. Гавань Александретты—самая лучшая на всемъ малоазіатскомъ побережьѣ, будучи защищена съ сѣвера, юга и востока; остальные пункты, гдѣ останавливался пароходъ, нельзя даже назвать портами, такъ какъ не имѣютъ гаваней. а только открытые рейды, подверженные вѣтрамъ.

Александретта, подобно предъидущимъ поселеніямъ, расположена по прибрежью моря, окружена горами Тавра, отъ которыхъ отдѣляется болотистымъ пространствомъ, поросшимъ разными кустарниками и множествомъ олеандровъ; мѣстность нездоровая: здѣсь свирѣпствуютъ лихорадки. Постройки не обширны и невелики, но расположены въ фруктовыхъ садахъ. Окрестныя поля засѣяны хлѣбными растеніями, та-

бакомъ и виднѣются довольно большія плантаціи виноградниковъ. Въ окрестностяхъ Александретты добывается много солодкового корня и для прессованія его устроена американцами большая фабрика. Прессованнаго корня отправляется въ Америку до одиннадцати тысячъ тоннъ. Какъ мнѣ передавали, жители Сѣверной Америки жуютъ этотъ корень пополамъ съ табакомъ. Портъ Александретты важенъ еще и тѣмъ, что сюда привозятся товары изъ Антіохіи (80 вер.) и Алеппо (160 вер.), куда ходятъ дилижансы, съ платою одной лиры съ пассажира; алеппскіе ковры славятся своимъ достоинствомъ. Населеніе, подобно Латакіи, небольшое — около двухъ тысячъ душъ.

Хотя въ городѣ и нечего было смотрѣть, но такъ какъ пароходъ долженъ былъ стоять цѣлый день, то мы сошли на берегъ, прошлись вдоль набережной, осмотрѣли американскую фабрику прессованія солодкового корня и возвратились на пароходъ.

Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Александретты, по направленію къ сѣверу, показываютъ мѣсто, означаемое развалиною двухъ бѣлыхъ столбовъ и называемое «мѣстомъ св. Іоны». По преданію, на этомъ мѣстѣ, будто бы, Іона былъ выброшенъ китомъ. Слущается, что нѣкоторые поклонники ходятъ и прикладываются къ этому мѣсту.

Такъ какъ день былъ субботній, то пассажиры просили позволенія у капитана парохода служить все-нощную. Разрѣшеніе послѣдовало, и іеромонахъ Антоній, мой спутникъ на Иорданъ, въ 4 часа началъ службу на палубѣ. Разумѣется, бѣольшая часть православныхъ присутствовали при богослуженіи; поклонники пѣли очень стройно; иновѣрцы, въ особенности мусульмане, съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили

за службой. Служба окончилась,—прозвонили къ нашему обѣду; палубные пассажиры потянулись съ своими жестяными чайниками за кипяткомъ; на пароходѣ еще продолжалась суета, принимались грузы и приготавливались опять къ ночному плаванію.

Едва окончился обѣдъ — капитанъ занялъ свое мѣсто на рубкѣ, начались приказанія къ поднятію якоря, раздались свистки парохода, и въ 7½ часовъ вечера мы тронулись по направленію къ Мерсинѣ. Вечеръ былъ прелестный—всѣ пассажиры высыпали снова на палубу. Небо ясно, и всѣ слѣдятъ за закатомъ солнца; темнота наступаетъ быстро вслѣдъ за закатомъ, и небо покрывается мириадами небесныхъ свѣтилъ. Подали чай и принесли свѣчи на палубу съ стеклянными колпаками; но въ воздухѣ такая тишь, что даже безъ колпаковъ пламя не задувается. На пароходѣ день начинается очень рано; съ разсвѣтомъ по приходѣ въ портъ усиливается движеніе и шумъ отъ нарузки и вырузки товаровъ, такъ что по-неволю приходится вставать очень рано, вслѣдствіе чего многіе — и я въ томъ числѣ—въ 10 часовъ вечера отправлялись уже на покой. На бѣду спутники наши англичане какъ разъ съ 10 час. вечера усаживались играть въ карты въ каютъ-компаніи, играли иногда до полуночи и всегда съ такимъ азартомъ и шумомъ, что никому не давали спать. Мнѣ кажется, трудно встрѣтить другую національность, которая была бы до такой степени эгоистична, невнимательна къ другимъ и безцеремонна, какъ англичане.

Въ воскресенье, 3-го мая, съ разсвѣтомъ, пароходъ остановился передъ Мерсиной. Съ ранняго утра опять началась бѣготня, зашумѣла лебедка, усилился говоръ на палубѣ и около парохода въ подѣвжающихъ лодкахъ, и по-неволю приходилось вставать.

Мерсина — довольно большой городокъ, вытянувшийся по берегу моря версты на три, окруженъ горами, но долина между городомъ и хребтомъ горъ въ ширину тянется верстъ на шесть. Населеніе преимущественно арабское и небольшое число грековъ. Занятіе заключается въ хлѣбопашествѣ и разведеніи хлопка, который родится въ этой мѣстности необыкновенно роскошно. Однако 1887 годъ былъ весьма неурожайный и засѣянные въ окрестностяхъ сто тысячъ четвертей пшеницы, равно какъ огромное пространство, засѣянное хлопкомъ, ничего не уродили; поля стояли совсѣмъ черныя, такъ что ожидался голодъ. Отъ Мерсины черевъ городокъ Тарсъ проходитъ желѣзная дорога до Адана на разстояніи 2½ часовъ пути.

Городокъ Тарсъ, какъ древне-историческій городъ, основанный еще Сарданаполомъ, и какъ мѣсто рожденія апостола Павла, представляетъ большой интересъ. Неожиданно явился при этомъ случай исполнить наше желаніе осмотрѣть этотъ городъ. Мѣстный агентъ Общества Пароходства и Торговли, богатый грекъ Сидерикуди, живущій постоянно въ Тарсѣ, пригласилъ капитана парохода, Сергѣя Ивановича и меня проѣхать къ нему по желѣзной дорогѣ до Тарса и у него отобѣдать. Такъ какъ пароходъ долженъ былъ стоять на рейдѣ цѣлый день, то мы имѣли достаточно времени, чтобы слѣлать эту интересную поѣздку. Къ 11-ти часамъ мы были на станціи желѣзной дороги, усѣлись въ вагонъ 1-го класса и полетѣли къ Тарсу. Вагоны весьма опрятные, съ широкими и очень низкими диванами, приноровленными къ восточному обычаю сидѣнья съ поджатыми ногами. Дорога шла долиною, по которой тянулись совершенно черныя поля, съ погибшими посѣвами пше-

ницы и хлопка. Черезъ часть времени поѣздъ при-
былъ въ Тарсъ. Со станціи желѣзной дороги мы
уѣли въ полуразвалившееся ландо—единственный
экипажъ въ городѣ - и проѣхали прямо въ домъ
г. Сидерикуди, гдѣ немедленно было подано варенье
съ водою и кофе.

Городъ Тарсъ, родина апостола Павла, былъ нѣ-
когда цвѣтущъ и богатъ. Самое мѣстоположеніе дѣлало
этотъ городъ центромъ промышленности, торговли
и даже политическаго могущества. Будучи распо-
ложенъ на судоходной рѣкѣ Киднъ, дававшей возмож-
ность прямого сообщенія съ заливами Средиземнаго
моря, и, находясь на плодородной равнинѣ подъ тѣмъ
проходомъ черезъ Тавръ, который былъ извѣстенъ
въ древности подъ названіемъ «*Киликійскихъ воротъ*»,
онъ былъ естественнымъ центромъ торговли. Про-
цвѣтаніе Тарса продолжалось во время императора
Августа, и городъ пользовался тѣмъ важнымъ пре-
имуществомъ, что былъ не только столицей, но и
вольнымъ городомъ. Изъ Тарса огромныя массы строе-
вого лѣса, срубавшагося въ лѣсахъ Тавра, сплавля-
лись по рѣкѣ къ пристанямъ Средиземнаго моря;
здѣсь разгружались суда, привозившія въ Азію со-
кровища Европы, и здѣсь же сначала сосредоточива-
лись грузы богатствъ изъ Малой Азіи предъ отпра-
вленіемъ ихъ въ Грецію и Итацію. Городъ имѣлъ право
даже чеканить свою монету.

Настоящій—грязный и полуразрушенный—городъ
Тарсъ стоитъ на томъ же мѣстѣ, въ той же пло-
дородной долиинѣ и окруженъ съ восточной стороны
тѣмъ же снѣговымъ Тавромъ, какъ и древній Тарсъ,
но отъ прежняго величія Тарса не осталось ника-
кихъ слѣдовъ; даже прежній быстрый потокъ *Киднъ*
превратился въ небольшую рѣчку *Сиднусъ*, которая

протекаетъ по срединѣ города. Населеніе — до двѣ-
надцати тысячъ душъ — состоитъ изъ мусульманъ,
арабовъ, грековъ и армянъ; улицы узкія, кривыя,
дома убогіе; кромѣ пяти мечетей, одна греческая и
одна армянская церкви; базары жалкіе, внутренняя
торговля ничтожная.

Осмотръ города начался съ мѣста, гдѣ стоялъ
домъ, въ которомъ родился апостоль Павелъ, прежде
нареченный Савлъ. — Мѣсто это огорожено желѣзною
рѣшеткою, внутри которой поставлена каменная глыба,
обсаженная пальмами. Къ этому мѣсту относятся съ
уваженіемъ не только христіане, но и магометане.
На пальмахъ привѣшено множество разноцвѣтныхъ
ленточекъ и тряпокъ—своеобразный символъ почтенія
къ этому мѣсту.

По историческимъ даннымъ не обозначенъ въ
точности годъ рожденія апостола Павла; извѣстно
только, что онъ родился въ царствованіе Августа и
въ то же десятилѣтіе, что и Иисусъ Христосъ, но
былъ моложе Его года на три или четыре.

Отъ мѣста дома апостола Павла мы проѣхали къ
мѣсту, гдѣ, по преданію, похороненъ Сарданапаль.
Огромный четырехугольникъ, саженъ сорокъ въ квад-
ратѣ, обнесенъ каменною стѣною до двухъ саженъ
толщины и аршинъ, пять вышины; въ ограду ведетъ
большая желѣзная дверь. У одной стороны ограды
каменный сводъ ведетъ какъ бы въ подземелье; здѣсь
и предполагаютъ могилу Сарданапала.— Намъ пере-
давали, что нынѣшній французскій вице-консулъ въ
Мерсинѣ затратилъ уже до пяти тысячъ франковъ
на работы для отысканія гробницы Сарданапала, но
до сихъ поръ ничего не найдено.

Потомъ мы проѣхали на рѣчку Сиднусъ — по-
смотрѣть на небольшой водопадъ, и здѣсь же осмот-

рѣли мукомольную мельницу и фабрику для прессованія хлопка, принадлежащія нашему новому гостепріимному знакомому, греку Сидерикуди. На мельницѣ и на прессовальнѣ работаютъ арабы. Мы поинтересовались спросить: какую плату получаютъ рабочіе? — Въ обыкновенное время, когда въ странѣ бываетъ урожай, — рабочему въ день платятъ по 2 и по 2½ франка, на полномъ содержаніи хозяина фабрики; а въ 1887 году, когда въ странѣ былъ полный неурожай и работы остановились, поденная плата ничтожная: *до десяти коп. въ день* (нашими деньгами) и на своемъ продовольствіи! — Какъ видно, народъ здѣсь страшно эксплуатируется богатыми людьми. Около водопада намъ указали мѣсто, гдѣ въ одномъ изъ водоемовъ, будто бы, купался Александръ Македонскій и получилъ лихорадку; это преданіе передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Осмотрѣвъ затѣмъ небольшую рошу, носящую названіе городского сада, мы возвратились въ городъ, прошли по весьма унылымъ базарамъ и направились къ дому хозяина, гдѣ насъ ожидалъ роскошный обѣдъ, преимущественно греческой кухни. — Поблагодаривъ за радушный пріемъ, мы къ 5 часамъ направились на вокзалъ и въ 6 часовъ были уже на пароходѣ.

Погрузка грузовъ и пріемъ пассажировъ на пароходѣ оканчивались, и около 7 часовъ раздался послѣдній свистокъ; опять запѣнилась вода изъ-подъ винта, и мы отправились въ дальнѣйшій путь, почти на трое сутокъ, такъ какъ до Смирны пароходъ остановокъ не имѣетъ.

На другой день, 4-го мая, въ 6 часовъ утра мы прошли на линіи острова Кипра и вступили въ заливъ *Адалія*, по направленію къ острову Родосу. Хребетъ горъ, тянущійся почти отъ самой Мерсины до мыса

Келидонія, носить названіе *Караманскаго*. — Пройдя мысъ Адалія, мы вступали уже въ Архипелагъ, гдѣ острова встрѣчались рѣдко, но съ приближеніемъ къ острову *Родосу* они попадались чаще и группами.

Идя на пароходѣ въ теченіе цѣлаго дня безостановочно, конечно, и время тянулось какъ будто долѣе обыкновеннаго. Послѣ утренняго чая публика большею частью проводила время за чтеніемъ и въ разговорахъ. Насъ всѣхъ интересовало слѣдующее обстоятельство: пароходы останавливались въ ничтожныхъ городахъ, или скорѣе поселкахъ, какъ: Триполи, Латакія, Александретта и Мерсина, въ которыхъ при ничтожности населенія почти не видно никакой промышленной дѣятельности, могущей доставлять грузы для пароходовъ; между тѣмъ во всѣхъ этихъ пунктахъ идетъ нагрузка и выгрузка товаровъ, являются пассажиры... Мы задавались вопросами: откуда и какимъ образомъ шла эта оживленная и непрерывная дѣятельность? Намъ сообщали при этомъ, что жители этихъ вышеупомянутыхъ мѣстечекъ большею частью — посредники или комиссіонеры, черезъ которыхъ проходитъ вся торговая дѣятельность изъ глубины Малой Азіи съ европейскими торговыми домами. Всѣ произведенія плодородной внутренней малоазіатской страны свозятся къ приморскимъ пунктамъ на верблюдахъ и ослахъ, на которыхъ обратно отправляются опять внутрь страны необходимые продукты изъ Европы и Африки. Сколько я могъ замѣтить, мы въ это время года грузили на пароходы: барановъ, быковъ, кожи, хлопокъ, муку и зерновые продукты, а съ февраля во множествѣ грузятся апельсины и лимоны.

Отчасти для моціона, а отчасти и изъ любопытства, я ходилъ по пароходу изъ конца въ конецъ и

наблюдалъ за пассажирами 3-го класса. Съ самага выхода изъ Яффы капитанъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы магометане-пассажиры 3-го класса были помѣщаемы, какъ въ трюмѣ, такъ и на палубѣ, отдѣльно отъ христіанъ. Если же и случалось, что обстоятельства заставляли христіанъ помѣщать съ магометанами вмѣстѣ, то никогда никакихъ столкновений не было. Надобно по справедливости сказать, что магометане далеко опрятнѣе и болѣе заботятся доставить себѣ удобство въ пути, чѣмъ христіане. У каждаго магометанина имѣется маленькой тюфячокъ, подушка, а кто позажиточнѣе, то и стеганое одѣяло; все это завернуто въ небольшой коврикъ и перетянуто ремнемъ или веревкой. У нашихъ же паломниковъ, кромѣ простого мѣшка, въ который натолкано кое-какъ все ихъ имущество, вмѣстѣ съ съѣстными припасами, нѣтъ ничего. Женщины русскія никогда праздно не сидятъ — всегда шьютъ или вяжутъ, а иногда читаютъ и книжечки; по вечерамъ же поютъ, но только божественные гимны. Даже мужчины и тѣ рѣдко сидятъ безъ дѣла: кто чинитъ свое платье или сапоги, а нѣкоторые даже и вяжутъ чулки. Напротивъ, мусульмане, представляютъ элементъ чисто азіатской неподвижности и лѣни: ни у одного изъ нихъ не увидишь въ рукахъ никакой работы — полнѣйшее бездѣлье, только сосутъ кальяновые чубуки.

Завтракъ подавался въ 12 часовъ; послѣ завтрака опять начиналось чтеніе и бесѣды, а въ 3 часа, по укоренившемуся русскому обычаю, супруга Сергѣя Ивановича приказывала подавать чай и угощала нашъ кружокъ этою благотворною влагою, доставлявшею на свѣжемъ воздухѣ истинное наслажденіе. За этимъ чаемъ бесѣда всегда становилась оживленнѣе, и мы не видѣли, какъ пролетало время до обѣда, который

подавался всегда въ 6 часовъ. Промежутокъ между обѣдомъ и вечернимъ чаемъ, который подавался въ 8 часовъ, проходилъ незамѣтно скоро, а послѣ вечерняго чая и до сна времени оставалось уже немного, тѣмъ болѣе, что луна съ каждымъ вечеромъ показывалась все позднѣе и позднѣе и публика стала расходиться по своимъ каютамъ ранѣе, исключая несносной англійской компаніи, которая ежедневно по вечерамъ за картами шумѣла до полуночи.

5-го мая, въ 6 часовъ утра прошли о. Родось, съ городомъ того же имени, лежащемъ на песчаной ровной низменности и окруженнымъ лимонными и апельсиновыми рощами. На мѣстѣ нѣкогда стоявшихъ здѣсь пышныхъ дворцовъ и башенъ теперь только нѣсколько развалинъ напоминаютъ прежнее величіе этого древняго города. Здѣсь пароходъ не останавливался, такъ какъ Русское Общество Пароходства не имѣетъ здѣсь своего агентства.

Вдали показался о. Патмосъ, на которомъ Іоаннъ Богословъ въ заточеніи написалъ Апокалипсисъ.

Около полудня обогнули островъ *Косъ*, съ городомъ того же имени, расположеннымъ по берегу со множествомъ садовъ. Огибая островъ *Косъ*, мы встрѣтили противный свѣжій вѣтеръ и путь какъ-разъ тутъ довольно опасный, такъ какъ приходится дѣлать крутой поворотъ между выдающимися камнями, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ *камень Паши*. Пройдя эту гряду камней, путь идетъ между голыми островами на островъ *Самось*, который мы и прошли въ 8 часовъ вечера.

На островъ *Хіосъ*, въ городъ *Хіо* мы пришли 6-го мая, въ 2 часа ночи, и выгружали скотъ до 6 часовъ утра. Городъ довольно большой, со многими прекрасными домами; надъ ними виднѣлось до шести

мечетей; въ разныхъ мѣстахъ на большомъ пространствѣ раскинуты виноградныя плантаціи и множество оливковыхъ, апельсинныхъ и лимонныхъ рошъ. Кромѣ того здѣсь во множествѣ произрастаетъ растеніе, называемое по-гречески: *мистке*, изъ сока котораго получается мастика для приготовленія водки и рагаты-лукума. Очень жалѣю, что не успѣлъ побывать въ городѣ, ибо только-что я вышелъ на палубу, въ 6 часовъ утра—пароходъ началъ уже отходить отъ пристани.

Около 9 часовъ утра мы прошли островъ Метелино, за которымъ повернули къ Смирнскому заливу. Часа за два до прихода въ Смирну, на лѣвомъ берегу показался большой соляной промыселъ бассейной системы и вдали виднѣлось много соляныхъ бугровъ—формы такой же, какъ наши, и я насчиталъ такихъ бугровъ 97. По обоимъ берегамъ Смирнскаго залива, и въ особенности по правому, расположено множество лимонныхъ, апельсинныхъ и масличныхъ рошъ и большія плантаціи виноградниковъ. Между отдѣльными фермами, мызами или дачами живописно разбросаны довольно большія группы кипарисовъ и тополей, придававшія особенную красоту пейзажу.

По мѣрѣ приближенія нашего къ Смирнѣ, цвѣтъ воды началъ сильно измѣняться: вмѣсто темносиняго лазурнаго—началъ принимать зеленовато-мутный оттѣнокъ и на водѣ въ большомъ количествѣ стали показываться утки и чайки. Съ приближеніемъ къ Смирнѣ становилось замѣтно, что мы подходимъ къ большому, населенному городу: кромѣ парусныхъ мелкихъ судовъ, начали встрѣчаться небольшіе пароходики, которые развозили публику по окрестному побережью; вдали показался цѣлый лѣсъ мачтъ, стоящихъ въ га-

вани судовъ и пароходовъ, а на горизонтѣ вырисовывался расположенный амфитеатромъ городъ, прекрасными постройками своими напоминавшій скорѣе европейскій, чѣмъ азіатскій городъ. Смирна красиво расположилась полукругомъ по берегу моря, и окружена тремя горами, которыя холмообразно спускаются къ морю. На выдающейся въ море песчаной косѣ стоитъ небольшой зубчатый замокъ турецкой постройки, изображающій вооруженный фортъ съ четырехугольными башнями. Справа на холмѣ красиво выдѣляется большая группа кипарисовъ, между которыми расположено кладбище. Городъ замѣчателенъ прекрасными постройками, въ особенности по набережной; выдѣляются до семи христіанскихъ церквей и нѣсколько мечетей съ изящными минаретами. День былъ солнечный, довольно тихій, и это еще болѣе придавало прелести всей окружающей панорамѣ. Пассажиры, разумѣется, всѣ были на палубѣ, и ровно въ часъ, 6-го мая, мы бросили якорь почти у самой гранитной набережной, но все-таки на такомъ разстояніи отъ берега, что на него нужно было перебираться на лодкѣ.

Капитанъ парохода объявилъ намъ, что пароходъ нашъ простоитъ здѣсь на рейдѣ до 6 часовъ вечера слѣдующаго дня—значитъ, въ нашемъ распоряженіи было времени почти полтора сутокъ. Небольшая наша компанія рѣшилась идти на берегъ часовъ около четырехъ, когда спадаетъ жара; городъ тогда оживаетъ, въ домахъ раскрываются окна и двери и всѣ жители появляются у открытыхъ оконъ, на балконахъ и верандахъ, такъ что намъ можно будетъ хотя нѣсколько ознакомиться съ наружной жизнью города и его народонаселеніемъ. Старшій механикъ парохода, человѣкъ бывалый въ этихъ мѣстахъ, хорошо знаю-

щій топографію города и владѣющій языками греческимъ и турецкимъ, предложилъ быть нашимъ руководителемъ. Составили планъ въ такомъ родѣ: сегодня осмотрѣть до обѣда европейскіе кварталы и магазины, вечеръ послѣ обѣда провести на набережной, гдѣ бываетъ катанье и вся публика сидитъ подѣ навѣсами у кофеенъ,—а на другой день утромъ, до жары, осмотрѣть азіатскіе кварталы и базары.

Ровно въ 4 часа съѣхали на берегъ и прошли по набережной, которая обстроена отличными домами въ европейскомъ стилѣ. Здѣсь расположены лучшія гостиницы, рестораны, кофейни, дома богатыхъ банкировъ и консуловъ. Вся набережная одѣта гранитомъ и хорошо вымощена. Съ набережной узкими переулками прошли мы въ европейскій, или христіанскій, кварталъ, гдѣ улицы хотя и не широкія, но хорошо вымощены и обстроены весьма изящными небольшими домиками, съ крытыми балконами, увитыми зеленью; у большей части домовъ окна съ желѣзными рѣшетками и зелеными жалюзи. У каждаго дома массивная дверь, окованная желѣзомъ, съ изящными бронзовыми ручками, въ которыя иногда вставляются разноцвѣтные хрустальные шары. Около многихъ домовъ устроены небольшіе садики съ фонтанами и причудливыми бесѣдками, обвитыми зеленью. На балконахъ и въ окнахъ домовъ мы замѣтили весьма изящныхъ женщинъ; признавъ, конечно, сразу въ насъ туристовъ, онѣ внимательно слѣдили за нами, не уходя съ своихъ балконовъ.—Заходили мы и въ нѣсколько магазиновъ съ европейскими и индійскими товарами; между этими магазинами два занимаютъ громадныя помѣщенія—въ родѣ нашего Кумберга. Выйдя на небольшую площадку, зашли въ греческій храмъ, стоящій посреди обширнаго вымощеннаго двора,

двора, окруженнаго высокими стѣнами и домами, принадлежащими церкви. Внутри двора, среди деревьевъ, много надгробныхъ памятниковъ. Около колоколни поражаетъ своею величиною громадный платанъ. Храмъ внутри отдѣланъ весьма роскошно: стѣны выложены цвѣтными мраморами, образа писаны на золотомъ фонѣ и напоминаютъ древнюю иконопись; передъ образами дорогія лампы и весь иконостасъ съ богатою позолотою. Бродя по городу, и не замѣтили, какъ время подошло уже къ вечеру и солнце начало скрываться за горами.—Мы поспѣшили на пароходъ и обѣдали часомъ позже обыкновеннаго. Послѣ-обѣденный кофе пили на палубѣ, вдыхая ароматную прохладу морского воздуха. Вотъ, наконецъ, солнце совершенно скрылось за горами, и горы, окаймляющія бухту, явственнымъ силуэтомъ вырѣзались на быстро-темнѣющемъ небѣ. Вдоль набережной сплошною полосой заблестали газовые фонари и ярко освѣтили ее; оттуда доносились до насъ гулъ людского говора и звуки музыки изъ разныхъ ресторанчиковъ. Послѣ вечерняго чаю мы опять въ компаніи съѣхали на берегъ, много гуляли по набережной въ толпѣ, сидѣли подѣ навѣсами кофеенъ, кто за кружкой пива, а кто за лимонадомъ, и наблюдали за проходящею толпою. При нѣкоторыхъ кофейняхъ устроены небольшія сцены, гдѣ поютъ шансонетки подѣ звуки незатѣйливой музыки. Общій городской гулъ смѣшивался съ звуками музыки, и все вокругъ дышало общимъ оживленіемъ. Вечеръ былъ необыкновенно теплый, и мы возвратились на пароходъ только около полуночи.

Когда я вышелъ на слѣдующее утро на палубу, солнце еще не совсѣмъ показалось изъ-за горъ, окружающихъ Смирну, однако лучи его отражались уже

разноцвѣтными пятнами на склонахъ горъ, а кое-гдѣ въ ущельяхъ еще клочьями висѣлъ туманъ. Самый городъ еще оставался въ тѣни; по совершенно тихому морю неслись уже массы лодокъ и небольшихъ пароходиковъ отъ одного парохода къ другому. Въ городѣ жизнь была уже въ полномъ разгарѣ; впрочемъ, во всѣхъ торговыхъ портовыхъ городахъ дѣятельность начинается рано.

Наша компанія собралась пораньше съѣхать на берегъ, чтобы до наступленія жары успѣть осмотрѣть базары и азіатскую часть города.

Едва мы ступили на берегъ, какъ насъ окружило нѣсколько человѣкъ, предлагая свои услуги для осмотра города. Мы отклонили эти предложенія, но одинъ изъ нихъ, еврей, былъ до того назойливъ и нахаленъ, что мы съ трудомъ его прогнали; назойливость подобныхъ субъектовъ, повидимому, одна и та же во всей вселенной.

Турецкій кварталъ не представляетъ ничего интереснаго: улицы узки, грязны, вонючи; здѣсь не встрѣтите людей даже порядочно одѣтыхъ—во всемъ видна бѣдность; караваны верблюдовъ и ословъ, съ нагруженными на нихъ тяжестями, вереницею тянутся по узкимъ проулкамъ; многія улицы сверху защищены отъ солнца досчатыми навѣсами, рогожами и даже разнымъ тряпьемъ. Мы старались скорѣе пробраться на базары, надѣясь увидѣть здѣсь массу произведеній Востока, но сильно ошиблись. Базары бейрутскіе далеко лучше по выбору товаровъ мѣстныхъ произведеній, нежели смирнскіе. Здѣсь галереи темны, съ навѣсами, какъ и улицы, изъ рогожъ, досокъ и разной парусины. Товары азіатскіе большею частью низкаго достоинства. Въ ремесленныхъ рядахъ каждая лавка вмѣстѣ съ тѣмъ является и мастерскою, гдѣ выдѣлываются произведе-

денія. Торговцы товаровъ, полулежа на чемъ-то въ родѣ наръ, пьютъ кофе и курятъ свои кальяны. Болѣе замѣчательны лавки съ продажею мягкихъ ковровъ, которые дѣйствительно хороши, но довольно дороги.

Съ базаровъ мы разными переулками вышли на набережную, сѣли въ вагонъ конно-желѣзной дороги и обогнули весь городъ до станціи паровой желѣзной дороги, которая отходитъ въ Эфесъ. Возвратясь обратно по этой же дорогѣ къ пристани, мы переѣхали въ лодкѣ на пароходъ.

Народонаселеніе Смирны состоитъ изъ христіанъ разныхъ исповѣданій до 110.000 душъ; магометанъ до 60.000 и евреевъ до 30.000. Магометане-гуземцы представляютъ пеструю толпу въ разнообразныхъ національныхъ костюмахъ. Въ особенности горцы-узбеки—дикій, фанатическій народъ—въ своей живописной одеждѣ, всегда вооруженные, составляютъ своеобразную красоту и вмѣстѣ съ тѣмъ наводятъ и ужасъ на жителей. Въ окрестностяхъ Смирны всегда почти разгуливаютъ шайки разбойниковъ, которыя набираются изъ узбековъ и грековъ, разумѣется, уже изъ самыхъ подонковъ этой національности. Въ Смирнѣ даже предупреждаютъ иностранцевъ, совѣтуя не удаляться далеко за городъ, потому что можно легко попасть въ руки разбойниковъ, и если не дать имъ хорошаго выкупа, то—какъ говорятъ—можно лишиться даже и жизни.

Смирна считается однимъ изъ большихъ торговыхъ городовъ Малой Азіи. Главный предметъ вывоза, кромѣ ковровъ и произведеній мѣстныхъ мануфактурныхъ фабрикъ, это сушеные плоды. Массы изюма, абрикосовъ, сливъ, винныхъ ягодъ—все это укупоривается въ особенныя коробки, сдѣланныя изъ

тонкихъ фанерокъ, и отправляется въ Европу; также въ большомъ количествѣ вывозится отсюда въ Одессу виноградъ въ свѣжемъ видѣ.

Около 7 часовъ вечера мы простились съ Смирной и направились на Константинополь. Вечеръ былъ очень хорошъ; море совершенно покойно, и мы долго не могли разстаться съ палубой, слѣдя за отдаляющеюся отъ насъ Смирною. Подробности города мало-по-малу начали показываться въ видѣ туманныхъ очертаній, сливающихся съ небомъ и водою, пока весь городъ не явился на горизонтѣ одною синеватою полосою. Весь вечеръ прошелъ въ разговорѣ о Смирнѣ; одни восхищались ею, другіе, напротивъ, предпочитали Смирнѣ Бейрутъ. Хотя Смирна, говорятъ, и считается жемчужиною въ коронѣ турецкаго султана, но по наружному виду города жемчужина эта не особенно должна быть блестяща; впрочемъ, можетъ быть, по своимъ торговымъ оборотамъ, городъ этотъ и занимаетъ первое мѣсто во владѣніяхъ турецкаго султана, но во всякомъ случаѣ, какъ городъ, Смирна стоитъ далеко выше Бейрута.

На другой день, въ 6 часовъ утра, прошли о-въ Тенедось, на которомъ небольшою городокъ съ крѣпостью, а противъ Тенедоса, вблизи его, на выдающемся островкѣ устроены маякъ. Въ Дарданельскій проливъ мы вошли въ 8 часовъ утра. Знакомые уже намъ берега мы разсматривали теперь въ подробностяхъ въ бинокли, и они показались намъ гораздо привѣтливѣе, чѣмъ шесть недѣль тому назадъ, когда весна не вступила еще въ свои права и погода была пасмурная и холодная.

Съ полуночи вѣтеръ немного усилился и нашъ пароходъ покачивало. Войдя въ Дарданеллы, вѣтеръ

сдѣлался попутный, поставили паруса, и мы положительно не шли, а летѣли проливомъ.

Въ Смирнѣ прибавилось много палубныхъ пассажировъ до Константинополя, и пароходъ пестрѣлъ разнообразіемъ народностей въ восточныхъ костюмахъ. Турки, персіяне, негры, арабы, сарты и татары, въ своихъ чалмахъ, платкахъ, тюрбанахъ, въ высокихъ войлочныхъ или бараньихъ шапкахъ, группами возсѣдали, поджавши ноги, и курили кальянъ. Было, между прочимъ, нѣсколько евреевъ и магометанскихъ женщинъ, укутанныхъ въ свои чадры. Мы наблюдали за неподвижностью этого народа, который, кромѣ куренія кальяна, ничего не дѣлалъ, а чуть только позволяло мѣсто, разстилалъ свои коврики и предпочиталъ горизонтальное положеніе вертикальному.

Около 10 часовъ утра мы подошли къ Дарданелламъ и спустили якорь. Множество лодокъ окружило пароходъ, предлагая разныя овощи и глиняныя вазы мѣстнаго произведенія. Отъ берега отвалилъ 12-ти-весельный военный катеръ, доставивъ на пароходъ старика, турецкаго коменданта, съ его адъютантомъ, которые сдѣлали визитъ капитану нашего парохода и были угощены кофе.

Въ полдень подняли якорь. Галиполи прошли въ 2 часа, не останавливаясь, и вступили въ Мраморное море. Довольно значительный островъ *Марморъ* прошли около 4 часовъ. Къ общей нашей радости, вѣтеръ началъ стихать; воздухъ сдѣлался теплѣе, и публика бѣольшую часть времени проводила на палубѣ.

На другой день рано утромъ мы должны были прибыть въ Константинополь, гдѣ пароходъ — сказали намъ — простоятъ почти три дня. Чтобы воспользоваться этимъ временемъ, мы условились съ Сергѣемъ

Ивановичемъ вмѣстѣ осмотрѣть, по возможности, тѣ изъ достопримѣчательностей, которыя не удалось мнѣ видѣть въ первый проѣздъ черезъ Константинополь, а именно императорскіе дворцы и Золотой Рогъ.

Проснувшись рано 9-го мая, чувствуя, что пароходъ стоитъ и на немъ нѣтъ обыкновенной утренней суеты и шума, я вышелъ на палубу и увидалъ, что пароходъ стоитъ въ виду Константинополя, пройдя уже Санъ-Стефано. Мы подошли къ этому мѣсту въ 3 часа утра и по таможеннымъ правиламъ могли войти въ Босфоръ не ранѣе какъ черезъ полчаса.

Что за дивную картину увидѣлъ я передъ собою! Восходящее солнце освѣщало своими жгучими лучами Семибашенный замокъ и куполы мечетей съ ихъ минаретами; въ особенности эффектно освѣщенъ былъ Серальскій мысъ съ дворцовыми постройками, утопавшими въ зелени кипарисовъ и тополей; съ противоположной стороны — Принцезы острова, подернутые лиловатымъ туманомъ, а впереди насъ по Босфору вырисовывался лѣсъ мачтъ на пароходахъ и парусныхъ судахъ.

Не прошло и часу, какъ пароходъ нашъ тронулся съ мѣста, и черезъ полчаса мы бросили якорь на Босфорѣ противъ Топханіэ. Погода была восхитительная. Необыкновенное движеніе пароходовъ, мелкихъ судовъ и каиковъ оживляло портъ и придавало общей картинѣ особенно чарующую прелесть. Агентъ Пароходнаго Общества сообщилъ Сергѣю Ивановичу, что получено уже разрѣшеніе изъ придворной конторы осмотрѣть императорскіе дворцы, и что къ 11 часамъ мы должны пріѣхать къ Серальскому мысу.

Для осмотра императорскихъ дворцовъ, необходимо получить разрѣшеніе отъ дворцоваго вѣдомства,

что достигается ходатайствомъ черезъ посольство или консульство.

Въ назначенный для осмотра день командировается отъ дворцоваго управленія адъютантъ султана, который и показываетъ дворцовыя достопримѣчательности.

Въ субботу, 9-го мая, пароходная наша компанія, состоявшая изъ 8 человѣкъ, имѣя во главѣ капитана парохода «Одесса» Александра Викентьевича Рыжаго, въ 11 часовъ утра отправилась на маленькомъ пароходикѣ въ Стамбулъ къ мысу «Сарай-бурну», чтобы начать осмотръ съ дворца «Стараго Серая». Дворецъ этотъ, занимающій мѣсто «великихъ палатъ» византійскихъ христіанскихъ императоровъ, расположенъ въ углу мыса Сарай-бурну, на небольшомъ холмѣ и окруженъ платанами и кипарисами.

До истребленія янычаръ ¹⁾ Серальскій дворецъ былъ недоступенъ иностранцамъ, но съ тѣхъ поръ какъ султанъ Махмудъ II построилъ себѣ дворецъ «Долма-Бахче», осмотръ серальскаго дворца не возбраняется болѣе.

Въ прежнія времена, когда султаны жили въ Серальскомъ дворцѣ, къ нему принадлежало много зданій, которыя теперь заняты разными учрежденіями. Пожаръ въ 40-хъ годахъ истребилъ главную часть бывшаго дворца, и теперь, конечно, трудно себѣ составить понятіе о величественномъ видѣ прежняго Серая.

У входа въ дворцовую ограду насъ встрѣтилъ флигель-адъютантъ султана, назначенный путеводителемъ при осмотрѣ палатъ повелителей Востока.

¹⁾ Истребленіе янычаръ было въ 1826 г. 4 июля, въ царствованіе Махмуда II, и въ Босфорѣ было выброшено до 25.000 труповъ.

Адъютантъ императора—высокій, видный и даже красивый мужчина лѣтъ 30, блондинъ и типомъ напоминающій скорѣе германскаго, чѣмъ турецкаго офицера. Военный мундиръ его сходенъ съ мундиромъ тоже германскаго офицера: однобортный кафтанъ съ золотыми пуговицами, съ красными погонами, обшитыми золотымъ галуномъ, какъ у нашихъ пажей, съ золотымъ аксельбантомъ и саблей на золотой поясной перевязи; панталоны съ краснымъ широкимъ лампасомъ и фескою на головѣ. При встрѣчѣ съ нами онъ извинился, что не говоритъ на иностранныхъ языкахъ, и что можетъ объясняться съ нами только по-турецки, хотя, признаться, мы не совсѣмъ этому повѣрили, и у насъ явилось подозрѣніе, что онъ говоритъ не совсѣмъ правду; впоследствии оказалось, что подозрѣнія наши были небезосновательны.

Близъ параднаго входа во дворецъ насъ встрѣтила толпа челоѣкъ изъ 10 придворной прислуги. въ черныхъ длинныхъ кафтанахъ, съ поднятыми воротниками и съ фесками на головахъ. Эта придворная челядь сопровождаетъ путешественниковъ, чая получения «бакшиша» (на водку).

Въ Серальскомъ дворцѣ нѣтъ жилыхъ помѣщеній; онъ служитъ только хранилищемъ султанскихъ драгоценностей. Всего намъ показали пять небольшихъ залъ, обставленныхъ кругомъ довольно простыми шкафами со стеклами. Въ этихъ шкафахъ—масса сѣделъ, чепраковъ, украшенныхъ драгоценными камнями; послѣдніе груды наложены также на небольшихъ блюдахъ и въ чашкахъ; нѣсколько султанскихъ фесокъ и чалмъ, украшенныхъ драгоценными камнями и перьями, унизанными брилліантами; фарфоровые, столовые и кофейные сервизы; кувшины для умывальниковъ; драгоценные халаты и раз-

личное оружіе, украшенное брилліантами и драгоценными камнями. По стѣнамъ кое-гдѣ висятъ картины батальной живописи, и надо замѣтить—весьма плохой, а между этими картинами—небольшая лубочная картинка московской фабрикаціи: «Охота на тигра», въ простой черной деревянной рамкѣ. Намъ не удалось разузнать, какимъ образомъ могла эта лубочная картинка попасть въ султанскіе чертоги? Выставлено также нѣсколько металлическихъ моделей различныхъ памятниковъ и затѣмъ ничего болѣе замѣчательнаго.

Послѣ осмотра достопримѣчательностей Серальскаго дворца, насъ провели черезъ дворъ, усаженный небольшими цвѣтниками, въ раззолоченный кіоскъ на берегу моря, извѣстный подъ названіемъ «*Кутбей-алты*». Во времена пребыванія здѣсь султановъ, въ этомъ кіоскѣ великій визирь угощалъ иностранныхъ пословъ, прежде чѣмъ представлять ихъ султану, и для пушей важности ихъ задерживали здѣсь по цѣлымъ часамъ.

Кіоскъ «*Кутбей-алты*» — небольшое, но весьма изящное зданіе, расположенное на самомъ берегу Босфора, съ изящною, выходящею на берегъ, галлереею, такъ-что фундаментъ этой галлерей, или большого балкона, опускается прямо въ воды Босфора и этотъ балконъ какъ-бы виситъ надъ водою.—Видъ съ этого балкона восхитительный: прямо—безграничная даль Босфора, съ массою стоящихъ на якорѣ судовъ и пароходовъ; по берегамъ—панорамы Скутари, Галаты и Перы; влѣво — Золотой Рогъ, видимый на дальнее разстояніе, также съ лѣсомъ мачтъ и пароходовъ, съ гигантскою галатскою башнею и амфитеатромъ расположенныхъ вокругъ нея строеній, а справа—морская даль съ линіею Принцевыхъ острововъ и прелестными виллами и садами на скутарійскомъ берегу, въ мѣст-

ности, называемой: «Кади-кюю». Панорама дѣйствительно чарующая, и мы долго любовались этимъ чуднымъ, несравненнымъ видомъ.

Въ этомъ кіоскѣ всего четыре небольшія гостиныя, убранныя въ европейскомъ вкусѣ, съ позолоченными диванами и креслами, обитыми дорогимъ штофомъ, но пришедшимъ уже, однако, въ довольно ветхое состояніе. На стѣнахъ висятъ золоченые канделябры съ стеклянными украшеніями и въ общемъ все-же видно полное запущеніе. Изъ круглой гостиной выходитъ дверь на только-что описанный мною балконъ, и кресла въ этой гостиной поставлены въ два ряда отъ середины гостиной къ дверямъ балкона.

Въ этой гостиной сопровождающій насъ адъютантъ пригласилъ насъ отдохнуть.

Въ силу стариннаго обычая — угощать пословъ въ этомъ кіоскѣ, и въ настоящее время всѣхъ посѣтителей кіоска угощаютъ здѣсь отъ двора султана. Мы любовались чуднымъ видомъ съ балкона на Босфоръ; потомъ, минутъ черезъ 10, насъ просили занять кресла, поставленныя въ два ряда, и лакеи подносили намъ, по восточному обычаю, угощеніе, состоявшее изъ варенья съ холодной водою и папирсъ; наконецъ появилось торжественное угощеніе кофе. Шествіе открылось двумя придворными лакеями; третій лакей несъ поднось, накрытый покрываломъ изъ малиноваго бархата, вышитаго золотомъ, съ золотую бахромою и золотыми кистями, четвертый лакей, замыкалъ шествіе, неся въ рукахъ въ родѣ небольшого вызолоченнаго паникадила, въ которомъ на горячихъ угольяхъ стоялъ золотой кофейникъ. Слуги церемоніально выстроились, и по знаку адъютанта старшій изъ нихъ снялъ съ подноса бархатный покровъ и положилъ его на плечо держащаго поднось,

на которомъ стояли небольшія фарфоровыя чашки и вызолоченныя, а можетъ быть и золотыя, унизанныя драгоценными камнями подставочки, въ родѣ тѣхъ рюмокъ, что употребляются для яицъ. Потомъ старшій лакей началъ разливать кофе въ чашки и, вставляя послѣднія въ золоченныя рюмки, подносилъ каждому изъ гостей. Когда всѣ чашки были взяты обратно и установлены на поднось, старшій лакей покрылъ поднось покрываломъ, и вся прислуга удалилась.

Замѣчу кстати, что кофе былъ необыкновенно вкусный и совершенно чистый — на манеръ европейскаго, а не азіатскаго, съ гущей.

Поблагодаривъ адъютанта, сопровождавшаго насъ, за вниманіе, мы вышли изъ кіоска и направились къ нашему пароходнику, чтобы слѣдовать для дальнѣйшаго осмотра дворца «Долма-Бахче».

Между Серальскимъ дворцомъ и кіоскомъ расположено одноэтажное зданіе, довольно низкое, подъ названіемъ «Херкаи-шерифъ-одаси». Насъ не только не ввели въ это зданіе, но даже просили не подходить къ нему близко и не заглядывать въ окна; зданіе это — мусульманская святыня. Здѣсь хранится въ серебряномъ ковчегѣ плащъ пророка Магомета изъ чернаго камлота, завернутый въ 40 шелковыхъ тканей; кромѣ того — лукъ, мечъ и знамя пророка изъ шерстяной матеріи зеленаго цвѣта. Всѣ эти священные предметы хранятся въ серебряныхъ ковчеггахъ, и только одинъ разъ въ году — въ день «Рамазана» — они вынимаются изъ ковчегговъ въ присутствіи султана, муфтія и высшихъ государственныхъ чиновъ. Султанъ и всѣ присутствующіе прикладываются къ этимъ святынямъ, которыя немедленно опять упаковываются и укладываются въ ковчегги. Относительно знамени можно прибавить еще, что оно очень ветхо, приколочено къ зо-

лтому древку и обвито тоже 40 тканями, какъ и плащъ пророка. Священное знамя это возится въ походахъ на священномъ верблюдѣ, и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ султанъ участвуетъ въ походахъ.

За этимъ магометанскимъ святилищемъ мы видѣли зданіе гарема, окруженное садами, бассейнами и кіосками.

Не знаю почему намъ не позволили осмотрѣть «кіоскъ» подъ именемъ «Багдадскаго». Онъ выстроень и отдѣланъ багдадскими художниками и мастерами изъ разноцвѣтныхъ кафелей, которые отличаются яркостью цвѣтовъ и необыкновенно изящнымъ ихъ подборомъ. Внутри этотъ кіоскъ, говорятъ, убранъ въ чисто-восточномъ вкусѣ: съ роскошными диванами, большимъ бассейномъ и фонтаномъ.

По дорогѣ къ пристани мы зашли въ небольшой кіоскъ, гдѣ помѣщается бібліотека. Осьми-угольная зала уставлена шкафами, въ которыхъ размѣщены книги въ кожаныхъ переплетахъ. По срединѣ залы—столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, и нѣсколько стульевъ. Здѣсь хранятся драгоцѣнныя восточныя рукописи.

Переходъ на пароходѣ отъ мыса Сарай-бурну до дворца «Долма Бахче» не болѣе 20 минутъ.

Прокатиться по Босфору на легкомъ пароходикѣ и притомъ въ чудный лѣтній, не особенно знойный день — истинное наслажденіе. Босфоръ, съ сотнями лодокъ, каиковъ и пароходиковъ, снующихъ по всѣмъ направленіямъ, между множествомъ стоящихъ на якорѣ судовъ и пароходовъ разныхъ національностей, шумъ и говоръ на всевозможныхъ языкахъ, разнообразіе костюмовъ различныхъ народовъ — все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ удивительную картину, особливо на южномъ солнцѣ, отъ котораго сверкаетъ и бле-

щеть яркими цвѣтами вся эта пестрая панорама Босфора.

Подходя къ дворцу «Долма-Бахче», мнѣ показалось, что изъ окошекъ выглядываетъ очень много женскихъ головокъ, и, обративъ на это вниманіе моихъ спутниковъ, я замѣтилъ: — не обитательницы ли это султанскаго гарема? — При этомъ сопровождавшій насъ адъютантъ султана улыбнулся, и по лицу его было видно, что онъ отлично понялъ мою фразу. Замѣтивъ это, я обратился къ нему съ вопросомъ: вѣроятно-де онъ понимаетъ по-русски, но не желаетъ говорить при русскихъ неправильнымъ русскимъ языкомъ? Оказалось дѣйствительно такъ, и послѣ этого мы всѣ объяснялись уже съ адъютантомъ по-русски.

Дворецъ «Долма-Бахче», построенный Махмудомъ II, расположенъ на самомъ берегу Босфора, изящный въ архитектурномъ отношеніи и весь построенъ изъ бѣлаго мрамора; фасадъ состоитъ изъ главнаго корпуса и двухъ боковыхъ, въ видѣ крыльевъ, съ мраморною колоннадою. Отъ главнаго корпуса по берегу Босфора тянется роскошная рѣшетка, которая окружаетъ дворецъ и со стороны площади. Рѣшетка эта съ тремя воротами—высоко-художественной архитектуры и чудо артистической отдѣлки изъ мрамора и вызолоченной бронзы. Передъ главнымъ входомъ внутри рѣшетки, со стороны площади—довольно обширный дворъ, покрытый газонами съ цвѣтниками и невысокими, подстриженными деревьями. Парадная небольшая мраморная лѣстница не особенно изящна и не гармонируетъ съ остальною наружною роскошью дворца и рѣшетки. Большая, но по величинѣ довольно низкая передняя, обставленная диванами и креслами въ европейскомъ вкусѣ, съ большими люст-

рами и нѣсколькими колоннами, нисколько не поражаетъ своею роскошью. Парадная лѣстница, ведущая во второй этажъ, весьма простая, изъ дубоваго дерева, съ хрустальными перилами и бархатомъ обитымъ поручнемъ, устлана ковромъ. Такая простота и отсутствіе изящества параднаго входа въ чертогъ властителя Востока чрезвычайно поразили насъ. Внутреннія залы дворца всѣ похожи одна на другую; это скорѣе гостиныя, убранныя диванами и креслами въ европейскомъ вкусѣ, съ массою безвкусной позолоты на потолкахъ и на мебели, съ роскошными шелковыми портъерами и великолѣпными коврами. Люстры и стѣнные лампы весьма однообразны; предметовъ изящныхъ искусствъ, какъ-то скульптуры и живописи, почти нѣтъ. Только въ одной гостиной виситъ довольно большая картина итальянскаго художника: путешествіе поклонниковъ въ Мекку, да двѣ итальянскія головки и морской видъ нашего художника Айвазовскаго. Въ остальныхъ залахъ нѣтъ ни картинъ, ни статуй, ни замѣчательныхъ вазъ и вообще какихъ-либо цѣнныхъ, изящныхъ предметовъ, на которыхъ можно бы остановить вниманіе. Всѣ залы—одна какъ другая и отличаются только разнообразіемъ цвѣтовъ матерій, которыми обита мебель и изъ которой сдѣланы портъеры. Единственно пріемная зала, въ которой султанъ принимаетъ своихъ сановниковъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, отличается какъ своею обширностью, такъ и роскошью въ отдѣлкѣ. Зала эта въ два свѣта, круглая, съ роскошнымъ, художественно-расписаннымъ куполомъ и большими хорами. Стѣны отдѣланы мраморами и съ потолка спускается масса роскошныхъ люстръ. Только эта зала и напоминаетъ вамъ, что вы въ царскихъ чертогахъ.

Проходя ряды комнатъ, мы зашли въ такъ-на-

зываемую картинную галерею. Мы пришли въ недоумѣніе отъ этой галереи: длинная, узкая, низкая комната, не болѣе 4 арш. высоты; на стѣнахъ, выкрашенныхъ простой желтой охрой, развѣшаны картины... Исключая нѣсколькихъ картинъ г. Айвазовскаго, да и то не изъ особенно удачныхъ, какъ напр. «Москва зимою» и т. п., всѣ остальные весьма неинтересны.

Цѣлая треть дворца занята помѣщеніемъ гарема, куда насъ, конечно, и не пустили.

Осмотрѣвъ дворецъ «Долма-Бахче», мы отправились на нашемъ пароходикѣ опять по Босфору въ Скутари, на азіатскій берегъ, осматривать Белербейскій дворецъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ дворца «Долма-Бахче», на Босфорѣ же расположенъ Чегеранскій дворецъ, въ которомъ живетъ сумасшедшій султанъ Мурадъ, или Мюрадъ-Мегемедъ, устранный отъ престола въ 1876 году. Чегеранскій дворецъ снаружи не отличается большою роскошью: довольно простое 2-хъ-этажное зданіе, состоящее изъ трехъ отдѣльныхъ корпусовъ. Дворецъ этотъ строго охраняется усиленнымъ карауломъ и никого не допускаютъ къ нему даже на большое разстояніе.

Белербейскій дворецъ расположенъ на азіатской сторонѣ Босфора, окруженъ роскошными садами, расположенными террасами, и съ прелестною мраморною набережною.

Какъ во дворцѣ «Долма-Бахче», такъ и здѣсь, всѣ залы чрезвычайно однообразны и лишены самага изящнаго украшенія: живописи и скульптуры. Въ залахъ Чегеранскаго дворца убранство комнатъ проще, чѣмъ въ «Долма-Бахче», но зато потолки отдѣланы въ болѣе роскошномъ мавританскомъ вкусѣ. Изъ всѣхъ залъ замѣчательна только одна: это большая голубая

зала съ колоннами и съ огромнымъ бассейномъ по срединѣ залы для купанья женъ султана. Всѣ стѣны и колонны сдѣланы подъ синій мраморъ, съ великолѣпно вызолоченнымъ потолкомъ и мягкими диванами, обитыми дорогою синею матеріею. Эта зала вполнѣ знакомитъ съ роскошью Востока.

Французская императрица Евгенія, во время пребыванія своего въ Константинополь, останавливалась въ Белербейскомъ дворцѣ, и нѣсколько залъ были отдѣланы нарочно для нея.

Такъ какъ въ Белербейскомъ дворцѣ никто не живетъ, то намъ показывали отдѣленіе, гдѣ помещается гаремъ. Всѣ комнаты съ вызолоченными рѣшетками на окнахъ, потолки вызолоченные, мебель и портьеры изъ дорогихъ шелковыхъ матерій, стѣны же оклеены самыми дешевыми и грязными обоями. Странное соединеніе прихотливой роскоши почти съ грязью!

По выходѣ изъ дворца, мы осмотрѣли еще небольшой кіоскъ на берегу Босфора. Кіоскъ состоитъ изъ одной комнаты, изящно отдѣланной и весь какъ будто бы виситъ надъ водою.

Этимъ окончился нашъ осмотръ дворцовыхъ достопримѣчательностей. Признаться, мы всѣ ожидали найти въ этихъ дворцахъ ту сказочную восточную роскошь волшебныхъ чертоговъ, среди которой власти Востока проводятъ жизнь, полную нѣги и наслажденія, гдѣ они, упоенные властью и сладострастіемъ, опьяненные кальяномъ, забывая все окружающее, блаженствуютъ, ни о чемъ не заботясь и ни предъ кѣмъ не отвѣчая. Но ничего подобнаго этой волшебной обстановкѣ мы не встрѣтили; всюду—безвкусіе, какая-то казенщина, смѣсь богатства съ не-

понятною простотою, и вообще внѣшнее величіе дворцовъ далеко превосходитъ ихъ внутреннее.

Сопровождавшій насъ флигель-адъютантъ султана оказался очень милымъ и внимательнымъ человекомъ. Онъ получилъ образованіе въ высшей военной школѣ, гдѣ преподаютъ языки русскій и французскій. Его чрезвычайно интересовала Россія; онъ много спрашивалъ о нашихъ обычаяхъ, условіяхъ жизни и вообще высказывалъ сильную симпатію къ русскимъ, несмотря на то, что съ русскими туркамъ приходилось вести частыя войны. Англичанъ, какъ видно, турки жестоко не любятъ, видя въ нихъ только коварство и обманъ. Нашъ спутникъ откровенно высказалъ намъ, что «если бы турецкое правительство болѣе довѣряло русскимъ и жило съ ними въ добромъ согласіи, то никогда не дошло бы до того плачевнаго состоянія, въ которомъ оно находится въ настоящее время».

Поблагодаривъ нашего любезнаго путешественника, мы высадили его на берегъ около «Долма-Бахче», а сами отправились на нашъ пароходъ, такъ какъ было уже 4 часа по-полудни, и послѣ утомительныхъ осмотровъ мы желали подкрѣпиться русскимъ чайкомъ.

День былъ праздничный, погода восхитительная, и мы съ уважаемымъ Сергѣемъ Ивановичемъ, дабы не терять золотого времени даромъ, рѣшились прокатиться по Золотому Рогу до Сладкихъ водъ, осмотрѣть какъ Золотой Рогъ, такъ и народное гулянье на Сладкихъ водахъ, куда небогатая сѣренькая публика собирается въ праздничные дни для времяпровожденія.

Взявъ двухъ-весельный каикъ, мы, полулежа, покатались на немъ по тихимъ водамъ сначала Босфора, а потомъ Золотого Рога. Каикъ — длинная, очень уз-

кая лодка, сдѣланная изъ буковаго дерева, необыкновенно легкая и покойная на ходу; весла укрѣпляются на кожаныхъ петляхъ, которыя часто смазываются масломъ, отчего каикъ не идетъ, а только скользитъ по водѣ безъ всякаго шума. По Босфору и Золотому Рогу постоянно скользятъ эти каики, чрезвычайно оживляя и придавая особенную красоту всей мѣстности. Каики большею частью 2-хъ и 4-хъ-весельные, но встрѣчаются и 12-ти-весельные. Каики посольскіе, банкирскіе и вообще богатыхъ людей обыкновенно до-нельзя разукрашены и матросы на нихъ одѣты чрезвычайно живописно. Мнѣ случалось встрѣчать подобные каики съ матросами, одѣтыми въ вышитыя золотомъ бархатныя куртки-безрукавки, бѣлыя шаравары и въ фескахъ. Я не видѣлъ султанскихъ 20-ти-весельныхъ каиковъ, но — говорятъ — они необыкновенно роскошны. Каикъ нашъ не шелъ, а летѣлъ; пройдя оба моста, соединяющіе Галату со Стамбуломъ, мы шли уже безпрепятственно по Золотому Рогу. Мнѣ часто случалось читать о необыкновенной красотѣ обоихъ береговъ Золотого Рога, объ этой чудной природѣ, гдѣ дивное сочетаніе воды, горъ, неба и прекраснѣйшихъ зданій сливается въ одну волшебную гармонію величія и фантастическаго блеска, не поддающуюся никакому описанію. Эту мѣстность сравниваютъ даже съ калейдоскопомъ, въ которомъ разнообразнѣйшія картины мѣняются при каждомъ поворотѣ, чаруя взоръ и чувства, и человеку остается только съ безмолвнымъ благоговѣніемъ созерцать ихъ несравненную красоту.

Подъ такимъ возвышеннымъ впечатлѣніемъ описаній красотъ природы, плыли мы по Золотому Рогу и все ждали, что встрѣтимъ эти чарующія мѣста. — Не спорю, берега Золотого Рога, въ особенности въ

началѣ, когдаходишь въ него изъ Босфора, очень живописны, благодаря нагроможденному амфитеатру городскихъ зданій, между которыми мечети съ поднимающимися къ небу легкими минаретами придаютъ особенную красоту и оригинальность; съ правой стороны Галатская башня, окруженная массою зданій, и сотни разнообразныхъ судовъ, значительно оживляютъ всю картину Золотого Рога; но, подвигаясь далѣе вверхъ и подходя къ Адмиралтейству, строенія, расположенныя по берегамъ, принимаютъ уже болѣе бѣдный видъ. Самое Адмиралтейство состоитъ изъ довольно большихъ построекъ, но все это содержится крайне убого и неряшливо. — Стоящій около Адмиралтейства военный, довольно внушительный по количеству судовъ, флотъ не вооруженъ: очевидно, все здѣсь приходитъ въ запущеніе. Садовъ на пути нигдѣ нѣтъ, исключая лѣваго берега, на которомъ показывается отдѣльными группами кипарисъ, означаящій кладбище, а безъ зелени никакая мѣстность прельститъ не можетъ. Масса расположенныхъ по берегамъ Золотого Рога зданій большею частію деревянная; все это грязноватыя карточные домики, которые лѣпяся одинъ надъ другимъ и особенной красоты представлять не могутъ. Далѣе за Адмиралтействомъ Золотой Рогъ становится еще болѣе незначителенъ; горы понижаются, масса строеній уменьшается и характеръ мѣстности начинаетъ принимать болѣе сельскій видъ. Приближаясь къ Сладкимъ водамъ, Золотой Рогъ значительно суживается, и здѣсь ширина его не болѣе 10 саж., берега плоски, покрыты небольшою растительностью и на лужайкахъ въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись группы пріѣзжихъ изъ Константинополя. Сотни лодокъ и каиковъ положительно запруживаютъ узкую полосу воды. На полянахъ въ

разныхъ мѣстахъ расположились продавцы прохладительныхъ напитковъ; въ раскинутыхъ палаткахъ идетъ продажа холодныхъ закусокъ; масса гуляющей публики различныхъ національностей, столпясь отдѣльными кружками, закусываютъ и пьютъ кофе болѣе дешевымъ способомъ, привезя съ собою всю необходимую провизию; въ разныхъ мѣстахъ играютъ шарманки, подъ звуки которыхъ устраиваются танцы на лугу, а разные фокусники и небольшіе хоры цыганокъ забавляютъ публику. Всюду говоръ и веселье. Видно, что эта масса народа вырвалась изъ душнаго и вонючаго города повеселиться на свободѣ и подышать чистымъ воздухомъ. Издали картина эта въ общемъ чрезвычайно разнообразна и эффектна отъ всевозможныхъ красочныхъ сочетаній на зеленомъ фонѣ травы и деревьевъ. Но все идетъ чинно и весьма прилично.

Около 9 часовъ вся эта масса начала собираться въ обратный путь: лодки начали украшаться зелеными вѣтвями; на нѣкоторыхъ изъ нихъ раздавалось и пѣніе, а на большихъ 6-ти-весельныхъ лодкахъ подъ звуки шарманки даже и полькировали. Необыкновенно живописное зрѣлище представляла эта оживленная флотилія, когда она двинулась въ обратный путь. Во многихъ мѣстахъ берега усѣяны народомъ; всюду говоръ и оживленіе, пестрота и разнообразіе костюмовъ. Только турецкія женщины, съ полузакрытыми лицами, какъ оглашенные, сидѣли отдѣльными группами и видимо завидовали этой движущейся, веселящейся массѣ. Солнце бросало уже послѣдніе лучи, ярко освѣщая груды зданій и высящіеся минареты. Теплота и прозрачность воздуха придавали особенную прелесть всей картинѣ, но дымъ отъ снующихъ парходовъ распространялъ за собою сѣрнистый смрадъ, а съ приближеніемъ къ болѣе оживленной части го-

рода и въ особенности около мостовъ, гдѣ сосредоточивается торговля рыбой и разными припасами, атмосфера дѣлалась все болѣе удушливою, и мы почувствовали удовольствіе только когда снова выбрались на болѣе свободное пространство Босфора.

Пролетая по Золотому Рогу на быстроходномъ каикѣ и стараясь вглядываться во всѣ предметы, чтобы запечатлѣть ихъ лучше въ памяти, невольно пришло дило на мысль: сколько ужасовъ и бѣдствій сокрыто въ глубинѣ этихъ водъ; сколько сокрыто здѣсь преступленій и варварскихъ насилій; сколько погибло тутъ чудныхъ красавицъ гаремовъ, по прихоти и злобѣ ихъ властителей!... Эти грустные мысли были прерваны четырехъ-весельнымъ оскошнымъ каикомъ, который чуть было не налетѣлъ на насъ. Мы приблизились къ нашему пароходу «Одесса», гдѣ всѣ наши спутники были уже въ сборѣ. Послѣ вечерняго чаю, мы долго еще пробыли на палубѣ, слушая военную музыку, которая играла въ Топханіэ и любясь дивнымъ, неподражаемымъ видомъ на Константинополь. Если есть чѣмъ любоваться въ этомъ замѣчательномъ городѣ, то это именно видомъ на него съ парохода и въ особенности при вечернемъ освѣщеніи. Расположенный амфитеатромъ на холмахъ, перерѣзанный Босфоромъ и Золотымъ Рогомъ, этотъ дивный городъ при освѣщеніи десятками тысячъ газовыхъ фонарей, представляетъ дѣйствительно волшебную картину. Куполы мечетей съ своими стрѣльчатými, большею частію бѣлыми минаретами, рельефно вырисовываются на темномъ фонѣ какими-то фантастическими призраками. Особенно выдѣляется также мысъ Сераль-Бурну, съ расположенными на немъ зданіями, утопающими въ зелени кипарисовъ и платановъ. Противоположная сторона Босфора, по напра-

вленію къ Черному морю, представляетъ безконечную даль освѣщенныхъ береговъ и теряется въ безконечномъ пространствѣ темнѣющей полосы. Масса судовъ, расположенныхъ по Босфору, сверкающая узаконеннымъ числомъ горящихъ фонарей, придаетъ этой картинѣ особенную прелесть, а теплота южной ночи и долетавшіе до насъ звуки военного оркестра изъ Топханіэ довершали полное наслажденіе.

Общая наша бесѣда на пароходѣ продолжалась до 11 часовъ. Я между прочимъ заявилъ, что завтра ѣду на цѣлый день на «Принцезы острова», чтобы заключить осмотръ Константинополя именно тѣмъ поэтическимъ впечатлѣніемъ, какое оставляютъ, по словамъ всѣхъ туристовъ, Принцезы острова. Тутъ начались разногласія между присутствующими: одни были въ восторгѣ отъ этихъ острововъ, а другіе не находили ничего въ нихъ особеннаго и даже совѣтовали мнѣ не ѣздить туда. Съ послѣднимъ мнѣніемъ я не могъ согласиться уже потому, что слишкомъ много начитался восторженныхъ о нихъ отзывовъ, да и при отъѣздѣ изъ Петербурга мои знакомые твердили мнѣ, чтобы я непременно осмотрѣлъ Принцезы острова, что не видѣть этихъ острововъ—все равно что быть въ Римѣ и не видѣть папы. Такъ какъ я былъ въ Римѣ и видѣлъ папу, то, будучи въ Константинополѣ, я хотѣлъ непременно видѣть и «Принцезы острова». Побесѣдовавъ на палубѣ еще съ полчаса, мы разошлись по своимъ каютамъ подъ долетавшіе до насъ звуки увертюры оперы «Кармень».

Въ воскресенье, 10 мая, въ 10 часовъ утра, я отправился на каикѣ къ Галатскому мосту, чтобы сѣсть на пароходъ, отходящій на Принцезы острова. Не зная мѣстныхъ языковъ турецкаго и греческаго, я взялъ съ собою гида. День былъ чудный, публики

много и пароходъ началъ разсѣкать струи Босфора по направленію къ островамъ. Константинопольская публика въ праздничные дни отправляется на эти острова, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и заставить силами на цѣлую недѣлю, для вдыханія міазмовъ городского воздуха.

Группа Принцевыхъ острововъ состоитъ собственно изъ 9-ти острововъ; изъ нихъ только четыре заселены, а остальные необитаемы. Заселенные острова: *Проти*, *Антимона*, *Халки* и *Принкито*, или собственно «Принцевъ островъ». Пароходъ останавливается у всѣхъ острововъ, но масса гуляющей публики спѣшитъ на послѣдній островъ.

Островъ «*Проти*»—самый малый изъ всѣхъ и на немъ самое ничтожное поселеніе—не болѣе десяти домовъ. Островъ совершенно голый, безъ всякой растительности.

Во времена Византійско-Римской имперіи на этомъ островѣ было нѣсколько монастырей, въ которыхъ заточались, подвергались казнямъ и были погребены разные императоры и знатные вельможи. Отъ этихъ монастырскихъ построекъ не осталось никакихъ слѣдовъ.

Антимона—нѣсколько болѣе острова *Проти* по своей величинѣ, а равно и по населенію. Здѣсь я высадился съ парохода, чтобы подробнѣе осмотрѣть этотъ островокъ. Отъ пристани по берегу моря идетъ небольшая, узкая улица, застроенная въ два ряда деревянными домами, съ выдающимися балконами. Садовъ нѣтъ никакихъ и только на вершинѣ острова произрастаетъ небольшая группа сосноваго лѣса. Вся улица длиною не болѣе 100 саженой и оканчивается у пристани, откуда на небольшой лодкѣ я съ гиломъ переѣхалъ на слѣдующій островъ *Халки*.

Островъ Халки по обширности своей превосхо-

дить остальные. Островъ состоитъ изъ двухъ конусообразныхъ, довольно высокихъ сопокъ, покрытыхъ роскошною зеленью и великолѣпнымъ сосновымъ лѣсомъ. Вступая на этотъ островъ, васъ поражаетъ прежде всего чудный ароматическій сосновый запахъ. Я пошелъ въ ложбину двухъ большихъ холмовъ, на одномъ изъ нихъ возвышалось обширное каменное зданіе коммерческаго училища. Около училища старинная церковь Успенія Богоматери и около этой церкви бѣлая ограда съ чугунною рѣшеткою, внутри которой стоитъ гранитный памятникъ. Это памятникъ русскимъ воинамъ, которые во время войны 1829 г. томились въ плѣну въ обители при церкви Успенія Богоматери и, измученные ранами и голодомъ, сложили здѣсь свои кости за Вѣру, Царя и Отечество. Какъ мнѣ передавали, ограда устроена великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ 1849 г., когда онъ посѣтилъ этотъ островъ. Могила содержится опрятно; посажены кустарники и устроено нѣсколько клумбъ съ цвѣтами; рѣшетка, впрочемъ, требуетъ уже ремонтировки. Мѣсто для вѣчнаго упокоенія нашихъ славныхъ собратій выбрано весьма удачно—подъ тѣнью родныхъ сосенъ, какъ бы этимъ напоминая имъ объ ихъ родинѣ.

Преклонивъ колѣна и сотворивъ молитву объ успокоеніи дорогихъ соотечественниковъ, я отправился сосновымъ лѣсомъ къ набережной мимо другой сопки, или вершины горы, на которой стоитъ греческая церковь во имя Св. Троицы, съ огромнымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщаются семинарія и академія, содержимыя на счетъ греческой патриархіи.

Чтобы дойти до пристани, нужно было пройти еще цѣлую узкую улицу, около берега моря. Постройки эти ниже всякой критики: домики сколо-

чены изъ деревянныхъ дощечекъ, или, какъ нѣкоторые справедливо выражаются—изъ макаронныхъ ящиковъ, съ выдающимися окнами; все это содержится весьма неопрятно; садовъ не существуетъ—видно, что на этомъ островѣ нѣтъ владѣльцевъ богатыхъ дачъ. Заселеніе всѣхъ острововъ только съ одной сѣверной и сѣверо-западной стороны, обращенной къ *Кади-Кюю*, южной части Скутари.

Достигнувъ пристани, я въ лодкѣ переправился черезъ проливъ на главный островъ «Принкипо», къ единственной его пристани.

Островъ Принкипо—самый главный по величинѣ своей изъ группы Принцевыхъ острововъ, образуетъ изъ себя одну гору, оканчивающуюся усѣченнымъ конусомъ, вершина которой покрыта прекраснымъ густымъ сосновымъ лѣсомъ. Островъ застроенъ гораздо болѣе, чѣмъ другіе острова группы, и главныя постройки находятся на сѣверо-западной и сѣверной сторонахъ. Я взялъ коляску, чтобы объѣхать весь островъ, и это удалось особенно удобно, потому что кругомъ острова пролегаетъ отличная шоссированная дорога. Хотя островъ этотъ заселенъ болѣе другихъ острововъ, но все еще половина его остается незаселенною. По дорогѣ въ полугорѣ, въ сосновомъ лѣсу, построена небольшая обитель съ древнею церковью, во имя св. Николая Чудотворца, и въ недалекомъ разстояніи отъ этой обители—небольшой памятникъ изъ камня, подъ которымъ погребены павшіе русскіе воины, находившіеся въ плѣну въ періодъ войны 1854 и 1855 годовъ. Памятникъ этотъ тоже, какъ и памятникъ на островѣ Халки, требуетъ уже ремонта. Обѣ эти могилы храбрыхъ русскихъ воиновъ находятся въ такомъ незамѣтномъ, невидномъ мѣстѣ, что тысячи русскихъ путешественниковъ, лю-

буйсь прелестями Принцевыхъ острововъ, и не замѣчаютъ эти святія мѣста, дорогія для всякаго истинно русскаго. Помолясь о вѣчномъ успокоеніи душъ и у этого второго памятника, я продолжалъ дальнѣйшій путь для осмотра острова. Дорога, правда, живописная: то идетъ въ срединѣ негустаго сосноваго лѣса, то въ виду моря, гдѣ встрѣчаются изрѣдка небольшія, изящныя дачки, съ возрождающимися небольшими садиками. Окруживъ такимъ образомъ болѣе половины всего острова, я выѣхалъ въ линію густо-застроенныхъ дачъ; нѣкоторыя изъ нихъ поднимаются амфитеатромъ въ гору, а другія спускаются къ морю, окруженныя небольшими садами. Нѣсколько дачъ даже изящной архитектуры, съ затѣйливыми украшеніями, но нигдѣ я не встрѣтилъ тѣнистыхъ садовъ, что для южнаго климата и жгучаго солнца крайне необходимо. Притомъ почти всѣ дачи построены въ двѣ линіи, и между ними—узкая шоссированная дорога, которую въ лѣтнее время необходимо поливать почти каждый часъ, чтобы избѣгать пыли. Тамъ же, гдѣ дачи расположены ближе къ морю, сады ихъ круто спускаются къ самому берегу, что не совсѣмъ удобно для прогулокъ, и гулять можно только по одной шоссированной дорогѣ, какъ у насъ въ Парголовѣ. Подобныя прогулки едва ли могутъ доставлять особенное удовольствіе. Единственное отрадное мѣсто для прогулокъ—это подниматься въ горы и наслаждаться тамъ чуднымъ ароматомъ сосноваго лѣса; но эта прогулка удобна далеко не для всѣхъ. Проѣхавъ линію красивыхъ дачъ, я выѣхалъ въ улицу съ нѣсколькими проулками, застроенную некрасивыми деревянными домиками, по видимому жилищами постоянныхъ обитателей острова. Здѣсь попадаются небольшія лавки съ продажею

съѣстныхъ припасовъ и всякаго рода зелени, небольшіе грязные ресторанчики и кофейни; все это выглядитъ очень грязно и непривлекательно. Впрочемъ, около самаго берега моря находятся два или три ресторана, устроенные очень комфортабельно, съ небольшими при нихъ садиками и отдѣльными номерами, которые отдаются въ наймы и на болѣе продолжительное время.

Такъ какъ было уже три часа и до отхода парохода оставалось еще времени болѣе часа, я зашелъ въ одинъ изъ такихъ ресторановъ, чтобы закусить чего-нибудь, и расположился на открытой террасѣ, висящей надъ моремъ. Мнѣ подали завтракъ изъ трехъ блюдъ, приготовленныхъ такъ дурно и притомъ до того уже легкихъ, что я положительно остался голоденъ; между тѣмъ цѣну взяли тяжеловѣсную—8 фр. безъ вина.

Нѣтъ сомнѣнія, что Принцевы острова заслуживаютъ того, чтобы ихъ осмотрѣть, но ощущенія необыкновенной красоты этихъ острововъ и чего-то непонятно-чарующаго отъ сочетанія воды, прозрачнаго воздуха и неба—я на себѣ не испыталъ. Впрочемъ, я не художникъ, и быть можетъ не въ состояніи былъ постичь красоты этихъ линій, сочетаній и всего «непонятно-чарующаго»... Съ парохода острова эти дѣйствительно эффектны, и мнѣ въ особенности нравится островъ Халки, съ его двумя возвышающимися вершинами, покрытыми почти отъ основанія и до вершины превосходнымъ сосновымъ лѣсомъ, съ выдающимися на вершинахъ постройками. Несомнѣнно также, что воздухъ на этихъ островахъ цѣлительнъ, благодаря соединенію морского съ дивнымъ сосновымъ.

Завидя подходящій пароходъ, я сошелъ къ при-

стани, и черезъ 10 минутъ мы отходили уже по направленію къ азиатскому берегу Скутари. По мѣрѣ отдаленія отъ острововъ, я долго еще всматривался въ общую картину этой группы сочетанія—горъ, зелени, лѣса и освѣщенія. Издали эти острова гораздо эффектнѣе, чѣмъ вблизи, потому что не видишь безобразныхъ построекъ; исключеніе составляютъ, конечно, дачи богатыхъ грековъ и армянъ на Принкипо.

Мнѣ очень много говорили о прелестныхъ виллахъ богатыхъ *банкировъ и купцовъ англійскихъ и французскихъ*, выстроенныхъ въ Кади-кюю. Желая взглянуть на эту часть города и вообще на Скутари, я сошелъ съ парохода на пристань въ Кади-кюю. У пристани стояло много прекрасныхъ колясокъ, и, взявъ экипажъ, я велѣлъ везти себя по улицамъ «Мода», какъ здѣсь называютъ улицы, застроенныя домами богатыхъ иностранцевъ.

Богатые иностранные банкиры, купцы и разный дѣловой людъ, чтобы не жить въ узкихъ улицахъ Перы, Галаты и Стамбула, выстроили себѣ дома на азиатской сторонѣ по южной части Скутари, около Кади-кюю. Дома изящной архитектуры, съ садами, напоминаютъ дома Ниццы и Канна. Постройки расположены частію на берегу моря и по прилегающимъ къ морю улицамъ. Владѣльцы этихъ домовъ по дѣламъ своимъ ежедневно ѣздятъ въ европейскую часть города на пароходахъ или на собственныхъ богатыхъ кайкахъ, и по окончаніи всѣхъ дѣлъ возвращаются обратно.

Кади-кюю, или древній Халкедонъ — это прекрасная равнина, тянущаяся на югъ отъ Скутари, на которой происходятъ маневры и военныя упражненія; равнымъ образомъ здѣсь же устраиваются лѣтнія гулянья женщинъ гаремовъ Скутари.

Проѣхавъ по улицамъ, населеннымъ иностранцами, я приказалъ провезти себя по главнымъ улицамъ Скутари, чтобы имѣть понятіе объ этой части города и взглянуть на знаменитое турецкое кладбище.

Скутари—одно изъ самыхъ большихъ предмѣстій Константинополя—расположено на холмахъ, въ здоровой мѣстности, имѣетъ много прекрасныхъ зданій, окруженныхъ садами; отличныя казармы на берегу моря; много мечетей, базаровъ и даже есть шелковыя и бумажныя фабрики. Скутари замѣчательнъ и въ торговомъ отношеніи: это конечный пунктъ каравановъ, приходящихъ изъ Малой Азіи въ Константинополь и начальный пунктъ для каравановъ, отправляющихся изъ Константинополя въ Малую Азію, Персію и даже въ Индію. Такъ какъ Скутари—главный торговый пунктъ для приходящихъ и отходящихъ каравановъ, потому здѣсь много хорошо устроенныхъ гостинницъ, караванъ-сераевъ. Населеніе Скутари нынѣ доходитъ уже до 130.000 и состоитъ главнымъ образомъ изъ турокъ и армянъ; грековъ относительно не много, а евреи начинаютъ уже и здѣсь пробиваться въ значительной степени.

Проѣхавъ по нѣкоторымъ главнымъ улицамъ, я достигъ знаменитаго турецкаго кладбища, которое раскинулось на нѣсколько верстъ. Это громадный кипарисный лѣсъ, и изъ-за этого лѣса торчатъ въ безчисленномъ множествѣ, какъ привидѣнія, могильные памятники, состоящіе большею частію изъ поставленнаго стоймя камня или плиты, вершина котораго у мужчинъ увѣнчана чалмой, а у женщинъ — простой шишкой. Турки желаютъ, чтобы ихъ большею частію хоронили въ Скутари, такъ какъ они сами сознаютъ непрочность своего владычества на европейской сто-

ронѣ. Кладбища въ Стамбулѣ и Галатѣ тоже усажены кипарисами и вообще содержатся очень опрятно.

Осмотрѣвъ кладбища, я подѣхалъ къ одной изъ пристаней на Босфорѣ и отправился на каикѣ къ нашему пароходу, гдѣ вся наша компанія давно уже отобѣдала; но, благодаря любезности нашего капитана, мнѣ былъ оставленъ полный обѣдъ: это было очень кстати, такъ какъ, несмотря на мой дорогой завтракъ, я былъ страшно голоденъ, и не въ состояніи былъ даже отвѣчать на вопросы, предлагаемые мнѣ моими спутниками на пароходѣ, относительно того, какъ мнѣ понравились Принцевы острова и какое они произвели на меня впечатлѣніе. вмѣсто отвѣта я просилъ позволенія прежде подкрѣпить свои силы, а ужъ потомъ спорить съ обѣими партіями—за и противъ Принцевыхъ острововъ.

Едва я вышелъ на палубу, послѣ вкуснаго пароходнаго обѣда, чтобы въ послѣдній разъ насладиться прелестями Босфора при вечернемъ его освѣщеніи, — такъ какъ на другой день пароходъ нашъ долженъ былъ сняться съ якоря и идти въ Одессу, — на меня опять посыпались разспросы насчетъ впечатленія, произведеннаго на меня Принцевыми островами. Объясненія мои насчетъ этихъ острововъ — сказалъ я — будутъ весьма кратки, такъ какъ острова эти хорошо извѣстны присутствующимъ. Мнѣ кажется, что мнѣнія обѣихъ сторонъ несправедливы: тѣ, которые говорили, что острова эти не стоятъ смотрѣть, жестоко ошибаются: посмотрѣть ихъ весьма стоитъ, такъ какъ они не лишены извѣстнаго рода живописности по своему положенію, по эффектной разбросанности сосноваго лѣса, изящнымъ дачамъ на островѣ Принкипо, а равно и по красотѣ освѣщенія, что весьма важно для лицъ, посвященныхъ въ тайны распо-

женія красокъ и свѣтовыхъ тѣней, въ чемъ обыкновенный смертный не находитъ ничего особеннаго. Что же касается до тѣхъ, которые о Принцевыхъ островахъ говорятъ съ особенною восторженностью, находя, что восхитительнѣе, прелестнѣе этихъ острововъ нигдѣ ничего нельзя встрѣтить, и сравниваютъ острова эти даже съ такою же рѣдкостью, какъ папа въ Римѣ, то мнѣ кажется, что это увлеченіе превосходитъ свои границы. Подобныхъ картинъ, какъ эти острова, въ природѣ можно встрѣтить много, а римскій папа въ мірѣ одинъ, и увидѣть его — дѣйствительно большая рѣдкость.

Между тѣмъ солнце склонялось къ западу, такъ какъ было уже 8 ч. вечера, и лучи его падали какъ разъ на зданія въ Стамбулѣ и въ особенности на расположенныя на мысѣ Сарай-Бурну, гдѣ возвышается и св. Софія. Золотисто-фіолетовый цвѣтъ этихъ лучей придавалъ особенную прелесть всей мѣстности, и, любясь этой дивной картиной, многіе говорили, что если бы на храмѣ св. Софіи возвышался золотой крестъ — какое волшебное сіяніе было бы отъ этихъ заходящихъ лучей на этомъ дивномъ крестѣ!

Солнце зашло и послѣдніе лучи его исчезли. Темнота начала быстро сгущаться отъ горизонта къ срединѣ неба; на потемнѣвшемъ сводѣ начали вспыхивать сначала блѣдно, а потомъ все ярче и ярче разныя созвѣздія. Одновременно съ увеличеніемъ числа небесныхъ созвѣздій и на землѣ, во всѣхъ частяхъ города, распространялось освѣщеніе. Въ воздухѣ царилъ полная тишина; изрѣдка только теплый вѣтеръ обвѣвалъ наши лица и доносилъ до насъ звуки военнаго оркестра изъ Топханіэ.

Подали на палубу чай; закурили—кто папиросы, кто сигары, и въ пріятной бесѣдѣ, начали по вче-

рашнему услаждаться дивною южною ночью и восхитительною картиною Босфора.

— Да, господа, — началъ говорить одинъ изъ присутствующихъ: — сегодня мы любуемся этой восхитительною картиною, а завтра, войдя въ наше негостеприимное Черное море, можетъ быть, подвергнемся всѣмъ неприятностямъ морской болѣзни. Но къ чему грустныя мысли! Можетъ быть, и завтра будемъ тоже сидѣть на палубѣ и восхищаться — если не такою же чудною картиною, потому что передъ глазами у насъ не будетъ ужъ величественнаго Босфора, — такъ свѣтилами небесными, плескомъ моря и игрою дельфиновъ около парохода.

Среди подобныхъ разговоровъ мы съ Сергѣемъ Ивановичемъ рѣшили: встать пораньше, идти въ послѣдній разъ въ храмъ Св. Софіи и еще разъ полюбоваться величіемъ геніальнаго созданія рукъ челоувѣческихъ, сотворить въ послѣдній разъ крестное знаменіе въ томъ храмѣ, откуда и мы, православные русскіе, просвѣтились познаніемъ истиннаго Бога, и, конечно, пожелать, чтобы поскорѣ наступило то время, когда мы, православные христіане, могли бы не тайно, а явно приносить наши молитвы въ этомъ же храмѣ.

Кромѣ храма Св. Софіи, мы рѣшились осмотрѣть русскій госпиталь и Пантелеймонское подворье, въ которомъ наши русскіе православные паломники встрѣчаютъ такой радушный приѣмъ со стороны иноковъ Пантелеймонскаго Аѳонскаго монастыря. Въ заключеніе я и Сергѣй Ивановичъ съ семействомъ рѣшили выѣхать изъ Константинополя въ экипажѣ до дворца нашего посланника на Босфорѣ, чтобы осмотрѣть подробнѣе мѣстность отъ Константинополя до Буюкъ-дере съ сухого пути, осмотрѣть дивный садъ при дворцѣ нашего посольства, и главное мнѣ хотѣлось

проститься съ секретаремъ при посольствѣ А. А. С — мъ, такъ любезно оказавшимъ мнѣ вниманіе при первомъ проѣздѣ моемъ черезъ Константинополь.

Предположеніе наше выѣхать изъ Константинополя сухимъ путемъ до лѣтняго дворца нашего посольства въ Буюкъ-дере мы сообщили нашему любезному капитану и просили его прислать за нами съ парохода шлюпку, когда пароходъ остановится передъ домомъ посланника, гдѣ будетъ изъ посольства принимать почту. Капитанъ съ полною любезностью согласился на нашу просьбу, и такимъ образомъ мы получили возможность проѣхать въ экипажѣ до Буюкъ-дере и осмотрѣть хотя небольшую часть окрестностей Царяграда.

Стеклянки на пароходахъ преисправно продолжали бить свои узаконенные часы, на пароходѣ все уже успокоилось, такъ какъ всей прислугѣ и командѣ предстоялъ 40-часовой переходъ до Одессы, гдѣ все должно было быть на-сторожѣ; часть публики тоже разошлась уже по каютамъ, а мнѣ все еще жаль было разстаться съ чудной панорамой Босфора, которую, можетъ быть, я видѣлъ въ послѣдній разъ; притомъ и долетавшіе изъ Топханіэ звуки военной музыки невольнo удерживали на палубѣ. Наконецъ усталость и сонъ начали брать свое, и мы всѣ разбрелись по каютамъ до слѣдующаго утра.

На другой день съ восходомъ солнца началась на пароходѣ бѣготня и шумъ отъ нагрузки товаровъ, долѣ спать было невозможно, и я поторопился выйти на палубу, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться на Босфоръ.

Солнце уже взошло и городъ весь свѣтился и сверкалъ. Теплое майское утро, Принцевы острова вдали, еще подернутые легкою мглою фіолетоваго

цвѣта, движеніе мелкихъ лодокъ и париходовъ по Босфору — все было исполнено той же красоты и картинности. Нельзя было даже сравнить эту очаровательную картину Босфора съ тѣмъ, что я видѣлъ въ первый проѣздъ мой чрезъ Константинополь въ послѣднихъ числахъ марта, когда небо было покрыто свинцовыми облаками, дулъ острый сѣверо-восточный вѣтеръ, безпрестанно накрапывалъ мелкій дождь и панорама всей этой дивной картины нерѣдко исчезала въ туманѣ.

Согласно вчерашнему нашему предположенію, мы съ С. И. въ 8 часовъ утра отправились въ послѣдній разъ взглянуть еще разъ на чудо творенія рукъ человѣческихъ — Св. Софію, запечатлѣть въ памяти всѣ его детали и совершить тайную молитву въ этомъ храмѣ Премудрости Божіей.

Мнѣ приходилось много читать, слышать устныхъ разсказовъ и видѣть рисунки Св. Софіи, но дѣйствительность далеко превзошла всѣ мои ожиданія: это идеаль художественной красоты и чудо искусства, по легкости и воздушности всей постройки, несмотря на колоссальность своихъ размѣровъ.

Изъ храма Св. Софіи мы по конно-желѣзной дорогѣ отправились въ русскій госпиталь, который помѣщается на самомъ концѣ Перы, въ самой здоровой мѣстности. Госпиталь устроенъ бывшимъ посломъ графомъ Игнатьевымъ и помѣщается въ двухъ отдѣльныхъ флигеляхъ: лѣтнемъ и зимнемъ; по срединѣ двора расположенъ небольшой садикъ; всѣ зданія вмѣстѣ съ церковью окружены оградой. Комнаты для больныхъ высокія, хорошо вентилированныя и снабжены всѣмъ необходимымъ для удобства и спокойствія больного; въ каждомъ этажѣ — особая ванна; въ кухнѣ примѣрная чистота. Церковь отдѣльная, съ

прекраснымъ иконостасомъ, содержится тоже необыкновенно чисто и наружностью напоминаетъ наши сельскія церкви.

Въ печати нѣсколько разъ появлялись замѣтки насчетъ русскаго госпиталя въ Константинополь: якобы доступъ туда для бѣднаго русскаго люда затруднителенъ изъ-за слишкомъ сложныхъ канцелярскихъ формальностей, и что госпиталемъ пользуются большею частію иностранцы и иновѣрцы, а русскимъ отказываютъ въ приѣмѣ. Едва ли эти замѣчанія справедливы. — Въ бытность мою въ этомъ госпиталѣ я нашелъ больныхъ всего 6 человекъ, изъ которыхъ пятеро были русскіе православные и одинъ грекъ. Если иногда и принимаютъ въ госпиталь иностранцевъ или иновѣрцевъ, то въ тѣхъ только случаяхъ, когда имѣется много свободныхъ мѣстъ, и не ради какого-либо денежнаго интереса самого госпиталя, а по долгу челоѣколюбія. — Разъ кто относится съ предвзятою мыслью къ какому-нибудь дѣлу, тотъ можетъ усмотрѣть злоупотребленіе и во всякой благой цѣли.

Ближайшій надзоръ за госпиталемъ имѣетъ Русское Консульство въ Константинополь; оно состоитъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ нашего посла и его супруги. Это, я думаю, лучшее ручательство, что въ госпиталѣ господствуютъ порядокъ и должная справедливость. При томъ надобно замѣтить еще, что русскіе поклонники изъ низшаго сословія, проѣзжающіе въ Святую Землю и на Аѳонъ, останавливаясь на аѳонскихъ подворьяхъ, въ случаѣ болѣзни ни за что не пойдутъ въ госпиталь предпочитая перемогаться въ самомъ подворьѣ и лечиться своими домашними средствами, и только въ крайности уже ихъ силою перевозятъ въ госпиталь.

Аѳонскихъ подворій, гдѣ останавливаются русскіе

поклонники въ Святую Землю и на Аѳонъ, три: Пантелеймонское, Андреевское и Ильинское.

Мы имѣли намѣреніе осмотрѣть только Пантелеймонское, такъ какъ оно чище, просторнѣе и устроено болѣе удобно для паломниковъ; къ нему и пошли мы изъ русскаго госпиталя. Подворье это помѣщается въ особенномъ домѣ въ Галатѣ, на углу двухъ грязныхъ улицъ и съ отвратительнымъ переулкомъ напротивъ самага подворья.—Домъ довольно обширный въ 4 этажа и выстроенъ скорѣе въ европейскомъ, чѣмъ въ азіатскомъ вкусѣ, съ прекрасными свѣтлыми, чистыми комнатами въ трехъ этажахъ; въ 4-мъ этажѣ устроена отличная церковь, гдѣ богомольцы, останавливаясь на подворьѣ, могутъ ежедневно слушать божественную службу на родномъ языкѣ. Настоятель этого подворья, о. Паисій, имя котораго извѣстно уже во всей Россіи, заслуживаетъ полнаго уваженія за то вниманіе, съ которымъ онъ относится къ русскимъ паломникамъ, со дня прибытія ихъ въ Константинополь до момента отправленія ихъ обратно на пароходъ.—Свѣтлыя, чистыя комнаты общихъ помѣщеній, отдѣльно для мужчинъ и женщинъ, въ которыхъ помѣщается до 10 и 15 человѣкъ, снабжены соломенными матрацами, покрытыми коврами и подушками; въ отдѣльныхъ же комнатахъ, которыхъ числомъ выше 25, для 1 и 4 человѣкъ, стоятъ желѣзныя кровати съ тюфяками, необходимое число стульевъ и столиковъ, а въ нѣкоторыхъ комнатахъ и нероскошные диваны; на всѣхъ окнахъ шторы; всюду чистота и опрятность. При мнѣ подавали въ общіе отдѣльные номера самовары и приборы для чая съ мягкимъ бѣлымъ хлѣбомъ, все опрятно и чисто.—Имѣется общая столовая, отдѣленная аркой отъ небольшой комнаты, въ которой размѣщены св. иконы въ видѣ

иконостаса съ аналоемъ, съ котораго во время трапезы читается житіе святыхъ угодниковъ. Пища желающимъ предлагается постная; особой платы не взыскивается ни съ кого и каждый уплачиваетъ по своимъ средствамъ. Кухня содержится монахами необыкновенно чисто. Воздухъ во всемъ зданіи, не смотря на то, что оно помѣщается въ грязныхъ улицахъ, весьма свѣжій и всѣ отхожія мѣста содержатся необыкновенно чисто, что рѣдкость на Востокѣ, благодаря первобытному устройству этихъ помѣщеній.—Кромѣ общаго благоустройства, въ Пантелеймонскомъ подворьѣ важно еще и то, что въ 4-мъ этажѣ, гдѣ помѣщается церковь, кругомъ всего дома устроена галерея, гдѣ паломники вдоволь могутъ наслаждаться сравнительно болѣе чистымъ воздухомъ, такъ какъ зданіе подворья возвышается надъ всѣми сосѣдними домами въ Галатѣ. Кромѣ чистаго воздуха, съ этой галереи открывается великолѣпный видъ на Стамбуль, Босфоръ и Золотой Рогъ.

Въ Палестинѣ я спрашивалъ богомольцевъ о времени ихъ пребыванія въ Константинополь, и никто не изъявилъ какого-либо неудовольствія на притѣсненія во время ихъ пребыванія въ Константинополь какъ въ Пантелеймонскомъ, такъ и въ другихъ подворьяхъ, но о Пантелеймонскомъ подворьѣ отзываются съ большею похвалою.

Схимонахъ о. Паисій, прощаясь со мною, благословилъ меня отъ имени Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря св. иконою Богоматери, подъ названіемъ «Достойно есть». Передавая мнѣ эту св. икону, о. Паисій сообщилъ мнѣ исторію ея происхожденія. «Въ Х вѣкѣ, въ одной изъ келій Корейской лавры на Аѳонѣ, жилъ старецъ съ послушникомъ. Однажды старецъ отправился въ лавру, а послушникъ остался

въ келіи. Вечеромъ къ послушнику попросился ночевать странникъ въ монашескомъ одѣяніи. Ночью оба стали на молитву, и послѣ того какъ послушникъ прочелъ: «*Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимъ, безъ истлѣнія Бога-Слово родшую, сущую Богородицу Тя величаемъ*», монахъ-странникъ началъ читать ту же молитву слѣдующимъ образомъ: «*Достойно есть яко во истину блажити Тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего, честнѣйшую херувимъ*» и т. д. Послушникъ, выслушавъ эту молитву, просилъ старца научить его этой молитвѣ. Старецъ согласился и спросилъ бумаги, чтобы написать эти слова. Бумаги не было и нашлась только каменная доска, на которой странникъ и начертилъ пальцемъ эту молитву весьма ясно. Отдавая эту доску послушнику, старецъ прибавилъ «*произнесите эти слова какъ написано и пусть всѣ повторяютъ ихъ чаще*». Отдавъ эту доску съ начертанною молитвою, странникъ исчезъ. Съ тѣхъ поръ пѣніе этой молитвы вошло во всеобщее церковное употребленіе, и икона, предъ которою странникъ произнесъ впервые эту священную пѣснь Богородицѣ, получила названіе «*Достойно есть*».

Поблагодаривъ достойнѣйшаго о. Паисія за св. икону и за доставленное удовольствіе видѣть Пантелеймонское подворье въ такомъ отличномъ состояніи, мы отправились на пароходъ, такъ какъ было уже 11 часовъ и пора была отправляться сухимъ путемъ въ Буюкъ-дере.

Изъ числа замѣчательныхъ предметовъ по живописному своему положенію, нельзя не упомянуть о небольшомъ островкѣ на Босфорѣ, который во все пребываніе наше въ Константинополь былъ у насъ передъ глазами. На этомъ островкѣ построена неболь-

шая башня, подъ названіемъ *Леандра*. Башня эта среди лазоревой воды Босфора останавливаетъ на себѣ вниманіе каждаго путешественника и съ нею соединены различныя легенды. Въ дѣйствительности это есть остатокъ древнихъ укрѣпленій, которыя замыкали входы въ Босфоръ и Константинопольскую гавань.

Прежде чѣмъ оставить совѣмъ Константинополь, я въ нѣсколькихъ словахъ скажу объ общемъ впечатлѣніи, которое Константинополь производитъ на путешественника.

Я сказалъ уже выше о красотѣ и прелести Босфора, съ котораго и нужно любоваться на весь Константинополь, раскинувшійся по холмамъ, съ полукруглыми куполами своихъ мечетей и множествомъ стрѣлообразныхъ минаретовъ, съ нагроможденными между нихъ безчисленными строеніями, тѣсно скученными и поднимающимися амфитеатромъ; все это въ общемъ представляетъ весьма живописную картину. Стоитъ только сойти на берегъ, чтобы получить разочарованіе. Исключая двухъ улицъ въ Перѣ, которыя нѣсколько напоминаютъ вамъ благоустройство европейскаго города, съ порядочными европейскими домами, прелестнымъ дворцомъ Русскаго Посольства, небольшимъ городскимъ садомъ и нѣсколькими европейскими магазинами и небольшою улицу въ Стамбулѣ, ведущую отъ Св. Софіи, населенную армянами, все остальное представляетъ страшную грязь и зловоніе. Большая часть построекъ, кажущихся съ Босфора живописными, на самомъ дѣлѣ—жалкія лачуги, прямо сколоченныя изъ досокъ. Это опять-таки тѣ же дома, сколоченные изъ «макаронныхъ ящиковъ». Всѣ эти лачуги жмутся одна возлѣ другой безъ всякихъ промежутковъ и безъ дворовъ. Въ случаѣ пожара, весь городъ можетъ выгорѣть въ нѣсколько

часовъ, такъ какъ тушить пожаръ нѣтъ никакой возможности, по узкости улицъ и неимѣнію дворовъ при домахъ.

Вся жизнь турокъ происходитъ на улицѣ, гдѣ они работаютъ, отдыхаютъ, ѣдятъ, ведутъ бесѣды и торгуютъ. Всѣ нечистоты, весь соръ и хламъ—все выбрасывается на улицы, которыя притомъ переполнены грязными шатающимися собаками, самой простой и отвратительной породы, что при узкихъ улицахъ производитъ страшную грязь и зловоніе. Вниманіе со стороны гражданъ къ собакамъ удивительное: во многихъ мѣстахъ стоятъ на углахъ тротуаровъ каменные выдолбленные корыта, въ которыхъ постоянно держится вода для собакъ. Замѣчательно, что городъ раздѣленъ самими собаками на участки, которые они ревниво охраняютъ, и плохо придется той собакѣ, которая забредетъ въ чужую улицу—немедленно послѣдуетъ изгнаніе съ весьма чувствительной трепкой. Осматривая Константинополь, мы были свидѣтелями, какъ собаки напали на зашедшую въ ихъ территорію чужую собаку, причемъ не только летѣли клочья шерсти отъ этой жертвы собачьяго гнѣва, но и сама она была сброшена ими въ глубокой ровъ, куда и полетѣла стрѣлою. Собаки эти хозяевъ не имѣютъ, и потому питаются подачками или разгребая выбрасываемыя нечистоты и соръ, откуда и добываютъ себѣ пищу. Еще одно любопытное явленіе относительно константинопольскихъ собакъ: несмотря на страшную жару, спертость воздуха и существованіе впроголодь, не слышно примѣровъ бѣшенства собакъ. Случись такое несчастіе—всѣ собаки, перегрызя одна другую, добрались бы и до жителей; тогда ужъ и Пастѣровскій соборъ ничему не поможетъ.

Между тѣмъ какъ на улицахъ Константинополя

царить страшная нечистота и зловоніе, въ мѣстностяхъ около мечетей и въ самыхъ мечетяхъ, на кладбищахъ и въ садахъ соблюдаются безусловный порядокъ и опрятность.

Весь городъ освѣщенъ газомъ и вымощенъ булыжникомъ, но весьма небрежно; тротуары не вездѣ устроены; извозчики съ европейскими экипажами: ландо, кареты и коляски очень хорошия.

Населеніе турецкое сочувственно относится къ христіанамъ и въ особенности къ русскимъ. Заключение это я дѣлаю изъ собственнаго опыта: въ мечетяхъ, на базарахъ и на улицахъ, если случалось обращаться черезъ переводчика къ туркамъ,—они, узнавъ, что мы русскіе, всегда охотно давали во всемъ отвѣты и не премѣнно прибавляли: «Московъ-якши, карошъ». Такое же мнѣніе о туркахъ я слышалъ и отъ нашихъ паломниковъ въ Іерусалимѣ.

Наконецъ наступило время отправляться въ Буюкъ-дере. Я и семейство С. И. въ послѣдній разъ взглянули съ парохода на всю панораму Константинополя, перекрестились, взглянувъ на Св. Софію и спустились въ кайкъ, который черезъ нѣсколько минутъ доставилъ насъ на берегъ Галаты, гдѣ насъ ожидало прекрасное ландо и мы поѣхали улицами Галаты и Топханію параллельно Босфору. Проѣхали часть города Бышикташъ, мимо дворца Ильдызъ-кіоскъ, стоящаго на возвышеніи съ огромными пристройками и садами, гдѣ постоянно живетъ нынѣшній султанъ Абдулъ-Гамидъ; наконецъ выѣхали на шоссированную дорогу, обсаженную платанами, которая и ведетъ въ Буюкъ-дере. Весь путь длится 2½ часа; мѣстность скучная, ничѣмъ незамѣчательная, большею частью пустынная и необработанная; только спускаясь

уже къ Босфору, начинаютъ встрѣчаться дачи съ садами.

Буюкъ-дере — лѣтнее мѣстопребываніе нашего посла, одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ на Босфорѣ. Деревянный домъ съ мезониномъ и флигелями расположенъ на самой набережной, отдѣленной отъ послѣдней прекрасной рѣшеткой съ воротами, увитыми зеленью, и на верху дома — русскій императорскій гербъ. Домъ съ флигелями отгѣняется великолѣпнымъ садомъ изъ разныхъ древесныхъ породъ, гдѣ господствуютъ столѣтніе платаны и кипарисы и садъ расположенъ террасами по весьма крутой горѣ. Вся эта мѣстность приобрѣтена русскимъ правительствомъ еще въ прошломъ столѣтіи отъ богатаго англичанина.

Безспорно, это лучшая мѣстность на Босфорѣ, какъ по красотѣ природы, такъ и въ климатическомъ отношеніи: здѣсь нечувствительно знойное лѣто, вслѣдствіе дуящихся прохладныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ съ Чернаго моря, а громадный тѣнистый садъ доставляетъ постоянную защиту отъ жгучихъ лучей солнца.

Цѣлью поѣздки въ Буюкъ-дере, кромѣ осмотра мѣстныхъ достопримѣчательностей, было еще желаніе проститься съ милѣйшимъ А. А. С — вымъ и еще разъ поблагодарить его за вниманіе, которое онъ оказалъ мнѣ въ первый проѣздъ мой черезъ Константинополь разными своими совѣтами. Встрѣча между добрыми русскими знакомыми всегда радушна, а ужь особенно на чужбинѣ. Осмотрѣвъ въ подробности сады и налюбовавшись съ разныхъ высотъ сада на Босфоръ и окружающіе его ландшафты со стороны азіатскаго берега, мы спустились на одну изъ нижнихъ террасъ, гдѣ на столѣ былъ сервированъ чайный приборъ съ русскимъ самоваромъ во главѣ. За стаканомъ аромат-

наго чая и застольной бесѣдой время пролетѣло быстро — и вотъ вдали уже показался дымокъ, а за нимъ раздался свистокъ нашего парохода, который и остановился въ недалекомъ разстояніи противъ дворца нашего посланника. Немедленно подѣхала пароходная шлюпка, и мы, распростившись съ радушнымъ, милымъ хозяиномъ, перешли на нашъ чудесный пароходъ «Одесса», отходившій немедленно въ Одессу.

Разстояніе отъ Буюкъ-дере до выхода въ Черное море небольшое, и черезъ какія-нибудь $\frac{3}{4}$ часа мы уже проходили босфорскія береговья укрѣпленія и входили въ Черное море. Всѣ пассажиры были на палубѣ, желая насладиться послѣдними картинами Босфора, который постепенно началъ скрываться отъ глазъ, пока наконецъ отъ него осталась едва замѣтная полоса, и, постепенно теряясь на горизонтѣ, совершенно скрылась изъ глазъ, между тѣмъ какъ пароходъ нашъ плавно выступалъ впередъ въ мутныхъ и слабыхъ волнахъ Чернаго моря. Было шесть часовъ вечера и колокольчикъ призывалъ все наше общество къ обѣденному столу. За обѣдомъ шли разговоры о Константинополѣ, обмѣнивались впечатлѣніями и разсказами о всемъ видѣнномъ; а нѣкоторые изъ присутствующихъ, въ особенности подверженные морской болѣзни, начали уже бояться за предстоящую ночь, такъ какъ небо покрывалось свинцовыми тучами, вѣтерокъ немного усиливался и, какъ оказалось, барометръ немного упалъ. Но опасенія были совершенно напрасны: ночь прошла спокойно. На другой день солнце освѣщало необъятное пространство Чернаго моря, подернутаго рябью; легкій попутный вѣтерокъ подгонялъ нашъ пароходъ къ роднымъ берегамъ, и почтеннѣйшій капитанъ успокоивалъ общество обѣщаніемъ благополучнаго плаванія.

Прежде чѣмъ пристать къ родному берегу и сойти съ парохода, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ пароходахъ Русск. Общ. Пароход. и Торговли, на которыхъ я имѣлъ удовольствіе плавать въ настоящее мое путешествіе.

Мнѣ случалось читать и слышать о нареканіяхъ на пароходы Русскаго Общества Пароходства и Торговли: на неопрятное ихъ содержаніе, на разныя неудобства, которыя испытываютъ пассажиры въ отношеніи продовольствія и чистоты и даже на невниманіе и грубость служащихъ на пароходахъ, въ отношеніи пассажировъ 3-го класса вообще и, нашихъ богомольцевъ, отправляющихся въ Палестину, въ особенности.

На дняхъ мнѣ попалась небольшая книжка подъ заглавіемъ: «Книжка Недѣли» за сентябрь 1887 г., разсылаемая подписчикамъ «Недѣли» въ видѣ особаго прибавленія. Въ этой «Книжкѣ Недѣли» помѣщена статья «Изъ Далѣка», подписанная В. Л. Дѣдловымъ. Въ этой статьѣ «изъ Далека» авторъ описываетъ свое путешествіе отъ Бейрута до Одессы «30 апрѣля—13 мая». На страницѣ 414-й г. Дѣдловъ такъ описываетъ свое путешествіе: «Когда путь идетъ Архипелагомъ, между безчисленныхъ острововъ и подводныхъ камней, внимательно слѣдишь за небрежнымъ начальствомъ русскихъ пароходовъ, *не вышло ли оно мшиною*, не заспалось ли оно, не заболталось ли съ пріятелемъ, или, что опаснѣе, съ пріятельницей, и не было ли во-время измѣнить курсъ. А это бываетъ. Когда ѣдешь открытымъ моремъ, когда до ближайшей земли верстъ двѣсти, расположеніе духа отравлено самоварами и кальянами, которые подъ полой таскаютъ въ трюмы; принятіемъ на берегъ грузовъ, спичекъ, керосиновымъ освѣщеніемъ судна. Прибавьте къ этому,

что русскій пароходъ всегда старъ, подъ водой обросъ травой, *надъ водой грязенъ, что его команда, нищенски оплачиваемая, сварлива и всегда въ дурномъ расположеніи духа, что его столъ скверный, что его прислуга, завѣдывающая сомнительнымъ керосиновымъ освѣщеніемъ, любитъ выпить, и вы имѣете нѣкоторые элементы морского томленія».*

Прочитавъ эти строки, я пришелъ въ сильное недоумѣніе: какимъ образомъ пароходы Русскаго Общества, всегда отличающіеся своимъ порядкомъ, чистотою, отличнымъ столомъ, вниманіемъ капитановъ и прислуги, заслужившіе общую похвалу не только отъ насъ русскихъ, но даже отъ иностранцевъ, могли въ такомъ ужасномъ видѣ представиться г-ну Дѣдлову? Въ Каирѣ и Портъ-Саидѣ французы даже совѣтовали намъ лучше прожить лишнихъ два дня въ портѣ и ожидать русскаго парохода, но не пускаться на пароходахъ другихъ иностранныхъ компаній. Далѣе, сообразивъ хорошенько, оказалось, что числа, помѣщенные авторомъ статьи «Изъ Далѣка», въ которыя онъ дѣлалъ свое путешествіе изъ Бейрута до Одессы, т.-е. 30 апрѣля—13 мая—день прибытія въ Одессу, были какъ разъ тѣ же самыя, въ которыя и я совершалъ это путешествіе—на пароходѣ «Одесса», пройдя Бейрутъ 30-го апрѣля и прибывъ въ Одессу 13-го мая. Кромѣ того, выше я упомянулъ, что въ Бейрутѣ къ намъ сѣлъ на пароходъ сотрудникъ газеты «Недѣля». Но я никакъ не могу допустить, чтобы ѣхавшій съ нами на пароходѣ сотрудникъ «Недѣли» могъ написать такую явную, непростительную несправедливость и опозорить какъ капитана, такъ и всѣхъ служащихъ на пароходѣ, назвавъ ихъ *пьяницами и людьми недобросовѣстно относящимися къ исполненію своихъ обязанностей*. Если г. корреспондентъ дѣйстви-

тельно замѣтилъ нѣкоторыя упущенія на пароходѣ, то почему не назвать пароходъ и капитана собственными ихъ именами, за что было бы благодарно Пароходное Общество и публика, такъ какъ при такомъ образѣ дѣйствія всякая неисправность скорѣе можетъ быть устраняема. А бросать изъ-за угла грязью въ честныхъ, исправныхъ тружениковъ мнѣ кажется болѣе чѣмъ несправедливо. Притомъ долженъ сказать, что съ нами на пароходѣ ѣхалъ главный агентъ Общества, Сергѣй Ивановичъ Полушкинъ, какъ полномоченное лицо, и вѣроятно онъ своимъ присутствіемъ не допустилъ бы уже такихъ безобразій, о которыхъ сообщаетъ г. Дѣдловъ въ «Книжкѣ Недѣли».

Прежде чѣмъ сказать свое мнѣніе о пароходахъ этого Общества, на которыхъ я плавалъ въ продолженіе 28 лѣтъ, считаю необходимымъ оговориться, что я ничѣмъ не связанъ съ этимъ Обществомъ: не имѣю и не имѣлъ никогда ни одной акціи и даже не имѣю почти никого знакомыхъ изъ лицъ, составляющихъ настоящую администрацію этого Общества; слѣдовательно мое сужденіе должно быть самое безпристрастное и правдивое.

Въ это путешествіе я плавалъ на пароходахъ: «Корниловъ» и «Одесса». Оба парохода принадлежатъ къ числу пароходовъ старыхъ, несущихъ свою трудную службу уже болѣе 15 лѣтъ, и пароходы эти были уже два раза совершенно передѣланы. Технической стороны этихъ пароходовъ я касаться не буду, такъ какъ я не специалистъ морского дѣла,—скажу только, что пароходы эти не принадлежатъ къ разряду быстрыхъ, а дѣлаютъ отъ 9 до 10 узловъ въ часъ. Каюты пассажировъ 1-го класса весьма удобны—высокія,—что важно для морского путешествія,

такъ какъ онѣ вмѣщаютъ обильное количество воздуха,—просторныя и въ каждой каютѣ по двѣ желѣзныя кровати съ мягкими тюфяками, умывальникъ—и еще остается значительное пространство, чтобы помѣстить небольшіе кофры и мелкія вещи. Бѣлье безукоризненно чистое, перемѣняющееся каждую недѣлю; каютъ-компанія обширная, высокая, съ мягкой мебелью и пьянино. Столъ безукоризненно хорошо приготовленный: утромъ отъ 7 до 9 часовъ—кофе или чай по желанію, съ сухарями и хлѣбомъ; въ 11½ часовъ—завтракъ: закуска и водка, два блюда, десертъ и кофе; обѣдъ въ 6 часовъ, закуска и водка, 5 блюдъ, десертъ и кофе; въ 8 часовъ—вечерній чай. Какъ во время завтрака, такъ и за обѣдомъ, подается бѣлое и красное вино въ неограниченномъ количествѣ.

Во-второмъ классѣ только помѣщеніе менѣе комфортабельное; тамъ въ каютахъ койки расположены одна надъ другою, а въ нѣкоторыхъ большихъ каютахъ и по 4 койки; во всемъ остальномъ нѣтъ никакой разницы между 1-мъ и 2-мъ классами. 3-й классъ помѣщается въ крытомъ помѣщеніи подъ палубой, гдѣ пассажиры защищены отъ непогоды.

Прислуга въ достаточномъ количествѣ, вѣжлива и предупредительна съ публикой; вниманіе гг. капитановъ пароходовъ и ихъ помощниковъ заслуживаетъ глубокой благодарности. Въ эти 23 дня, что мнѣ случилось прожить на пароходахъ, не было ни одного случая, гдѣ выказалось бы хотя малѣйшее невниманіе или недоразумѣніе между служащими на пароходахъ и публикою.

Пассажирамъ 3-го класса, конечно, приходится испытывать много неудобствъ и непріятностей, въ особенности когда грузовъ и пассажировъ въ осеннее

и зимнее время бываетъ много; тѣснота, духота во время бурь, когда люки совсѣмъ затворяются; холодъ и неимѣніе горячей пищи; все это вредно дѣйствуетъ на пассажировъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ гигиеническомъ отношеніи. Во время морскихъ невзгодъ порядкомъ достается не только пассажирамъ 3-го, но и 2-го, и 3-го классовъ. Въ этихъ случаяхъ, пароходное начальство не можетъ оказать никакой помощи. Я не былъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ во время моего путешествія, потому что въ началѣ нашего плаванія, на Страстной недѣлѣ, въ Александрію, на пароходѣ не было никого изъ богомольцевъ, а въ обратный путь изъ Яффы на нашемъ пароходѣ было паломниковъ болѣе 150 человекъ; но во все время плаванія отъ Яффы до Одессы, въ теченіе 14 дней, погода стояла великолѣпная: тихая и теплая, такъ что никакихъ проявленій бѣдственнаго положенія съ пассажирами 3-го класса быть не могло. Во время всего 14-ти-дневнаго перехода отъ Яффы до Одессы я особенно наблюдалъ за пассажирами 3-го класса, желая провѣрить, дѣйствительно ли испытываютъ эти пассажиры какія-либо притѣсненія отъ пароходнаго начальства и всей пароходной прислуги. Я неоднократно разговаривалъ съ паломниками какъ въ самомъ Іерусалимѣ, такъ и во время обратнаго путешествія, спрашивая ихъ о неудобствахъ во время плаванія, и многіе изъ нихъ, говоря о трудностяхъ и лишенияхъ во время морского пути, никогда не изъясняли никакихъ жалобъ на какія бы то ни было притѣсненія или дерзости со стороны пароходной прислуги. Бывали примѣры, что рестораторы пробовали, въ началѣ пути, брать излишнюю плату за кипятокъ и т. п., но при первой же жалобѣ пассажировъ капитаны пароходовъ черезъ своихъ помощниковъ строго слѣ-

дили за недопущеніемъ такихъ злоупотребленій; и это была единственная жалоба, которую заявляли мнѣ богомольцы.

Во время отхода парохода изъ Яффы капитанъ парохода «Одесса» сдѣлалъ строгое распоряженіе, чтобы всѣхъ богомольцевъ 3-го класса помѣстить на отдѣльную палубу и не смѣшивать съ восточными народами, для предупрежденія различныхъ столкновеній. Во время всего пути наши паломники вели себя самымъ приличнымъ образомъ, занимаясь работою, преимущественно вязаніемъ чулокъ; а иногда помѣщеніе это оглашалось и пѣніемъ различныхъ псалмовъ. Такимъ образомъ во время всего пути не было не только никакихъ столкновеній между пассажирами всѣхъ классовъ и пароходнымъ начальствомъ, но даже не было и никакихъ недоразумѣній. Вѣроятно каждый изъ пассажировъ принесетъ искреннюю благодарность гг. капитанамъ пароходовъ «Корниловъ» и «Одесса» — Федору Дмитріевичу Герасимову, Александру Викентьевичу Рыжему и ихъ помощникамъ—за любезное вниманіе и предупредительность ко всѣмъ пассажирамъ.

13-го мая, съ разсвѣтомъ, на горизонтѣ показался одесскій маякъ; погода была восхитительная: прелестное майское утро, тишина въ воздухѣ, море какъ зеркало, и пароходъ нашъ, скользя по зеркальной морской поверхности, входилъ въ одесскую карантинную гавань. Ровно въ 6 часовъ утра пароходъ спустилъ якорь, и всѣ перекрестились, возблагодаривъ Бога за истинно-благополучное плаваніе: быть 14 дней въ морѣ и все это время пользоваться дивною погодою—это что-нибудь да значитъ, и, конечно, у всѣхъ пассажировъ останется самое пріятное воспоминаніе объ этомъ путешествіи.

Поблагодаривъ еще разъ нашего любезнаго капитана Александра Викентьевича Рыжаго и его помощниковъ, мы въ 7 часовъ сошли на берегъ и направились къ таможенному зданію.

Считаю небезполезнымъ сообщить цѣны проѣзда для тѣхъ, кто пожелаетъ совершить путешествіе по тому пути, который я проѣхалъ отъ Одессы черезъ Александрію, Каиръ, Измаилію, Портъ-Саидъ, Яффу до Иерусалима, и обратно — отъ Яффы до Одессы черезъ порты малоазіатскаго берега.

	Фран- ковъ.	Сантис- мовъ.	Рубли.	Коп.
Отъ Одессы до Александріи на пароходѣ 1-го класса, съ продовольствіемъ кредитн.	—	—	113	—
Отъ Александріи до Каира по жел. дорогѣ 1-го класса	18	50 ¹⁾	8	32
Отъ Каира до Измаиліи по жел. дорогѣ 1-го класса	19	—	8	85
Отъ Измаиліи до Портъ-Саида на пароходѣ 1-го класса	21	—	9	45
Отъ Портъ-Саида до Яффы на пароходѣ 1-го класса, съ продовольствіемъ	30	—	13	50
Отъ Яффы до Иерусалима каруца въ три лошади	22	—	9	90
Отъ Иерусалима до Яффы въ каруцѣ	22	—	9	90
Отъ Яффы до Одессы на пароходѣ 1-го класса, съ продовольствіемъ—золотомъ	392	—	176	40
	—	—	349	32

Примѣчаніе. Если кто беретъ билетъ въ Одесской Конторѣ Русскаго Общества Пароходства и Торговли отъ Одессы до Яффы и обратно, то со всей суммы дѣлается уступка 10% и билетъ сохраняетъ свою силу шесть мѣсяцевъ.

1) Франкъ принять стоимостью въ 45 коп.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ГЛАВА I. Отъѣздъ изъ Одессы.—Прибытіе въ Константинополь.—Историческій очеркъ Константинополя и осмотръ нѣкоторыхъ его достопримѣчательностей	1
ГЛАВА II. Отъ Константинополя чрезъ островъ Сира до Александріи	31
ГЛАВА III. Отъ Александріи до Каира. — Осмотръ каирскихъ достопримѣчательностей	48
ГЛАВА IV. Отъ Каира черезъ Измаилію и Портъ-Саидъ до Яффы	73
ГЛАВА V. Отъ Яффы до Иерусалима	85
ГЛАВА VI. Пребываніе въ Иерусалимѣ.—Осмотръ святыхъ мѣстъ въ окрестностяхъ Св. Града	99
ГЛАВА VII. Отъ Иерусалима чрезъ Яффу, Бейрутъ, Триполи, Александретту, Мерсину, Смирну до Константинополя	259

ПОПРАВКИ:

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
1	5 сверху	всего 5 человекъ	всего 6 человекъ
2	6 »	29 марта	30 марта